Т3(2Р-6Мо)я54
М 792

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА,
ЛИТЕРАТУРЫ, ИСТОРИИ И ЭКОНОМИКИ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ
МОРДОВСКОЙ АССР

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ, ЭТНОГРАФИИ И АРХЕОЛОГИИ МОРДОВСКОЙ АССР

(„ТРУДЫ", ВЫПУСК XXX)

МОРДОВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
САРАНСК 1966

Т3(2Р-6Мо)Я54
М792

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА,
ЛИТЕРАТУРЫ, ИСТОРИИ И ЭКОНОМИКИ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ
МОРДОВСКОЙ АССР

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ, ЭТНОГРАФИИ И АРХЕОЛОГИИ МОРДОВСКОЙ АССР

„ТРУДЫ", ВЫПУСК XXX

46216

1977

Библиотека
М.Н.И.И.Я.Л.И.Э.

МОРДОВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
САРАНСК 1966

Печатается по постановлению Ученого совета
Научно-исследовательского института
языка, литературы, истории и экономики
при Совете Министров Мордовской АССР

* * *

Редакционная коллегия:

В. С. ИВАШКИН, И. К. ИНЖЕВАТОВ,
К. А. КОТКОВ, С. О. ЦИРКИН

В редактировании работ по археологии и этнографии
принимал участие П. Д. СТЕПАНОВ

И. Е. Автайкин

ПЕЧАТЬ МОРДОВИИ В ПЕРИОД БОРЬБЫ ЗА ЗАВЕРШЕНИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ПОБЕДУ СОЦИАЛИЗМА В СССР

(1933—1937 гг.)

Трудящиеся Советского Союза под руководством Коммунистической партии досрочно выполнили первый (1928—1932 гг.) пятилетний план. За годы пятилетки советский народ создал собственную техническую базу для социалистической реконструкции всего народного хозяйства.

Создав отечественную тяжелую промышленность, Советский Союз превратился из аграрной страны в индустриальную, укрепил свою экономическую и оборонную мощь. В годы первой пятилетки в стране была осуществлена сплошная коллективизация и ликвидация кулачества как класса[1]. За это время было организовано свыше 200000 коллективных хозяйств с охватом колхозами свыше 60% всех крестьянских хозяйств[2].

К концу первой пятилетки объем промышленной продукции страны по сравнению с 1928 увеличился в два с лишним раза, а по сравнению с довоенным уровнем более чем в три раза[3].

Успехи в развитии всего народного хозяйства страны позволили значительно улучшить материальное положение трудящихся, поднять их культурный уровень. За годы первой пятилетки советский народ навсегда ликвидировал одно из самых тяжелых наследий капитализма — безработицу, добился подъема экономики и культуры в национальных районах страны. Победа колхозного строя освободила бедняцко-середняцкие массы деревни от кулацкой кабалы, создала условия для дальнейшего подъема материального и культурного уровня трудящихся. По всей стране было осуществлено всеобщее обязательное начальное обучение.

В результате огромной помощи Коммунистической партии, бескорыстной поддержки братских народов, и в первую очередь великого русского народа, в Мордовии выполнение первой

[1] КПСС в резолюциях..., ч. 2, стр. 692.
[2] Там же, стр. 721.
[3] Там же, стр. 719.

пятилетки ознаменовалось ростом промышленности, сельского хозяйства и культуры. За годы первой пятилетки на территории Мордовии было построено и введено в эксплуатацию 24 предприятия. Наиболее крупные из них: катонинная фабрика, консервный комбинат, комбикормовый завод, хлебозавод, завод «Дубитель» и Саранская электростанция. В 1932 году в крупной промышленности Мордовии производство продукции по сравнению с 1913 годом увеличилось почти в 3 раза[1].

Вместе с ростом промышленности в годы первой пятилетки шло быстрое увеличение числа промышленных рабочих, технической интеллигенции. В Мордовии с 1928 года по 1932 год количество рабочих увеличилось с 6920 человек до 12650 человек, или на 82,7%[2].

В годы первой пятилетки крестьянство Мордовии в основном объединилось в коллективные хозяйства. Мордовская партийная организация проделала значительную работу по организационно-хозяйственному укреплению колхозов. Так, к началу весеннего сева 1932 года в колхозах Мордовии было создано 2623 производственные бригады[3].

За весь 1932 год через курсовые мероприятия подготовлено 25509 трактористов, бригадиров полеводческих бригад, работников животноводства, счетных работников и председателей колхозов. Из них 3449 женщин. В числе всех обученных на различных курсах в 1932 году лиц мордовской национальности было 7421 человек[4].

В годы первой пятилетки трудящиеся Мордовии одержали крупную победу в области культурного строительства. Третья мордовская партийная конференция в начале 1932 года отметила, что общая грамотность населения Мордовии к концу 1931 года достигла 85,9[5]. Только за первые три года пятилетки грамотность среди мордвы выросла с 18 до 77,7%[6]. Средне-Волжское краевое совещание нацменьшинств в январе 1932 года в своей резолюции подчеркнуло, что полностью «осуществлено историческое решение XVI съезда партии и постановление правительства о введении всеобщего обязательного обучения среди всех национальностей Средне-Волжского края»[7].

Выполнив задачи первой пятилетки, Советский Союз вступил в новый этап своего развития, в этап завершения социалистической реконструкции народного хозяйства. В целях успешного осуществления этой всемирно-исторической задачи XVII

[1] Архив Статуправления МАССР, д. «Соцпромышленность» за 1913, 1927/28, 1939 годы, лл. 7—12.
[2] «Советская Мордовия». Статистико-экономический очерк. Мордгиз. Саранск, 1940 г. стр. 31.
[3] Очерки истории МАССР, т. 2, стр. 199.
[4] Очерки истории МАССР, т. 2, стр. 200.
[5] Партархив Мордовского ОК КПСС, ф. 269/8, арх. № 40, св. 5, л. 20.
[6] Там же, л. 30.
[7] ЦГА МАССР, ф. 238, оп. 4, арх. № 188, л. 76.

Всесоюзная партийная конференция в январе 1932 года приняла директивы к составлению второго пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР.

Второй пятилетний план развития народного хозяйства страны ставил своей основной политической задачей окончательную ликвидацию капиталистических элементов, полное уничтожение причин, порождающих эксплуатацию человека человеком, преодоление пережитков капитализма в сознании людей и превращение населения страны в активных строителей социалистического общества.

В области хозяйственной политики главной задачей вторая пятилетка ставила завершение реконструкции всего народного хозяйства и на основе этого создание в стране высокоразвитых производительных сил. Новый пятилетний план обеспечивал более быстрый подъем благосостояния трудящихся масс, а так же значительный рост культурного уровня тружеников города и деревни.

XVII партийная конференция предложила партийным, советским, хозяйственным и комсомольским организациям развернуть работу по составлению второго пятилетнего плана с тем, чтобы внести его на утверждение очередного съезда партии[1].

Выполняя директивы XVII партийной конференции, Мордовская партийная организация совместно с местными Советами, коллективами предприятий и колхозов, работниками культурных учреждений в декабре 1932 года разработала второй пятилетний план развития народного хозяйства области. Вторая пятилетка предусматривала дальнейшее развитие индустрии Мордовии, которая создавала необходимую материальную основу для ликвидации экономической и культурной отсталости и создания рабочих кадров из мордовской национальности[2]. На развитие крупной промышленности Мордовии в годы новой пятилетки было вложено 108,8 млн. рублей, вместо 18,8 млн. рублей в первую пятилетку[3].

В развитии сельского хозяйства Мордовии во вторую пятилетку ставилась задача завершения коллективизации и ликвидации кулачества как класса, дальнейшего организационно-хозяйственного укрепления колхозов и проведения технической реконструкции сельскохозяйственного производства. Пятилетка предусматривала резкий подъем материального и культурного уровня трудящихся области.

В период борьбы за завершение социалистической реконструкции народного хозяйства и победы социализма в СССР еще более возрастала роль партийно-советской печати, как центральной, так и местной.

[1] КПСС в резолюциях..., ч. 3, стр. 156.
[2] Газета «Красная Мордовия» от 12 января 1933 года.
[3] Записки МНИИЯЛИЭ, № 19, Саранск, 1958, стр. 105.

Вступая в первый год второй пятилетки, периодическая печать Мордовии проводила широкую пропагандистскую и разъяснительную работу среди трудящихся области. Газеты из номера в номер рассказывали труженикам мордовских и русских деревень о решениях XVII партконференции, январского (1933 г.) объединенного Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б).

Определяя задачи первого года второй пятилетки, объединенный Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) обратил внимание партийных организаций и всех трудящихся на улучшение качества выпускаемой продукции, рост производительности труда в промышленности и сельском хозяйстве. Пленум потребовал от партийных, хозяйственных, профсоюзных и комсомольских организаций усиления работы по улучшению организации труда на всех предприятиях, в учреждениях, колхозах и совхозах, указал на необходимость подъема социалистической дисциплины, рост соревнования и ударничества. Все это требовало от партийных органов сосредоточения своего внимания на систематической проверке исполнения принимаемых решений, на тщательном подборе и расстановке кадров[1].

Опираясь на решения объединенного январского Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) и решения Мордовской партийной организации, газеты Мордовии на первый план выдвигали вопросы борьбы за овладение техникой, освоение новых промышленных предприятий, систематическое повышение производительности труда и снижение себестоимости выпускаемой продукции. Газеты «Красная Мордовия», «Мокшень правда», «Эрзянь коммуна» в своих материалах особо подчеркивали важность, в условиях Мордовии, воспитания кадров промышленных рабочих и инженерно-технических работников.

Привлекая внимание рабочих к достижениям передовиков промышленности и сельского хозяйства, газеты печатали материалы о работе ударников. В статье «Займём первое место» газета «Мокшень правда» рассказывала о первом съезде ударников промышленности Темниковского района. Под этим же заголовком было напечатано обращение съезда ко всем рабочим Мордовии с призывом последовать примеру темниковцев в борьбе за освоение техники и своевременное выполнение государственных планов по увеличению производительности труда и снижению себестоимости выпускаемой продукции.

«Рабочие Кондровской бумажной фабрики,— говорится в обращении съезда ударников Темниковского района,— выполняя решения январского Пленума (1933 г.) ЦК, ЦКК ВКП(б), используя новые, социалистические методы труда, добились значительных результатов.

Промфинплан третьего квартала 1933 года выполнили на 104%, сократили брак до 3%, снизили себестоимость продукции

[1] КПСС в резолюциях..., ч. 3, стр. 187.

на 14%. На фабрике работает 100 ударников, которые выполняют и перевыполняют нормы выработки, не делают прогулов»[1].

Рассказывая о передовом опыте Кондровской бумажной фабрики, газета «Мокшень правда» призывала рабочих предприятий вести борьбу за высокие производственные показатели, за укрепление трудовой дисциплины.

Наряду с пропагандой передового опыта «Мокшень правда» резко критиковала отстающие предприятия. В номере от 23 октября 1933 года поместила критическую статью о производственной деятельности Темниковского чугуно-литейного и спирто-порошкового заводов. В статье указывалось на то, что в этих предприятиях была низка трудовая дисциплина, допускался большой брак, не выполнялся производственный план[2].

Критикуя работу отстающих предприятий, газеты Мордовии указывали, что серьезной причиной в срыве выполнения производственных планов в ряде предприятий было ослабление трудовой дисциплины, наличие прогулов, слабое знание техники и плохое обращение с ней. Поэтому борьба с этим злом становилась первостепенной задачей всей советской общественности.

В этой борьбе областная печать выступала в первых рядах. Совместно с бригадами РКИ она организовывала смотры и рейды по проверке состояния трудовой дисциплины на предприятиях. Материалы таких проверок широко публиковались на страницах областной и районной печати Мордовии.

Мордовская областная партийная организация придавала исключительно важное значение развертыванию соцсоревнования на предприятиях, в совхозах, колхозах и промысловых артелях области. Газеты давали широкую гласность ходу соревнования, уделяли ему повседневное внимание, систематически публиковали социалистические обязательства коллективов, информации и рапорты о их выполнении.

Со страниц областной печати труженики городов и сел Мордовии узнавали о формах и методах социалистического соревнования, об обязательствах предприятий и хозяйств, о людях, кто своим героическим трудом завоевывал первенство, показывал пример коммунистического отношения к труду.

В статье «Ударники Катонинстроя» газета «Мокшень правда» рассказала о дружной работе коллектива Катонинстроя, стремящегося в срок пустить в эксплуатацию все участки фабрики. Газета показала ударную работу бригады штукатуров и каменщиков, выполняющих производственные планы на 116 и более процентов[3].

Особенно хорошие успехи показала 1-я комсомольская бригада монтажников, систематически выполнявшая сменные задания

[1] Газета «Мокшень правда» от 23 октября 1933 года.
[2] Там же.
[3] Там же, от 19 ноября 1933 года.

на 151%. Слаженно работали вторая и третья бригады, которые плановые задания выполнили на 130 и более процентов[1].

Комсомольская бригада монтажников на 15 дней раньше срока закончила монтаж чесальных машин. Она собрала ряд рационализаторских предложений, которые способствовали подъему производительности труда и снижению себестоимости строительных и монтажных работ. Так, внедрение транспортера опилок, предложенного комсомольцами, в год дало экономии почти 10 000 рублей[2].

Публикуя сообщения о ходе выполнения социалистических обязательств на предприятиях, газеты Мордовии информировали своих читателей о положении дел в том или ином производственном коллективе. Печать заостряла внимание партийных, профсоюзных и комсомольских организаций, местных Советов, а также руководителей предприятий на недостатки, мешающие выполнить производственную программу.

На страницах областных газет отмечался широкий охват трудящихся Мордовии социалистическим соревнованием. Показывалась руководящая роль в этом важном всенародном деле партийных организаций фабрик, заводов, совхозов и колхозов.

Газеты способствовали развертыванию ударничества на всех предприятиях Мордовии. Они давали информационный и консультативный материал по вопросам организации труда, повышения производственной квалификации, овладения техникой своего производства. «Правильная организация соцсоревнования,— отмечала газета «Красная Мордовия»,— обеспечила выполнение норм выработок на Саранском консервстрое на 153%»[3]. Больше половины рабочих этой стройки стали ударниками.

Число ударников росло и на железнодорожном транспорте. Особенно больших успехов добились железнодорожники станции Саранск. Газета «Красная Мордовия» сообщала, что коллектив станции в мае 1934 года был занесен на Всесоюзную Красную доску почета и с этого времени станция систематически перевыполняла план перевозки грузов[4].

Показывая трудовые успехи рабочего класса, областные газеты призывали тружеников социалистических полей следовать примеру рабочих фабрик и заводов в борьбе за успешное выполнение задач первого года второй пятилетки, поставленных январским (1933 г.) объединенным Пленумом ЦК и ЦКК ВКП(б).

Решения январского объединенного Пленума сыграли важнейшую роль в укреплении колхозного строительства. Пленум указал, что новая пятилетка должна быть пятилеткой организационного и хозяйственного укрепления колхозов и совхозов, дальнейшего подъема сельского хозяйства и завершения его социалистического переустройства. «Главнейшим рычагом переустройства сельского хозяйства на социалистический лад и непрерывного усиления советского влияния на колхозников,— говорится в резолюции объединенного Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б),— являются машинно-тракторные станции и совхозы, как крупнейшие фабрики социалистического земледелия»[1].

[1] Газета «Мокшень правда» от 25 октября 1933 года.
[2] Газета «Мокшень правда» от 25 октября 1933 года.
[3] Газета «Красная Мордовия» от 20 августа 1934 года.
[4] Газета «Красная Мордовия» от 17 января 1935 года.

В целях не только экономического влияния государства (через МТС) на организационно-хозяйственное укрепление колхозов, но и в целях усиления политической работы среди колхозников январский (1933 г.) Пленум ЦК ВКП(б) постановил создать во всех МТС и совхозах политотделы.

Мордовская партийная организация проделала в этом направлении большую работу. В 1933 году было сформировано 8 политотделов в МТС и 6 политотделов в совхозах[2]. В остальных машинно-тракторных станциях и совхозах области политотделы были организованы в 1934 году[3].

Областная печать под руководством партийной организации оказывала систематическую помощь сформированным политотделам в развертывании политико-массовой и воспитательной работы на селе.

Характеризуя первый опыт работы политотделов, печать Мордовии указывала, что они становятся влиятельной политической и организующей силой в машинно-тракторных станциях, в колхозах и совхозах. Газеты «Красная Мордовия», «Эрзянь коммуна», «Мокшень правда» печатали статьи о повседневной работе политотделов среди широких масс тружеников села.

«Политотделы,— писала в одном из номеров газета «Красная Мордовия»,— это подлинные центры сплочения лучших, передовых элементов колхозной деревни»[4].

В статье «Политотдел ведет нас к победам» один из председателей колхозов бывшего Саранского района писал: «Большую, очень большую помощь оказал колхозу политотдел МТС. Вокруг работников политотдела сплотился крепкий колхозный актив, который помогал правлению разоблачать рвачей и лодырей»[5]. Далее в статье рассказывалось о том, что центр политико-массовой работы был перенесен с помощью политотделов в бригады. В результате всех проведенных мероприятий при активной поддержке политотдела колхоз первым в районе закончил весенний сев с хорошим качеством[6].

[1] КПСС в резолюциях..., ч. 3, стр. 189.
[2] Партархив Мордовского ОК КПСС, ф. 269, оп. 1, ед. хр. 330, л. 105.
[3] Там же.
[4] Газета «Красная Мордовия» от 20 июня 1933 года.
[5] Газета «Красная Мордовия» от 5 августа 1933 года.
[6] Газета «Красная Мордовия» от 5 августа 1933 года.

Колхозное крестьянство Мордовии, видя энергичную и оперативную деятельность политотделов по оказанию помощи колхозам в укреплении трудовой дисциплины, воспитании кадров механизаторов, полеводов, животноводов и других организаторов колхозного производства, выражало благодарность Центральному Комитету партии за создание боевых политических органов на селе. Трудящиеся 29 колхозов зоны Саранской МТС в рапорте ЦК ВКП(б), редакции газеты «Правда» писали: «Шлем благодарность Центральному Комитету партии за ту помощь, которую оказал колхозам, создав политотделы при МТС»[1].

Весенний сев первого года второй пятилетки был первым экзаменом организаторско-хозяйственной и воспитательной деятельности политотделов МТС и совхозов. Именно в этот период областная печать разносторонне освещала деятельность политических отделов по подготовке к весеннему севу, расстановке партийных сил на самых важных участках весенне-полевых работ. Газеты печатали многочисленные материалы о ходе весенне-посевной кампании в колхозах и совхозах области, публиковали оперативные сводки и корреспонденции о проведении сева, организовывали переклички отдельных колхозов и районов.

Организаторская и воспитательная работа всей областной партийной организации, политотделов МТС и совхозов с помощью широкой сети областных и районных газет и пропагандистских кадров помогла труженикам Мордовии завершить весенний сев к 25 мая 1933 года, или на тридцать дней раньше по сравнению с предыдущим годом[2].

Председатель колхоза имени Ворошилова бывшего Саранского района в своем выступлении на производственном совещании колхоза говорил: «Под руководством районных организаций, политотдела МТС, с помощью газеты «Красная Мордовия» мы неплохо провели весенний сев, имеем в результате хорошие виды на урожай»[3].

Большую роль в развертывании работы политотделов сыграли политотдельские газеты, которые с первых дней своей организации начали по-боевому проводить мероприятия по политическому воспитанию трудового крестьянства, рабочих МТС и совхозов, прививать любовь к социалистической и артельной собственности. Они приобщали к участию в печати широкие массы колхозников, оказывали непосредственное влияние на оживление работы стенных газет, боевых листков и т. д.

В Мордовии в 1934 году издавалось 40 политотделовских газет. Из них 30 газет политотделов МТС и 10—политотделов совхозов[1]. Это были самые массовые, оперативные и боевые органы печати того периода.

[1] Газета «Мокшень правда» от 16 августа 1933 года.
[2] Газета «Красная Мордовия» от 8 июня 1933 года.
[3] Газета «Красная Мордовия» от 18 июля 1933 года.

С первых дней организации газет политотделов МТС и совхозов крайком ВКП(б) обращал особое внимание Мордовского обкома партии и райкомов ВКП(б) на подбор и подготовку работников политотделовских газет и на создание полиграфической базы.

Секретариат Средне-Волжского крайкома ВКП(б) 8 сентября 1933 года[2], подводя первые итоги работы политотделовской печати края, в том числе и Мордовии, отметил, что она вникала во все вопросы хозяйственной и политической жизни обслуживаемых колхозов. Политотдельские газеты знали положение дел в бригадах МТС и колхозов. Часто выпускали «Молнии» и «Штурмовки», посвященные трудовым победам в соревновании колхозов и бригад за лучшие производственные показатели.

Газеты политотделов МТС и совхозов полным голосом выступали против тех, кто тормозил укреплению колхозов, повышению трудовой дисциплины, поднятию производительности труда. Они беспощадно бичевали лодырей, рвачей, всех тех, кто покушался на колхозное имущество. И, наоборот, хорошо отзывались о тех, кто своим трудом славил колхоз, бригаду или звено. Каждый успех без промедления распространяли среди всех трудящихся.

За короткий период своей деятельности многие политотдельские газеты сумели завоевать авторитет среди колхозников и колхозниц, работников совхозов, вовлечь в работу низовой печати большое количество активных корреспондентов. Газеты помогали партийным ячейкам и руководителям колхозов и совхозов успешно справляться со многими хозяйственно-политическими задачами[3].

В Мордовии умело строила свою работу политотдельская газета «Голос ударника», орган политотдела Саранской МТС. Она своевременно подхватывала почин социалистического соревнования в отстающих колхозах, создавала селькоровские посты, которые вскрывали все недостатки работы колхозов и сигнализировали о них в редакцию. Газета систематически проверяла выполнение взятых социалистических обязательств бригадами и колхозами. Материалы проверки всегда опубликовывались на её страницах.

Колхоз «Новый мир» Саранского района долгое время считался отстающим. Газета «Голос ударника» провела в нем большую организационно-массовую работу. Она на месте

[1] Средне-Волжский социально-экономический справочник. Москва — Самара. 1934, стр. 62.
[2] ПАКО, ф. 1141, оп. 38, арх. № 96, л. 119. Партархив Мордовского ОК КПСС, ф. 269/8, арх. № 256, св. 34, л. 28.
[3] Партархив Мордовского ОК КПСС, д. 269/8, оп. 1, арх. № 256, св. 34, л. 128.

изучила формы организации труда, учета и контроля, помогла укрепить трудовую дисциплину, расставить коммунистов на самые важные участки колхозного производства. Колхозники вызвали на соревнование лучший колхоз по зоне Саранской МТС — колхоз имени Ворошилова. Редакция газеты «Голос ударника» неослабно следила за деятельностью соревнующихся колхозов, систематически печатала на страницах газеты результаты соревнования. Это помогло вывести колхоз «Новый мир» из числа отстающих.

«В результате того, что газета «Голос ударника» не рывками проводила свою работу, а каждое начатое дело доводила до конца,— говорил редактор газеты тов. Шевелев на краевом совещании работников политотдельской печати 5 сентября 1933 года,— она добилась неплохих результатов в своей работе»[1].

Газета проводила рейды и смотры. Так, с 18 по 20 марта 1934 года она проводила рейд проверки готовности колхозов к весеннему севу и вскрыла серьезные недостатки в культурно-бытовом обслуживании трактористов тракторных бригад. Дирекция Саранской МТС, познакомившись с материалами рейда, приняла соответствующие меры по устранению отмеченных газетой недостатков.

Со страниц «Голоса ударника» читатель мог узнать и о жизни трудящихся Советской страны, о строительстве новых фабрик и заводов, о победах тружеников полей ряда районов не только Мордовии, но и страны. Газета информировала о событиях, происходящих за рубежом, стремилась дать ответ на все вопросы, которыми интересовалось трудовое крестьянство.

Положительно строила свою работу газета «Организатор» — орган политотдела Дубенской МТС. На её страницах обращалось главное внимание коммунистов, комсомольцев и всех тружеников деревни на организационно-хозяйственное укрепление колхозов, на поднятие урожайности колхозных полей и продуктивности общественного скота. Эта газета издавалась 6 раз в месяц тиражом 700 экз. Она доходчиво разъясняла политику Коммунистической партии и Советского правительства трудящимся зоны своей МТС. Своевременно откликалась на важнейшие события внутри страны и за рубежом.

Опыт работы этой газеты нередко отмечался в обзорах областной печати. «Эрзянь коммуна» в номере от 29 апреля 1934 года писала, что газета «Организатор» широко поддерживается трудящимися зоны Дубенской МТС[2].

Дубенский РК ВКП(б) и политотдел Дубенской МТС систематически руководили деятельностью газеты. Однако не все политотдельские газеты так остро ставили и решали вопросы жизни МТС, колхозов и совхозов. В деятельности некоторых

[1] Газета «Красная Мордовия» от 15 сентября 1933 года.
[2] Газета «Эрзянь коммуна» от 29 апреля 1934 г.

политотдельских газет имели место серьезные упущения и недостатки.

Слабо вела борьбу за высокий урожай политотдельская газета Кочкуровской МТС «Урожаень кис» («За урожай»). Она не сумела организовать селькоровский актив, работала без особой инициативы, как говорят, без огонька, проходила мимо недопустимых фактов, тормозящих своевременное и качественное проведение сельскохозяйственных кампаний, никаких мер не принимала по письмам и сигналам, поступающим в редакцию.

Обком ВКП(б) совместно с редакциями областных газет в начале июня 1933 года провел расширенное совещание редакторов районных и политотдельских газет с целью поднятия организаторской деятельности низовой печати, оказания практической помощи газетам политотделов МТС и совхозов[1].

Редакторы районных и политотдельских газет на совещании обменялись опытом работы, широко обсудили задачи низовой печати. Редактор Ардатовской районной газеты Иван Иванович Прокин рассказал о связях районной газеты с селькорами, о критике работы отдельных коммунистов из колхоза «Якстере эрзя» («Красная эрзя»), мало участвовавших в колхозном производстве. Тов. Полунин из Ст.-Шайговского района поделился опытом массово-разъяснительной работы районной газеты среди единоличников. Редактор Дубенской районной газеты тов. Радаев вскрыл недостатки в деятельности редакции районной газеты по обучению и воспитанию селькоров, а также слабой помощи стенным газетам в районе. «В Дубенском районе,— говорил тов. Радаев,— учтено 175 стенных газет, а систематически выходят лишь 75»[2].

О первых трудностях политотделовских газет рассказал редактор газеты политотдела Ардатовской МТС тов. Бажанов. Он в своем выступлении отметил те большие трудности, с которыми встречалась редакция газеты при создании первых номеров газеты. В своем выступлении Бажанов выразил надежду получить помощь со стороны областных газет и районных типографий. Совещание работников низовой печати рекомендовало редакциям областных и районных газет оказывать всемерную помощь в работе политотделовской печати, в укреплении их материальной базы, в подборе кадров газетных работников, в создании актива сельских корреспондентов из числа руководителей колхозов, бригадиров, активных тружеников колхозных полей и ферм. Выполняя предложения и рекомендации совещания редакторов районных и политотдельских газет, областная печать в своих обзорах стала уделять больше места деятельности печатных органов политотделов. Она учила их

[1] Газета «Эрзянь коммуна» от 8 июня 1933 года.
[2] Там же.

сосредоточивать основное внимание на главных вопросах, решаемых МТС и колхозами.

Областные газеты давали рекомендации политотделовским газетам, как лучше организовать и провести ту или иную хозяйственно-политическую кампанию, как вести работу с письмами трудящихся и т. д.

Огромную помощь и поддержку в своей работе политотдельские газеты страны, в том числе и Мордовии, получали со стороны Центрального органа ЦК ВКП(б) — газеты «Правда». «Правда» на своих страницах систематически печатала обзоры политотдельских газет, в которых вскрывала и по-большевистски критиковала ошибки и недостатки в их деятельности.

В связи с тем, что политотделы выполнили свою задачу, в 1934 году Пленум ЦК ВКП(б) постановил: «Преобразовать политотделы МТС в обычные партийные органы, для чего слить политотделы с существующими районными комитетами партии»[1].

Пленум ЦК партии особым пунктом указал: «Превратить газеты политотделов МТС во вновь организуемых районах в органы райкомов, а в существующих районах в зависимости от состояния районных газет либо слить с существующими районными газетами, либо допустить оставление газет, как органов наиболее мощных МТС»[2].

На основании постановления ЦК ВКП(б) политотдельские газеты в Мордовии были объединены с районными газетами, а во вновь созданных районах: Козловском, Березниковском, Кадошкинском, Рыбкинском — стали органами районных комитетов партии и исполкомов районных Советов[3].

Важным событием в жизни колхозного крестьянства Мордовии был областной съезд колхозников-ударников, который проходил в начале июня 1933 года. Работа съезда нашла широкое освещение на страницах «Мокшень правды», «Эрзянь коммуны», «Красной Мордовии». Газеты много места отводили выступлениям делегатов. Один делегат съезда из колхоза имени Буденного Старошайговского района в своем выступлении, опубликованном в газете, сказал: «Мы идем по пути получения высоких урожаев. В этом году боремся за получение 11 центнеров зерновых с каждого гектара»[4].

В своем письме Центральному Комитету Коммунистической партии, опубликованном во всех газетах области, делегаты съезда колхозников-ударников писали: «Ленинская Коммунистическая партия, её Центральный Комитет ярким факелом осветили нам путь к новой жизни... Новая колхозная Мордовия

[1] Борьба партии за завершение социалистической реконструкции..., стр. 370.
[2] Там же, стр. 371.
[3] Партархив Мордовского ОК КПСС, ф. 269/8, арх. № 338, л. 11.
[4] Газета «Мокшень правда» от 10 июня 1933 года.

рука об руку с русским колхозником, с колхозной Татарией и передовыми районами Средней Волги выходит в передовые шеренги строителей социалистической деревни»[1].

Подлинными организаторами социалистического соревнования в деревне были сельские коммунисты. Областная печать широко показывала работу партийных ячеек и отдельных коммунистов по руководству соревнованием. Газеты помещали разнообразный материал об участии коммунистов и комсомольцев в производственной жизни колхозов. Опираясь на постановление ЦК ВКП(б) от 15 июня 1933 года «О работе политотделов МТС, о колхозной ячейке и о взаимоотношениях политотделов и райкомов», газеты Мордовии решительно выступали за передвижение партийных сил из канцелярий и учреждений в колхозы, бригады, в производство.

Газета «Красная Мордовия» под общим заголовком «Реализация постановления ЦК ВКП(б) о перестройке партячеек — путь борьбы за большевистские колхозы» отвела целую полосу итогам реорганизации сельских партячеек в Инсарском районе, вскрыла недостатки в работе Ромодановского и Ковылкинского РК ВКП(б) по перестройке деятельности партийных ячеек.

В статье «Победа конкретного боевого руководства» газета писала, что организация партийных ячеек по производственному принципу дала положительные результаты, которых не было в территориальных ячейках.

Секретарь обкома партии тов. Уморин в своем докладе на Саранском общегородском партийном собрании 2 сентября 1933 года заявил, что только за последние 2—3 месяца непосредственно в колхозы области было направлено 500 коммунистов. В связи с перестройкой партийных организаций колхозных партийных ячеек вместо 300 будет 600[2].

Колхозные производственные ячейки конкретнее руководили организационно-хозяйственными вопросами, больше интересовались жизнью колхозников, всегда были в гуще трудового народа. Они свои партийные силы расставляли там, где нужно было большее влияние коммунистов, на более важных участках колхозного производства. Организация производственных партийных ячеек сказалась на расширении сети партийных организаций в деревне. Если в зоне Инсарской МТС до реорганизации было только 8 территориальных ячеек и 3 кандидатские группы, то после стало 11 колхозных производственных ячеек и 9 кандидатских групп[3].

Ардатовский РК ВКП(б) на объединенном заседании райкома и политотдела МТС, обсудив постановление ЦК ВКП(б)

[1] Газета «Красная Мордовия от 8 июня 1933 года.
[2] Газета «Красная Мордовия» от 8 сентября 1933 года.
[3] Газета «Красная Мордовия» от 20 июля 1933 года.

от 15 июня 1933 года, организовал 12 производственных колхозных ячеек, 16 производственных групп. Здесь же утвердил 13 парторгов по созданию партийно-комсомольских групп. Бюро РК ВКП(б) обязало производственные ячейки «сосредоточить свое внимание на вопросах производственной жизни колхоза»[1].

Областная печать большое внимание уделяла колхозным производственным ячейкам.

Газета «Красная Мордовия» пропагандировала среди всех своих читателей ленинское требование к партии и ее членам. В статье «Серьезное требование» газета выступила против политической неграмотности отдельных коммунистов. «Политически неграмотные коммунисты,— писала «Красная Мордовия»,— не могут действительно по-большевистски вести массы рабочих, колхозников от победы к победе»[2].

Областная партийная организация принимала меры по улучшению организации политического просвещения коммунистов и комсомольцев. 17 сентября 1933 года бюро обкома партии приняло специальное постановление «О развертывании сети партийного просвещения на 1933/1934 учебный год». В нем говорилось: «Марксистско-ленинскую учебу считать первоочередной партийной обязанностью каждого коммуниста»[3]. Бюро обкома партии обязало райкомы ВКП(б), партийные ячейки и органы печати держать под неослабным наблюдением политическую учебу коммунистов.

Областные газеты на своих страницах опубликовали постановление бюро обкома партии и широко разъясняли его содержание среди коммунистов, комсомольцев. В статье «Бороться за качество партучебы» газета «Мокшень правда» обратила внимание всех партийных организаций и пропагандистов на то, чтобы поднять уровень партийной учебы коммунистов[4]. Статья рекомендовала пропагандистам тщательно готовиться к занятиям, давала практические советы об организации бесед и консультаций.

Газета «Эрзянь коммуна», обращаясь к членам и кандидатам партии, писала: «Каждому коммунисту надо хорошо знать марксистско-ленинскую теорию»[5]. В целях оказания помощи пропагандистам газеты Мордовии активизировали деятельность «уголка пропагандиста». В нем систематически печатались теоретические статьи, сообщения с мест об организации партийной учебы.

Значительную помощь в организации и проведении политического просвещения комсомольцев и молодежи области оказали газеты «Ленинэнь кияѓа» («По ленинскому пути») и «Комсомолонь вайгяль» («Голос комсомола») — органы Мордовского обкома ВЛКСМ. На их страницах освещалась работа комсомольских кружков политпросвещения, рассказывалось об опыте комсомольцев-пропагандистов. Для агитаторов и пропагандистов-комсомольцев они печатали материалы, необходимые при подготовке к занятиям в кружках и беседам с трудящимися[1].

При подготовке к занятиям в системе партийного просвещения пропагандисты и руководители кружков нередко обращались к областным журналам «Сятко» и «Колхозонь эряф». На их страницах печатались общественно-политические статьи, очерки и рассказы. Журналы в яркой, художественной форме рассказывали о важнейших событиях городской и сельской жизни[2].

Газеты Мордовии в своих очерках и статьях рассказывали о замечательных делах героев труда, организаторов промышленного и колхозного производства, бесстрашных борцов за великое дело ленинской партии.

Газета «Красная Мордовия» в номере от 22 ноября 1933 года писала о работе члена партии Алтабаева Павла Логиновича, выходца из крестьянской семьи мордовской деревни Шмыдовка Зубово-Полянского района. Павел Логинович Алтабаев активно боролся за укрепление Советской власти в родном селе, возглавлял комитет бедноты в 1918 г. Одним из первых в 1918 году вступил в Коммунистическую партию. В 1922 году на выборах был избран председателем сельского Совета. На этой работе Павел Логинович показал себя умелым организатором, способным руководителем, защитником интересов трудового народа. Он полностью отдавал себя советской работе. Своим примером честного отношения к работе Алтабаев зажигал инициативу не только членов сельского Совета, но и всех трудящихся своего села на активное участие в социалистическом строительстве.

В Лопатинском сельсовете, где был председателем Павел Логинович Алтабаев, за годы первой пятилетки построили 6 школ-семилеток. Учебой охватили всех детей школьного возраста. Колхозы сельсовета и индивидуальный сектор в срок выполняли свои обязательства перед государством по всем видам поставок. На колхозных полях стали получать высокие урожаи; значительно увеличился доход колхозников[3].

46216

---

[1] Газета «Красная Мордовия» от 9 августа 1933 года.
[2] Газета «Красная Мордовия» от 9 августа 1933 года.
[3] Газета «Красная Мордовия» от 23 сентября 1933 года.
[4] Газета «Мокшень правда» от 21 ноября 1933 года.
[5] Газета «Эрзянь коммуна» от 16 января 1933 года.

[1] См. Газета «Ленинэнь кияѓа» от 21 сентября 1933, 23 сентября 1933, 12 октября 1934 г., 14 октября 1933 г.
[2] См. журналы «Сятко», № 4, февраль 1933, 1—2, 5 марта 1933, стр. 1—2 и 15 ноября 1934 г., стр. 1—4, и «Колхозонь эряф», № 10, 1933 г., стр. 8—9. № 9—10, 1934 г.
[3] Газета «Красная Мордовия» от 22 ноября 1933 года.

БИБЛИОТЕКА

Таких, как Павел Логинович Алтабаев, тружеников, умелых организаторов, стойких борцов за социализм в Мордовской партийной организации было немало. О них писали на своих страницах областные газеты и журналы.

Газеты Мордовии рассказывали, что под руководством партийной организации мордовский народ первый год второй пятилетки, по сравнению с прежними годами, завершил с лучшими результатами. Были достигнуты успехи как в области промышленности, сельского хозяйства, так и в области культурного строительства.

В конце 1933 года в районах Мордовии прошли партийные конференции, на которых коммунисты рассматривали итоги подъема хозяйственного и культурного уровня мордовской деревни, критиковали имеющиеся недостатки.

Областная печать вместе со всей партийной организацией области включилась в работу по достойной встрече XVII съезда ВКП(б). Все газеты Мордовии опубликовали тезисы докладов на предстоящем съезде партии, призвали коммунистов и всех трудящихся изучить эти партийные документы. «Красная Мордовия», «Мокшень правда», «Эрзянь коммуна» в отделе «Партийная жизнь» печатали разнообразный материал о ходе обсуждения тезисов на местах, делали сообщения о развертывании социалистического соревнования на предприятиях, в колхозах и совхозах. Областная печать выступила инициатором организации производственного похода и областной «Красной доски» в честь XVII съезда партии. В период подготовки к съезду в газеты усилился поток писем рабселькоров, в которых писалось о трудовой и политической активности трудящихся Мордовии. Селькоры «Эрзянь коммуны» сообщали, что на катонинной фабрике, обсуждая тезисы XVII съезду партии, рабочие и служащие обязались раньше срока пустить в эксплуатацию вторую очередь и давать продукцию только высокого качества. Повышенные обязательства в честь съезда взяли рабочие и служащие Саранской махорочной фабрики, работники связи города Саранска, колхозники Кочкуровского, Дубенского, Ст.-Шайговского и других районов области[1].

7 января 1934 года в Саранске проходила IV областная партийная конференция, на которой были подведены итоги работы всей области за 1933 год. Конференция обсудила деятельность партийных организаций по подготовке к предстоящему XVII съезду партии и наметила дальнейшие рубежи в развитии промышленности, сельского хозяйства и культуры Мордовии.

Газеты области подробно информировали население о работе областной партийной конференции. Печать области призывала рабочих предприятий и тружеников колхозных полей шире

[1] Газета «Эрзянь коммуна» от 10 января 1934 г.

развернуть социалистическое соревнование за высокие производственные показатели в честь очередного партийного съезда.

В день открытия XVII съезда партии газеты Мордовии под общим заголовком «Большие поздравления от трудящихся Мордовии XVII съезду партии» напечатали статьи и корреспонденции о трудовых победах рабочих и колхозников области за первый год второй пятилетки.

В последующих номерах областные газеты информировали своих читателей о ходе работы съезда. Полностью опубликовали отчетный доклад ЦК ВКП(б) съезду партии и развернули на своих страницах широкое обсуждение материалов и решений партийного съезда среди трудящихся Мордовии.

«Мокшень правда» в номере от 3 апреля 1934 года под заголовком «Решения XVII партсъезда — в массы» рассказывала, что во многих районах области по-деловому отнеслись к изучению материалов XVII съезда партии. Например, в Старошайговском районе все коммунисты и комсомольцы систематически собирались на кустовые семинары. В районе проводились общие собрания граждан, на которых обсуждение решений съезда умело связывали с производственной деятельностью. Труженики сел Мельцаны, Колопино, Шувары хорошо провели зимовку скота, своевременно подготовились к весенне-посевной кампании, на 100% выполнили финплан[1].

Однако не во всех районах и селах Мордовии так хорошо обстояло дело. Областная печать резко критиковала руководителей Ковылкинского, Чамзинского районов за слабую организацию изучения материалов XVII съезда партии. В этих районах занятия в кружках и политшколах проходили скучно, при плохой посещаемости. Решения съезда партии не связывались с конкретными задачами предприятий, бригад колхоза, района и области. Рабселькоры сигнализировали в редакции областных газет и в обком партии о плохой постановке изучения партийных документов в Рузаевском и Саранском районах.

Бюро обкома партии 1апреля 1934 года заслушало вопрос о состоянии и мерах улучшения пропаганды решений XVII съезда партии среди трудящихся Саранского, Чамзинского и Рузаевского районов. В принятом решении бюро обкома обязало указанные райкомы партии непосредственно возглавить широкую пропаганду партийных решений[2]. Областные газеты дали информацию о решении обкома партии. Газеты на своих страницах стали больше уделять внимания пропаганде активных форм изучения решений съезда партии.

Областная печать не ограничивалась сообщением хода изучения материалов съезда на местах. Она выступала организатором борьбы за выполнение планов 2-го года пятилетки. Газеты

[1] Газета «Мокшень правда» от 3 апреля 1934 г.
[2] Партархив Мордовского ОК КПСС, ф. 289/8, оп. 1, ед. хр. 343, л. 83.

«Красная Мордовия», «Мокшень правда», «Эрзянь коммуна» при участии широких масс рабочих и колхозников проводили рейды по проверке хода выполнения решений XVII съезда партии в колхозах и на предприятиях области.

Выполняя решения XVII съезда ВКП(б), партийные организации Мордовии развернули огромную работу по созданию школ и кружков технической учебы на предприятиях, в совхозах и МТС. На страницах печати Мордовской области разъяснялось указание партии о том, что «решающим условием осуществления технической реконструкции, освоения техники и выполнения заданий по повышению производительности труда является подготовка квалифицированных рабочих, техников и инженеров, разрешение проблемы создания собственной пролетарской производственно-технической интеллигенции»[1].

Газеты Мордовии рассказывали трудящимся области о работе школ технической учебы и кружков по повышению производственной квалификации. «Красная Мордовия», «Мокшень правда», «Эрзянь коммуна» печатали материалы о подготовке специалистов средней и высшей квалификации в техникумах и высших учебных заведениях страны и в Мордовской автономной области.

Печать Мордовии активно поддерживала инициативу передовых рабочих, выступивших за пересмотр устаревших норм выработки, за повышение производительности труда на основе освоения новой техники. Обком ВКП(б) по этим вопросам периодически проводил совещания инженерно-технических работников, рабкоров и новаторов производства.

Газеты Мордовии неослабно помогали редакциям стенных газет. Они в своих обзорах обращали внимание стенной печати на борьбу за технический прогресс, за подъем технической учебы. «Эрзянь коммуна» в номере от 8 мая 1934 года рассказывала о работе стенгазеты Саранского маслозавода по организации техучебы в цехах. Активно боролась за выполнение и перевыполнение норм выработки стенная газета Саранского консервстроя[2]. Стенгазета сумела мобилизовать рабочих на выполнение производственных заданий. Рабочие консервстроя производственный план за январь 1934 года выполнили больше чем на 100%[3].

Многие заводские стенгазеты республики проводили работу по организации технической учебы, помогали партийным организациям своевременно устранять недостатки в организации сдачи технического минимума рабочими. На страницах заводских стенгазет велась техническая консультация, которая помогала рабочим повышать свои технические знания.

---

[1] КПСС в резолюциях..., ч. 3, стр. 211—212.
[2] Газета «Эрзянь коммуна» от 8 февраля 1933 года.
[3] Там же.

Повышение производственной квалификации, умение владеть техникой способствовали росту производительности труда, развертыванию социалистического соревнования и увеличению объема промышленной продукции. Например, в 1934 году среднемесячная продукция промышленности Мордовии в ценах 1926/27 года составила 1336,2 тыс. рублей вместо 894,4 тыс. рублей в 1931 году. За пятилетие промышленная продукция Мордовской республики увеличилась почти в полтора раза[1].

К 1934 году были достигнуты значительные успехи и в сельском хозяйстве Мордовии. На 1 апреля 1934 года было коллективизировано 63,4% крестьянских хозяйств. В 1934 году посевная площадь области по сравнению с 1928 годом увеличилась на 20,6%[2].

На основе роста социалистической экономики в Мордовии успешно развивалась и культура — социалистическая по содержанию, национальная по форме. К концу 1934 года в Мордовии в основном была ликвидирована неграмотность населения. Повсеместно осуществлено всеобщее начальное обучение, были созданы необходимые условия для развертывания семилетнего образования в городской и сельской местности. Большим достижением в культурной жизни Мордовии было открытие высших учебных заведений в Саранске: педагогического и учительского институтов, Высшей коммунистической сельскохозяйственной школы, Научно-исследовательского института языка, литературы и истории[3].

В 1934 году были достигнуты значительные успехи в издании книг, газет на мокшанском и эрзянском языках, издании на родном языке произведений основоположников научного коммунизма К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина, а также классиков русской и советской литературы.

В 1934 году в Мордовии издавалось 4 областных газеты разовым тиражом 23900 экземпляров, 19 районных газет тиражом 1600—1700 экземпляров каждая и 40 газет политотделов МТС и совхозов. Тираж каждой политотдельской газеты составлял 700—900 экземпляров[4]. Кроме газет, издавалось 4 журнала на мордовском языке.

В ходе успешного строительства социализма к концу второго года второй пятилетки были созданы необходимые условия для преобразования Мордовской автономной области в автономную советскую социалистическую республику.

Средне-Волжский крайком ВКП(б) поддержал ходатайство Мордовского обкома партии о преобразовании автономной

---

[1] Журнал «Революция и национальности», январь 1935 г. № 1, стр. 29.
[2] Средняя Волга. Социально-экономический справочник. Москва—Самара, 1934, стр. 60.
[3] Средняя Волга. Социально-экономический справочник, 1934 г. Средне-Волжское краевое издательство. Москва—Самара, 1934 г., стр. 61.
[4] Там же, стр. 62.

области в автономную республику и просил ЦК ВКП(б) принять положительное решение по этому вопросу.

Согласно решению ЦК ВКП(б) Президиум ВЦИК 20 декабря 1934 года постановил: «Мордовскую автономную область, в соответствии с волеизъявлением ее трудового населения, преобразовать в существующих границах в Мордовскую Автономную Советскую Социалистическую Республику»[1].

Этот исторический документ газеты и журналы Мордовии донесли во все города, села и деревни республики[2].

Постановление ВЦИК об образовании Мордовской АССР вызвало у трудящихся республики массовое патриотическое движение за досрочное выполнение производственных планов на предприятиях, в колхозах и совхозах.

На митингах и собраниях трудящиеся Мордовии благодарили Коммунистическую партию и Советское правительство за постоянную заботу о мордовском народе.

«Трудящиеся Мордовии,— говорилось в резолюции первого республиканского съезда Советов, опубликованной во всех газетах республики,— радостно встречают постановление правительства о создании Мордовской автономной республики. В ответ на это постановление трудящиеся обязуются усилить борьбу за окончательную ликвидацию хозяйственной и культурной отсталости... За превращение Мордовии в одну из передовых автономных республик страны»[3].

Печать республики широко освещала работу первого съезда Советов МАССР. На съезде Советов было принято развернутое решение по усилению борьбы за досрочное выполнение второй пятилетки.

Развернувшееся в стране в 1935 году массовое движение новаторов производства получило активную поддержку трудящихся МАССР. Многие рабочие и колхозники Советской Мордовии переходили на новые методы труда, становились новаторами производства. В первой половине 1935 года в социалистическом соревновании промышленных предприятий, совхозов и МТС приняло участие свыше 21 тысячи человек, а более 10 тысяч человек из них были ударниками[4]. Декабрьский Пленум ЦК ВКП(б) 1935 года отметил, что это «движение есть результат всего нашего развития на путях к социализму, результат победы социализма в нашей стране[5].

В развертывании массового движения новаторов производства партия огромное значение придавала всей прессе страны.

---

[1] Хронологическое собрание Законов, Указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР, т. 3, М., 1949, стр. 509.

[2] См. газеты «Красная Мордовия» от 22 декабря 1934 года. «Мокшень правда» от 22 декабря 1934 года. «Эрзянь коммуна» от 22 декабря 1934 года.

[3] Газета «Красная Мордовия» от 23 декабря 1934 года.

[4] ЦГА МАССР, ф. 183, оп. 1, д. 5, лл. 127—130.

[5] КПСС в резолюциях..., ч. 3, стр. 268.

По примеру «Правды» печать Мордовии поддержала почин передовых рабочих страны, выступивших на борьбу за высокую производительность труда. Однако в деятельности местных газет, в том числе и Мордовии, имели место ошибки в освещении нового этапа в развитии социалистического соревнования.

Республиканские и районные газеты МАССР не выступали против стремления руководителей отдельных хозяйственных организаций прикрыться за формальными цифрами большого количества стахановцев при невыполнении годовых планов. В печати республики не разоблачались факты заседательской суеты вокруг стахановского движения. «Красная Мордовия», «Эрзянь коммуна» и др. газеты свою работу по освещению новых форм и методов труда ограничивали сообщениями рекордов одиночек. На эти недостатки в деятельности редакции газеты «Красная Мордовия» в ноябре 1935 года указал журнал «Большевистская печать». В обзоре областных газет журнал писал: «Красная Мордовия» недопонимает, что представляет собой стахановское движение. Она не показывает рост массового движения новаторов производства»[1].

Мордовская партийная организация, осуществляя руководство движением новаторов производства в промышленности и в сельском хозяйстве республики, потребовала от республиканских и районных газет усиления их роли в развертывании массового движения за высокую производительность труда. Обком партии обязал свои органы печати наряду с пропагандистской деятельностью вести организаторскую работу по внедрению стахановских методов труда в гущу крестьянского, особенно мордовского населения[2].

Значительную помощь в организации умелого освещения массового движения новаторов производства республиканским и районным газетам МАССР оказало краевое совещание редакторов районных газет, проведенное в октябре 1935 года крайкомом ВКП(б). По итогам совещания 4 ноября 1935 года состоялось бюро крайкома партии. Здесь были определены основные задачи печати края в развертывании стахановского движения. В постановлении обращалось особое внимание на систематическое освещение новых форм и методов труда, подчеркивалась роль газет и журналов в организации массового движения за высокие производственные показатели[3].

«Красная Мордовия», «Мокшень правда», «Эрзянь коммуна», а также молодежные и районные газеты республики, выполняя указания крайкома и обкома ВКП(б), стали проводить более конкретную пропагандистскую и организаторскую работу по развертыванию массового движения новаторов социалистического производства.

---

[1] Журнал «Большевистская печать», ноябрь 1935, № 22, стр. 31.

[2] Партархив Мордовского ОК КПСС, ф. 269/8, арх. № 21, св. 80, л. 204.

[3] Журнал «Большевистская печать», ноябрь 1935 года, № 22, стр. 31.

В период развертывания стахановского движения распространение опыта новаторов и передовиков производства среди широких масс трудящихся республики стало в центре внимания всей печати Мордовии. В этих целях газеты использовали все жанры газетной работы: публикацию передовых и редакционных статей, подборку материалов под рубрикой «Работать по-стахановски», организацию выездных редакций, производственных смотров и рейдов, созыв совещаний рабселькоров-производственников и т. д. На страницах газет выступали сами новаторы производства, энтузиасты борьбы за высокую производительность труда, люди, овладевшие новой техникой.

Обобщая и пропагандируя накопленный передовиками опыт новаторства, газеты Мордовии на своих страницах широко освещали работу слета стахановцев и ударников предприятий города Саранска, состоявшегося в ноябре 1935 года. «Красная Мордовия» и «Мокшень правда» опубликовали обращение участников слета ко всем рабочим и инженерно-техническим работникам Мордовии о массовом включении в стахановское движение.

Усилиями партийных, комсомольских и профсоюзных организаций движение новаторов производства в Мордовии принимало все более массовый характер. Если в июле 1936 года, по сведениям 31 предприятия и служб железнодорожного транспорта республики, число новаторов производства составило 18,1%, то в январе 1937 года их стало уже 22,1% от общего числа рабочих, работающих на этих предприятиях. Это движение охватило и сельское хозяйство. Во всех совхозах, МТС и колхозах прошли партийные и общие собрания, на которых специалисты и рабочие МТС, совхозов и колхозное крестьянство выступили за дальнейшее организационно-хозяйственное укрепление колхозов и повышение производительности труда в сельском хозяйстве по примеру рабочих в промышленности. Крестьяне активно поддержали новое массовое движение.

Республиканские и районные газеты придавали огромное значение развитию движения новаторов в сельском хозяйстве. «Мокшень правда» в номере от 24 января 1935 года информировала читателей о слете стахановцев сельского хозяйства Саранского района. Газета в этом номере отвела большое место выступлениям участников слета, добившихся больших успехов в колхозном производстве. Она рассказывала о работе машиниста молотилки Атемарской МТС, участника Всесоюзного совещания ударников тов. Курмышкина В. Е., этим самым газета сделала его опыт работы достоянием всех машинистов молотилок республики[2].

[1] Кафедра истории КПСС Мордовского госуниверситета, «Ученые записки» № 38, Саранск, 1964, стр. 51.

[2] Газета «Мокшень правда» от 24 января 1936 года.

Знание техники, бережное отношение к ней, указывала газета, способствовали тов. Курмышкину завоевать первенство по количеству и качеству обмолота зерна в МТС республики. При задании 4600 центнеров Курмышкин на молотилке «МК-100» в 1934—1935 годах намолачивал по 9670 центнеров зерна[1].

В успешном развертывании массового движения новаторов производства большую роль играли Всесоюзные, республиканские и районные съезды и слеты передовиков промышленного и сельскохозяйственного производства. Материалы съездов и слетов широко публиковались на страницах газет. Передовой опыт в социалистическом производстве газеты делали достоянием всех людей. «Красная Мордовия» в номере от 20 марта 1936 года, «Мокшень правда» от 23 марта 1936 года напечатали выступление председателя колхоза им. Крупской Кочкуровского района Ф. И. Ледяйкина на Всесоюзном совещании передовиков сельского хозяйства по конопле и льну в Кремле. Опубликовав это выступление, газеты рассказали о получении высоких урожаев конопли в сельхозартели им. Крупской, о применении необходимых агротехнических мероприятий при возделывании этой высокодоходной технической культуры[2].

Огромное влияние на рост политической активности и творческих сил трудящихся страны, в том числе и Мордовии, оказало всенародное обсуждение проекта новой Конституции СССР, начавшееся летом 1936 года.

Мордовская партийная организация во всех городах, селах и деревнях республики развернула широкое обсуждение проекта новой Конституции СССР.

На местах было проведено 703 заседания исполкомов и пленумов Советов, 461 заседание секций и депутатских групп, 2342 собрания рабочих, колхозников и служащих. В обсуждении проекта приняло участие 327560 человек, или 80% избирателей республики[3].

Ход обсуждения проекта новой Конституции СССР систематически освещался на страницах газет и журналов МАССР. Только в газете «Красная Мордовия» за период с 17 июня по 15 августа 1936 года по этому вопросу было опубликовано 18 статей, 31 отзыв, 33 предложения граждан Мордовской АССР[4].

На многочисленных собраниях и митингах трудящиеся Мордовской республики единодушно одобрили проект Конституции

[1] См. Газеты «Мокшень правда» от 24 января 1936 года и «Красная Мордовия» от 3 января 1936 года.

[2] См. газеты «Красная Мордовия» от 20 марта 1936, «Мокшень правда» от 23 марта 1936 г.

[3] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 114, ед. хр. 68, л. 25. ЦГА МАССР, ф. 175, оп. 1, арх. № 162, л. 202.

[4] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 114, ед. хр. 68, л. 2. ЦГА МАССР, ф. р.-175, оп. 1, арх. № 162, л. 172.

СССР. В принятых решениях брали на себя повышенные обязательства по дальнейшему подъему промышленности, сельского хозяйства и культуры республики.

Подводя итоги обсуждения проекта новой Конституции СССР в Мордовии, II Чрезвычайный съезд Советов МАССР в ноябре 1936 года отметил активное участие трудящихся республики в этой важнейшей политической кампании и единодушно одобрил проект Конституции СССР.

Всенародное обсуждение проекта новой Конституции СССР убедительно показало подлинное лицо советской демократии. Трудящиеся многонационального Советского Союза выступали творцами Основного Закона СССР, утвержденного VIII Чрезвычайным съездом Советов 5 декабря 1936 года.

На основе новой Конституции СССР в течение 1937 года были разработаны и приняты Конституции союзных и автономных республик. Конституция Мордовской Автономной Советской Социалистической Республики была утверждена на II съезде Советов МАССР 30 августа 1937 года[1].

* * *

Принятием новой Конституции СССР, Конституций союзных и автономных республик были закреплены исторические завоевания советского народа за годы первых двух пятилеток.

В эти годы трудящиеся Советского Союза под руководством Коммунистической партии первыми в истории человечества построили социалистическое общество.

В 1937 году удельный вес социалистического сектора в стране составил: в национальном доходе — 99,1%, в валовой продукции всей промышленности — 99,8%, в валовой продукции сельского хозяйства — 98,6%, в розничном товарообороте — 100[2]. Во всех областях народного хозяйства социалистический сектор стал господствующим.

В достижении всех этих успехов советского народа, в том числе и трудящихся Мордовии, огромную роль сыграла наша партийная и советская периодическая печать, многочисленный отряд журналистов и корреспондентов.

[1] И. А. Яшкин, Формирование мордовской социалистической нации, Саранск, 1960, стр. 93.

[2] Э. Ю. Локшин, «Очерк истории промышленности СССР», М., 1956, стр. 231.

В. С. Ивашкин

ПОДГОТОВКА КАДРОВ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ МОРДОВИИ В ГОДЫ РЕКОНСТРУКЦИИ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ПОБЕДЫ СОЦИАЛИЗМА В СССР

Победа Великой Октябрьской социалистической революции в нашей стране, ликвидировав крупную частную собственность на средства производства и монопольное право эксплуататорских классов на образование, сделала все возможное для поднятия культурного уровня широких слоев трудящихся многонационального Советского Союза.

В результате напряженной работы партии и народа в нашей стране произошла глубокая культурная революция, которая «вывела трудовые массы из духовного рабства и темноты, приобщила их к богатствам культуры, накопленным человечеством. Страна, большинство населения которой было неграмотным, совершила гигантский взлет к вершинам науки и культуры»[1].

Народам СССР в процессе социалистического строительства пришлось пройти большой и сложный путь, чтобы догнать другие, более передовые народы в культурном отношении, создать и развивать социалистическую по содержанию и национальную по форме культуру.

В этой связи в Программе Коммунистической партии Советского Союза говорится: «Опираясь на взаимную братскую помощь великого русского народа, все советские национальные республики создали у себя современную промышленность, национальные кадры рабочего класса и интеллигенции, развили национальную по форме, социалистическую по содержанию культуру»[2].

Наиболее ярким показателем культурной революции является создание кадров народной интеллигенции. Борьба за разрешение проблемы кадров советской интеллигенции — одна из ярких страниц истории социалистического строительства в СССР.

В своей программной работе «Очередные задачи Советской власти» В. И. Ленин писал: «Без руководства специалистов

[1] Материалы XXII съезда КПСС, Госполитиздат, 1961, стр. 328.

[2] Там же, стр. 330.

различных отраслей знания, техники, опыта переход к социализму невозможен, ибо социализм требует сознательного и массового движения вперед к высшей производительности труда по сравнению с капитализмом»[1].

Советскому Союзу, вступившему на путь социализма, народная интеллигенция нужна была для управления государством, для развития науки и техники, для решения всех задач культурного строительства. Ни одна отрасль народного хозяйства не могла развиваться без кадров, без интеллигенции. Под руководством Коммунистической партии советский народ разрешил эту важнейшую задачу. За годы советской власти в нашей стране «выросла новая, вышедшая из народа и преданная социализму интеллигенция»[2].

Советская интеллигенция — это инженеры и техники, научные работники, учителя, врачи, специалисты сельского хозяйства, деятели литературы и искусства, служащие государственных учреждений и другие люди, профессионально занятые умственным трудом.

В годы строительства социализма интеллигенция сыграла огромную роль в восстановлении производительных сил страны и создании материально-технической базы социализма. Опираясь на кадры квалифицированных специалистов, рабочий класс и Коммунистическая партия успешно осуществили реконструкцию всех отраслей народного хозяйства, совершили культурную революцию и вывели в прошлом отсталую в технико-экономическом отношении страну на одно из первых мест в мире.

Целью нашей партии и Советского государства является подъем культуры всех народов и в первую очередь ранее отсталых народов. А эта задача лучше всего могла быть разрешена с помощью интеллигенции, вышедшей из народа, знающей быт и язык, обычаи и нравы, условия жизни своего народа. Не случайно поэтому Коммунистическая партия и Советское правительство с первых дней Октябрьской революции уделяли большое внимание созданию советской интеллигенции непосредственно из состава всех народов страны.

К числу отсталых народов относился и мордовский народ. Пролетарская революция освободила мордовский народ, как и другие народы царской России, от экономического, политического и духовного порабощения, дала возможность трудящимся массам мордовского народа наравне с другими народами Советской республики стать на широкую дорогу строительства социализма и быстрыми темпами ликвидировать свою экономическую и культурную отсталость.

Благодаря проведению в жизнь ленинской национальной политики, расцвету национальной по форме и социалистической

[1] В. И. Ленин, ПСС, т. 36, стр. 178.
[2] Материалы XXII съезда КПСС, стр. 329.

по содержанию культуры, у мордовского народа выросла своя передовая и многочисленная интеллигенция, преданная идеям Коммунистической партии.

Всестороннее исследование и научное обобщение опыта создания квалифицированных кадров в СССР в годы строительства социализма и формирования интеллигенции у ранее отсталых и угнетенных народов России имеет не только научное и практическое, но и важное политическое значение. Эти примеры показывают решающие преимущества социалистического строя, обеспечившего, наряду с невиданным подъемом экономики, и подлинный расцвет культуры всех народов нашей страны.

Формирование интеллигенции — сложный исторический процесс. Однако, несмотря на актуальность и сложность этой проблемы, в Мордовии она до сих пор изучена далеко не достаточно.

В исторической литературе пока не имеется ни одного специального исследования, ни одной монографической работы, освещающей все стороны процесса формирования советской интеллигенции в Мордовской АССР.

В юбилейных сборниках, сводных трудах и отдельных исследованиях по истории Мордовской республики вопросы формирования интеллигенции рассматриваются попутно при освещении победы культурной революции, в большинстве случаев даются лишь отдельные цифры о кадрах в качестве иллюстративного материала.

В данной статье автор ставит своей задачей исследовать работу партийно-советских органов Мордовской республики по созданию интеллигенции в период реконструкции народного хозяйства и победы социализма в СССР.

В годы первых пятилеток в Мордовии, как и по всей стране, началось строительство новых и реконструкция старых промышленных предприятий. В области сельского хозяйства проведена массовая коллективизация. В результате осуществления сплошной коллективизации было создано большое число колхозов, совхозов и машинно-тракторных станций.

Огромные сдвиги в эти годы произошли на фронте культурного строительства: расширялась сеть школ, библиотек, кинотеатров, клубов, изб-читален и других культурно-просветительных учреждений.

Успешное развитие народного хозяйства и проведение культурной революции со всей силой потребовали сотни и тысячи хорошо подготовленных инженеров и техников, агрономов, зоотехников, ветеринаров, учителей, врачей и других специалистов по всем отраслям социалистического строительства. А положение с кадрами в Мордовии было довольно тяжелое.

Учитывая такое положение со специалистами, в декабре 1928 года секретариат Мордовского окружкома обсудил вопрос о работе с интеллигенцией в округе. Здесь было отмечено, что имеющиеся специалисты ни в коей мере не могут удовлетворить

потребности в кадрах ни в одной отрасли народного хозяйства и культуры из-за своей малочисленности. В ходе обсуждения выяснилось, что, несмотря на улучшение социального состава интеллигенции в первое десятилетие Советской власти, в ее рядах была часть выходцев из дворян, духовенства и кулачества. Этой частью интеллигенции плохо воспринимались важнейшие решения партии, некоторые из них даже были враждебно настроены к Советской власти.

В своем решении секретариат окружкома отметил недостаточную работу партийных и общественных организаций по воспитанию интеллигенции, указывалось и на то, что на местах имелись факты необоснованного передвижения специалистов, механический подход к замене старой интеллигенции. Такие факты наблюдались в Зубово-Полянском и Инсарском районах.

Окружком потребовал от райкомов партии, партийных, профсоюзных, комсомольских и других организаций усилить работу среди интеллигенции, воспитать ее в духе преданности Советской власти, больше привлекать к общественной работе, вовлечь интеллигенцию в сеть партийного и комсомольского просвещения, создать для специалистов нормальные материальные и бытовые условия, проявлять максимум чуткости[1].

Это решение окружкома было очень своевременным. Оно помогло местным партийно-советским органам усилить работу по воспитанию и подготовке кадров для всех отраслей народного хозяйства.

Поворотным моментом в подготовке кадров в Мордовии, как и в целом по стране, явились исторические постановления июльского Пленума ЦК ВКП(б) 1928 года «Об улучшении подготовки новых специалистов» и ноябрьского Пленума 1929 года «О кадрах народного хозяйства».

В этих документах ЦК ВКП(б) указал основные пути по усилению темпов подготовки молодых специалистов и повышению их теоретической и практической подготовки. Постановления ЦК партии нацелили советский народ на ликвидацию разрыва, образовавшегося между потребностью народного хозяйства в квалифицированных специалистах и состоянием их подготовки в средних специальных и высших учебных заведениях.

Решения и практические шаги, принятые ЦК ВКП(б) по усилению темпов подготовки новых специалистов, с огромным удовлетворением были встречены трудящимися, особенно молодежью. Первая мордовская окружная конференция пролетарского студенчества 16 декабря 1929 года полностью одобрила решения ЦК партии и потребовала от студенчества Мордовии

[1] Партархив Мордовского обкома КПСС, ф. 326/7, оп. 1, д. 80, лл. 105—107.

улучшить отношение к учебе, больше уделять внимания производственной практике, активно участвовать в культпоходе и на общественных началах готовить мордовскую молодежь для поступления в вузы и техникумы[1].

Выполняя решения июльского и ноябрьского Пленумов ЦК ВКП(б), партийные, профсоюзные, комсомольские органы и советские учреждения Мордовии проводят огромную работу по созданию новых учебных заведений. Первоначально основное внимание было сосредоточено на открытии техникумов, ибо при том уровне развития Мордовии техникумы были наиболее целесообразными учебными заведениями, так как для них были возможности организовать материально-техническую базу, подобрать преподавателей и укомплектовать учащимися.

Ниже приводятся данные о росте техникумов за годы первой пятилетки[2].

	1927/1928	1929/1930	1930/1931	1932 г.
Всего техникумов	4	5	14	18
Учащихся в них	690	1169	2480	3009
В т. ч. мордвы	325	676	1111	1221

Из таблицы видно, что за первую пятилетку произошел огромный скачок в росте числа техникумов и учащихся в них.

На всем протяжении борьбы за кадры социалистического строительства Коммунистическая партия решительно требовала массового привлечения рабочих и трудящихся крестьян к высшему и среднему образованию с таким расчетом, чтобы в кратчайшие сроки изменить классовый состав интеллигенции.

Однако в первый год существования Мордовского округа были факты отступления от этого принципа. На заседании Средне-Волжского облисполкома в декабре 1928 года при обсуждении вопроса «Об итогах приема в техникумы» было выявлено, что в Мордовском округе были случаи приема чуждых элементов в техникумы. Некоторые сельсоветы выдавали неправильные документы социально-чуждым элементам. Облисполком потребовал от Мордовского окрисполкома исправить допущенные ошибки и привлечь виновных к ответственности[3].

В дальнейшем партийно-советские органы Мордовии стали более тщательно отбирать кандидатуры в учебные заведения. Во все техникумы в первую очередь принимались выходцы из

[1] ЦГА МАССР, ф. 137, оп. 1, д. 8, л. 8.
[2] Партархив Мордовского обкома КПСС, ф. 269, оп. 1, д. 115, л. 25. ЦГА МАССР, ф. 175, оп. 1, д. 190, л. 49.
[3] «Путь Советов», орган Средне-Волжского облисполкома, № 6, 1929, стр. 12.

рабоче-крестьянских семей. Для отбора кандидатур в техникумы ежегодно в Саранске при окружкоме партии образовывалась специальная отборочная комиссия из представителей общественных организаций и органов народного образования. В работу по привлечению представителей трудового народа на учебу вовлекались учащиеся техникумов. Отъезжающим студентам на каникулы или производственную практику поручалось вести агитацию и отбор абитуриентов в техникумы из рабочих и крестьян[1].

В итоге этих мероприятий в учебных заведениях Мордовии основную массу учащихся составляло рабоче-крестьянское ядро. Об этом свидетельствуют данные социального состава учащихся техникумов за 1930 год[2]

	Всего учащихся	В том числе						
		бедняков	середняков	рабочих	служащих	ремесленников	прочих	членов ВЛКСМ
Педтехникумы	1010	501	291	19	161	26	12	213
Другие техникумы	932	455	90	229	156	2	—	369
Всего	1942	956	381	248	317	28	12	582

Из таблицы видно, что основную массу учащихся составляли выходцы из бедняцко-середняцких семей.

Одной из мер, направленных на изменение социального состава студенчества, была посылка в учебные заведения партысячников и профтысячников из числа достойных представителей рабочего класса и крестьянства. Эта установка была дана еще июльским Пленумом ЦК ВКП(б) 1928 года.

Выполняя указания Пленума ЦК, партийные и советские органы Мордовии проделали определенную работу по направлению в учебные заведения членов партии, комсомола и профсоюзов. Показательны в этом отношении цифры партийно-комсомольской прослойки Саранского энергетического техникума. В 1931 году здесь из 219 учащихся было 16 человек членов партии и 105 комсомольцев, т. е. партийно-комсомольская часть учащихся составляла более 50%[3].

В числе вновь принятых в этот техникум учащихся в 1932 году было 7 членов ВКП(б) и 44 комсомольца[4].

Аналогичное положение с ростом партийно-комсомольского состава наблюдалось и в других техникумах.

[1] ЦГА МАССР, ф. 137, оп. 1, д. 9, л. 189.
[2] Там же, ф. 137, оп. 1, д. 17, л. 220.
[3] ЦГА МАССР, ф. 137, оп. 1, д. 16, л. 207.
[4] Там же, ф. 185, оп. 1, д. 79, л. 285.

Одновременно с улучшением социального состава учащихся в Мордовии большое внимание обращалось на вовлечение в техникумы мордовской молодежи. За годы первой пятилетки только в техникумах Мордовии число учащихся мордовской национальности возросло с 325 до 1221 человека[1].

Подготовка специалистов из мордовской национальности не ограничивалась только в пределах самой Мордовии. Большое число мордовской молодежи обучалось в учебных заведениях других городов страны.

Так, в 1930 году по Советскому Союзу в техникумах обучалось 2799 человек мордовской национальности, в том числе в индустриально-технических — 154, в строительных — 73, в сельскохозяйственных — 387, в медицинских — 118, в педагогических — 1930, в художественных — 13 человек и т. д.[2]

При комплектовании средних специальных учебных заведений Мордовии из детей рабочих и крестьян, в том числе из мордовской национальности, встречались большие трудности, так как большинство этой молодежи не имело соответствующей общеобразовательной подготовки.

Для устранения этой трудности создавались специальные курсы повышения знаний поступающих на учебу. Так, решением Мордовского обкома партии и облисполкома в 1931 году в городах, райцентрах и селах Мордовии при школах крестьянской молодежи, ФЗУ и техникумах было создано 18 курсовых пунктов[3].

Принятые на учебу дети трудящихся в первую очередь обеспечивались жильем в общежитиях, им давались преимущества при зачислении на получение стипендии, продовольственных карточек и т. д. Эти мероприятия способствовали нормальному учебному процессу, повышению успеваемости и предотвращали отсев.

Во всех учебных заведениях особое внимание обращалось на усиление общественно-политического воспитания студенчества, на создание условий для повышения квалификации будущих специалистов, на широкое вовлечение студенчества в общественную работу. Все это содействовало росту идейно-теоретического уровня и повышению производственной квалификации выпускаемых специалистов.

Развивающаяся в годы первой пятилетки промышленность, строительство, транспорт и другие отрасли народного хозяйства Мордовии требовали все большего и большего количества среднего технического персонала, значительная часть которого готовилась энергетическим и строительным техникумами, размещенными в Саранске.

[1] ЦГА МАССР, ф. 175, оп. 1, д. 190, л. 49.
[2] Подготовка кадров в СССР, М., 1933, стр. 122—123.
[3] ЦГА МАССР, ф. 137, оп. 2, д. 14, л. 144.

Это видно из следующей таблицы[1].

Техникумы	1931 год						1932 год				
	учащихся всего	из них мордвы	выпущено в 1931 году	из них мордвы	набор уч-ся в 1931 году	из них мордвы	уч-ся всего	из них мордвы	выпущено в 1932 году	из них мордвы	набор учащихся в 1932 г.
Энергетический	219	43	—	—	60	21	208	34	78	1	120
Строительный	228	80	50	3	135	40	270	74	33	2	175
Итого	447	123	50	3	195	61	478	108	111	3	295

Из вышеприведенных данных видно, что средние технические учебные заведения города Саранска в связи со все возрастающим спросом кадров увеличивали прием молодежи в техникумы.

Из таблицы также видно, что в этих двух учебных заведениях обучалось мало молодежи из мордовской национальности. Техникумы готовили специалистов не только для Мордовии, часть выпускников направлялась в другие районы страны, в том числе и в крупные промышленные центры. Так, в 1931 году часть выпускников Саранского энергетического техникума была направлена на работу в промышленные предприятия Москвы, Ленинграда, Харькова, Иваново-Вознесенска, Ростова-на-Дону, Пензы и другие места[2]. Из 33 выпускников строительного техникума в 1932 году 16 человек были оставлены в Мордовии, а остальные были направлены за пределы области[3].

В свою очередь в Мордовскую автономную область направлялись выпускники учебных заведений многих городов страны. Только за первое полугодие 1931 г. в Мордовию было направлено 6 техников по различным специальностям из Воронежа, Орла, Ульяновска и Твери[4].

Кроме техникумов, для промышленности Мордовии, индустриальные кадры готовились в 5 профессионально-технических школах, число учащихся в которых к 1930 году возросло до 730 человек, в их числе 116 человек были из мордовской национальности[5].

Кадры для железнодорожного транспорта готовились в Рузаевском ФЗУ.

[1] ЦГА МАССР, ф. 301, оп. 4, д. 1, л. 147.
[2] Там же, ф. 777, оп. 1, д. 5, лл. 3—15.
[3] Там же, ф. 185, оп. 1, д. 79, л. 285.
[4] Там же, ф. 185, оп. 1, д. 16, л. 262.
[5] Партархив Мордовского обкома КПСС, ф. 326/7, оп. 1, д. 661, л. 35.

Все эти учебные заведения в значительной мере пополнили промышленные предприятия и транспорт области специалистами со средним техническим образованием и квалифицированными рабочими, часть которых выдвигалась затем на инженерно-техническую работу.

Еще более остро в Мордовии ощущался недостаток специалистов сельского хозяйства. Это и понятно. Промышленность, по существу, только что стала создаваться, а сельское хозяйство было традиционной отраслью народного хозяйства области. В годы первой и второй пятилеток в Мордовии произошла массовая коллективизация. Социалистическое преобразование сельского хозяйства по-новому поставило вопрос о квалифицированных кадрах. Надо было не только увеличить количество агрономов, зоотехников, ветеринаров и т. д., но и подготовить таких специалистов, которые смогли бы помочь партии организовать сельскохозяйственное производство на социалистической основе.

В решениях XV съезда партии указывалось на то, чтобы усилить внимание делу создания новых и поднятия квалификации наличных кадров сельской интеллигенции, создавая из них активных и сознательных деятелей социалистического преобразования деревни; обращалось особое внимание на создание кадров по организации колхозов и образцовых крупных совхозов в деревне[1].

На территории Мордовии было очень мало дипломированных специалистов сельского хозяйства. В 1928 году в округе было 42 агроучастка с 84 агрономами. Кроме того, непосредственное участие в работе по агрообслуживанию населения принимал участие агроперсонал бывших уездных земельных отделов в количестве 21 человека, т. е. всего 105 агроработников[2]. На каждый агроучасток в Саранском районе приходилось 11215,5 хозяйства, в Рузаевском — 13593, в Краснослободском — 7392,4 хозяйства[3]. На одного агронома в среднем по округу приходилось 20—30 тысяч гектаров обслуживаемой земельной площади[4].

Ветеринарное обслуживание осуществлялось 32 врачебными участками и десятью ветфельдшерскими пунктами, где было всего лишь 14 ветврачей и 42 ветфельдшера. На ветеринарный участок в среднем приходилось 64 населенных пункта с 9142 хозяйствами[5]. Основная часть специалистов сельского хозяйства не имела необходимого образования, что не удовлетворяло требования растущего многоотраслевого сельского хозяйства.

[1] XV съезд КПСС, стенографический отчет, 1927, стр. 1316.
[2] Партархив Мордовского обкома КПСС, ф. 326/7, оп. 1, д. 36, л. 174.
[3] ЦГАОР, ф. 1235, оп. 123, д. 271, л. 199.
[4] Партархив Мордовского обкома КПСС, ф. 269/8, оп. 1, д. 98, л. 1.
[5] Там же, ф. 326/7, оп. 1, д. 760, л. 1.

Очень низка была среди специалистов партийная прослойка. Так, из 133 учтенных в 1928 году агрономов, землемеров и мелиораторов, работающих непосредственно в деревне, было всего три коммуниста и восемь комсомольцев[1].

Следует отметить и то обстоятельство, что подавляющее большинство специалистов прошли курс старой школы, которая готовила специалистов преимущественно для обслуживания индивидуальных крестьянских хозяйств. С организацией крупного социалистического земледелия агрономы, зоотехники и другие специалисты не могли оставаться только пропагандистами агротехнических улучшений в сельском хозяйстве. Они должны были стать активными участниками социалистического преобразования сельского хозяйства, организаторами и руководителями колхозов, совхозов и МТС.

В этих сложных условиях партийно-советским органам Мордовии надо было решить проблему создания колхозной производственной интеллигенции.

В соответствии с решениями июльского Пленума ЦК ВКП(б) 1928 года и ноябрьского Пленума ЦК ВКП(б) 1929 года в Мордовии стали открываться специальные сельскохозяйственные учебные заведения. До этого здесь функционировал лишь Кемлянский сельскохозяйственный техникум, основанный в 1919 году. В 1931 году были открыты Краснослободский зооветеринарный и Ардатовский сельскохозяйственный техникумы. В 1932 году в Инсаре открывается коноплеводческий институт, реорганизованный в 1934 году в коноплеводческий техникум. Каждый из этих техникумов специализировался по выпуску определенных специалистов: Ардатовский сельхозтехникум готовил техников-механиков по тракторам, автомобилям и сельхозмашинам; Кемлянский — агрономов-растениеводов; Инсарский — агрономов по техническим культурам; Краснослободский — младших зоотехников и ветеринаров[2].

В соответствии с ростом техникумов росло и количество студентов, что видно из следующей таблицы[3].

Годы	Число техникумов	Всего студентов	В том числе:		
			мордвы	русских	татар
1929	2	350	108	236	6
1932	4	677	130	545	2

Широкое привлечение в сельскохозяйственные техникумы рабочей, бедняцко-середняцкой и колхозной молодежи резко

[1] Партархив Мордовского обкома КПСС, ф. 326/7, оп. 1, д. 1259, л. 18.
[2] ЦГА МАССР, ф. 662, оп. 9, д. 199, л. 31. Партархив Мордовского ОК КПСС, ф. 269, оп. 1, д. 34, л. 64.
[3] ЦГА МАССР, ф. 175, оп. 1, д. 190, л. 49.

изменило социальный состав и партийно-комсомольскую прослойку студентов. Так, из 167 учащихся Ардатовского сельскохозяйственного техникума было рабочих 17 человек, батраков 19, бедняков 39, колхозников 70, середняков 16, служащих 6 человек. Среди учащихся этого техникума было 19 членов партии и 83 комсомольца[1]. Эти показатели были характерны и для других техникумов.

К концу первой пятилетки в Мордовской области непосредственно в производстве уже работал 531 специалист сельского хозяйства, в том числе 191 агроном, 41 зоотехник, 59 ветработников, 121 землеустроитель и др.[2].

Решение проблемы подготовки интеллигенции для всех отраслей народного хозяйства во многом зависело от уровня постановки учебно-воспитательной работы в школах, которые готовили абитуриентов для поступления в техникумы и вузы. А школы Мордовии сами нуждались в квалифицированных кадрах. Еще до введения всеобщего обязательного начального обучения детей в Мордовии ощущался большой недостаток в педагогических кадрах, что видно из нижеприведенной таблицы[3].

Требовалось кадров	1928/1929 уч. г.	1929/1930 уч. г.	1931 уч. г.
Высшей квалификации	325	505	765
Средней квалификации	2050	2420	3846

С начала осуществления закона о всеобуче потребность в учителях еще более возросла. Вместе с тем проблема педагогических кадров имела не только количественную сторону, но и качественную. Необходимо было иметь не просто учителей, а таких, которые бы проводили линию партии и Советского государства.

Большинство старых учителей Мордовии активно включилось в социалистическое строительство. Однако в связи с коллективизацией и ликвидацией кулачества как класса среди некоторой части учителей продолжали действовать элементы, враждебно настроенные против Советской власти. Так, один из учителей Краснослободской школы второй ступени, бывший преподаватель духовной семинарии, вел антисоветскую пропаганду даже на уроках.

В Рузаевском районе были случаи, когда учителя выступали в защиту кулака, в Ачадовском районе — против займовой

[1] ЦГА МАССР, ф. 137, оп. 1, д. 9, л. 186.
[2] ЦГА МАССР, ф. книжн. д. 3216, л. 33.
[3] Партархив Мордовского обкома КПСС, ф. 326/7, оп. 1, д. 309, л. 103.

кампании. Некоторые учителя посещали церкви, имели иконы и т. д.[1].

Эти уродливые явления объяснялись во многом тем, что среди учительства была еще прослойка непролетарского происхождения, бывших дворян, купцов, духовенства. Так, по 13 районам из 1278 учителей и ликвидаторов неграмотности в 1928 году духовенство и прочий непролетарский элемент составлял 31%. Из 207 учителей Саранского района, происходящих из крестьян, большая часть падала на зажиточную часть крестьянства и частично на кулацкую[2].

В этих условиях особую важность представляла работа по подготовке учителей из среды рабочих и крестьян.

«Нам нужен учитель,— говорил на VIII съезде работников просвещения СССР М. И. Калинин,— который беззаветно отдается служению народу»[3].

В марте 1929 года ЦК ВКП(б) принял постановление «О подготовке преподавателей в педвузах и педтехникумах и переподготовке учителей», которым обязывался Наркомпрос РСФСР укрепить материальное положение педагогических учебных заведений, поднять уровень преподавания в них. ЦК ВКП(б) указал также на необходимость укрепления партийных и комсомольских ячеек педагогических учебных заведений»[4].

В апреле этого же года ЦК ВКП(б) вынес постановление «Об укомплектовании педагогических вузов», в котором признал необходимым в 1929 году принять в педагогические вузы не менее 65% рабочих и крестьян из общего числа принимаемых, а в педтехникумы — не менее 80%. Центральный комитет обратил внимание местных партийных организаций на вовлечение в педагогические учебные заведения бедняков и батраков[5].

Эти постановления Центрального Комитета партии легли в основу работы Мордовской партийной организации, местных Советов и органов народного образования по вопросу подготовки педагогических кадров. В Мордовии были открыты новые педагогические учебные заведения.

Если к началу организации округа было 2 педтехникума, Саранский и Краснослободский, то к концу первой пятилетки дополнительно были открыты Ардатовский, Зубово-Полянский, Инсарский, Ичалковский и Козловский педтехникумы[6].

Большинство педтехникумов было открыто в районах, наиболее густо заселенных мордовским населением. Это было вызвано стремлением как можно больше вовлечь в учебу мордовскую молодежь для подготовки ее к педагогической деятельности, так как недостаток национальных учителей ощущался в большей степени, чем нехватка педагогических кадров в целом.

[1] Партархив Мордовского обкома КПСС, ф. 327/1, оп. 1, д. 1259, лл. 11—14.
[2] Там же, ф. 327/1, оп. 1, д. 1259, л. 10.
[3] М. И. Калинин, О вопросах социалистической культуры, стр. 62.
[4] Известия ЦК ВКП(б), 1929, № 8—9, стр. 18.
[5] Известия ЦК ВКП(б), 1929, № 13, стр. 27.
[6] ЦГА МАССР, ф. 662, оп. 9, д. 199, л. 31.

С ростом техникумов заметно увеличивается число учащихся и особенно из мордовской национальности[1].

	1929 год				1932 год			
	всего	мордвы	русск.	татар	всего	мордвы	русск.	татар
Контингент студентов	479	331	148	—	1581	849	696	36

Из данной таблицы видно, какими быстрыми темпами росло число студентов педтехникумов, в том числе из мордовской национальности. Этот факт еще раз подчеркивает заботу Советского государства о подготовке национальных педагогических кадров. Педагогические техникумы Мордовии готовили учителей не только для своей области, но и для мордовских школ других областей и республик.

Спрос на мордовские педагогические кадры рос во всех районах страны, где проживает мордовское население. Только для школ Среднего Поволжья за последние три года первой пятилетки требовалось следующее количество учителей из мордвы[2].

Учебные годы	1930/1931	1931/1932	1932/1933	Итого
Требовалось учителей	920	445	296	1661

Кроме того, мордовские учителя требовались для многих школ Сибири, Дальнего Востока, где проживают компактные группы мордовского населения. Естественно, эти потребности не могли быть удовлетворены только за счет педтехникумов Мордовии. Поэтому большое количество мордвы вовлекалось в педагогические учебные заведения многих других городов страны. Об этом свидетельствует тот факт, что на 1 ноября 1930 года в целом по стране только в средних педагогических

[1] ЦГА МАССР, ф. 175, оп. 1, д. 190, л. 49.
[2] Журнал «Среднее Поволжье», № 6—7, 1930, стр. 69.

учебных заведениях обучалось 1930 человек мордовской национальности[1].

Задачи по социалистическому переустройству экономики и культуры Мордовии с каждым днем все больше и больше предъявляли требования на руководящих работников партийно-советского аппарата. Для их подготовки в г. Саранске в 1928/1929 учебном году была открыта совпартшкола 2 ступени с 3-летним сроком обучения[2].

Постановлением ЦК ВКП(б) от 27 августа 1928 года совпартшколы обязывались готовить пропагандистских работников для деревни, секретарей сельских партячеек, советских и комсомольских работников, инструкторов по работе среди женщин и т. д.[3].

Согласно этому постановлению в Мордовской совпартшколе было открыто четыре отделения: организационно-партийной работы, советского строительства, пропагандистов и колхозного строительства. На учебу в советско-партийную школу ежегодно принималось значительное количество слушателей. В 1928/29 учебном году было принято 225 человек, в 1929/30 учебном году число слушателей возросло до 325, а в следующем учебном году слушателей стало 365 человек. Большинство слушателей СПШ было мордовской национальности. В 1930 году мордвы обучалось 300 человек, в 1931 году — 228 человек и т. д.[4].

Таким образом, среднее специальное образование в Мордовии в годы первой пятилетки получило довольно широкий размах. Однако народное хозяйство Мордовии, вставшее на путь быстрого развития, нуждалось не только в кадрах средней квалификации, но и высшей квалификации. Поэтому Народные комиссариаты РСФСР в свои ведомственные предприятия и учреждения посылали специалистов с высшим образованием. Это были в основном инженерно-технические работники, врачи, агрономы, зоотехники, ветеринары и т. д. Так, в 1929 году только из медицинских институтов Саратова, Самары, Казани и других городов было направлено в Мордовию 34 врача[5].

В 1930 году в Мордовскую автономную область прибыло 2 специалиста из выпускников Казанского университета, инженер-экономист из Московского университета. За первое полугодие 1931 года из этих вузов было направлено в Мордовию 9 инженеров[6].

---

[1] Подготовка кадров в СССР, стр. 122—123.
[2] Партархив Мордовского обкома КПСС, ф. 269/8, оп. 1, д. 30, л. 1.
[3] Справочник партийного работника, вып. 7, ч. I, стр. 394.
[4] ЦГАОР и СС, ф. 1235, оп. 125, д. 182, л. 70. Партархив Мордовского обкома КПСС, ф. 269/8, оп. 1, д. 115, л. 25.
[5] ЦГА МАССР, ф. 404, оп. 1, д. 10, л. 99.
[6] ЦГА МАССР, ф. 185, оп. 1, д. 16, лл. 15—26, 262.

Одной из важных форм подготовки кадров высшей квалификации явилась командировка молодежи из Мордовии на учебу в иногородние вузы. Этот метод формирования интеллигенции для Мордовии был необходим, так как в начале пятилетки здесь не было ни одного вуза. Поэтому наркоматы и ведомства РСФСР бронировали определенное число мест в соответствующих вузах, куда принимались лица по рекомендации местных партийно-советских органов Мордовии.

Уже в 1928 году по командировке Мордовского округа обучались в Татарском Коммунистическом университете в г. Казани 10 студентов, в Саратовском комвузе — 7, в Коммунистическом университете трудящихся Востока — 9, в Ленинградском комвузе — 2, в Академии коммунистического воспитания им. Крупской — 3, в различных СПШ — 71, в других вузах — 9 человек[1].

В 1929/1930 учебном году из Мордовии было командировано в различные вузы и втузы 35 человек[2].

Решением секретариата Мордовского обкома ВКП(б) от 3 мая 1930 года была дана разверстка по районам области направить в сельскохозяйственные вузы, втузы, комвузы 82 человека[3].

Отбору кандидатур в вузы придавалось политическое значение. В Саранске была создана отборочная комиссия в составе представителей от партийных, комсомольских, профсоюзных организаций, женотдела, отдела народного образования и других организаций. При отборе кандидатур для направления на учебу учитывалась социальная и национальная принадлежность абитуриентов.

По социальному положению на факультеты промышленного уклона рабочих, бедняков и середняков направляли не менее 80%, агрономические факультеты — 70%, ветеринарные факультеты — 60%, в педвузы — не менее 50%[4]. В числе рекомендованных на учебу значительную часть составляли выходцы из мордовского народа.

В связи с тем, что большинство рекомендованных на учебу не имели соответствующего образования, в г. Саранске были организованы 3-месячные курсы по подготовке в вуз[5].

Важную роль в подготовке рабочей и крестьянской молодежи для поступления в высшие учебные заведения сыграл открытый в 1929 году в г. Саранске рабочий факультет. В первый же год сюда было принято 107 человек юношей и девушек[6].

---

[1] Партархив Мордовского обкома КПСС, ф. 326/7, оп. 1, д. 318, лл. 1—4.
[2] Там же, ф. 326/7, оп. 1, д. 318, л. 14.
[3] Там же, ф. 269/8, оп. 1, д. 20, л. 8.
[4] Там же, ф. 326/7, оп. 1, д. 318, л. 30.
[5] Там же, д. 269/8, оп. 1, д. 20, л. 8.
[6] Там же, ф. 269/8, оп. 1, д. 115, л. 25.

20 апреля 1931 года Президиум ВЦИК под председательством М. И. Калинина обсудил доклад председателя Мордовского облисполкома М. А. Палькина «О хозяйственном и культурном строительстве Мордовской автономной области». Наряду с другими вопросами Президиум ВЦИК обратил внимание на подготовку специалистов для всех отраслей народного хозяйства области. ВЦИК обязал ВСНХ, НКЗем, НКПрос, НКЗдрав РСФСР расширить с 1931 года прием трудящейся молодежи в вузы[1].

После этого решения прием в высшие учебные заведения из Мордовии значительно увеличился. Это видно из следующей таблицы[2].

Годы	Командировано в вузы всего	В том числе мордвы
1930	86	52
1931	118	68
1932	127	74
1933	270	140

Однако партийно-советские органы Мордовии не всегда в полной мере использовали возможности подготовки кадров высшей квалификации через иногородние вузы.

Так, в 1933 году забронированные места для Мордовии в общесоюзных институтах были заполнены всего лишь на 50%, в то время как из Чувашии на 102 места было послано 111 человек[3].

Вместе с тем следует заметить, что кадры мордовской национальной интеллигенции высшей квалификации готовились не только по командировкам Мордовской области. Партийные организации краев и областей, где проживало мордовское население, проявляли особую заботу о привлечении мордовской молодежи в вузы.

Так, секретариат Нижегородского крайкома ВКП(б) в постановлении «О подготовке к осеннему набору во втузы и вузы» от 30 июля 1931 года обязал директоров высших учебных заведений края командировать в национальные районы своих представителей для вербовки в вузы учащейся молодежи из марийцев, мордвы, чувашей и других национальностей. Отделу кадров краевого комитета партии и директорам вузов указывалось на то, чтобы они установили контингент приема национальной молодежи по каждому учебному заведению[4].

[1] ЦГАОР и СС, ф. 1235, оп. 125, д. 182, л. 260.
[2] ЦГА МАССР, ф. 464, оп. 4, д. 2, л. 137.
[3] Журнал «Революция и национальности», № 4, 1935, стр. 13.
[4] Украинцев В. В., КПСС — организатор революционного преобразования высшей школы, Москва, 1963, стр. 169—170.

Часть подготовленных таким путем специалистов направлялась затем в Мордовию и пополняла ряды национальной интеллигенции высшей квалификации.

Подготовка кадров в иногородних вузах сыграла большую роль, но этот способ подготовки специалистов не мог полностью удовлетворить постоянно растущий спрос Мордовии на работников высшей квалификации.

В специалистах с высшим образованием особенно нуждались средние школы и техникумы Мордовии. Этот вопрос был специально рассмотрен на заседании Президиума ВЦИК при обсуждении вопроса «О хозяйственном и культурном строительстве Мордовской автономной области».

Президиум ВЦИК потребовал, чтобы с 1931/32 учебного года во всех мордовских школах начать обучение на родном языке. Для усиления подготовки национальных педагогических кадров с высшим образованием по решению ВЦИК в 1931 году в г. Саранске был открыт Мордовский агропединститут.

Первый прием в агропединститут состоял из 150 человек, в числе которых было 109 человек мордовской национальности[1]. Открытием агропедвуза было положено начало развитию высшего образования в Мордовии.

К концу первой пятилетки в агропедвузе обучался 341 человек, в том числе 169 человек из мордвы[2].

Задачи усиления организационной, идеологической работы среди трудящихся города и деревни настоятельно ставили вопрос об усилении работы по подготовке партийно-советских кадров через высшую школу. В этих целях в июле 1932 года в г. Саранске на базе Мордовского отделения Самарского комвуза было создано высшее коммунистическое учебное заведение с отделением партийно-советского строительства[3].

Первый прием в Мордовский комвуз состоял из 120 человек[4].

Постановлением ЦК ВКП(б) от 21 сентября 1932 года на базе комвузов были созданы новые партийные учебные заведения — высшие коммунистические сельскохозяйственные школы (ВКСХШ). На основе постановления ЦК ВКП(б) в 1933 году комвуз в г. Саранске был реорганизован в Мордовскую Высшую коммунистическую сельскохозяйственную школу (МВКСХШ). При МВКСХШ было создано два отделения: 2-годичное отделение, на котором готовились руководящие работники МТС, совхозов и колхозов по зерну, животноводству, льну и конопле, и 3-годичное отделение, готовящее руководящих работников для райкомов, райисполкомов, политотделов МТС и совхозов, крупных сельских парткомов и т. д.

[1] ЦГАОР и СС, ф. 1236, оп. 125, д. 182, л. 391.
[2] ЦГА МАССР, ф. 175, оп. 1, д. 190, л. 50.
[3] Партархив Мордовского обкома КПСС, ф. 269/8, оп. 1, д. 312, л. 3.
[4] ЦГА МАССР, ф. 238, оп. 5, д. 22, л. 59.

По решению бюро Мордовского обкома ВКП(б) в МВКСХШ принималось не менее 75% мордвы, 20% русских, 5% татар. Для женщин отводилось не менее 20% мест, комсомольцам—15%, беспартийным —15% мест[1].

При МВКСХШ с 1 октября 1933 года открывается одногодичное комсомольское отделение по подготовке районного руководящего комсомольского актива. Сюда принимались комсомольцы со стажем не менее одного года[2].

В результате командировки молодежи в вузы других городов и открытия 2-х высших учебных заведений в г. Саранске подготовка кадров высшей квалификации в Мордовии приобрела довольно значительный размах. Особенно это заметно в подготовке национальных кадров. За период с 1929 года по 1933 год количество студентов мордовской национальности в вузах и втузах страны увеличилось с 400 до 1400 человек[3].

Всего же в высших и средних специальных учебных заведениях РСФСР в это время обучалось 6665 студентов из мордвы[4].

В итоге усиленной работы партийных и советских органов уже к концу первой пятилетки во всех отраслях народного хозяйства и культуры Мордовии успешно трудилось более 3900 дипломированных специалистов[5].

Важным политическим итогом подготовки кадров Мордовии за годы первой пятилетки явилась успешная работа по подготовке кадров интеллектуального труда из рабоче-крестьянской среды и увеличение партийно-комсомольской прослойки среди специалистов.

В результате досрочного выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР наша страна превратилась из страны аграрной, мелкокрестьянской в страну аграрно-индустриальную.

Однако жизнь шла вперед, она ставила все новые и новые проблемы. XVII партийная конференция ВКП(б), состоявшаяся в феврале 1932 года, утвердила директивы к составлению второго пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР на 1933—1937 гг. Основная хозяйственная задача второй пятилетки заключалась в том, чтобы завершить реконструкцию народного хозяйства и создать материально-техническую базу для всех его отраслей[6].

Согласно директивам XVII партконференции был составлен второй пятилетний план и Мордовской автономной области. За

[1] Газ. «Красная Мордовия», 6 июля 1933 г.
[2] Газ. «Мокшень правда», 20 сентября 1933 г.
[3] Журнал «Революция и национальности», № 4, 1935, стр. 13.
[4] Народное хозяйство и культурное строительство РСФСР. М., 1935, стр. 285.
[5] ЦГА МАССР, ф. 137, оп. 2, д. 87, л. 36, ф. 435, оп. 1, д. 76, л. 26, ф. 464, оп. 1, д. 5, л. 130, ф. книж. д. 3216, л. 33.
[6] КПСС в резолюциях..., т. 3, изд. 7, стр. 150—151.

период второй пятилетки намечалось вложить в народное хозяйство и культурное строительство Мордовии 405,9 млн. рублей[1].

Вторая пятилетка создавала возможность преодолеть хозяйственную и культурную отсталость Мордовии, превратить ее в аграрно-индустриальный район страны.

Выполнение программы второго пятилетнего плана требовало дальнейшего наращивания темпов подготовки молодых квалифицированных специалистов, всемерного повышения их общетеоретической и практической подготовки.

За годы второй пятилетки в Мордовии был открыт ряд новых средних специальных учебных заведений, среди которых были Темниковский и Лямбирский педагогические техникумы, Краснослободская культпросветшкола, Ардатовская и Краснослободская школы медсестер. Но в отличие от первой пятилетки в это время основное внимание местных партийно-советских органов было сосредоточено не на расширении сети учебных заведений, а на укреплении их материальной базы, оснащении учебными и наглядными пособиями и необходимым оборудованием.

Приведем данные о количестве техникумов и учащихся в них за шесть лет[2].

	1933	1934	1935	1936	1937	1938
Число техникумов	21	18	14	14	15	18
Учащихся в них	3251	2561	2838	3687	4206	6337

Как видно из таблицы, количество техникумов в Мордовии несколько колебалось, даже произошло некоторое снижение по сравнению с началом пятилетки. Это было вызвано требованиями борьбы за укрепление учебных заведений и качество подготовки специалистов. Некоторые небольшие учебные заведения были объединены, а часть даже закрыта. Но несмотря на частичное сокращение числа техникумов, количественный состав студентов шел по возрастающей линии.

Большую роль в улучшении качества подготовки специалистов сыграл новый порядок комплектования техникумов и вузов — введение вступительных экзаменов по основным предметам, что помогало учебным заведениям отбирать наиболее подготовленных и способных.

Введение конкурсных экзаменов стало возможным потому, что по мере осуществления всеобуча, в связи быстрым ростом

[1] Записки МНИИЯЛИЭ, № 19. Саранск, 1958 г., стр. 83.
[2] ЦГА МАССР, ф. 662, оп. 1, д. 66, л. 16.

средних школ стало выпускаться достаточное количество абитуриентов из рабочих и крестьян. Число неполных средних и средних школ в Мордовии возросло с 151 в 1932 году до 353 в 1937 году, количество учащихся во всех школах республики соответственно увеличилось с 178464 до 214870 человек[1].

Поэтому основным источником комплектования техникумов и вузов в эти годы явились уже не рабфаки и курсы, а средние и неполные средние общеобразовательные школы.

Успешное развитие школьной системы в СССР настоятельно требовало расширения подготовки педагогических кадров для семилетней и полной средней школы, специальных учебных заведений и культурно-просветительных учреждений. В этой связи СНК СССР и ЦК ВКП(б) в феврале 1935 г. приняли совместное постановление об увеличении контингента в педагогические и учительские институты[2].

Согласно этому постановлению в Мордовии происходит дальнейший рост педагогических учебных заведений и учащихся в них. Здесь дополнительно были открыты два педтехникума и два учительских института — Саранский и Темниковский. В общей сложности в Мордовии педагогические кадры готовились в 9 педтехникумах и 3 институтах. В 1938 году в педтехникумах обучалось 3074 человека, в институтах — 1472 человека[3].

В годы второй пятилетки широко развернулась заочная учеба учителей. Для этого были открыты заочные отделения при пединституте, учительских институтах и в ряде педтехникумов. Заочное отделение при Мордовском пединституте существовало с 1932/1933 учебного года в составе 3-х факультетов: социально-экономического, физико-математического и химико-биологического. С 1934/1935 учебного года были проведены некоторые изменения и образовано 4 факультета: исторический, языка и литературы, физико-математический и естественный[4].

Рост заочного обучения в Мордовской АССР:

Учебные годы	1932/1933	1933/1934	1934/1935	1935/1936	1936/1937	1937/1938	1938/1939	1939/1940
Контингент заочников	225	236	369	480	829	1337	1466	1243

Заочное отделение пединститута явилось важным подспорьем в подготовке преподавателей высшей квалификации.

[1] ЦГА МАССР, ф. 662, оп. 1, д. 66, л. 16.
[2] Украинцев В. В., указ. соч., стр. 212.
[3] ЦГА МАССР, ф. 1566, оп. 1, д. 108, л. 20.
[4] Там же, л. 73.

За 10 предвоенных лет пединститут выпустил 597 учителей из дневного и 408 человек из заочного отделений. В учительских институтах было подготовлено 336 учителей[1].

В 1934 году сделал первый выпуск заочников Саранский педтехникум. Заочный педтехникум имел 496 заочников, в том числе 102 мордовской национальности[2]. В 1940 г. заочные отделения имели 6 педтехникумов, где обучалось 1309 человек[3]. В последующее время число заочников в педтехникумах росло с каждым годом.

Областная партийная организация систематически заботилась об улучшении педагогического образования в республике. Вопросы улучшения работы пединститута и педагогических техникумов неоднократно были предметом обсуждения на пленумах, бюро обкома и райкомов партии, на заседаниях Совнаркома, Президиума Верховного Совета МАССР и исполкомов городских и районных Советов депутатов трудящихся. Партийные и советские организации проделали огромную работу по укомплектованию педагогических учебных заведений высококвалифицированными кадрами преподавателей, контингентом учащихся, по улучшению социального состава студентов. Партийные организации ориентировали руководителей учебных заведений уделять особое внимание подготовке национальных учителей. Пятый пленум обкома ВКП(б), например, установил конкретный план приема в педагогические техникумы в 1935 году из мордовского населения в количестве 570 человек[4].

В итоге работы очных и заочных отделений педагогических техникумов и педагогического института в Мордовии было подготовлено большое количество дипломированных работников народного просвещения.

Но дело не только в количественном росте. Педагогический коллектив республики изменился и в качественном отношении. Учительство стало искренне советским, социалистическим, творящим большое и благородное дело воспитания детей в духе коммунизма и проводящим огромную работу среди населения, особенно в деревне.

Среди работников народного просвещения Мордовии было немало энтузиастов своего дела, получивших признание всех учителей и общественности республики.

Опыт лучших учителей Мордовии впервые широко был обобщен на первом Мордовском областном съезде учителей-ударников в 1934 году. В докладе заведующего облоно Н. Н. Вождаева и в выступлениях участников съезда были отмечены

[1] Партархив Мордовского обкома КПСС, ф. 269/8, оп. 2, д. 55, л. 1.
[2] «Мокшень правда», 14 сентября 1934 г., № 201.
[3] ЦГА МАССР, ф. 1566, оп. 1, д. 108, л. 10.
[4] Резолюции пятого пленума Мордовского обкома ВКП(б), 1934, стр. 7.

большие достижения в области народного образования и названы имена лучших учителей Мордовии: Скворцова из Краснослободского района, Дивногорской — из Саранского района, Шабаловой — из Ромодановского района, Лавровской — из Кочкуровского района и многих других[1].

Добросовестные учителя, добившиеся хороших успехов на ниве народного образования, награждались почетными грамотами местных органов власти и общественных организаций, получали премии и другие меры поощрения. Лучшие из лучших учителей представлялись к награждению правительственными наградами.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 мая 1939 года было награждено из учителей Мордовской АССР 4 человека орденом Ленина, 8 — орденом Трудового Красного Знамени, 9 — орденом «Знак Почета», 7 — медалью «За трудовую доблесть» и 12 учителей медалью «За трудовое отличие». Среди награжденных были: М. Н. Алеева, Н. П. Архангельский, Н. Я. Бучумова, В. А. Вагин, Д. А. Журавлева, М. И. Куркова, Т. Е. Казямов, А. Г. Косов, А. П. Нугаева, А. С. Лягущкин, В. П. Летова, Н. Н. Молин, М. М. Самосудова, Е. Д. Трубкина, В. В. Углов, З. Е. Широкова, В. Ф. Шитова и другие[2].

В начале второй пятилетки Коммунистическая партия поставила задачу коренного улучшения медицинского обслуживания населения страны. С этой целью была усилена работа по подготовке медицинских работников. В сентябре 1934 года ЦИК СССР принял специальное постановление «О подготовке врачей», в котором предусматривались меры по увеличению контингента студентов в медицинских вузах страны[3].

Для Мордовии, не имеющей своего медицинского вуза, увеличилось число мест в медицинских вузах других городов. За период с 1930 по 1936 год медицинские вузы РСФСР выпустили врачей мордовской национальности 65 человек. Эта цифра для того времени была довольно значительная, если учесть, что за это же время было подготовлено врачей: марийцев — 27, башкиров — 18, удмуртов — 16 и т. д.[4].

11 февраля 1937 года Президиум Совета Национальностей ЦИК СССР заслушал доклад о работе Наркомздрава СССР и обязал его улучшить подготовку национальных кадров. При распределении выпускников вузов в первую очередь молодых специалистов направлять в национальные районы[5]. Это решение

[1] Первый Мордовский областной съезд учителей-ударников. Саранск, 1934, стр. 32—33.
[2] А. Ососков и К. Катков, Народное образование в Мордовской АССР, Саранск, 1946, стр. 47—49.
[3] Собрание законов и распоряжений, 1934, № 44, ст. 348.
[4] ЦГА МАССР, ф. 228, оп. 1, д. 365, л. 314.
[5] «Революция и национальности», № 5, 1937, стр. 93.

Президиума Совета Национальностей ЦИК СССР способствовало и росту врачебных кадров в Мордовии, в том числе и национальных медицинских кадров высшей квалификации.

Средний и младший медицинский персонал готовился в Саранской фельдшерско-акушерской, в Ардатовской и Краснослободской школах медицинских сестер. К концу 1937 года в этих учреждениях обучалось 1276 учащихся[1].

Многие работники медицинских учреждений Мордовской АССР уже в довоенные годы получили заслуженное признание населения и общественности. Среди них врачи Е. А. Алеев, М. А. Березин, П. В. Горбатов, Н. В. Иванцев, Козлова-Ковалева В. Н., Козлов И. А., Рудявский А. И., Юшкин Ю. И., фельдшера А. А. Диалектов, Д. К. Рыскин и многие другие[2].

В области подготовки специалистов сельского хозяйства в эти годы наблюдается увеличение студентов в Мордовской Высшей коммунистической сельскохозяйственной школе и сельскохозяйственных техникумах. В сельхозтехникумах, например, контингент учащихся увеличился с 811 человек в 1933 году до 1421 человека в 1937 году[3]. Это позволило ежегодно направлять в МТС, совхозы, районные сельхозорганы и колхозы республики значительное количество молодых специалистов.

Немаловажное значение для Мордовии имела подготовка специалистов сельского хозяйства в высших учебных заведениях за пределами республики. Так, в сельскохозяйственных вузах города Москвы в 1935/1936 учебном году, по неполным данным, обучалось из Мордовии 50 человек, в том числе в сельскохозяйственной академии им. Тимирязева — 21 студент, мясомолочном институте — 10, институте механизации и электрификации сельского хозяйства — 17, Академии социалистического земледелия — 2 человека[4].

Во второй половине 1931 года в ряде районов страны стали возникать новые формы обучения руководящих колхозных кадров — районные колхозные школы (РКШ). В Мордовии эта форма учебы получила развитие в основном в годы второй пятилетки. Срок обучения в РКШ длился от 5 месяцев до 1 года. Здесь готовились председатели колхозов, заведующие фермами, счетные работники, ветфельдшера. В 1934/1935 учебном году в республике было 20 районных колхозных школ, затем их число возросло до 23[5].

Только за последние три года второй пятилетки через систему районных колхозных школ было подготовлено следующее

[1] ЦГА МАССР, ф. 662, оп. 9, д. 199, л. 31.
[2] Там же, ф. 435, оп. 2, д. 76, л. 12.
[3] ЦГА МАССР, ф. 662, оп. 9, д. 199, л. 31.
[4] Партийный архив Мордовского обкома КПСС, ф. 326/7, оп. 1, д. 445, л. 57.
[5] Там же, ф. 269, оп. 1, д. 25, л. 70.

количество председателей колхозов, счетоводов, бригадиров и ветфельдшеров[1].

Учебные годы	Выпуск окончивших	
	всего	в том числе мордвы
1934/1935	1830	789
1935/1936	2839	1042
1936/1937	1986	567

Районные колхозные школы явились важным звеном в подготовке кадров для сельского хозяйства.

Таким образом, в годы двух довоенных пятилеток в Мордовии происходил быстрый рост специалистов со средним и высшим образованием. В эти годы росла сеть средних специализированных и высших школ. Но тем не менее кадров средней и высшей квалификации не хватало. Проблема кадров настоятельно требовала приема дополнительных форм их подготовки.

В этих условиях партийная организация Мордовии обратилась к испытанному методу пополнения своих кадров — выдвиженчеству. Выдвижение рабочих и крестьян на ответственные посты в партийно-советские учреждения и хозяйственные организации на территории Мордовии проводилось уже и в первые годы Советской власти. Но этот метод пополнения интеллигенции стал еще шире практиковаться в связи с организацией Мордовского округа и особенно когда в период реконструкции народного хозяйства значительно возросла потребность в кадрах. В наиболее массовом порядке выдвиженчество проводилось в партийно-советские и сельскохозяйственные органы. Важную роль в укреплении партийных, советских, профсоюзных, комсомольских и кооперативных организаций играли рабочие Мордовии. Хотя рабочий класс Мордовского округа был немногочислен, тем не менее он сыграл значительную роль в решении проблемы кадров. Промышленные предприятия стали резервом, из которого черпались работники для многих органов народного хозяйства и культуры округа. Не случайно поэтому среди выдвиженцев большая доля падала на рабочих. К середине 1930 года на работу областного масштаба рабочих с производства был выдвинут 41 человек, в том числе на советскую работу — 18, кооперативную — 11, административно-хозяйственную — 12 человек. В числе выдвинутых было 18 человек мордовской национальности[2].

[1] Партийный архив Мордовского обкома КПСС, ф. 269, оп. 1, д. 37, л. 59.
[2] ЦГА МАССР, ф. 137, оп. 1, д. 17, л. 218.

Выдвижение рабочих на административную работу проходило на собраниях партийных, комсомольских, профсоюзных организаций рабочих коллективов заводов, фабрик, МТС, совхозов и колхозников. Только по рекомендации профсоюзных организаций в первое полугодие 1935 года на советско-хозяйственную работу было выдвинуто 135 рабочих предприятий Мордовии, 9 человек — на профсоюзную работу[1].

Привлечение трудящихся масс к управлению государством В. И. Ленин видел как в смелом выдвижении надежных и способных людей из рабочего класса в государственный аппарат, так и в бесплатном выполнении «государственных обязанностей каждым трудящимся, по отбытии 8-часового урока» производительной работы...»[2].

Добровольная и бесплатная работа трудящихся в государственных учреждениях выразилась в форме массового шефства предприятий над советским аппаратом. Особенно большую помощь в укреплении партийно-советского аппарата Мордовии сыграли рабочие шефы из промышленных центров страны, в частности предприятий Москвы, Самары, Нижнего Новгорода и др.

В конце 1929 года Замоскворецкий район города Москвы взял шефство по оказанию помощи молодому, только что образованному Мордовскому округу[3]. Наряду с другими вопросами шефы Замоскворечья взяли на себя обязательство оказывать повседневную помощь в подготовке кадров народного хозяйства и культуры округа. В целях подготовки кадров низового советского и колхозного актива, счетных и других работников рабочие шефы организовали краткосрочные курсы[4].

Большую роль в дальнейшем развитии шефской работы имело постановление ЦК и ЦКК ВКП(б) «О выдвижении рабочих в советский аппарат» и массовом рабочем контроле снизу над советским аппаратом (о шефстве заводов)[5].

Руководствуясь этим постановлением ЦК партии, Московский облисполком своим решением наметил командировать в Мордовскую область непосредственно на низовую советскую работу 3500 человек членов Моссовета и городских Советов области[6].

Первая партия рабочих столицы прибыла уже в 1930 году в составе 51 члена Моссовета и 7 членов Серпуховского горсовета. В это же время прибыли 16 луганских рабочих[7].

[1] ЦГА МАССР, ф. 183, оп. 1, д. 42, л. 22.
[2] В. И. Ленин, ПСС, т. 36, стр. 204.
[3] ЦГА МАССР, ф. 238, оп. 3, д. 123, л. 17.
[4] Партархив Мордовского обкома КПСС, ф. 269/8, оп. 1, д. 90, л. 6.
[5] «Правда», 16 марта 1930 г.
[6] ЦГА МАССР, ф. 238, оп. 73, д. 128, л. 11.
[7] Там же, л. 17.

Большинство из присланных были использованы на советской работе, в сельском и районном аппарате: 42 человека — председателями сельсоветов, 12 — членами райисполкомов, 6 — инструкторами райисполкомов и т. д.[1]

Представители русского рабочего класса из промышленных центров страны, работая в тех или иных организациях Мордовии, проводили огромную работу по социалистическому переустройству мордовской деревни, упрочению дружбы между народами, усилению смычки между городом и деревней.

На областном совещании по советскому строительству в июле 1930 года было отмечено, что «прилив московских рабочих в состав районного и сельского звена области способствует укреплению низового аппарата и оживлению работы Советов»[2].

Огромная заслуга посланцев рабочего класса промышленных районов страны состояла еще и в том, что они передавали свой богатый организаторский опыт молодым мордовским кадрам, заботливо растили их для работы в качестве организаторов социалистических отраслей народного хозяйства.

Шефская работа проводилась в широком масштабе и рабочими самой Мордовии.

На базе развития шефской работы возникло новое массовое движение — социалистическое совместительство. Оно стало возможным в результате успехов социалистического строительства, повышения политической активности рабочего класса и роста его культурного уровня. Рабочие-соцсовместители прикреплялись к отдельным работникам госаппарата, тщательно изучали круг их обязанностей и затем выполняли их бесплатно, не отрываясь от своей основной работы на производстве.

В 1935 году, например, таких соцсовместителей было выделено из промышленных предприятий города Саранска 27 человек[3].

Рабочие-совместители вносили живую рабочую струю, существенные коррективы в работу государственного аппарата и общественных организаций, поднимали ряд важных вопросов организационного порядка. Соцсовместительство дало замечательные результаты в деле улучшения работы советского аппарата и борьбе с бюрократизмом. Это движение явилось дальнейшим шагом по пути развития советской демократии, роста и укрепления рядов советской интеллигенции, её связей с практикой.

Среди выдвиженцев рабочих-шефов и соцсовместителей было значительное количество из мордовской национальности. Привлечение рабочих и крестьян из мордовской национальности на работу в партийно-советский аппарат расширило в них

[1] Партархив Мордовского обкома КПСС, ф. 326/7, оп. 1, д. 769, л. 151.
[2] ЦГА МАССР, ф. 238, оп. 3, д. 128, л. 30.
[3] Там же, ф. 183, оп. 1, д. 42, л. 22.

национальное представительство. Это мероприятие способствовало коренизации партийно-советского аппарата за счет мордовских кадров и содействовало переводу делопроизводства в мордовских селах, в районах и областных учреждениях на родной язык.

К концу 1930 года среди руководящего состава области мордва составляла 45%, среди ответственных исполнителей — 36%, среди технического персонала — 5,7%. Если на 1 декабря 1929 года в среднем в советском аппарате мордва составляла 11%, к этому же времени 1930 года уже 18,8%[1].

Многие мордовские работники избирались председателями сельских и районных Советов, возглавляли отделы и другие ответственные участки работы.

На 1 июля 1936 года из 605 председателей сельских Советов Мордовии 221 человек был мордовской национальности. Председателями райисполкомов было избрано 14 человек, секретарями РИКов — 12 человек, заведующими организационными отделами — 14, инструкторами — 19 человек выходцев из мордовского народа[2].

Коренизация партийно-советского аппарата позволила еще больше сблизить органы власти с народом, на более доступном родном языке разъяснять политику партии и организовывать её претворение в жизнь.

Среди партийно-советских работников Мордовии немалое количество составляли женщины, в том числе мордовки. Женщины в эти годы стали играть более активную роль в общественно-политической и хозяйственной жизни Мордовии, особенно в сельской местности.

В 1929 году Мордовский округ занимал первое место в Средне-Волжской области по количеству избранных женщин председателями сельских Советов. Всего по области была избрана председателями сельсоветов 171 женщина, из них по Мордовскому округу — 54 человека[3]. Кроме того, в состав президиумов сельсоветов было избрано 199, в райисполкомы — 144, в президиумы райисполкомов — 15, в члены окрисполкома — 17 женщин, в том числе 8 мордовок. Одна женщина была избрана председателем райисполкома. Мордовка-батрачка Шестеркина избрана кандидатом в члены ЦИК РСФСР[4].

В последующие годы не ослабевала работа по выдвижению женщин на советскую работу. В 1935 году, например, была избрана председателями сельсоветов 51 женщина, членами и кандидатами ЦИК МАССР — 31 человек. По одной женщине от Мордовии было избрано в состав Средне-Волжского крайиспол-

[1] Партархив Мордовского обкома КПСС, ф. 269/8, оп. 1, д. 115, л. 37.
[2] Партархив Мордовского обкома КПСС, ф. 269/8, оп. 1, д. 480, лл. 83—84.
[3] Газета «Завод и пашня», 9 апреля 1929 г., № 41.
[4] Газета «Завод и пашня, 23 мая, 6 ноября 1929 г.

кома и в Совет Национальностей ВЦИК. Среди всех женщин в советском аппарате были и мордовки. Так, в составе председателей сельсоветов было 19 мордовок, в ЦИКе МАССР — 16 и одна — во ВЦИКе[1].

Выдвижение женщин на советскую, кооперативную, профсоюзную и хозяйственную работу значительно оживило массово-политическую работу среди женщин. Женщина стала шире привлекаться в хозяйственно-политическую жизнь села, района и в целом страны. Все эти факты свидетельствуют об огромной работе партии по вовлечению женщин, особенно мордовок, в дело социалистического строительства.

Начавшаяся в 1929 году массовая коллективизация сельского хозяйства потребовала многочисленную армию специалистов различных профессий колхозного производства и, в первую очередь, организаторов и руководителей колхозного дела. Такая категория сельскохозяйственной производственной интеллигенции не имелась в наличии и не готовилась еще ни в одном учебном заведении. Поэтому организаторов колхозного производства надо было искать в гуще народной массы. Решить эту задачу без организации широкой помощи рабочего класса было невозможно. Трудящиеся массы крестьянства нуждались в помощи промышленных рабочих, как передового класса советского общества, имевшего опыт социалистической организации труда.

Основной опорой в социалистической организации крестьянства являлся рабочий класс промышленных предприятий и железнодорожного транспорта Мордовии. Но этих сил было недостаточно. Поэтому приходилось обращаться за помощью к рабочим промышленных центров страны. 28 января 1930 года в Мордовскую автономную область прибыло 70 рабочих-двадцатипятитысячников. Это были передовые рабочие Москвы. Вслед за ними прибыло 130 рабочих Шатуры, Орехово-Зуева, Луганска. Всего в Мордовию прибыло 294 двадцатипятитысячника[2]. Из их числа 145 человек было избрано председателями колхозов[3].

Некоторые двадцатипятитысячники направлялись членами правлений колхозов, председателями правлений райколхозсоюзов, директорами и заместителями директоров МТС, зав. мастерскими и т. д.

Непосредственное участие рабочего класса в социалистическом преобразовании мордовской деревни имело огромное значение, ибо рабочие являлись лучшими пропагандистами и организаторами крупного социалистического производства.

Но роль двадцатипятитысячников не исчерпывается только тем, что они принимали непосредственное участие в коллективизации, возглавляли колхозы и другие ответственные участки работы в сельском хозяйстве. Они являлись тем ядром, вокруг которого сплачивались в массовом порядке кадры из среды крестьянства. Следовательно, приезд рабочих не столько создал колхозные кадры, сколько явился своего рода ускорителем их роста.

«Стать организаторами колхозных организаторов — вот основная боевая задача отъезжающих товарищей»,— говорил на одной из встреч с двадцатипятитысячниками нарком земледелия СССР Я. А. Яковлев[1].

Двадцатипятитысячники содействовали партийным организациям Мордовии использовать высокую активность бедняков в социалистическом преобразовании деревни, выдвигать наиболее способных из них в органы управления колхозов. Так, в органы управления колхозов Мордовской области было вовлечено 1916 человек, в том числе 77 батраков, 916 бедняков, 671 середняк, 173 рабочих, 77 служащих и прочих 2 человека[2].

Участвуя в работе колхозных органов, крестьянский актив получал соответствующую политическую закалку и практические навыки управления коллективным хозяйством. Этот актив являлся большим резервом для выдвижения на работу в отстающие и вновь создаваемые коллективные хозяйства. Так, из народных масс нарождалась сельская производственная интеллигенция. Этому в значительной степени способствовали МТС и политотделы при них.

Широкое привлечение трудящихся масс в качестве партийно-советских, кооперативных и профсоюзных работников на руководящую работу в колхозы, совхозы и МТС укрепляло эти органы в социальном отношении. Но рабочие и крестьяне в своем большинстве имели очень низкий общеобразовательный уровень, недостаточную политическую подготовку и не имели практического опыта работы в этих организациях. Поэтому требовалась постоянная работа по повышению квалификации и идейно-политического уровня этих кадров.

Одним из наиболее массовых методов повышения квалификации выдвиженцев из рабочих и крестьян, как и в первые годы после Октября, явились различного рода курсовые мероприятия.

Уже 20 сентября 1928 года, т. е. вскоре после образования Мордовского округа, бюро окружкома ВКП(б), обсуждая вопрос о работе среди батрачества, вынесло решение организовать в зимнее время месячные курсы на 30—40 человек для подготовки их на руководящую низовую профсоюзную работу[3].

---

[1] ЦГА МАССР, ф. 175, оп. 1, д. 136, лл. 45—46.
[2] Очерки истории Мордовской АССР, т. 2, стр. 187.
[3] ЦГА МАССР, ф. 108, оп. 3, д. 63, л. 121.

[1] Цит. по книге Ю. С. Борисова «Подготовка производственных кадров сельского хозяйства СССР в реконструктивный период», М., 1960, стр. 81.
[2] ЦГА МАССР, ф. 108, оп. 3, д. 63, л. 121.
[3] Партархив Мордовского обкома КПСС, ф. 326/7, оп. 1, д. 80, л. 36.

С 20 ноября 1928 года по 5 января 1929 года проводились межрайонные курсы батрацко-бедняцкого актива в 5 райцентрах, где были представлены все районы округа. Курсами был охвачен 181 человек, из них русских — 108, мордвы — 63, татар — 10 человек. По социальному положению курсанты подразделялись так: бедняков — 99, батраков — 69, рабочих совхозов — 11, прочих — 2 человека[1].

В ходе проведения таких курсов отбирались наиболее подготовленные товарищи для выдвижения на работу в партийно-советские, профсоюзно-комсомольские и хозяйственные организации.

Для выдвиженцев, избранных на те или иные административные должности в Советы, проводились специальные курсы. Так, в течение 1928—1930 годов на краткосрочных курсах повышали свою квалификацию 70 председателей, 117 секретарей сельсоветов, 26 делопроизводителей, 33 практиканта и 1 инструктор, а всего 247 человек[2].

В эти же годы на краевых курсах из Мордовии обучалось 49 человек и на центральных курсах — 6 работников сельских и районных Советов. К концу 1930 года на центральные курсы было направлено дополнительно еще 6 председателей райисполкомов[3].

Для женщин-активисток из национальных меньшинств создавались отдельные курсы. Это вызывалось тем обстоятельством, что женщины мордовки и татарки не имели зачастую элементарной грамотности, не знали прав и обязанностей граждан, плохо разбирались в советских законах. В 1931 году при президиуме Мордовского облисполкома проводились двухмесячные курсы председателей, заместителей председателей и рядовых активных членов нацменовских сельсоветов — женщин мордовок и татарок. На курсы было привлечено 23 человека, в том числе 16 мордовок и 7 татарок.

В программе курсов были вопросы советского и колхозного строительства, общеобразовательные предметы: русский язык, математика, а также вопросы охраны материнства и младенчества, антирелигиозная работа и другие[4].

В связи с тем, что в области было много различных курсов, бюро обкома партии решило организовать курсовое бюро при культпропотделе обкома, которому было поручено разработать программно-методические вопросы, регулировать состав курсов в количественном и качественном отношении. В состав курсового бюро были привлечены представители от обкома партии, облисполкома, облпрофсовета, обкома комсомола и других организаций[1].

[1] Партархив Мордовского обкома КПСС, ф. 326/7, оп. 1, д. 293, л. 204.
[2] Там же, ф. 326/7, оп. 1, д. 769, л. 151.
[3] Там же.
[4] ЦГА МАССР, ф. 238, оп. 1, д. 2, лл. 8—18.

Курсовое бюро проделало значительную работу по улучшению работы курсов и тем самым содействовало подготовке кадров для народного хозяйства и культуры Мордовии. Таким образом, учеба кадров через курсы приобрела широкий размах. Курсы создавались по инициативе партийных, советских, профсоюзных органов, общественных и хозяйственных организаций по мере необходимости. Программы и сроки учебы устанавливались в зависимости от уровня подготовки привлекаемых работников и задач, которые ставились перед курсами. Поэтому в системе курсов даже по одному и тому же ведомству наблюдалось большое разнообразие. Это видно на примере курсов по подготовке кадров советского аппарата[2].

	1931 г.	1932 г.	1933 г.	1934 г.	Всего
Курсы выдвиженцев	—	—	—	85	85
Трехмесячные курсы советского строительства	57	—	30	—	87
Одномесячные межрайонные курсы	161	90	—	—	251
Двухмесячные районные курсы	68	—	16	—	84
Областные двухмесячные курсы женщин	19	—	14	—	33
Пятимесячные областные курсы советских работников	—	64	16	—	80
2,5-месячные курсы	—	27	—	—	27
Трехмесячные областные курсы советского и колхозного актива	—	—	—	80	80
Межрайонные курсы советского актива	—	—	—	85	85
Межрайонные курсы по подготовке женщин	—	—	—	65	65
	305	181	76	315	877

Помимо этого, подготовлено на различных советских курсах вне пределов Мордовской области 99 человек[3].

При отборе слушателей на различные курсы в первую очередь учитывались потребности на национальные кадры. Не случайно поэтому среди слушателей различного рода курсов преобладающее число составляли слушатели мордовской национальности. Только за 1928—1932 годы, по неполным данным,

[1] Партархив Мордовского обкома КПСС, ф. 269/8, оп. 1, д. 45, лл. 114—115.
[2] Мордовия за пять лет, стр. 11—12.
[3] Там же, стр. 12.

подготовлено для работы в советских организациях кадров из мордвы в количестве 632 человек[1].

Большую практическую помощь Мордовской партийной организации в подготовке кадров оказывали систематически посылаемые пропагандистские группы Центрального Комитета партии. Решением Оргбюро ЦК ВКП(б) на пропагандистские группы возлагалась в основном подготовка национальных работников районного, колхозного актива и пропагандистских кадров.

Так, в 1931 году в Мордовии работали 3 разъездные бригады пропагандистов ЦК партии с привлечением местных партийных работников, знающих мордовский язык. Эти бригады подготовили секретарей партийных ячеек и пропагандистов для семи районов области. Через этот актив в районах проводили десятидневные школы политграмоты с колхозниками, а из колхозников, слушателей этих школ, создавались бригады по работе среди единоличников по вовлечению в колхоз[2].

Следовательно, пропагандистские группы ЦК своим воздействием охватили очень широкий круг партийного и колхозного актива, это в значительной мере повышало активность партийно-советских кадров Мордовии.

Пропагандистские группы ЦК партии оказывали помощь в подготовке кадров во все предвоенные годы. Но основная масса кадров по-прежнему усовершенствовала свою производственную квалификацию и политический уровень через разнообразные курсы. Эта форма учебы кадров получила еще более широкое применение в годы второй пятилетки.

В отличие от первой пятилетки, когда курсы создавались по ходу работы, во втором пятилетнем плане предусматривалась планомерная работа курсов с заранее определенным количеством слушателей. Так, внутри области было намечено подготовить на различных курсах сроком от 2 до 6 месяцев работников сельских Советов и райисполкомов следующее количество[3].

	1933 г.	1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.
Количество курсантов	2635	3561	3611	5160	5139

Кроме того, значительное количество кадров советского аппарата было намечено подготовить на различных курсах за пределами Мордовии. Во вторую пятилетку планировалось на Высших краевых и центральных курсах, а также при высших учебных заведениях подготовить и переподготовить следующее количество работников[1].

	1933 г.	1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.
На Высших центральных курсах при ВЦИК	5	6	10	10	10
В Казанском институте советского строительства	15	20	25	25	25
В Саратовском институте советского строительства	5	10	10	15	15
На Высших краевых курсах	15	20	20	25	30

Конечно, жизнь вносила коррективы в эти плановые наметки. Но тем не менее заранее разработанный план имел огромную организующую роль.

Не менее интенсивно, чем подготовка партийно-советских кадров через курсовую систему, шло обучение выдвиженцев на колхозно-кооперативную работу. Уже в 1930 году по Мордовии через различные курсы было подготовлено 720 человек для работы в коллективных хозяйствах[2].

Коллективизация сел с мордовским населением выдвинула проблему национальных кадров как самую острую проблему. Партия рассматривала вопрос о подготовке национальных колхозных кадров как один из главных вопросов. Эта проблема была в центре внимания и партийно-советских органов Мордовии.

В постановлении I съезда Советов Мордовской автономной области в феврале 1931 года облисполком и райисполкомы обязывались «с особой настойчивостью развернуть мероприятия по подготовке сельскохозяйственных кадров, добиваясь расширения сети сельскохозяйственных учебных заведений, полностью выполнить программу курсовых мероприятий, при этом особое внимание уделить на подготовку кадров из мордвы и татар»[3].

Исходя из этого постановления, при комплектовании различных курсов в Мордовии всегда привлекалось по возможности максимальное количество мордовского населения. Так, за первое полугодие 1931 года на краткосрочных курсах по колхозному строительству было подготовлено 419 человек мордовской национальности[4].

[1] ЦГАОР и СС, ф. 1235, оп. 125, д. 182, л. 341, Партархив Мордовского обкома КПСС, ф. 325/7, оп. 1, д. 769, л. 151.
[2] «Революция и национальности», № 10—11, 1931, стр. 45.
[3] ЦГА МАССР, ф. 238, оп. 5, д. 182, л. 35.

[1] ЦГА МАССР, ф. 238, оп. 5, д. 182, л. 34.
[2] Там же, ф. 193, оп. 1, д. 46, л. 77.
[3] Постановление I съезда Советов Мордовской автономной области. 1931, стр. 41.
[4] ЦГА МАССР, ф. 193, оп. 1, д. 46, л. 77.

В последующие годы число курсантов из мордвы все более и более увеличивалось. К февралю 1934 года на курсах было подготовлено 1231 человек специалистов по различным отраслям сельского хозяйства мордовской национальности[1]. При этом следует иметь в виду, что в мордовских селах работали не только национальные кадры, но и значительное количество русских, которые способствовали дальнейшему упрочению дружбы между этими народами.

Однако, несмотря на большую работу по созданию курсов, привлечение рабочих, выдвиженчество и т. д., к концу первой пятилетки кадров в сельском хозяйстве Мордовии все еще не хватало. К тому же имеющиеся кадры медленно перестраивали свою работу в условиях дальнейшего роста коллективизации в соответствии с решениями XVII съезда партии по организационно-хозяйственному укреплению колхозов.

Оценивая свою деятельность в свете решений XVII съезда ВКП(б), второй пленум Мордовского обкома партии в июне 1934 года отметил «...неудовлетворительную работу обкома и районных комитетов партии по отбору и расстановке сельских кадров первичных парторганизаций, Советов и колхозов»[2].

Пленум обязал бюро обкома, райкомы и политотделы «на основе настойчивого и смелого выдвижения на руководящую работу в колхозах и сельсоветах выросшего слоя рядовых партийцев и беспартийных колхозников-активистов, в первую очередь — мордвы и женщин, обеспечить решительное повышение политического и делового уровня руководящих сельских и районных кадров». Одновременно пленум поручил «организовать областные курсы выдвиженцев на руководящую сельскую и районную работу не менее чем на сто человек колхозников и колхозниц, превратив их в постоянно действующие»[3].

Вопрос подготовки партийно-советских и колхозных кадров был специально обсужден на V пленуме Мордовского обкома ВКП(б) в мае 1935 года[4].

После решения пленумов обкома ВКП(б) в курсовой системе подготовки кадров для сельского хозяйства наблюдается заметное улучшение. Учитывая недостатки первых лет организации краткосрочных курсов и выполняя указания вышестоящих органов, партийно-советские организации и земельные органы Мордовии увеличили сроки обучения на курсах и стали практиковать проведение курсов от 6 месяцев до 1 года. При этом курсы проводились не вообще для всех, по одной программе, а с учетом специализации по определенной отрасли колхозно-совхозного производства.

[1] ЦГА МАССР, ф. 240, оп. 2, д. 18, л. 14.
[2] Резолюция II пленума Мордовского обкома ВКП(б), Саранск, 1934 г., стр. 4. [3] Там же, стр. 5.
[4] Резолюция V пленума Мордовского обкома ВКП(б), Саранск, 1935 г., стр. 3.

По этой системе в 1935 году на курсах было подготовлено 43 механика тракторных бригад, 432 председателя колхоза, 674 бригадира полеводческих бригад, 444 ветсанитара, 665 бригадиров животноводческих бригад, 562 счетовода[1].

Итак, культурный рост трудящихся масс Мордовии дал возможность пополнить ряды интеллигенции за счет выдвижения рабочих и крестьян и их детей. Сотни бывших рабочих и крестьян выросли в крупных руководителей государственного, хозяйственного и партийного аппарата, новаторов промышленности и сельскохозяйственного производства.

Выдвижение культурно выросших рабочих и крестьян на руководящую работу является новой закономерностью развития социалистического общества. Таким образом, в результате расширения высших и средних специальных учебных заведений, выдвиженчества, организации курсов и других форм подготовки кадров в годы реконструкции народного хозяйства и победы социализма в СССР в Мордовии сложилась своя многочисленная советская интеллигенция, как определенная социальная прослойка.

К началу третьей пятилетки в Мордовской АССР работало 6549 учителей, 1385 инженерно-технических работников, 968 медицинских работников, 685 дипломированных специалистов сельского хозяйства и другой интеллигенции во всех сферах народного хозяйства и культуры республики[2].

В своем абсолютном большинстве это были хорошо подготовленные, высококвалифицированные специалисты, прошедшие обучение в высшей или средней специальной школе. Только специалистов с высшим образованием на 1 января 1939 года в Мордовии было 1146 человек, в том числе инженеров 162 человека, экономистов —53, агрономов —100, педагогов—474, врачей —196 и т. д.[3].

Большое политическое и практическое значение имела подготовка кадров мордовской национальности. Наиболее многочисленным отрядом мордовской интеллигенции являлись педагогические кадры. На начало 1937 года учителей из мордвы насчитывалось 1992 чел.[4]. На эту же дату, по данным 29 промышленных предприятий Мордовии, инженерно-технические работники из мордвы составляли 10,8%, среди служащих — 13,6% всего состава[5].

На отдельных заводах и фабриках процент национальной инженерно-технической интеллигенции был еще выше. Так, на

[1] ЦГА МАССР, ф. 175, оп. 1, д. 109, л. 123.
[2] Сводные данные составлены на основе следующих источников: ЦГА МАССР, ф. 1566, оп. 1, д. 50, лл. 42—43, ф. 238, оп. 4, д. 2, л. 70, ф. 238, оп. 1, д. 60, л. 15, газ. «Красная Мордовия» от 22 января 1937 г., 12 апреля 1937 г.
[3] Юбилейная сессия Верховного Совета МАССР, Саранск, 1940, стр. 121.
[4] ЦГА МАССР, ф. 238, оп. 1, д. 141, л. 22.
[5] Партархив Мордовского обкома КПСС, ф. 269/8, оп. 2, д. 114, л. 22.

Ичалковском и Атяшевском пенькозаводах инженерно-технические кадры из мордвы составляли 25%, на Кочкуровском пенькозаводе — 50% и т. д.[1].

Многие специалисты из мордвы в эти годы показали себя хорошими знатоками своего дела, умелыми организаторами рабочих и были выдвинуты на ответственные должности. Среди них можно назвать И. М. Дорофеева, который в свое время был командирован на учебу в Московский институт инженеров транспорта, где окончил факультет гражданских сооружений. После окончания института он работал на ряде важных строек страны, а затем вернулся в Мордовию и руководил многими крупными стройками в городе Саранске. Этот молодой специалист был выдвинут главным инженером Наркомхоза МАССР[2].

Среди инженерно-технических работников были и женщины-мордовки, что свидетельствовало о громадном скачке в культурном уровне мордовского народа.

Крупным хозяйственным руководителем в эти годы стала инженер-электрик М. С. Силкина по национальности мордовка. Окончив рабфак при Казанском университете, а затем Московский энергетический институт, молодой специалист едет в Саранск. М. С. Силкина вначале работала на строительстве Саранской тепловой электростанции, а затем была выдвинута директором этого крупного предприятия. Она приложила много усилий, чтобы СарТЭЦ была в числе передовых предприятий республики[3].

Аналогичные примеры были и на многих других предприятиях. Инженерно-техническая интеллигенция Мордовии, сложившаяся в годы довоенных пятилеток, проделала большую работу по организации промышленного производства, по повышению культурно-технического уровня рабочих, повышению производительности труда и улучшению качества выпускаемой продукции.

Немало выходцев из мордовской национальности было среди специалистов сельского хозяйства. Многие из них выдвигались на ответственные руководящие должности не только в колхозах, но и в МТС, совхозах, в районных и областных земельных органах. Только в МТС на постах директоров, их заместителей и главных специалистов работало 86 человек мордовской национальности[4].

Из среды мордовского народа выросли такие крупные партийно-советские работники того периода, как председатель ЦИК МАССР Н. Г. Сурдин, нарком просвещения Н. Н. Вождаев, ответственные работники обкома партии и совнаркома Мордовской АССР И. В. Шапошников, П. В. Шапошников, П. В. Галаев и многие другие.

Значительное количество мордовских специалистов было среди других категорий интеллигенции Мордовии.

В целом по стране в эти годы специалистов из мордвы только с высшим образованием насчитывалось 1002 человека, из них окончили вуз после Октябрьской революции 989 человек, или 98,7%[1]. Эти данные еще раз подтверждают, что национальная мордовская интеллигенция выросла за годы Советской власти.

Советская интеллигенция Мордовии, вышедшая из рабочих и крестьян и воспитанная Коммунистической партией, плодотворно работала во всех отраслях народного хозяйства и культуры. Она стала общественной прослойкой социалистического типа, активно участвующей в строительстве нового общества. За предвоенные годы произошли большие изменения в составе интеллигенции. Она стала «в своей массе совершенно новой интеллигенцией, связанной всеми своими корнями с рабочим классом и крестьянством... Советская интеллигенция служит не капитализму, как старая интеллигенция, а социализму и является равноправным членом социалистического общества»[2].

Эта оценка роли советской интеллигенции в полной мере относилась и к интеллигенции Мордовской АССР.

Успехи в строительстве социализма и, в частности, в создании кадров советской интеллигенции Мордовии были достигнуты в довоенные годы благодаря заботе Коммунистической партии, ее Центрального Комитета, огромным усилиям партийных, советских, профсоюзных, комсомольских организаций, работе вузов, техникумов, рабфаков, различных курсов и школ.

Большая заслуга в подготовке национальной мордовской интеллигенции принадлежит великому русскому народу и другим братским народам СССР.

Но эти успехи были бы еще значительнее, если бы не было нарушений социалистической законности. В конце второй и начале третьей пятилетки Мордовия была лишена большого количества талантливых организаторов хозяйства, ученых, деятелей литературы и искусства и других работников умственного труда. Это ненормальное явление наложило отрицательный отпечаток на формирование интеллигенции Мордовии, но оно не могло остановить поступательного движения по выращиванию квалифицированных кадров для всех отраслей народного хозяйства. И в эти годы в целом продолжался с нарастающими темпами процесс подготовки интеллигенции через высшую и среднюю специальную школу, путем выдвижения и других форм подготовки кадров.

---

[1] М. Бор, Развитие социалистической промышленности Мордовии, стр. 36.
[2] «Мокшень правда», № 7, 1937 г., № 256.
[3] Ежова В. П., Лопатова В. И., Стастухин Н. Н., Женщины Советской Мордовии, Саранск, 1964, стр. 65.
[4] Партархив Мордовского обкома КПСС, ф. 269, оп. 1, д. 37, л. 168.

[1] Юбилейная сессия Верховного Совета МАССР, стр. 131.
[2] XVIII съезд ВКП(б), стенографический отчет, Госполитиздат, 1939, стр. 667.

* * *

В годы реконструкции народного хозяйства в Мордовии в основном была разрешена одна из важнейших задач социалистического строительства — созданы многочисленные кадры советской интеллигенции, вооруженной передовыми знаниями и проникнутой беззаветной преданностью делу коммунизма. Интеллигенция Мордовии в годы предвоенных пятилеток внесла свой посильный вклад в борьбу советского народа за осуществление ленинского плана построения социализма в СССР.

Подготовка кадров интеллигенции Мордовии получила свое дальнейшее развитие в послевоенный период. К концу 1964 года в народном хозяйстве Мордовской АССР работало 37808 дипломированных специалистов, в том числе с высшим образованием 13515 человек, со средним специальным 24293 человека. Наиболее крупный отряд интеллигенции Мордовии составляют учителя. На 15 ноября 1964 года в школах республики работало 7915 учителей с высшим образованием и 7141 со средним педагогическим образованием. В промышленности, строительстве и транспорте было занято 2088 инженеров и 5755 техников, в сельском хозяйстве —1156 специалистов с высшим и 2498 со средним специальным образованием. Медицинское обслуживание населения осуществляло 1130 врачей и 5130 человек среднего медицинского персонала.

Большинство специалистов республики выпускается учебными заведениями Мордовии, число обучающихся в которых растет из года в год. Только в Мордовском государственном университете в 1965 году обучалось 11817 студентов. Число студентов Мордовского пединститута составляло 2255 человек.

Из университета в 1965 году было выпущено 749 специалистов высшей квалификации.

В Мордовской АССР, кроме вузов, кадры готовят 16 средних специальных учебных заведений. В них обучается более 26 тысяч студентов. Из этих учебных заведений в 1965 году выпущено 1426 техников, экономистов, специалистов сельского хозяйства, просвещения и здравоохранения.

К концу 1965 года в народном хозяйстве Мордовии каждый шестой работник имел высшее или среднее специальное образование. На каждую тысячу человек приходилось 33 инженера, 20 агрономов, зоотехников и ветврачей, 26 врачей и средних медицинских работников[1].

Подготовленная благодаря неустанным заботам партии и правительства за годы Советской власти интеллигенция Мордовии с возрастающей энергией и энтузиазмом работает над созданием материально-технической базы коммунизма и развитием национальной культуры.

---

[1] Данные статуправления Мордовской АССР.

В. С. Тягушев

БОРЬБА ЗА УКРЕПЛЕНИЕ МЕСТНЫХ СОВЕТОВ МОРДОВИИ В ПЕРИОД ПОДГОТОВКИ МАССОВОЙ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ

Руководствуясь ленинским планом социалистического переустройства сельского хозяйства, учитывая опыт колхозного строительства за первое десятилетие Советской власти и экономические возможности государства, XV съезд Коммунистической партии провозгласил курс на коллективизацию сельского хозяйства. На очередь дня был поставлен вопрос о замене старых буржуазных производственных отношений в деревне, ставших тормозом дальнейшего экономического развития страны, новыми социалистическими производственными отношениями, дающими возможность быстрого планомерного развития всех отраслей народного хозяйства.

Курс партии и Советского государства, направленный на социалистическое переустройство деревни, настоятельно требовал дальнейшего улучшения работы местных, особенно сельских Советов. Местные Советы должны были хорошо уяснить задачи, поставленные XV съездом партии, овладеть методами руководства, соответствующими новому этапу социалистического строительства.

В новых условиях особое значение приобретала работа Советов с массами, в особенности с беднотой и батрачеством, как действительной опорой Советской власти в деревне. Лишь твердо опираясь на бедняцко-батрацкие слои и при поддержке середняка, местные Советы могли справиться с разрешением стоящих перед ними задач социалистического переустройства деревни. Местные Советы совместно с партийными ячейками и под их руководством должны были проводить большую работу по убеждению крестьян в необходимости проведения коллективизации, разъяснению преимуществ коллективного способа ведения хозяйства и возглавить движение за создание колхозов.

Перед Коммунистической партией и Советской страной стояла задача вовлечения самых широких слоев трудящихся в дело управления государством. И в этом особая роль принадлежала Советам. Они должны были стать школой, где крестьянские

массы могли бы учиться строить социализм. Перед Советами Мордовии эта задача стояла особенно остро. Мордовское население испытало на себе при царизме национальный гнет и полное политическое бесправие. Поэтому надо было с особой активностью втягивать его в политическую жизнь. Необходимо было ускорить этот процесс путем привлечения мордовского населения в работу Советов, их секций, групп бедноты и т. д.

Исключительное значение в этот период имело проведение Советами в деревне строго партийной, классовой линии, направленной на решительную борьбу со всякими антисоветскими проявлениями эксплуататорской тенденции кулачества, с бюрократизмом, волокитой и т. д. Ответственность и сложность работы сельских Советов Мордовии усиливалась тем, что партийных сил в деревне было мало. Не в каждом селе были партийные ячейки и даже члены партии. Нередки были случаи, когда одна партийная ячейка объединяла коммунистов нескольких населенных пунктов.

Стоящие перед Советами новые задачи могли быть выполнены только в результате коренного улучшения их деятельности. Хотя в работе Советов Мордовии были достигнуты определенные сдвиги в сторону приближения их к массам, вовлечения в советское строительство более широких слоев трудящихся крестьян, улучшения социального состава Советов, однако в деятельности местных Советов Мордовии было еще много недостатков. Недостаточно была поставлена организаторско-хозяйственная работа на селе, некоторые сельские Советы занимались голым администрированием, бюрократически относились к нуждам и запросам крестьян.

Многими Советами недостаточно широко велась массовая работа среди крестьян по сплачиванию вокруг себя деревенского актива. При Советах мало было организовано секций, некоторые из них работали плохо. Так, на 1 июля 1928 года, то есть к моменту организации Мордовского округа, было 859 сельсоветов, а секций насчитывалось только 749. Нерегулярно проводились заседания Советов, посещаемость депутатов составляла лишь 50%[1].

Отдельные Советы в своей деятельности недостаточно опирались на бедноту, плохо занимались ее организацией. К июлю 1928 года в Мордовии было всего 246 групп бедноты[2]. При том не все они были организованы при сельсоветах; некоторые группы бедноты работали при кооперации или крестьянах.

Были случаи неправильного отношения к середняку, к этой основной массе крестьянства. Отдельных середняков причисляли к кулакам, облагали чрезмерными налогами, лишали избирательных прав и т. п. В то же время в составе отдельных Советов Мордовии были кулацкие элементы, которые враждебно относились к политике партии в деревне, вели подрывную деятельность, старались вырвать середняка из-под влияния Советской власти и привлечь его на свою сторону.

[1] ЦГА МАССР, ф. Р-149, оп. 1, д. 20, л. 8.
[2] Журнал «Коммунист», Самара, № 17—18, 1929, стр. 80.

Оживлению деятельности местных Советов Мордовии несколько препятствовала слабая их материальная база. Положение усугублялось и тем, что не хватало подготовленных национальных кадров советских работников. Низка была грамотность среди мордовского населения, особенно среди женщин-мордовок.

Чтобы выполнить поставленные XV съездом Коммунистической партии задачи по социалистическому преобразованию сельского хозяйства, Мордовской партийной организации необходимо было устранить все те недостатки, которые имелись в работе местных органов власти. Для этого требовалось расширить их экономические и политические функции, укрепить материальную базу, очистить их от враждебных элементов, подготовить кадры советских работников и особенно из мордовской национальности, шире привлекать в их работу беспартийный крестьянский актив, женщин.

В оживлении деятельности Советов Мордовии, приближении их к массам большое значение имело проведение ленинской национальной политики.

Царское правительство, проводя политику руссификации нерусских народов, искусственно расчленило их на части, включая в состав нескольких губерний. Тем самым задерживалось экономическое и культурное развитие нерусских народов, в том числе и мордовского народа.

В. И. Ленин задолго до Октябрьской революции в работе «Критические заметки по национальному вопросу», говоря о замене старого административного деления, указывал на необходимость при этом учитывать при создании нового политико-административного деления национальный состав населения. Давая оценку резолюции по национальному вопросу летнего 1913 года совещания ЦК РСДРП с партийными работниками, он писал, что «национальный состав населения поставлен здесь рядом с другими условиями (в первую голову хозяйственными, затем бытовыми и т. д.), которые должны послужить основанием к установлению новых границ...»[1].

Исходя из положений ленинской национальной политики, X съезд РКП(б) так определил задачи партии в области национального строительства: «Помочь трудовым массам невеликорусских народов догнать ушедшую вперед центральную Россию, помочь им: а) развить и укрепить у себя советскую государственность в формах, соответствующих национально-бытовым условиям этих народов; б) развить и укрепить у себя

[1] В. И. Ленин, ПСС, т. 24, стр. 149.

действующие на родном языке суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения; б) развить у себя прессу, школу, театр, клубное дело и вообще культурно-просветительные учреждения на родном языке; г) поставить и развить широкую сеть курсов и школ как общеобразовательного, так и профессионально-технического характера на родном языке... для ускоренной подготовки местных кадров квалифицированных рабочих и советско-партийных работников по всем областям управлений»[1].

Коммунистическая партия, руководствуясь указаниями В. И. Ленина по национальному вопросу, проделала большую работу по ликвидации неравенства между народами нашей страны. Национальная государственность мордовского народа была создана в 1930 году, но до этого была проделана большая подготовительная работа. В частности, согласно постановлению Президиума ВЦИК от 29 июня 1925 года «О выделении территорий, населенных мордовским населением, в самостоятельные административные единицы»[2] в течение 1925—1927 гг. было образовано: один мордовский национальный район, 28 мордовских национальных волостей и 444 мордовских сельских Совета, в том числе в Пензенской, Ульяновской и Нижегородской губерниях, из которых впоследствии была выделена Мордовская автономная область, было образовано 332 мордовских сельских Совета и 13 национальных волостей[3]. Создание мордовских административных единиц способствовало приближению Советов к широким массам трудящихся мордовской национальности. Оно имело исключительно важное значение в деле вовлечения их в советское строительство, воспитания национальных кадров для хозяйственного, культурного и государственного строительства.

За период с 1924 по 1926 год количество членов сельских Советов мордовской национальности в Пензенской губернии увеличилось с 1092 человек до 3689 человек, или в 3,4 раза. Количество членов волисполкомов за этот же период увеличилось с 72 до 121 человека и составляло 18,7% всего количества членов волисполкомов. За этот период в составе председателей сельсоветов губернии количество председателей мордовской национальности возросло с 10 до 15,9%. Увеличилось количество представителей мордовского народа и в составе губернского и уездных исполкомов[4]. Такая же примерно картина была и в

[1] КПСС в резолюциях и решениях..., ч. 1, изд. 7, Госполитиздат, 1953, стр. 559.
[2] Советская политика за десять лет по национальному вопросу в РСФСР, М.—Л., 1928, стр. 157.
[3] М. С. Букин, Образование Мордовской АССР, Саранск, 1964, стр. 87.
[4] Там же, стр. 88.

других губерниях, где были образованы мордовские национальные сельские Советы и волости.

Создание мордовских национальных сельских Советов и волостей имело огромное значение для подъема экономики и культуры мордовского населения, роста его хозяйственной и политической активности, так как вследствие коренизации аппарата местные органы власти стали более близкими, понятными для мордовского населения.

Следующим шагом по пути оживления деятельности местных органов власти Мордовии было проведение районирования. Старое административное деление на губернии, уезды и волости, оставшееся в наследство от царской России, не отвечало новым политическим и экономическим потребностям страны. В результате районирования Поволжья компактная группа мордовского населения, искусственно расчленённая при царизме на части и включенная в состав Пензенской, Тамбовской, Нижегородской и Симбирской губерний, была решением Президиума ВЦИК от 16 июля 1928 года объединена в единую административно-территориальную единицу — Мордовский округ, в составе Средне-Волжской области, что создавало предпосылки к лучшему обслуживанию экономических и культурных запросов населения, подъему его хозяйственно-политической активности[1].

Территория округа составляла 25266 кв. км с населением, согласно переписи 1926 года, 1328441 человек, из которых 95,5% проживало в сельской местности и только 4,5% в городах и поселках городского типа. В составе населения округа проживало мордвы 427607 человек (32,2%), русских — 839218 человек (63,2%), татар — 59551 человек (4,5%)[2]. Вся подготовительная работа по созданию Мордовского округа и его районированию проходила под руководством окружной организационной комиссии с широким привлечением самих трудящихся масс. На территории Мордовского округа в период его образования прочитано докладов по вопросам районирования на пленумах сельсоветов — 359, пленумах волисполкомов — 31, общих собраниях граждан — 623, собраниях актива бедноты — 187 и на женских собраниях — 47. Кроме того, в это же время проводились отчетные собрания Советов[3].

На собраниях крестьяне выступали с критическими замечаниями о работе местных Советов, вносили свои предложения по вопросам районирования. Так, граждане деревни Ст. Пичингуши на общем собрании выступили против включения их в состав Краснослободского района, расстояние до центра которого 18 верст, и просили присоединить их к Ельниковскому

[1] См. СУ РСФСР, 1928, № 95, ст. 612.
[2] Мордовский округ Средне-Волжской области. Изд. Мордовской окр. плановой комиссии, Саранск, 1929, стр. 11, 12, 14.
[3] АМОК КПСС, ф. 326/7, оп. 1, д. 21, л. 51.

району, центр которого всего лишь в 4 верстах[1]. Население правильно понимало значение районирования в деле укрепления Советов и в принятых резолюциях одобряло это мероприятие партии и правительства. Общее собрание поселка Белотроицка Саранского района в своем постановлении записало: «Приветствуем Советское правительство за принятое решение о проведении районирования, что дает возможность приблизить аппарат к населению и оживить деятельность Советов, а отсюда и экономическое состояние деревни с каждым годом будет возрождаться»[2]. В этот период на ряде общих собраний граждан, особенно мордовских сел, выносились решения о необходимости организации Мордовской автономии.

Если трудящееся крестьянство при обсуждении проекта районирования проявляло заботу об улучшении работы Советов, о приближении их к массам, то кулаки делали все возможное, чтобы ослабить их влияние. Они нередко выступали против образования необходимого количества районов или же добивались присоединения села или деревни не к ближайшему району, что диктовалось хозяйственно-культурными связями, а к более отдаленному райцентру, так как дальше от него легче скрывать свои темные дела, больше возможностей избежать действия советских законов. На общем собрании в с. Зайцево, отстоящем от с. Рыбкино — райцентра — в 6 верстах, кулаки через подставных лиц настаивали присоединиться к Краснослободскому району, центр которого расположен за 20 верст. Такие же факты были в других селениях[3].

При проведении районирования была учтена целесообразность организации районов с точки зрения их мощности и наилучшего обслуживания населения. На территории Мордовии вместо 41 волости было организовано 23 района. Сельские Советы также были укрупнены. Вместо 859 сельсоветов было образовано 817 сельсоветов, а в начале 1929 года их число сокращено до 692, из которых мордовских было 215, русских 439 и татарских 38[4]. Укрупнение Советов проведено с целью улучшения их работы, подбора более подготовленных работников. После укрупнения Советы по количеству объединяемого населения группировались следующим образом:[5]

До 300 ч.	До 600 ч.	До 1000 ч.	До 2000 чел.	До 3000 чел.	Свыше 3000 чел.	Всего
2 0,3%	23 3,3%	108 15,6%	301 43,5%	174 25,2%	84 12,1%	692 100%

[1] АМОК КПСС, ф. 326/7, оп. 1, д. 21, л. 51.
[2] ЦГА МАССР, ф. Р-149, оп. 1, д. 123, л. 115.
[3] Там же.
[4] Мордовский округ Средне-Волжской области. Изд. Мордовской окружной плановой комиссии, Саранск, 1929, стр. 11, 93, 94.
[5] Там же, стр. 93.

Из таблицы видно, что 68,7% сельсоветов имели население от 1000 до 3000 человек. Маленькие по количеству населения сельсоветы, в которых проживало до 600 человек, составляли только 3,6%. Они не были укрупнены вследствие отдаленности их от других населенных пунктов, и, как правило, при укрупнении учитывался однородный национальный состав населения.

Организационная работа по проведению районирования была закреплена проведением первых районных съездов Советов, которые проходили с 17 по 24 июля 1928 года и положили начало хозяйственной и политической жизни новых административных единиц. В работе их приняли участие 3016 человек, крестьяне составляли 79,3% делегатов, из них безлошадных — 40,8%, освобожденных от сельхозналога — 28,3%, сельхозрабочих и батраков — 6,2%, кустарей — 0,4%, интеллигенции — 6%, служащих — 7,6% и красноармейцев — 0,5%[1]. Съезды прошли в деловой обстановке и при активном участии со стороны делегатов. В прениях выступило, по данным 20 районов, 467 человек, или в среднем 23 человека на один съезд. Из числа выступающих около 70% падает на сельский актив[2]. В своих выступлениях крестьяне говорили о необходимости улучшения работы Советов, о проведении ими в деревне строго классовой линии, о развитии сельского хозяйства, о необходимости строительства школ, клубов, изб-читален, медицинских пунктов и т. д. На съездах были избраны райисполкомы, в состав которых вошли бывшие уездные работники и новые, подготовленные кадры советских работников.

Итог всей проведенной работы по созданию Мордовского округа и его районированию был подведен на первом окружном съезде Советов, который проходил 4—6 августа 1928 года. В своей резолюции по докладу окружной организационной комиссии съезд, выражая волю мордовского народа, отметил, что он «с величайшим удовлетворением принимает решение Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета об образовании в составе Средне-Волжской области Мордовского округа. Этим законодательным актом правительство РСФСР:

1) Положило начало новой эпохе в жизни угнетенного царизмом, экономически и культурно отсталого мордовского народа;

2) Лишний раз подтвердило принципы национальной политики Советской власти, намеченные мировым вождем рабочего класса и крестьянства В. И. Лениным»[3]. Далее в резолюции съезда отмечалось, что с образованием Мордовского округа экономическое и культурное развитие мордовского народа пойдет более быстрыми темпами по пути к социализму. Съезд

[1] ЦГА МАССР, ф. Р-149, оп. 1, д. 123, лл. 116—117.
[2] Там же.
[3] Стенографический отчет первого Мордовского окружного съезда Советов Средне-Волжской области. ЦГА МАССР, ф. Р-149, оп. 4, л. 110.

наметил широкую программу по дальнейшему экономическому и культурному развитию округа, по укреплению советского аппарата.

Таким образом, проведение районирования имело огромное значение для культурно-экономического развития Мордовии и оживления деятельности её местных органов власти. Значение этого мероприятия определялось:

во-первых, был образован Мордовский округ, в результате чего ранее территориально разобщенный мордовский народ, компактно проживающий в районе Средней Волги, был объединен в одну административно-политическую единицу, что создало лучшие предпосылки для его культурного и экономического развития. С образованием Мордовского округа более быстрыми темпами стала проводиться коренизация советского аппарата, его укрепление, привлечение в советское строительство бедняцко-середняцких слоев деревни из коренной национальности;

во-вторых, значительная часть функций административно-хозяйственного управления была перенесена ближе к местам, приближено руководство к непосредственно развертывающимся процессам хозяйственной и культурной жизни деревни. Вопросы, ранее решавшиеся в волостях, почти целиком переданы на разрешение сельсоветов, правами уездных исполкомов стали пользоваться вновь созданные райисполкомы, которые были расположены значительно ближе к широким массам трудящихся. Таким образом, местный советский аппарат стал более гибким, так как вопросы местного характера решались в соответствующих местных Советах. Был нанесен удар бюрократизму;

в-третьих, были созданы более благоприятные условия для привлечения широких трудящихся масс к участию в советском строительстве, для роста их хозяйственной и политической активности, что в свою очередь способствовало оживлению деятельности Советов;

в-четвертых, сокращена сеть административных учреждений, что привело к экономии средств. Только по Советам и органам юстиции в Мордовии аппарат удешевлен на 35 тыс. рублей[1];

в-пятых, за счет волостных работников был укреплен аппарат сельских Советов, а в районный аппарат были привлечены работники из ликвидируемых уездов.

Все это вместе взятое благотворно сказалось на укреплении Советов Мордовии, оживлении их деятельности. Сельские Советы становились не только простыми исполнителями директив вышестоящих органов, но и организаторами и инициаторами всех хозяйственно-политических мероприятий на селе и особенно те сельсоветы, которые имели свои бюджеты.

[1] АМОК КПСС, ф. 326/7, оп. 1, д. 440, л. 17.

Дальнейшему оживлению деятельности Советов, подъему их авторитета среди трудового крестьянства способствовало и расширение их хозяйственных и политических функций. Вплоть до 1928 года сельские Советы в основном занимались административными делами, сбором различных денежных платежей, а важнейшие хозяйственные вопросы решались земельными обществами. Земельные общества, как организации крестьянства, своими корнями уходили в старую дореволюционную общину и несли на себе отпечаток старины и консерватизма. Кулачество, лишенное избирательных прав, было отстранено от работы в Советах, лишено права голоса на общих собраниях крестьян. Но в это же время оно пользовалось всеми правами на собраниях земельного общества, иногда захватывало руководство им и стремилось направлять в своих интересах всю деятельность земельного общества. Деревенские пролетарии-батраки, не имевшие посевов, не являлись членами земельного общества, а поэтому они не могли оказывать своего влияния на решения земельного общества.

В Мордовии кулачество было сравнительно многочисленным. В 1928 году кулацкие хозяйства составляли 6,5%[1]. Кулачество было более грамотное, чем остальная масса крестьянского населения, а часто даже более сведущее в делах управления, чем работники сельских Советов. В отдельных селах им удавалось взять под свой контроль земельные общества и через них оказывать влияние на всю крестьянскую массу села.

Сельские Советы имели слабую материальную базу. В 1927—28 годах из 859 сельсоветов Мордовии имели свои самостоятельные бюджеты только 40 сельсоветов[2]. В то же время земельные общества располагали большими денежными средствами, распоряжались ими самостоятельно. Поэтому сельские Советы, не имея своей материальной базы, часто оказывались в экономической зависимости от земельных обществ. Кулаки, используя свои позиции в земельных обществах, всячески старались противопоставить их местным органам власти, влияли на все хозяйственно-политические кампании на селе, нередко держали под своим влиянием бедняцко-середняцкие слои деревни, вели подрывную деятельность.

Материалы обследования, проведенного орготделом Мордовского окрисполкома, говорят о том, что в ряде районов земельные общества активизировали свою деятельность в сторону расширения своих функций, порой вплоть до подмены собой сельсоветов. Сходы собирались без ведома сельсоветов, повестка дня их предварительно не обсуждалась на заседаниях Совета. Строгого разграничения компетенций тех и других

[1] М. В. Агеев, Победа колхозного строя в Мордовской АССР, Саранск, 1960, стр. 116.

[2] Журнал «Путь Советов», Самара, 1930, № 12, стр. 9.

общественных органов не было, поэтому получалась постоянная путаница и неразбериха. Земельные общества производили переделы земли, незаконные денежные сборы, производили сдачу в аренду земельных угодий в ущерб бедняцкой части села. Собранные путем поборов и выручки от сдачи в аренду земельных угодий денежные средства часто использовались в интересах кулачества. Кулачество всячески старалось противопоставить земельные общества Советам.

Обследование работы Стандровского сельсовета Теньгушевского района показало, что на 10 заседаниях его рассмотрен 31 вопрос, а на 10 заседаниях земобществ — 49. Но дело не только в количестве рассмотренных вопросов, но и в их важности. По сельскому хозяйству сельсоветом рассмотрено 10 вопросов, а земельным обществом — 12, по благоустройству — соответственно 1 и 7. Остальные вопросы, рассмотренные сельсоветом, касались хлебозаготовок, сбора налогов и т. п. Эти данные говорят о том, что некоторые сельские Советы ограничивали свою деятельность взиманием налогов, а земобщества хозяйничали во всем. На основе материалов обследования орготдел окрисполкома делает вывод, что необходимо «подчинить земельные общества руководству сельсоветов»[1]. Только путем расширения экономических и политических функций местных органов власти, подчинения земельных обществ сельским Советам можно было пресечь подрывную деятельность кулачества в земельных обществах.

Поэтому XV съезд ВКП(б) поручил Центральному Комитету разработать вопрос о взаимоотношениях «между Советами и земельными обществами под углом зрения обеспечения руководящей роли Советов и лишения права голоса в земельных обществах (на сходах) исключенных из списков избирателей Советов»[2].

В соответствии с решениями XV съезда партии и IV сессии ЦИК СССР IV созыва об укреплении Советов Центральный Исполнительный Комитет Союза ССР в декабре 1928 года утвердил «Общие начала землепользования и землеустройства», которыми законодательно закреплялась руководящая роль сельских Советов над земельными обществами[3]. По этому закону кулаки лишались права голоса на собраниях земельного общества и, наоборот, батраки и сельскохозяйственные рабочие включались в состав его членов. Таким образом, теперь состав схода земельного общества ничем не отличался от общего собрания крестьян.

Сельский Совет по новому закону получил право утверждать все важнейшие постановления земельного общества и отменять те постановления, которые не отвечали интересам бедняцко-середняцких слоев деревни. К тому же целый ряд вопросов, которые раньше решались в земельных обществах, передавались в ведение Советов.

Эти мероприятия Коммунистической партии и Советского правительства способствовали повышению роли местных Советов, способствовали росту их влияния на крестьянские массы, сплочению вокруг них деревенского актива, а также они способствовали вытеснению кулачества, отрыву от его пагубного влияния трудового крестьянства, чем нанесли новый удар по враждебным элементам деревни. Эти мероприятия оздоровили состав земельных обществ, что способствовало установлению правильных взаимоотношений между Советами и земельными обществами. В Мордовии к началу 1929 года в составе уполномоченных земельных обществ было 51,5% членов сельсоветов и 3,1% членов партии[1].

Чтобы поднять хозяйственно-организаторскую роль Советов, Коммунистическая партия и Советское правительство проводили политику по расширению их материальной базы. Впервые самостоятельные бюджеты сельских Советов в Мордовии были введены в 1928 году. Но тогда их имели только около 4,65% всех сельсоветов[2]. Притом они были весьма незначительными, а сами сельсоветы еще не имели опыта их правильного ведения. Президиум Средне-Волжского облисполкома, заслушав на своем заседании 21 ноября 1928 года доклад облфинотдела, отметил ряд недостатков в распределении сельских бюджетов и в их использовании, а именно: составление сельских бюджетов производилось в исключительно спешном порядке, в силу чего почти повсеместно оно проходило без участия широких масс населения и учета хозяйственных и культурных нужд села; введены бюджеты в сельсоветах, располагающих слабыми собственными доходными источниками; в сельбюджетах слабо отражены культурные и производственно-хозяйственные нужды села и др. Для устранения отмеченных недостатков президиум облисполкома предложил провести следующие мероприятия:

а) усилить со стороны окрфинотделов и райисполкомов инструктирование сельсоветов в отношении твердой дисциплины при исполнении бюджетов в пределах утвержденных смет, обратив особое внимание на постановку отчетности и счетоводства;

б) привлечь к исполнению сельбюджетов секции сельсоветов, направив их внимание в первую очередь на выявление доходных источников села;

в) усилить работу ревизионных комиссий[3].

---

[1] ЦГА МАССР, ф. Р-149, оп. 1, д. 238, лл. 71—73.
[2] КПСС в резолюциях..., ч. II, стр. 366—367.
[3] См. «СЗ», № 69, 1928, ст. 642.

[1] ЦГА МАССР, ф. Р-149, оп. 1, д. 238, л. 56.
[2] Журнал «Путь Советов», № 12, 1930, Самара, стр. 9.
[3] Журнал «Путь Советов», № 4, 1929, Самара, стр. 32.

В соответствии с указаниями вышестоящих партийных и советских органов и учитывая уже имеющийся положительный опыт использования сельбюджетов, II Мордовский окружной съезд Советов (май 1929 г.) постановил: «Продолжать дальнейшее укрепление районных и особенно сельских бюджетов путем передачи на их бюджет всех учреждений и мероприятий, имеющих соответственно районное или сельское значение». Съезд указал на необходимость добиться введения сельбюджетов в 1929/30 году не менее чем в 50% всех сельсоветов Мордовии[1].

Количество сельских Советов, имеющих свои бюджеты, возросло с 40 в 1927/28 году до 339 в 1929/30 году, т. е. в 1929/30 году уже 52,3% всех сельсоветов Мордовии имели свои бюджеты. А за эти же годы их общий объем возрос соответственно с 50,2 тыс. рублей до 1998 тыс. рублей. Увеличился средний объем сельского бюджета с 1,25 тыс. рублей в 1927/28 году до 5,8 тыс. рублей в 1929/30 г.[2].

С укреплением материальной базы сельских Советов возросла их роль в хозяйственной жизни села, в руководстве деятельностью местных организаций и учреждений, так как они финансировались из средств местного бюджета. Введение самостоятельных сельских бюджетов способствовало росту активности крестьян. Теперь население непосредственно контролировало, как используются сельским Советом собираемые средства. Бедняцко-середняцкие слои крестьянства видели, что собираемые средства шли исключительно на хозяйственный и культурный подъем села, то есть в интересах трудящихся масс. Поэтому они стали активнее участвовать в выявлении новых источников дохода, в их рациональном использовании.

Для укрепления Советов Мордовии и приближения советского аппарата к массам, приобщения мордовского населения к делу социалистического строительства большое значение имело проведение Коммунистической партией ленинской национальной политики.

В деле практического осуществления ленинской национальной политики партийными организациями проводилась большая работа по подбору и подготовке кадров из мордовской национальности во все звенья советского и партийного аппарата, в том числе и для местных Советов, по ведению делопроизводства на родном языке.

Политика коренизации Советов проводилась с первых дней установления Советской власти на территории Мордовии, но наиболее успешно она стала осуществляться с момента образования Мордовского округа в 1928 году и особенно с создания Мордовской автономной области.

[1] ЦГА МАССР, ф. Р-149, оп. 1, д. 451, лл. 51—52.
[2] Журнал «Путь Советов», № 12, 1930, Самара, стр. 9.
ЦГА МАССР, ф. Р-149, оп. 1, д. 238, л. 56.

Секретариат Временного Средне-Волжского бюро ЦК ВКП(б) по Средне-Волжской области на своем заседании 6 июля 1928 года принял специальное постановление, где говорится, чтобы в течение 1928—1929 гг. «во всех национальных районах и сельсоветах... приступить к ведению делопроизводства на языках соответствующей национальности»[1]. Но в практическом осуществлении этой директивы в Мордовии были большие затруднения. Они обуславливались, во-первых, нехваткой грамотных национальных кадров при низком уровне грамотности мордовского населения. В 1928 году общая грамотность среди мордвы достигала только 18,8%, тогда как по Средне-Волжской области грамотность населения определялась 36,4%, а по РСФСР — 44,1%[2].

Ввиду низкого процента грамотности среди мордовского населения в 1929 году даже аппарат областных учреждений Мордовии был коренизирован только на 10,8%. Хотя во всех 215 мордовских сельсоветах председателями были лица мордовской национальности, но они в своем большинстве не имели опыта работы. В 17 мордовских сельсоветах секретари были не из коренной национальности[3].

Трудность перевода делопроизводства на мордовский язык обуславливалась, во-вторых, отсутствием опыта ведения делопроизводства на родном языке, тем более, когда мордовские литературные языки — эрзянский и мокшанский — окончательно к тому времени еще не были выработаны, не сложились. Поэтому делопроизводство вели на том диалекте, на котором говорили работники сельского Совета. В-третьих, несколько сказывалась недооценка даже среди мордовских работников советских учреждений значения ведения делопроизводства на родном для населения языке, считали это ненужным делом. Были случаи, когда вышестоящие учреждения отказывались принимать документы, написанные на эрзянском или мокшанском языках[4].

С целью преодоления указанных трудностей и повышения уровня квалификации работников Советов проводилась большая работа по подготовке и переподготовке работников райисполкомов и сельсоветов и, в частности, по выдвижению работников из коренной национальности. В результате перевыборов Советов 1929 года мордвы в составе членов и кандидатов райисполкомов, сельсоветов, их президиумов и председателей было соответственно удельному составу мордовского населения

[1] АМОК КПСС, ф. 326/7, оп. 1, д. 3, л. 60.
[2] Мордовский округ Средне-Волжской области. Изд. Мордовский окр. плановой комиссии. Саранск, 1929, стр. 60.
[3] Журнал «Путь Советов», № 24, 1929, Самара, стр. 15.
ЦГА МАССР, ф. Р-149, оп. 1, д. 238, л. 57.
[4] Государственный архив Куйбышевской области (ГАКО), ф. 779, оп. 3, д. 182, л. 13.

округа. После перевыборов были проведены в районах недельные курсы-семинары с целью ознакомления актива села с основными задачами работы Советов. Этими курсами было охвачено по 15 районам 2920 членов сельсоветов. Были проведены курсы батрацкого актива с охватом 331 человека и секретарей сельсоветов (нацмен) — 98 человек. Готовились национальные кадры советских работников для Мордовии и в Самаре. Так, за 1929 год там было подготовлено на курсах по советскому строительству 28 человек, из них инструкторов РИК—6, секретарей РИК—4 и других работников —18 человек. Были командированы на центральные курсы по советскому строительству 4 председателя сельсовета — женщины, один председатель райисполкома и один инструктор окрисполкома. Только в 1929 году краткосрочными курсами было охвачено 3418 человек сельского актива[1].

С целью вовлечения в работу Советов женщин проводились районные и окружные курсы женщин-активисток. Окончившие курсы выдвигались на работу в местные органы власти. В 1929 году были проведены в Саранске двухмесячные курсы женщин — председателей сельсоветов, на которых обучалось 35 человек. О значении этих курсов одна из слушательниц, председатель М.-Азясьского сельсовета Рыбкинского района Игошкина, писала в окрисполком: «Благодаря только этим курсам стала понимать в социалистическом строительстве...» И далее она пишет, что после курсов исчезла у нее политическая близорукость, лучше стала понимать классовую линию партии. Улучшилась работа сельсовета. План хлебозаготовок выполнен на 105%. Вместо 3050 пудов по плану сдано 3200 пудов. На 28 кулацко-зажиточных хозяйств было распределено 90% хлебозаготовок. Благодаря разъяснительной работе середняки свои хлебные излишки сдавали добровольно. Так же обстояло дело с другими хозяйственно-политическими кампаниями. Закончила т. Игошкина своё письмо словами, что курсы «дают громадный толчок в работе»[2].

Вопросам укрепления советского аппарата большое внимание уделила XVI Всесоюзная партийная конференция. С целью укрепления и улучшения работы Советов конференция признала необходимым проведение чистки советского аппарата «от элементов разложившихся, извращающих советские законы, сращивающихся с кулаком и нэпманом, мешающих бороться с волокитой и ее прикрывающих, высокомерно, по-чиновничьи, по-бюрократически относящихся к насущным нуждам трудящихся, от растратчиков, взяточников, саботажников, вредителей, лентяев»[3].

[1] Отчет о работе Мордовского облисполкома за 1928/29 гг. Саранск, 1930, стр. 23.
[2] ЦГА МАССР, ф. Р-149, оп. 1, д. 245, л. 219.
[3] КПСС в резолюциях и решениях..., ч. II, изд. 7, 1953, стр. 474.

В начале мая 1929 года второй Мордовский окружной съезд Советов в резолюции по советскому строительству указал: «Провести решительную борьбу с имеющимся бюрократизмом и волокитой путем организации периодической чистки всех аппаратов, изгоняя из него всех чуждых и разложившихся элементов, путем более решительного выдвижения и подготовки рабочих и батрацко-бедняцких слоев деревни»[1].

В результате проверки и чистки советского аппарата только по 13 районам Мордовии снято 439 членов сельсоветов (8,4%), 166 председателей (40%). Большинство из них снято за связь с чуждыми элементами (членов сельсоветов —52,6% и председателей сельсоветов —38,6%). Кроме того, отозвано депутатов, не оправдавших доверия избирателей, по 12 районам 331 человек[2].

Чистка советского аппарата Мордовии сопровождалась выдвижением на работу преданных делу партии и способных людей из рабочих, деревенской бедноты и лучшей части середняков. В. И. Ленин учил, что «организаторская работа подсильна и рядовому рабочему и крестьянину, обладающему грамотностью, знанием людей, практическим опытом. Таких людей в «простонародье», о котором высокомерно и пренебрежительно говорят буржуазные интеллигенты, масса»[3]. Следуя этим указаниям, партийная организация Мордовии уделяла большое внимание выдвижению рабочих и крестьян во все звенья советского аппарата.

В ноябре-декабре 1928 года в пяти пунктах проведены межрайонные курсы по советскому строительству с целью подготовки бедноты и батраков на руководящую советскую работу. На курсах обучалось 183 человека. После окончания курсов все они были выдвинуты на работу в местные Советы[4].

После перевыборов Советов по 1 октября 1929 года на работу только в окружные советские учреждения было выдвинуто 44 человека, из них бедняков —18, батраков —4 и рабочих —19 человек. Женщин в составе выдвиженцев 13, из которых 8 мордовок. 36 человек были членами партии. Обновление состава сельсоветов за счет выдвиженцев в некоторых случаях доходило до 50%[5]. Выдвигаемые кандидатуры предварительно обсуждались на собраниях трудящихся. Это гарантировало от проникновения в советский аппарат случайных людей. Для оказания практической помощи вновь выдвинутым в советский аппарат окрисполком провел с ними два совещания, одно из них с женщинами. На совещаниях были вскрыты серьезные недостатки

[1] ЦГА МАССР, ф. Р-149, оп. 1, д. 451, л. 35.
[2] ЦГА МАССР, ф. Р-149, оп. 1, д. 238, л. 58.
[3] В. И. Ленин, ПСС, т. 35, стр. 198.
[4] АМОК КПСС, ф. 326/7, оп. 1, д. 30, л. 118.
[5] ГАКО, ф. 779, оп. 9, д. 16, л. 16.
ЦГА МАССР, ф. Р-149, оп. 1, д. 238, л. 55.

в работе с выдвиженцами. Многие руководители учреждений недостаточно оказывали им практической помощи, перегружали их второстепенной работой. Были намечены конкретные мероприятия по устранению недостатков в работе с выдвиженцами, в частности, в помощь им выделялись ответственные руководители учреждений.

Чистка советского аппарата, выдвижение в его состав лучших представителей трудящихся города и деревни улучшили состав Советов, способствовали оживлению их деятельности.

* * *

Исключительно важное значение в улучшении работы Советов имела отчетно-перевыборная кампания 1928—1929 годов, которая значительно улучшила состав местных органов власти, их работоспособность, подняла политическую активность трудового крестьянства.

Отчетно-перевыборная кампания в Мордовии проходила под знаком осуществления решений XV съезда ВКП(б). В резолюции съезда указывалось: «Продолжая политику оживления Советов, как центров политического воспитания широких масс трудящегося крестьянства под руководством пролетариата, направить особое внимание на образование и расширение беспартийного бедняцко-середняцкого актива, усилив вовлечение в этот актив крестьянок и батрачек (делегаток, членов Советов), и на выдвижение их на руководящую работу в Советах»[1].

На заседании президиума Мордовского окружного исполнительного комитета 25 октября 1928 года был принят план проведения перевыборной кампании местных Советов округа в 1928/1929 году, в котором определялись главнейшие задачи предстоящей кампании: мобилизация широчайших трудящихся масс вокруг достигнутых успехов социалистического строительства в городе, коллективизация сельского хозяйства в деревне; повышение активности рабочих, батраков и беднейшего крестьянства, укрепление их союза с середняком[2].

Избирательная кампания в Мордовии, как и по всей стране, проходила в условиях обострения классовой борьбы. Кулачество, духовенство, сектанты использовали все средства, чтобы взять под своё влияние середняка, террором запугать бедноту и батрачество. Они теперь не выступали под лозунгом «Долой Советы» — это было бы явным провалом их антисоветской политики, а наоборот, они использовали все способы с тем, чтобы проникнуть в Советы. С этой целью они стремились попасть в избирательные комиссии, собирали свои тайные собрания, где

[1] КПСС в резолюциях и решениях..., ч. 2, стр. 366.
[2] ЦГА МАССР, ф. Р-149, оп. 1, д. 21, л. 21.

выдвигали своих кандидатов, прибегали к террористическим актам. Они использовали самые гнусные методы, чтобы получить свое влияние в Советах.

В селе Волгапино Рыбкинского района кулаки собирали по ночам тайные собрания, чтобы подготовить к выборам своих кандидатов. На эти собрания они пытались вовлечь даже батраков[1]. В селе Русском Коломасове Инсарского района кулаки перед выборным собранием ходили по домам бедняков и уговаривали голосовать за их кандидатов, за что обещали дать беднякам по пяти пудов хлеба каждому[2].

Кулачество стремилось использовать в своих интересах неустойчивые элементы в сельских Советах и избирательных комиссиях. Так, в с. Дубровки Торбеевского района кулаки давали взятки отдельным членам сельсовета с тем, чтобы они помогли восстановить их в избирательных правах. В селе Резоватово Ромодановского района кулаки делали попытки завязать дружбу с родственниками членов партии и комсомола, тем самым войти в доверие избирателей и в то же время тайно готовили группу, которая бы на собрании выдвинула в Совет угодные кулачеству кандидатуры[3].

Кулачество стремилось «обосновать» выдвижение в Советы кандидатур из зажиточных слоев деревни. Они заявляли, что «бедняк не умеет вести свое хозяйство, куда ему до управления селом», или же «надо выбирать зажиточных, так как если случится в сельсовете растрата — с зажиточных есть что взять»[4].

В ряде мест кулачество стремилось сорвать отчетно-выборные собрания, запугать выдвинутые бедняками кандидатуры, устраивали провокации во время проведения собраний и т. п. Так, в селе Нечаевка Саранского района кулаки выставили кандидатом церковного старосту. Но когда беднота его отвела, они повели агитацию: «Кому в каторгу идти охота, пусть работает в сельсовете»[5].

Кулачество, чтобы взять под свое влияние Советы, не останавливалось и перед террором. Особенно широко применяли поджоги домов коммунистов, комсомольцев, активистов села, членов сельских Советов. Так, в деревне Рязанка Теньгушевского района подожгли дом председателя сельсовета и сельизбиркома бедняка Кафтанова, который активно боролся против кулачества. Сожгли дом председателя Теньгушевского сельсовета. Кулаки в первую очередь подвергали террору бедноту, избивали ее активных представителей, устраивали налеты на бедняцкие собрания, убивали активистов села. В селе

[1] ЦГА МАССР, ф. Р-149, оп. 1, д. 240, л. 680.
[2] Газета «Завод и пашня», 19 февраля 1929 года.
[3] Газета «Завод и пашня», 17 ноября 1928 г.
[4] Газета «Завод и пашня», 26 января 1929 г.
[5] ЦГА МАССР, ф. Р-149, д. 240, лл. 679—680.

Никольское была убита во время перевыборов активная общественница Сорокина, в с. Б. Майдан убит секретарь сельсовета Саворин[1].

Особую активность в перевыборную кампанию проявляло духовенство. Оно вело антисоветскую пропаганду, особенно среди женщин. Чтобы сорвать отчетно-выборные собрания, попы назначали в эти дни церковную службу. А мулла с. Алтары Ромодановского района, чтобы сорвать перевыборы, изготовил бочку хмельного напитка и спаивал крестьян, тем самым в назначенные дни перевыборные собрания срывались[2].

В борьбе за середняка кулачество использовало левацкие ошибки, допущенные местными органами власти в период хлебозаготовок 1928 года, когда чрезвычайные меры, предназначенные для кулацких хозяйств, кое-где были применены и к некоторым середняцким хозяйствам.

Необходимо было дать решительный отпор кулацким притязаниям. А для этого требовалось дальнейшее развертывание работы всех партийных и советских органов по укреплению бедняцко-середняцкого блока путем усиления массово-разъяснительной работы, строгого проведения в деревне партийной линии во всех хозяйственно-политических кампаниях, решительной борьбы с нарушениями советской законности, вовлечения самых широких слоев трудового крестьянства в работу Советов.

Подчеркивая необходимость использования перевыборов Советов для подъема активности трудящихся масс, М. И. Калинин в своем докладе об избирательной кампании на IV сессии ЦИК Союза ССР IV созыва, проходившей в декабре 1928 года, сказал: «Суть партийной линии состоит в том, чтобы суметь создать около Советов огромный непартийный крестьянский актив, чтобы через этот актив втянуть широкие, буквально многомиллионные массы в социалистическое строительство»[3].

В обращении Центрального Комитета партии «О перевыборах Советов» также подчеркивалось, что усиление связи местных органов власти с широкими трудящимися массами, вовлечение последних в социалистическое строительство есть «одно из важнейших задач партии на предстоящих перевыборах»[4].

Придавая исключительное значение перевыборам Советов 1928—1929 гг., партийные организации и местные Советы Мордовии развернули широкую подготовительную работу среди трудящихся масс. В подготовительный период, который начался со второй половины сентября 1928 года, создавались избиркомы (избирательные комиссии) проводились совещания партийного и советского актива городов и районов. Президиум окр-

[1] АМОК КПСС, ф. 326/7, оп. 1, д. 14, л. 7.
[2] ЦГА МАССР, ф. Р-149, оп. 1, д. 236, л. 236.
[3] М. И. Калинин, Избр. произведения в 4 томах, т. 2, Госполитиздат, М., 1960, стр. 303.
[4] «Правда», 1 января 1929 года.

исполкома и окризбиркома заслушали ряд избиркомов о ходе подготовки к перевыборам Советов. На заседаниях окружной избирательной комиссии в период подготовки к перевыборам заслушано 9 докладов райизбиркомов, 7 сельизбиркомов, окружной союз работников просвещения, окрсуд, потребкооперация, редакции газет «Завод и пашня» и «Од веле» («Новая деревня»), окрполитпросвет. Кроме того, в подготовительный период обследовано 7 райизбиркомов и 21 сельизбирком. Окружкомом ВКП(б) и окрисполкомом по районам были посланы уполномоченные, которые на местах провели совещания, где также подводились итоги работы сельских избиркомов и намечались конкретные мероприятия на период перевыборной кампании[1].

Окружная партийная организация большое внимание обращала на комплектование избирательных комиссий, так как от их состава во многом зависило успешное проведение перевыборной кампании, превращение перевыборов в школу политического воспитания трудящихся.

На расширенном совещании председателей райизбиркомов, созванном окружкомом партии и окрисполкомом 10 декабря 1928 года, указывалось, что в состав сельизбиркомов мало (4%) вовлечено батрачества, некоторые из комиссий засорены кулацкими элементами. Поэтому «срочно провести дополнительную проверку состава сельизбиркомов в целях очистки их, увеличив при проверке представительство в них батрачества, сельскохозяйственных рабочих, мордвы, женщин за счет некоторого снижения представительства служащих». В резолюции еще раз подчеркивалось, что в перевыборную кампанию исключительно «широкое разъяснение должны получить мероприятия Советской власти по индустриализации страны, социалистическому переустройству деревни, производственному кооперированию»[2].

В результате принятых мер в составе районных избирательных комиссий стало рабочих и батраков 10,5%, коммунистов — 66,6%, комсомольцев — 14,9%. В сельских избирательных комиссиях рабочих и батраков—6,2%, коммунистов—18%, комсомольцев — 11%[3].

Большую помощь в проведении перевыборной кампании в сельские Советы оказали рабочие коллективы Мордовии и другие промышленные центры страны. Они принимали участие в выдвижении и обсуждении кандидатур, в составлении наказов новому составу Советов и в проверке работы сельских Советов. Например, одна из бригад рузаевских рабочих помогла раскрыть истинное лицо состава Ключаревского сельсовета, который состоял на 72% из зажиточных. Этот сельсовет провел

[1] ЦГА МАССР, ф. р-149, оп. 1, д. 240, л. 673.
[2] ЦГА МАССР, ф. р-149, оп. 1, д. 240, лл. 118—119.
[3] Там же, л. 672.

отчетное собрание до приезда рабочих при 28% явке избирателей, женщины совсем не принимали участия. Это собрание кулаки использовали в своих интересах. Так, один из отчитывающихся членов сельсовета говорил: «Новый состав сельсовета надо тоже избрать из зажиточных. Выберете бедняков — они передерутся из-за дележа бедняцких фондов, а мы, зажиточные, разделим их правильно».

В селе Ключареве рабочие провели собрание комсомольцев, бедноты, женщин и общее собрание избирателей, которое вывело из состава Совета зажиточных и подкулачников[1].

В селе Сузгарье Рузаевского района рабочая бригада приняла активное участие в обсуждении кандидатур в Совет. В результате в новый состав сельсовета было выдвинуто 26 бедняков, 3 середняка и 6 женщин-беднячек[2].

Во время перевыборов рузаевские железнодорожники шефствовали над шестью крупными селениями. В сельские избирательные комиссии было выдвинуто 54 рабочих[3]. Всего рузаевские рабочие посылали в деревню для проведения избирательной кампании 14 бригад[4].

Большую помощь в проведении перевыборов Советов в деревне оказали профсоюзные организации. Шефское общество Союза сельскохозяйственных и лесных рабочих при окружном земельном управлении и селькредитсоюзе взяло шефство над деревней Куликовкой Саранского района. На средства шефов в деревне были открыты пункт ликвидации неграмотности, красный уголок, сделана радиоустановка[5].

Участие рабочих в подготовке и проведении перевыборов Советов в сельской местности безусловно способствовало росту политической активности и организованности трудового крестьянства, изгнанию из Советов враждебных элементов.

Крестьяне правильно оценивали помощь рабочих в проведении перевыборов сельских Советов. Так, новый состав Сузгарьевского сельсовета Рузаевского района, выражая благодарность рабочей бригаде рузаевских железнодорожников, писал: «Перевыборы нашего Совета проходили при 85% участии всей бедняцкой массы и главное, 58% женщин, о чем раньше не приходилось даже мечтать. Отмечая плодотворность работы вашей бригады, мы имеем пожелание и крепко надеемся, что участковый комитет, взяв шефство над нашим селом на время перевыборов Советов, также не откажет и в дальнейшем в прикреплении одного лица на все время для проведения важных государственных кампаний»[6]. А крестьяне села Куликовки, того

[1] Газета «Завод и пашня», 31 января 1929 года.
[2] ЦГА МАССР, ф. Р-149, оп. 1, д. 155, л. 14.
[3] ЦГА МАССР, ф. Р-149, оп. 1, д. 155, л. 14.
[4] Газета «Завод и пашня», 31 января 1929 года.
[5] Там же, 12 февраля 1929 года.
[6] АМОК КПСС, ф. 326/7, оп. 1, д. 30, л. 164.

же района, писали рузаевским рабочим: «Мы, граждане с. Куликовки, осознали, что рабочий класс старается улучшить положение нашего сельского хозяйства, советского аппарата. Мы приносим благодарность рабочим города Рузаевки. Мы, граждане с. Куликовки, всегда готовы рука об руку с рабочим классом строить социализм»[1].

Исключительную роль в укреплении местных Советов в ходе перевыборной кампании сыграли батрацко-бедняцкие слои деревни. С целью поднятия их боевитости ЦК ВКП(б) 24 октября 1928 года принял решение о проведении смотра батрацко-бедняцких групп и созыве районных и окружных конференций групп бедноты, на которых наряду с другими хозяйственно-политическими вопросами обсудить вопросы, связанные с перевыборами Советов[2].

В Мордовии смотр деятельности групп бедноты проходил с 10 ноября 1928 года по 1 января 1929 года. Собраний групп бедноты только по 302 сельсоветам проведено 1281 и отчетных собраний бедноты 1361, на которых обсуждались наказы Советам, давалась оценка их работы, обсуждались и выдвигались кандидаты в новый состав сельсоветов. В связи с перевыборами Советов проведены две окружные и 6 районных конференций батраков и 403 собрания[3].

Все эти конференции, собрания показали рост политической активности батрацко-бедняцких слоев деревни. Почти всюду была полная явка делегатов на конференции, увеличилось участие в них батрачек и беднячек. За период смотра возросло количество групп бедноты с 234 до 322[4]. На конференциях выступающие говорили, что кулаки активно готовятся к перевыборам, так как они великолепно сознают, что Советы, избранные из батраков, бедняков и лучшей части середняков ускорят темпы коллективизации и на этой основе ликвидации кулачества как класса. Делегаты конференции говорили о необходимости борьбы за укрепление Советов. «Не будет Советской власти — пропадем и мы»,— так закончила свое выступление беднячка Ознобина из с. Зыково Рузаевского района на первой Мордовской окружной конференции групп бедноты, которая открылась 2 января 1929 года. Многие выступающие на конференции высказывались за необходимость коллективизации деревни. Так, делегат Сайгинов, говоря о проведении в жизнь мероприятий партии и правительства по поднятию сельского хозяйства, сказал, что этого осуществить крестьяне единоличным хозяйст-

[1] С. С. Ивашкин, «Рабочий класс в борьбе за победу колхозного строя в Мордовии», Саранск, 1957, стр. 50.
[2] Коллективизация сельского хозяйства. Важнейшие постановления Коммунистической партии и Советского правительства. 1927—35 гг. Академиздат, М., 1957, стр. 74.
[3] ЦГА МАССР, ф. р-149, оп. 1, д. 238, л. 44.
[4] Газета «Завод и пашня», 3 января 1929 г.

вом не сумеют. Тут нужна организованность и сплоченность. «В первую очередь мы должны организоваться в колхозы»[1].

В резолюции первой Мордовской окружной конференции групп бедноты, принятой по докладу «О значении кампании перевыборов Советов», говорится: «Конференция, целиком и полностью одобряя линию партии и Советской власти и учитывая кулацкое сопротивление против этой линии, призывает все батрачество, бедноту и середняков под руководством партии в этой кампании дать организованный и решительный отпор этим кулацким попыткам». Далее в резолюции говорится, что в сельсоветы необходимо выдвигать представителей батрацко-бедняцких слоев и активных середняков, которые бы отражали интересы трудового крестьянства[2].

Батрацко-бедняцкие слои деревни правильно понимали установки партии, что улучшение работы Советов немыслимо без чистки их от чуждых элементов. В этом отношении характерно постановление собрания бедноты с. Четвертаково Ардатовского района. «Принимая во внимание важность перевыбора Советов,— говорится в постановлении собрания,— мы все дружно дадим отпор кулаку и подкулачнику и постараемся провести в члены сельсовета кандидатов, намеченных на собраниях бедноты»[3].

На собраниях бедноты подвергались острой критике сельсоветы, которые не проводили в жизнь или искажали в своей деятельности постановления партии и правительства, отрицали наличие в селе чуждых элементов, в конечном счете, они защищали кулака. Работа таких сельсоветов признавалась неудовлетворительной. Так, собрание бедноты деревни Берсеневка Саранского района критиковало работу Совета особенно за то, что он не проводил классовой линии, а работал по принципу: «Мы все равны». А отсюда сельскохозяйственный налог, самообложение и хлебозаготовки раскладывались на всех поровну. Собрание бедноты, признав работу неудовлетворительной, наметило в новый состав Совета активных бедняков и середняков[4]. Беднота активно участвовала в составлении списков избирателей, добивалась лишения избирательных прав кулаков.

Большое значение имело вовлечение женщин в перевыборы Советов, так как они составляли около половины всего населения и тем более, когда в Мордовии в 1929 году 10,7% всех крестьянских хозяйств возглавлялись женщинами[5]. В. И. Ленин, обосновывая необходимость вовлечения женщин в политическую жизнь, писал: «Главное, основное в большевизме и в русской Октябрьской революции есть втягивание в политику именно тех, кто был всего более угнетен при капитализме... А втянуть в политику массы нельзя без того, чтобы не втянуть в политику женщин»[1]. В начале декабря 1928 года по всем районам Мордовии проведены районные совещания женщин-общественниц, а в конце декабря — окружное совещание. В помощь местным работникам по вовлечению женщин в перевыборную кампанию из райцентров в села посылались бригады, состоящие преимущественно из женщин. Таких бригад только по Инсарскому району было послано по селам тринадцать, по 5—7 человек в каждой[2].

Окружной комитет партии и окрисполком дали указание, чтобы в селах проводились отдельные женские собрания, на которых отчитывались бы о своей работе сельские Советы. За отчетный период проведено всего по Мордовскому округу 1301 женское собрание, где участвовало 20,3% всех избирателей-женщин[3]. На собраниях женщины активно участвовали в обсуждении отчетных докладов, давали деловые советы, отводили кулацкие кандидатуры, критиковали недостатки в работе сельсоветов.

В ходе избирательной кампании устранялись ошибки в проведении классовой линии Коммунистической партии на селе. Так, избирательная комиссия с. Болдово Рузаевского района наметила к лишению избирательных прав 165 человек, из которых, как показала последующая проверка, 40 человек не подлежали этой мере[4].

Эти искривления линии партии вызывали недовольство у середняков. Но партийная организация Мордовии быстро устраняла допущенные ошибки, а виновных строго наказывала. Состоявшийся в феврале 1929 года объединенный пленум Мордовского окружного комитета и окружной КК ВКП(б) в своей резолюции строго осудил подобного рода искривления по отношению к середняку[5]. На основе решения пленума окружная избирательная комиссия, рассмотрев к 15 февраля 1929 года 1052 ходатайства о восстановлении в избирательных правах и жалобы на неправильное лишение избирательных прав, удовлетворила 205[6].

Все трудовое крестьянство Мордовии активно участвовало в составлении и обсуждении наказов новым составам сельсоветов. Обычно проект наказа составлялся сельизбиркомом совместно с партийной ячейкой села, обсуждался на заседании группы бедноты. Текст с проектом наказа вывешивался на самых людных местах села, чтобы все крестьяне смогли

---

[1] Газета «Завод и пашня», 5 января 1929 г.
[2] АМОК КПСС, ф. 326/7, оп. 1, д. 367, л. 124.
[3] ЦГА МАССР, ф. 248, оп. 1, д. 16, л. 80.
[4] Газета «Завод и пашня», 15 января 1929 г.
[5] ЦГА МАССР, ф. р-149, оп. 1, д. 229, л. 158.

[1] В. И. Ленин, ПСС, т. 42, стр. 368.
[2] ЦГА МАССР, ф. р-149, оп. 1, д. 240, л. 678.
[3] ЦГА МАССР, ф. р-149, оп. 1, д. 238, л. 46.
[4] ЦГА МАССР, ф. р-149, оп. 1, д. 240, л. 678.
[5] ЦГА МАССР, ф. р-149, оп. 1, д. 240, л. 678.
[6] Газета «Завод и пашня», 19 февраля 1929 г.

ознакомиться с ним. Затем наказ обсуждался на общем собрании граждан, где вносились в него изменения и добавления. Наказы представляли собой программу действия для нового состава сельских Советов и выражали основные стремления и интересы трудового крестьянства.

Общее собрание граждан села Четвертаково, заслушав и обсудив отчет Ардатовского райисполкома, в качестве наказа новому составу РИКа приняло постановление, в котором избиратели требовали: добиться снабжения населения сортовыми семенами; стремиться к разведению племенного скота; усилить работу по организации колхозов и снабжению их машинами, предоставить им государственные кредиты; расширить сеть школ; в летнее время открыть детясли и т. д.[1].

Избиратели с. Кочкурово этого же района сельскому Совету поручили организовать два колхоза, провести землеустройство, усилить машиноснабжение и т. д.[2].

Политический подъем трудового крестьянства, связанный с избирательной кампанией, сказался на темпах коллективизации. Так, на 1 октября 1928 года, к началу избирательной кампании, в Мордовии было всего лишь 158 коллективных хозяйств всех видов, которые объединяли 1,1% крестьянских хозяйств округа, а на 1/VI 29 г. их стало 303, охватывающих уже 2,5% крестьянских хозяйств[3].

Несмотря на отдельные недостатки, вся огромная работа, проведенная партийной организацией и советскими органами Мордовии в связи с избирательной кампанией, укрепила бедняцко-середняцкий блок, подняла политическую активность трудового крестьянства. Явка избирателей по сравнению с перевыборами 1927 года была значительно выше. В выборах сельских Советов в 1929 году в Мордовии приняло участие 52,6% всех избирателей, вместо 43,6% в 1927 году. Явка женщин увеличилась с 24,2% в 1927 году до 35,3% в 1929 году. Соответственно возросла активность мордовского населения на выборах, достигшая 52,2% от общего числа избирателей мордовской национальности. В частности, явка женщин-мордовок увеличилась с 24,7% в 1927 году до 33,3% в 1929 году[4].

Избирательная кампания 1928—1929 гг., подняв политическую активность трудового крестьянства, способствовала улучшению социального состава Советов, оживлению их деятельности, изгнанию из Советов кулацких элементов. Ниже приводимая таблица показывает, как изменился состав сельских Советов по социальному положению и партийности в результате выборов 1929 года в сравнении с выборами 1927 года[5].

[1] ЦГА МАССР, ф. р-149, оп. 1, д. 236, л. 246.
[2] Газета «Завод и пашня», 19 февраля 1929 года.
[3] АМОК КПСС, ф. 326/7, оп. 1, д. 14, л. 17.
[4] ЦГА МАССР, ф. р-149, оп. 1, д. 229, лл. 15—16, д. 238, л. 61.
[5] ЦГА МАССР, ф. р-149, оп. 1, д. 127, л. 213.

в % %

	По социальному положению						По партийности	
	батрак	бедняк	середняк	зажиточн.	кустарь	служ.	член ВКП(б)	член ВЛКСМ
Члены с/с 1929 г.	2,8	47,6	45,6	0,5	0,3	3,2	7,6	3,6
1927 г.	2,4	36,7	54,1	1,9	0,7	4,2	5,9	3,0
Президиум с/с 1929 г.	2,8	45,7	46,3	0,5	0,1	4,4	22,6	6,2
1927 г.	2,8	39,3	51,3	1,9	4,7	—	13,0	7,5
Пред. с/с 1929 г.	2,2	48,5	49,3	—	—	—	25,0	4,7
1927 г.	0,8	39,3	58,2	1,7	—	—	12,4	2,9

Из приведенной таблицы видно, что в составе сельских Советов увеличился процент батраков и бедняков до 50,4% вместо 39,1% в 1927 году. Почти в четыре раза уменьшилось количество зажиточных. Значительно увеличилось в составе вновь избранных сельских Советов и особенно среди членов президиумов и председателей сельсоветов количество коммунистов и комсомольцев.

Результаты выборов ярко продемонстрировали проведение ленинской национальной политики. В Советах увеличилось представительство мордовской национальности.

Состав сельских Советов по национальному признаку[1]

в % %

	Национальность		
	мордва	татары	русские
Членов с/с 1929 год	33,1	5,0	61,9
1927 год	30,9	5,0	64,1
Президиум с/с 1929 год	32,7	5,4	61,9
1927 год	30,2	4,0	65,8
Председ. с/с 1929 год	31,1	5,5	63,4
1927 год	28,0	4,7	67,3

Увеличилось количество женщин в составе сельских Советов с 12% в 1927 году до 19% в 1929 году, а в составе председателей сельсоветов соответственно с 0,8% до 7,8%[2].

Из избранных 54 председателей сельских Советов женщин мордовок было 13 человек и татарок 4 человека[3].

[1] Итоги перевыборов Советов Ср.-Волжской обл. в 1929 г., Самара, 1929, стр. 62, 63, 64.
[2] ЦГА МАССР, ф. р-149, оп. 1, д. 127, л. 13.
[3] ЦГА МАССР, ф. р-149, оп. 1, д. 229, л. 305.

В результате перевыборов 1929 года качественно изменился и состав районных исполнительных комитетов. В составе их членов ВКП(б) и ВЛКСМ в 1929 году стало 64,4% вместо 63% в 1928 году, количество рабочих увеличилось с 8,5 в 1928 году до 12,2% в 1929 году. Из 23 председателей райисполкомов 7 человек избрано рабочих, тогда как в 1928 году из рабочих не было ни одного председателя. Батраков и бедняков было избрано 56,4% вместо 40,6% в 1928 году. В состав райисполкомов не был избран ни один зажиточный, тогда как в старом составе их было 0,6%[1].

Политическое значение перевыборной кампании 1928—1929 гг. заключалось в том, что в результате ее проведения в Мордовии укрепился союз рабочего класса с крестьянством, батрацко-бедняцких слоев деревни с середняком. В работу Советов были втянуты основные массы трудящегося крестьянства. Перевыборная кампания способствовала разоблачению и изгнанию из Советов враждебных Советской власти элементов.

Таким образом, в 1928—1929 годах под непосредственным руководством партийной организации была проведена большая работа по укреплению Советов Мордовии. В результате проведенных мероприятий значительно улучшился социальный состав местных органов власти, повысился его идейно-теоретический уровень. Местные Советы становились действительными руководителями хозяйственной и культурной жизни деревни. Это в свою очередь способствовало росту авторитета Коммунистической партии и Советской власти среди бедняцко-середняцких масс, упрочению диктатуры пролетариата в деревне, подъему политической и хозяйственной активности трудового крестьянства. Борьба Коммунистической партии за укрепление Советов была необходимой политической подготовкой для перехода в решительное наступление социализма по всему фронту.

[1] Мордовский округ Средне-Волжской области. Изд. Морд. окруж. плановой комиссии, Саранск, 1929, стр. 98—99.

С. К. Котков

ТРУДЯЩИЕСЯ МОРДОВИИ В БОРЬБЕ ЗА ВОССТАНОВЛЕНИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В 1923 ГОДУ

Засуха и голод 1921 года, усугубившие трудности восстановительных работ в сельском хозяйстве, в результате государственной помощи и трудового энтузиазма советского крестьянства постепенно преодолевались. Этому способствовали достижения всего советского народа за два года проведения в жизнь новой экономической политики, направленной на восстановление народного хозяйства. К 1923 году крупная промышленность страны выпустила валовой продукции более 40% от довоенного уровня. Добыча угля составляла 50% от уровня 1913 года. По сравнению с 1921 годом несколько вырос рабочий класс, упрочилась классовая база диктатуры пролетариата.

По всей стране посевные площади были доведены до 71% от уровня 1913 года. Все эти достижения в области восстановительных работ дали возможность народу частично преодолеть голод, расширить торговлю, несколько поднять снабжение населения промышленных городов продуктами питания, улучшить сырьевую базу легкой и пищевой промышленности и создать некоторые накопления для капитального вложения в тяжелую промышленность, увеличить помощь крестьянству, особенно тех районов, которые подверглись засухе 1921 года.

Государство отпустило большое количество семенной ссуды для посева яровых культур 1922 года. Только Саранскому, Беднодемьяновскому, Краснослободскому, Рузаевскому и Ардатовскому уездам было отпущено более 372350 пудов семенного зерна. Отпущено также большое количество семенного картофеля. Ардатовский и Корсунский уезды получили его 188 вагонов[1].

Благодаря государственной помощи, а также мобилизации своих внутренних резервов, крестьянством Мордовии в 1922 году была засеяна значительная площадь яровых и озимых культур. Так, по шести уездам (Ардатовскому, Инсарскому, Красно-

[1] Труды Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики, выпуск XXVII, серия историческая, Саранск, 1964, стр. 131.

слободскому, Саранскому, Темниковскому и Спасскому) было посеяно 231113 дес., или 84% планового задания[1].

Получение сравнительно хорошего урожая озимых и яровых хлебов в 1922 году дало возможность крестьянству пяти уездов (Инсарскому, Краснослободскому, Наровчатскому, Рузаевскому и Саранскому) посеять около 201 тысячи десятин ржи, или более 112% плана под урожай 1923 года[2], внести государству продовольственный налог и несколько обеспечить свои продовольственные и хозяйственные нужды. Эти успехи прежде всего были достигнуты благодаря усилению агитационно-массовой и организационно-хозяйственной работы местных партийных, комсомольских, профсоюзных организаций и сельских Советов.

В деле мобилизации всего советского народа на усиление темпов восстановительных работ во всех звеньях хозяйственного и культурного строительства исключительно важную роль сыграли последние статьи и речи В. И. Ленина, ставшие политическими завещаниями, напутственными словами советскому народу.

В период тяжелой болезни (конец 1922 г.), когда В. И. Ленин был прикован к постели, он не прекращал работу над проблемами социалистического и коммунистического строительства в нашей стране. По ряду важных принципиальных вопросов, имеющих научно-практическое значение в жизни нашей страны, В. И. Ленин хотел выступить на X Всероссийском съезде Советов, но болезнь все больше и больше разрушала его здоровье и не давала возможности приступить непосредственно к выполнению своих планов. Закончив свои первоочередные дела, В. И. Ленин в письме членам ЦК РКП(б) от 15 декабря 1922 года писал: «Я кончил теперь ликвидацию своих дел и могу уезжать спокойно. Осталось только одно обстоятельство, которое меня волнует в чрезвычайно сильной мере,— это невозможность выступить на съезде Советов. Во вторник у меня будут врачи, и мы обсудим, имеется ли хоть небольшой шанс на такое выступление»[3].

Далее В. И. Ленин писал, что конспект речи им уже написан. Тяжелая болезнь не дала возможности Владимиру Ильичу выступить на X Всероссийском съезде Советов.

В конце декабря 1922 года — начале 1923 года состояние здоровья В. И. Ленина несколько улучшилось, и он в условиях постельного режима продиктовал ряд важнейших статей, где нашли яркое теоретическое обоснование главнейшие жизнеутверждающие вопросы социалистического и коммунистического строительства, вопросы партийного и государственного строительства.

[1] Труды МНИИЯЛИЭ, выпуск XXVII, серия историческая, Саранск, 1964, стр. 132.
[2] Пензенский обл. архив, ф. р-2, оп. 1, д. 1352, лл. 302—311.
[3] В. И. Ленин, Соч., т. 33, стр. 421, изд. 4.

Так, В. И. Лениным были продиктованы его последние статьи и письма: «Письмо к съезду», «К вопросу о национальностях или об «автономизации», «Странички из дневника», «О кооперации», «О нашей революции», «Как нам реорганизовать Рабкрин», «Лучше меньше, да лучше». В этих статьях и письмах В. И. Ленин дал всесторонний анализ деятельности Коммунистической партии, ее Центрального Комитета, Советского правительства за пять лет существования Советского государства. На основе объективных данных, накопленных пятилетним опытом социалистического строительства В. И. Ленин пророчески наметил грандиозный план социалистического и коммунистического строительства в нашей стране.

В статье «О кооперации» В. И. Ленин выдвинул гениальный план преобразования мелкотоварного крестьянского хозяйства на социалистических началах. Он указывал на то, чтобы крестьянство постепенно вовлекать в социалистическое строительство прежде через сбытовую, снабженческую, а затем производственную кооперацию. Это явится важнейшим фактором в ликвидации капиталистических отношений в деревне в переходный период от капитализма к социализму.

Отмечая важное значение развития принципов коллективизма в сельском хозяйстве, В. И. Ленин указывал партийным и советским органам сверху донизу, чтобы они оказывали всемерную помощь деревне в развитии коллективных форм в производстве и сбыте сельскохозяйственных продуктов.

Несколько раньше, в статье «О продовольственном налоге», В. И. Ленин подчеркивал, что «Политика кооперативная, в случае успеха, даст нам подъем мелкого хозяйства и облегчение его перехода, в неопределенный срок, к крупному производству на началах добровольного объединения»[1].

Важнейшим звеном в общей цепи социалистического строительства В. И. Ленин считал всемерное развитие тяжелой промышленности и электрификации всех отраслей народного хозяйства. В этих двух важнейших отраслях народного хозяйства он видел главное условие технического перевооружения и развития народного хозяйства и улучшения жизненных условий и роста культуры трудящихся города и деревни, обеспечения независимости Советского Союза от капиталистических стран и обеспечения его обороноспособности.

Все гениальные указания В. И. Ленина, данные им в последних статьях и письмах, легли в основу решений XII съезда Коммунистической партии, начавшего свою работу 17 апреля 1923 года.

Работа XII съезда РКП(б) проходила в обстановке растущего трудового подъема рабочего класса, крестьянства и совет-

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 32, стр. 327—328, изд. 4.

ской интеллигенции, направленного на ликвидацию последствий голода, на скорейшее восстановление народного хозяйства.

Задачи восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства и подъема культуры в условиях нэпа требовали упрочения союза рабочего класса и крестьянства, дружбы между народами, еще большего укрепления рядов Коммунистической партии и усиления ее связей с трудящимися массами, улучшения работы государственного аппарата, борьбы с отрицательными сторонами нэпа, с эксплуататорскими тенденциями нэпманов и кулачества. Все эти важнейшие вопросы в жизни нашей страны, Коммунистической партии и трудового народа были на первом плане работы XII съезда РКП(б).

Открытие съезда приветствовали рабочие коллективы и крестьянские сходы всей страны, в том числе и Мордовии. Все трудящиеся на своих собраниях и митингах брали на себя обязательства по восстановлению народного хозяйства и подъему культуры.

На XII съезде РКП(б) были заслушаны и обсуждены отчетные доклады ЦК и ЦКК, доклад о национальных моментах в партийном и государственном строительстве, о задачах РКП и ЦКК, о промышленности и другие. В резолюции съезда, принятой по отчету Центрального Комитета партии, указывалось, что важнейшая задача партии заключается в том, чтобы «с величайшим вниманием и тщательностью оберегать и развивать союз рабочего класса с крестьянством, усиливать связи партии с рабочим классом и трудовым крестьянством». Съезд указал на необходимость «улучшения государственного аппарата и усиления руководства хозяйственным строительством». В интересах сохранения единства партии, укрепления партийной и государственной дисциплины и улучшения работы государственного аппарата съездом был образован объединенный орган ЦКК-РКИ. Съезд дал решительный отпор врагам социалистического строительства — Троцкому и его сообщникам, которые рассматривали нэп как отступление от социалистических позиций, которые хотели оторвать работу государственного аппарата от партийного руководства и подорвать союз рабочих с крестьянством.

На съезде широко были обсуждены вопросы восстановления и дальнейшего развития промышленности. Съезд указал, что тяжелая промышленность отстает от легкой промышленности, и принял ряд важных решений по подъему тяжелой промышленности и ее сердцевины — машиностроения. Уделялось значительное внимание также и развитию сельскохозяйственного машиностроения.

Съезд РКП(б) уделил важное внимание вопросам развития сельского хозяйства, которое в те годы играло преобладающую роль в экономической жизни страны. В целях быстрейшего восстановления сельского хозяйства и улучшения материального положения рабочего класса и трудового крестьянства, усиления

смычки между городом и деревней, съезд принял резолюцию об установлении единого сельскохозяйственного налога на продукты сельского хозяйства, что дало возможность последовательного проведения классового принципа в вопросе обложения крестьянских хозяйств и взимания налогов. В резолюции «О работе РКП(б) в деревне» съезд указал, что «Созданные новой экономической политикой хозяйственные отношения, затрудняя развитие значительной части маломощных крестьян и вызывая обеднение другой их части, приводят к тому, что начинают подниматься преимущественно средние и зажиточные хозяйства. Начинает оформляться кулачество в лице хозяйств, увеличивающих свою мощь путем сдачи в кредит сельскохозяйственного инвентаря, семян и скота на тяжелых, ростовщических условиях, взятия земли в аренду или путем торговли, путем производства и продажи самогона и т. п. С развитием социально-экономических отношений, создаваемых новой экономической политикой, удельный вес кулачества все более и более растет»[1].

Далее в разделе «О работе РКП в деревне» записано: «Съезд считает необходимым дальнейшее развитие пропаганды и государственное содействие введению более культурных приемов хозяйствований, доступных широким крестьянским массам на данном уровне сельскохозяйственной техники (ранние пары, борьба с вредителями, сортировка семян, вспашка на зябь, скашивание межников и т. п.). Особо важное государственное содействие развитию технических и трудоемких культур, животноводства, введение улучшенных севооборотов путем специальных льгот при взимании налогов и оказания кредита»[2].

В работе XII съезда РКП(б) важное место занял вопрос «О национальных моментах в партийном и государственном строительстве». Съезд единодушно определил правильность ленинской национальной политики, исходящей из принципов упрочения дружбы между народами, братской помощи в развитии экономики и культуры, ликвидации фактического неравенства национальностей. В решении этой важной задачи ведущая роль принадлежит великому русскому народу и его авангарду — русскому рабочему классу.

Съезд разоблачил национал-уклонистов и их великодержавную политику в отношении малых народов, которые при царизме испытывали национальный гнет. Съезд осудил местный национализм и проявление национальной ограниченности. Он призвал всех коммунистов, весь советский народ к решительной борьбе с великодержавным шовинизмом и местным национализмом.

---

[1] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. I, стр. 748.

[2] Там же, стр. 746.

Съезд поручил ЦК разработать и провести в жизнь ряд мер для налаживания и усиления партийно-политической работы среди нерусских народов.

Съезд подвел итоги восстановительных работ за два года нэпа и принял программу строительства социализма в нашей стране.

Исключительно важное значение для жизни мордовского народа, как и всех ранее отсталых народов, подвергавшихся при царизме национальному гнету, имели решения съезда по «национальному вопросу».

На основе решения XII съезда РКП(б) совещанием ЦК с партийными и советскими работниками национальных районов, состоявшимся в начале июня 1923 года, были разработаны конкретные мероприятия по национальному возрождению ранее угнетенных и эксплуатируемых народов, восстановлению и дальнейшему развитию промышленности, сельского хозяйства и подъему культуры, широкому вовлечению трудящихся национальных районов в дело строительства новой жизни. На совещании указывалось на необходимость подготовки кадров партийных, советских, хозяйственных и профсоюзных работников из коренной национальности, коренизации государственных учреждений путем ведения делопроизводства на родном языке.

В развертывании работ по претворению в жизнь решений XII съезда партии в области национального строительства имело исключительно важное значение образование Союза Советских Социалистических Республик. Образование СССР было всемирно-историческим достижением ленинской национальной политики на заре строительства фундамента социалистической экономики. Образование добровольного союза равноправных социалистических республик было важнейшим фактором претворения в жизнь великих задач строительства социализма в Советской России. С этого периода началось более глубокое изучение вопроса создания мордовской национальной государственности, исключительно важную роль в котором сыграл первый Всероссийский съезд коммунистов мордовской национальности, проходивший в июне 1921 года в Самаре (ныне Куйбышев). Выполняя решения XII съезда РКП(б) и совещания ЦК с партийными работниками национальных районов, губкомы партии Пензенской, Симбирской, Тамбовской и Нижегородской губ. значительно усилили работу по разъяснению материалов XII съезда партии и совещания ЦК. Были проведены губернские и уездные партийные конференции, на которых большое внимание обращали на усиление работы по подготовке марксистских кадров и на важность их подготовки из мордовской национальности. На партийных конференциях и собраниях указывалось на воспитание трудящихся масс разных национальностей в духе пролетарского интернационализма, преданности Советской Родине, делу Коммунистической партии, обращалось внимание на

усиление борьбы с проявлениями великодержавного шовинизма и местного национализма.

На конференциях и собраниях коммунисты и беспартийные граждане единодушно поддерживали национальную политику, проводимую Коммунистической партией и Советским государством. Например, общее объединенное собрание коммунистов и беспартийных из мордовской национальности Саранского уезда, состоявшееся 17 мая 1923 года, приняло решение: заслушав доклад по национальному вопросу, «общее собрание считает политику Соввласти в национальном вопросе правильной и вполне жизненной для пролетариата, только таким путем мы можем идти к братству и свободе всех национальностей. Только братский союз всех национальностей скорее приведет нас к коммунизму»[1].

Губкомами и укомами РКП(б) была значительно усилена работа с низовыми партийными организациями. Для укрепления волостных и сельских партийных ячеек и усиления работы по восстановлению народного хозяйства из губернских и уездных центров были посланы партийные работники. Для усиления работы местных Советов были посланы члены и кандидаты губисполкомов и уисполкомов.

Все эти мероприятия значительно оживили массово-политическую работу среди крестьянства сел и деревень.

Одной из важных форм политико-воспитательной работы в деревне и поднятия хозяйственно-политической деятельности крестьян явились беспартийные конференции и женские делегатские собрания, проводимые регулярно по плану укомов партии и уисполкомов. Например, Большеигнатовская волостная беспартийная конференция, проходившая 5 февраля 1923 года, где присутствовало 200 человек, широко обсудила вопросы международного положения, решения X Всероссийского съезда Советов, новый земельный кодекс, финансовую налоговую политику Советской власти и другие вопросы. Конференция приняла ряд решений, направленных на подъем экономики и культуры деревни. Она просила Советское правительство свести «все налоги к единому походно-имущественному налогу»[2]. О Широмасовской волостной беспартийной конференции Темниковского уезда в информационном сообщении писалось: «10 и 11 февраля состоялась широкая беспартийная конференция крестьян Широмасовской волости, работа шла весьма оживленно. Очень внимательно слушались доклады: о работе X Всероссийского съезда Советов, о новом земельном кодексе и о налоговой политике. Выражено доверие всей работе Совреспублики, направ-

[1] Партархив Мордовского обкома КПСС, ф. 327/1, арх. № 335, оп. 1, л. 2.
[2] Газета «Трудовая коммуна», орган Ардатовского укома РКП(б) и уисполкома, № 9, от 22 февраля 1923 г.

ленной на поднятие промышленности и сельского хозяйства[1]. О проведении женских беспартийных конференций в волостях Ардатовского уезда в корреспонденции газеты «Трудовая правда» от 1 апреля 1923 года сообщалось: «В день 8-го Марта по Ардатовскому уезду силами раскомандированных уженотделом коммунистов проведено 7 волостных женских конференций. Конференции прошли оживленно, с подъемом, присутствовало везде до сотни и больше женщин.

Основными вопросами были: 1) значение Международного дня работниц, 2) практическая помощь нуждающейся крестьянке в день 8-го Марта, 3) организация летних детских площадок и 4) ликвидация неграмотности среди делегаток.

Во всех волостях, где происходили конференции и заседания, избраны представительницы от женщин в волисполкомы и вол. комитеты взаимопомощи»[2].

Беспартийные конференции и женские делегатские собрания сыграли важную роль в мобилизации крестьянского населения, особенно женщин-мордовок, на выполнение хозяйственно-политических задач, вытекающих из решений Коммунистической партии и Советского правительства по восстановлению сельского хозяйства.

Трудящиеся Мордовии, вдохновленные решениями XII съезда партии, под руководством местных партийных организаций, преодолевая исключительно большие трудности, вызванные империалистической и гражданской войнами и голодом 1921 года, наращивали темпы по восстановлению народного хозяйства и подъема культуры.

Значительную работу по ликвидации последствий неурожая и голода 1921 года проделали губернские и уездные комитеты по борьбе с последствиями голода, образованные осенью 1922 года вместо помголов и действовавшие до конца 1922 года. Используя все средства государственной и общественной помощи, эти комитеты под руководством местных партийных ячеек и Советов проделали огромную работу по восстановлению народного хозяйства и прежде всего в области сельского хозяйства, которое играло преобладающую роль в экономической жизни Мордовии.

Комиссии по борьбе с последствиями голода занимались закупкой лошадей, крупного рогатого и мелкого скота для бедняцкой и маломощно-середняцкой части села, организовывали общественные столовые для питания детей бедняцких и батрацких семей, проводили реэвакуацию детей и взрослых, которые были в голодный год размещены в Мордовии, оказывали всевозмож-

[1] Газета «Трудовая коммуна», орган Ардатовского укома РКП(б) и уисполкома. № 10, от 23 февраля 1923 г.

[2] Газета «Трудовая правда», орган Ардатовского уисполкома и укома РКП(б), № 20, от 1 апреля 1923 г. Газета «Трудовая правда» стала выходить вместо газеты «Трудовая коммуна».

ную помощь беднякам, батракам и семьям красноармейцев. Наряду с хозяйственной деятельностью комитеты уделяли внимание и вопросам развития культуры села. Они вместе с партийными ячейками и сельскими Советами принимали участие в открытии начальных общеобразовательных школ, изб-читален и библиотек, участвовали в введении начал уличной планировке и выделении мест для строительства очагов социалистической культуры.

Сельская интеллигенция, главным образом учительство, была широко вовлечена в лекционно-пропагандистскую работу по разъяснению решений Коммунистической партии и Советского правительства. Она в своей повседневной работе, опираясь на местные Советы, профсоюзные и комсомольские организации, губкомы, укомы и волкомы партии, вела большую организационную и воспитательную работу среди трудящихся города и деревни. В результате этого все большее число рабочих, крестьян и интеллигенции включалось в дело восстановления всех отраслей и звеньев народного хозяйства и культуры. Идеи Коммунистической партии все больше овладевали массами, а это сказалось на экономическом положении трудящихся Мордовии, которое все более улучшалось.

Крестьянские массы Мордовии, узнав о жизненно важных решениях Коммунистической партии, под руководством местных партийных организаций и Советов еще с большей энергией включились в работу по ликвидации последствий голода. Была значительно усилена работа ККОВ, посевкомов, которые с помощью уполномоченных губкомов, укомов и волкомов партии и исполкомов губернских, уездных и волостных Советов широким фронтом развертывали весенне-полевые работы 1923 года. Несколько была усилена деятельность машинопрокатных пунктов. Последние, наряду с ремонтом усовершенствованного сельскохозяйственного инвентаря, снабжения на льготных условиях бедняцко-середняцкой части населения инвентарем и тяглом, проводили значительную работу по улучшению кондиционности семян. Так, четырьмя машинопрокатными пунктами вместе с посевкомами в 16 волостях Саранского уезда к весеннему севу 1923 года было отсортировано разных семян 31983 пуда[1].

Значительная работа по подготовке к весеннему севу была проделана ранее существовавшими и вновь созданными агрономическими участками. Агроучастки организовывали в своих зонах зерноочистительные обозы и пункты по протравливанию семян.

Они же вместе с земельными отделами и сельскими Советами на крестьянских общинных надельных землях организовывали опытно-показательные участки, которые даже при тех условиях состояния хозяйства и уровня сельскохозяйственной

[1] Рукописный фонд МНИИЯЛИЭ, оп. 1, ед. хр. 249, л. 13.

техники были примером наглядной агитации за получение более высоких урожаев, чем на надельных землях общин. В 1923 году в Саранском уезде на общинных крестьянских землях насчитывалось 160 опытно-показательных участков с посевной площадью 1330 дес., в среднем 8,3 дес. на один участок[1]. Эти опытно-показательные участки засевались разными яровыми и озимыми культурами и находились под некоторым контролем агрономов или опытных полеводов, имеющих некоторые знания по агрономии.

Все сельские кузнецы по решению местных Советов считались мобилизованными по ремонту простейшего сельскохозяйственного инвентаря. Партийными и советскими организациями волостей, уездов и губерний были приняты меры по производству и закупке сельскохозяйственного инвентаря. В результате принятия неотложных мер наличие его у крестьян несколько увеличилось. Если в 1922 году в хозяйстве крестьян Краснослободского уезда, кроме серпов и кос, насчитывалось 35202 единицы сельскохозяйственных орудий и машин, то в 1923 году их уже было 45944 единицы[2].

В интересах поднятия культуры земледелия и перевода его на многопольный севооборот была усилена пропаганда агрономических знаний. Так, во время подготовки к весеннему и летнему периодам полевых работ труженикам полей только Саранского уезда было дано 2508 консультаций. Всеми мероприятиями по агропропаганде в уезде было охвачено более 11500 человек[3].

Наряду с усилением массово-разъяснительной и хозяйственной работы на селе, местными партийными организациями и советскими учреждениями было уделено значительное внимание вопросу подготовки кадров для сельского хозяйства через курсовые мероприятия, которые организовывались во всех уездных центрах, впоследствии вошедших в состав Мордовии.

Курсанты, посланцы сел и деревень, с большим интересом овладевали знаниями. Они знакомились с научными методами и передовой практикой ведения сельского хозяйства.

Выпускники сельскохозяйственных курсов Ардатовского уезда на своем выпускном вечере 1 апреля 1923 года приняли постановление: «Мы, курсанты, приносим глубокую благодарность УИК и УЗУ за правильную постановку дела по с.-х. образованию на курсах. Даем гражданское обещание в том, что мы, уходя в деревню, используем все познания, полученные нами на этих курсах, и просим УИК и УЗУ периодически созывать сельхозсовещания гр-н с участием агрономов по обсуждению новых методов сельского хозяйства. Желательно также принять меры

[1] ЦГА МАССР, ф. 37, д. 64, л. 652.
[2] Архив Пензенского обкома КПСС, ф. 36, оп. 1, д. 773, л. 28.
[3] ЦГА МАССР, ф. 37, д. 64, л. 654.

к распространению по деревням сельскохозяйственной литературы»[1].

Крестьяне, окончившие сельскохозяйственные курсы, были первыми специалистами массовой сельскохозяйственной квалификации на селе. Курсовые мероприятия, проводимые уисполкомами и УЗУ, положили начало подготовке опытных помощников агрономов, зоотехников и ветврачей из мордовской национальности. Несколько усилена была работа партийных организаций в профсоюзах и особенно в союзе «Земли и леса», куда входили главным образом батраки и лесные рабочие.

Организации профсоюза «Земли и леса» с помощью партийных ячеек и ККОВ принимали меры по обеспечению батрацких хозяйств и бедных лесных рабочих семенами, продуктами питания, тяглом и сельскохозяйственным инвентарем. Они оказывали трудовую помощь беднейшим батрацким хозяйствам в проведении весенних, летних и осенних полевых работ.

Общее собрание членов Левженской ячейки РКП(б) от 23 апреля 1923 года постановило: «Для запашки полей коммунистов, не имеющих лошадей, организовать ударный воскресник... Для обработки полей беспартийных бедняков и хозяйств красноармейцев предложить сельсовету организовать общий воскресник с участием всех сил ячейки»[2].

Партийными и государственными органами был установлен строжайший контроль за общественными продовольственными и семенными фондами и государственными деньгами, предназначенными на общественные нужды. Так, при проверке работы волостных исполнительных комитетов Краснослободского уезда в «одном из ВИКов была обнаружена растрата 4000 пудов продналога и 9000 руб. денег»[3].

Мероприятия, проводимые местными партийными ячейками, сельскими Советами и общественными организациями под руководством уездных и губернских партийных организаций, сыграли важную роль в обеспечении значительной части бедняцких крестьянских хозяйств семенами, продуктами питания и тяглом в период проведения весенних полевых работ.

«Приношу большую благодарность Ардатовскому усельхозсоюзу,— писал крестьянин села Дубровки Апраксинской волости Барашенков,— за оказанную мне товарищескую помощь. Лошадь, которую я получил путем заказа, находится в удовлетворительном состоянии. Глубокую благодарность приносят вам и другие заказчики. Теперь мы своими глазами увидели, что Советская власть — это наша пролетарская защита. Надеюсь,

[1] Газета «Трудовая коммуна», орган Ардатовского исполкома и укома РКП(б), № 20 от 1 апреля 1923 г.
[2] Партархив Мордовского ОК КПСС, ф. 327, д. 476, л. 35.
[3] ЦГАОР СССР, ф. 393, оп. 46, д. 185, лл. 258—272.

что мы не забудем ее помощи, на первый же зов ее откликнемся и дадим свою помощь»[1].

Советским государством была оказана большая помощь лошадьми безлошадным семьям красноармейцев. Например, только в октябре 1923 года безлошадные красноармейские хозяйства Ардатовского уезда получили 28 лошадей[2].

Развертывание мероприятий по восстановлению и дальнейшему подъему сельского хозяйства шло непосредственно с материальной и денежной помощью Советского государства. Так, в период проведения весенних полевых работ 1923 года крестьянству Мордовии было отпущено большое количество семян для посева ярового клина. По неполным данным, Саранскому, Беднодемьяновскому и Краснослободскому уездам только из государственных фондов было отпущено 39162 пуда[3]. Большая помощь семенами для посева ярового клина оказана губисполкомами, губпотребкооперациями и общественными организациями. Семена государством отпускались или безвозмездно, или же на больших льготных условиях.

На посевные нужды и обеспечение беднейшего населения были использованы фонды самообложения, которые находились в распоряжении комитетов крестьянской общественной взаимопомощи. Например, на 11 апреля 1923 года в складах ККОВ Ардатовского уезда числилось хлеба 5800 пудов, Корсунского уезда —3000 пудов[4]. С бедняцкой и маломощно-середняцкой части населения государством был снят продовольственный, трудовой и гужевой налог.

Все это дало возможность уже в 1923 году крестьянству Мордовии усилить борьбу с последствиями недорода и значительно ликвидировать хронический недосев, продолжавшийся в течение ряда лет. Так, по всем уездам Пензенской губернии, куда входили полностью или частично 5 уездов, позднее вошедших в состав Мордовии, посевные площади в 1923 году были доведены более чем на 85% к уровню 1913 года.

Посевная площадь в 1923 году по сравнению с 1922 годом увеличилась на 14%. Площадь засева в 1923 году по сравнению с 1922 годом по Краснослободскому уезду увеличилась на 15600 десятин[5]. Уездом было посеяно всех культур 111456 десятин. Недосев выразился только в 3%, тогда как в 1920 году недосев составлял 17%[6]. По отдельным уездам, вошедшим в состав Мордовии, как, например, по Ардатовскому уезду, из-за недостатка семян и тягловой силы, недосев в 1923 году выразился в 3898 десятинах, или несколько более 5% от посевного плана. Посев всех яровых культур по уезду составил 77232 десятины[1].

[1] Газета «Трудовая коммуна», орган Ардатовского уисполкома и укома РКП(б), № 9, от 22 февраля 1923 г.
[2] Газета «Трудовая правда», орган Ардатовского уисполкома и укома РКП(б), № 49, за 21 октября 1923 г.
[3] Сборник статистических сведений по Пензенской губернии 1920—1926 гг., Пенза, 1927, стр. 636.
[4] Газета «Пролетарский путь», орган Симбирского губкома и губисполкома, № 82, от 10 июля 1923 года.
[5] Партархив МАССР, ф. 16, св. 8, д. 131, л. 7.
[6] Очерки истории МАССР, т. 2, стр. 139.

Успехи по полеводству были достигнуты при самоотверженном труде крестьянства Мордовии, при огромной помощи со стороны государства и местных губернских и уездных партийных организаций и Советов.

Бедняцким, маломощно-середняцким и батрацким хозяйствам некоторую помощь в поднятии хозяйств оказывали коммуны, колхозы и совхозы.

Труженики зарождавшегося социалистического сектора, оказывая помощь крестьянству, руководствовались указаниями В. И. Ленина, которые были даны им в своем выступлении на Первом съезде земледельческих коммун и сельскохозяйственных артелей. В. И. Ленин говорил: «...мы считаем безусловной обязанностью всяких предприятий товарищеского, артельного земледелия не обособляться, не отстраняться от окрестного крестьянского населения, а обязательно оказывать ему помощь»[2].

Далее В. И. Ленин говорил, что «Помощь коммун окрестным крестьянам нельзя считать помощью, которая происходит только от избытка, но нужно, чтобы эта помощь была социалистической, т. е. давала бы возможность крестьянам переходить от обособленного, единоличного хозяйства к товарищескому»[3]. Колективные хозяйства оказывали помощь беднякам, батракам, маломощным середнякам, хозяйствам семей красноармейцев, инвалидов империалистической и гражданской войн. Коммуны, колхозы и совхозы организовывали бригады по оказанию помощи в проведении полевых работ, создавали из бедняков и батраков бригады по изготовлению простейших сельскохозяйственных орудий и машин, выделяли им тягло, семена для посева, создавали прокатные зерноочистительные пункты. Вся эта многосторонняя помощь социалистических хозяйств бедняцко-середняцкой массе деревни становилась весьма наглядным средством агитации за коллективные формы земледелия, за деловое сотрудничество колхозов с индивидуальным сектором крестьянства.

Независимо от того, что оказывалась значительная помощь бедняцким, батрацким и маломощным крестьянским хозяйствам, все-таки государство не могло в полной мере обеспечить всю бедняцкую часть населения лошадьми, продуктивным скотом, сельскохозяйственным инвентарем и семенами.

Вследствие мелкотоварного индивидуального характера крестьянского хозяйства расслоение деревни не прекращалось. В этих условиях беднота все явственнее чувствовала непроч-

[1] Партархив Мордовского обкома КПСС, ф. 1, оп. 1, д. 16, лл. 44, 54, 62.
[2] В. И. Ленин, Соч., т. 30, стр. 174, изд. 4.
[3] В. И. Ленин, Соч., т. 30, стр. 182, изд. 4.

ность своего хозяйственного положения. Несмотря на трудности, вызванные недородом 1921 года, в 1922 году произошло некоторое осереднячивание крестьянства, улучшение хозяйственной деятельности бедняцко-маломощно-середняцких масс Мордовии, но тем не менее к 1923 году оставалось из всего крестьянства Мордовии 0,8% беспосевных хозяйств. Правда, количество беспосевных хозяйств по сравнению с 1922 годом уменьшилось на 0,7%. Это результат помощи бедняцким и батрацким хозяйствам со стороны Советского государства и местных партийных, советских и других общественных организаций.

В деревне по-прежнему были малопосевные хозяйства, которые, как и беспосевные, вынуждены были часть своих душевых наделов сдавать в аренду. Эта категория крестьянства, хотя и получила помощь со стороны государства, кооперативных и общественных организаций, но в тех условиях она не могла полностью поправить свое хозяйство. Все явственнее ощущалась необходимость объединения крестьянских хозяйств.

Трудности, создавшиеся в деревне в период введения новой экономической политики, были использованы классово-чуждыми элементами для борьбы против Советской власти.

Чтобы отвлечь крестьянские массы от выполнения задач по восстановлению народного хозяйства, сорвать проведение весенней посевной кампании 1923 года, враги советского государства пускали разные нелепые слухи, которыми рассчитывали сорвать все мероприятия, проводимые Центральным Комитетом партии и Советским правительством в деревне. Они хотели стремление крестьян к поднятию товарности своего хозяйства отравить клеветой. Саранский уком РКП(б) в своем письме ко всем партийным организациям и Советам уезда от 26 апреля 1923 года под названием «Гром-налог» писал: «Контрреволюция старается внести тревогу в крестьянские сердца и не брезгует никакой гнусной провокацией, приурочивая свои подпольные выступления к началу сельскохозяйственной кампании в деревне, желая ее подорвать.

Последняя провокация заключается в том, что Советская власть, мол, желает восстановить помещиков и их имения, скоро объявит новый налог в деревне под названием «Гром-налог» за разгромленные крестьянами имения «по 60 рублей на живую душу». Уком РКП(б) потребовал от партийных организаций «усилить культурно-просветительную работу в деревне, чем уничтожится благоприятная почва для всяких провокационных слухов в деревне»[1].

В своем письме от 11 июня 1923 года в адрес укомов партии, сельских партийных организаций и исполкомов Советов Пензенский губком РКП(б) писал: «Распространяются также провокационные слухи о появлении бандитов. Последнее обстоятельство, вероятно, направлено на то, чтобы запугать крестьян и сорвать посевную кампанию»[1].

[1] Партархив Мордовского обкома КПСС, ф. 327/1, д. 523, св. 43, л. 53.

Враги Советского государства делали попытку нанести удар по крепнущему союзу рабочего класса и крестьянства, они распространяли разные нелепые вымыслы для того, чтобы ослабить доверие крестьян к промышленным и транспортным рабочим. В связи с этим Рузаевский уездный комитет партии в июне 1923 года разослал всем сельским ячейкам РКП(б) циркуляр, где сообщалось, что «в укоме имеются сведения о том, что среди крестьян, в особенности среди кулацкого населения, ведется антисоветская агитация против рабочих, которые якобы получают большое жалованье и в то же время устанавливают высокие цены по изготовлению фабрично-заводских продуктов». Далее уком требует «не дать усилиться кулацкой агитации, которая стремится сделать раскол между городом и деревней, для чего необходимо:

1. Повести широкую агитацию групповых бесед, использовать сельские сходы и разъяснить настоящее положение рабочих.

2. Разъяснить, что настоящее финансовое положение Советской республики очень тяжелое и из-за падения курса рубля приходится проводить разного рода налоги, как прямые, так и косвенные для восстановления нормального финансового обращения и восстановления курса рубля.

3. Советское правительство вынуждено проводить налоговую политику для увеличения средств и восстановления государственной промышленности и сельского хозяйства и когда будут восстановлены промышленность и сельское хозяйство, тогда и налог уменьшится и уменьшатся цены на фабрично-заводские изделия»[2].

Некоторые успехи, достигнутые крестьянством Мордовии по развертыванию восстановительных работ (успешное проведение весенне-посевной кампании, мероприятия по увеличению поголовья скота и улучшению продуктивности крестьянского стада), были омрачены засухой, которая началась с мая и охватила все уезды Мордовии. Но благодаря тому, что осенние 1922 г. и весенние 1923 г. посевные работы были проведены в известной мере организованно и своевременно, была оказана значительная помощь государства семенной ссудой, тяглом и сельскохозяйственным инвентарем, даже в неблагоприятных условиях засушливой весны 1923 года крестьянство Мордовии получило хотя и незначительный урожай, но он дал возможность несколько улучшить материальное положение сельского и городского населения, обеспечить его хлебом и др. продуктами. По Рузаевскому, Ардатовскому и Корсунскому уездам было намолочено

[1] Партархив Мордовского обкома КПСС, ф. 327, д. 519, л. 15.
[2] Там же, ф. 27, оп. 1, д. 43, л. 38.

ржи 26,7 пуда с десятины, по Темниковскому, Рузаевскому, Краснослободскому, Ардатовскому и Корсунскому уездам получили с десятины: овса —17,3 пуда, проса —26,3 пуда, картофеля —331 пуд. Незначительны были урожаи и по другим культурам. Например, по Ардатовскому уезду было получено пшеницы с десятины посева 33 пуда, гороха —30 пудов[1].

Отдельные опытные коллективные хозяйства, коммуны, совхозы и отдельные индивидуальные крестьянские хозяйства даже в условиях засушливого 1923 года, при условии применения простейшей агротехники, получили урожай всех возделываемых культур несколько выше, чем индивидуальный сектор, который в основном еще не применял в своем хозяйстве простейших приемов агротехники. Например, Хованщинский агропункт получил в среднем с каждой десятины 65,5 пуда ржи, тогда как на крестьянских полях окружающих сел с десятины было получено ржи от 22 до 30 пудов[2]. Некоторые индивидуальные хозяйства, применявшие в своем хозяйстве простейшие виды агротехники, даже в условиях засухи и губительных действий вредителей сельского хозяйства получили более высокие урожаи, чем все те хозяйства, которые не применяли агротехнику, игнорировали ее.

Один из опытников из деревни Адаево Аксельской волости Д. Ф. Агафонов в Краснослободское земельное управление 3 ноября 1924 года писал: «С 1918 года я вожу навоз в мае месяце, тут же его запахиваю и забороню в сыром виде, не давая ему сохнуть, а также делаю вспашку ярового под зябь в начале августа, на что получаю положительные результаты как в смысле урожайности, засушливости и сортности, и в каждый год получаю с десятины хлеба по 100 мер ржи и по 100 мер проса»[3].

Но в основном по всей Мордовии валовые сборы хлебов были настолько низкими, что они не могли в полной мере обеспечить потребность и хозяйственные нужды крестьян. Например, по Краснослободскому уезду валовой сбор хлебов в 1923 году составил 3013968 пудов. При наличии населения 214237 человек в среднем на одного едока падало 14 пудов разных зерновых культур, картофеля приходилось около 10 пудов[4].

По Темниковскому уезду валовая доходность сельского хозяйства в 1923 году по полеводству в переводе на ржаные единицы составила 1633418 пудов[5], в среднем при наличии населения в количестве 106589 чел. на одного едока приходилось 15 пудов. Эти средние данные по обеспеченности крестьянского населения продуктами полеводства не могут служить определением экономического положения всех категорий крестьянства. Средние слои деревни, не говоря уже о зажиточных, засевали не только свои душевые наделы, но зачастую прибегали к аренде небольших участков земли. Что касается бедняцких и батрацких хозяйств, то они в большинстве случаев совсем не засевали свои полевые наделы или же засевали не более 2 десятин на двор. Таких хозяйств в 1923 году в Краснослободском уезде из общего количества 39380 насчитывалось 1355, что составляло около 4% от общего количества хозяйств[1]. По Саранскому уезду в 1923 году приходилось в среднем на один двор 3,6 десятины земли, на одного едока 0,64 десятины. При наличии 5—6 человек семьи и трехпольной системы севооборота посев всех культур на один двор составлял 2,4 десятины[2]. При среднем урожае всех культур, кроме картофеля, 26,7 пуда эти малопосевные хозяйства в среднем могли получить урожай не более 66 пудов. Если вычесть расходы на посев надела в среднем 18 пудов, то на одно хозяйство оставалось всего 48 пудов, в среднем на одного едока приходилось урожая всех культур не более 8,6 пуда. Эта норма не могла обеспечить минимальные потребности населения. Хлебный дефицит, образовавшийся у бедняцких и маломощно-середняцких хозяйств, частично восполнялся продуктами животноводства, изготовлением разных кустарных изделий или работой по найму.

Бюджет беднейшей категории крестьянства по Ардатовскому уезду в 1923 году составлял не более 300 рублей в год. Бедняки, составлявшие до 40% населения уезда, без помощи государства и общественных организаций не в состоянии были выйти из нужды.

Бюджет среднего крестьянства (оно составляло 57% всего населения) определялся в сумме 440 рублей, а бюджет зажиточных и кулацких хозяйств (составлявших 3%) определялся в сумме 1000—1200 рублей[3].

За два года проведения новой экономической политики несколько увеличились посевы технических культур.

Рост посевных площадей технических культур, несомненно, обуславливался увеличением спроса на сырье восстанавливающейся легкой и пищевой промышленностью как страны, так и Мордовии, а также хозяйственными потребностями самих крестьян. Например, в 1920 году в Ардатовском уезде было посеяно конопли 2679 дес., льна 2208 дес.[4]. В Саранском уезде в 1920

[1] Пензенский облархив, ф. р-2, оп. 1, д. 2125, лл. 256, 257. ЦГА МАССР, ф. 125, св. 2, д. 22, лл. 44—55. ЦГА МАССР, ф. р-312, оп. 1, д. 95, лл. 56—67.

Газета «Пролетарский путь» № 190, от 18. X. 23 г., орган Симбирского губкома РКП(б) и губисполкома.

[2] ЦГА МАССР, ф. р-311, оп. 1, д. 66, лл. 14, 15.

[3] ЦГА МАССР, ф. р-312, оп. 1, д. 69, лл. 22, 23.

[4] Партархив МАССР, ф. 16, св. 8, д. 181, лл. 7, 52.

[5] Пензенский облархив, ф. р-2, оп. 1, д. 2125, лл. 256, 257.

[1] Партархив Мордовского обкома КПСС, ф. оп. 1, д. 132, л. 53.

[2] Там же, ф. 327, д. 979, л. 47.

[3] Там же, ф. 1, оп. 1, д. 58, л. 4.

[4] ЦГА МАССР, ф. 313, д. 61-а, л. 1—54.

году было посеяно конопли 3373 дес., а в 1923 году — 4496 десятин[1].

В 1923 году Саранский подрайон двух махорочных фабрик продал махорки-сырца на 38974 рубля[2].

Увеличение посевов технических культур как для внутрихозяйственных нужд, так и на продажу способствовало подъему экономики крестьянского хозяйства, увеличению бюджета крестьянской семьи.

Учитывая слабый урожай хлебов и несостоятельность бедняцких, маломощно-середняцких слоев деревни справиться с хозяйственными трудностями, Советское государство оказало дополнительную помощь крестьянству в восстановлении сельского хозяйства. Для успешного проведения озимого сева по постановлению СНК РСФСР от 20 августа 1923 года было отпущено только из государственных фондов кондиционной семенной ржи: Пензенской губернии — 100 тысяч пудов, Симбирской — 50 тысяч пудов, Нижегородской — 48 тысяч пудов[3]. Усилен контроль за проведением в жизнь постановления ВЦИК и СНК от 3 июля 1922 года, были признаны недействительными все кабальные сделки на хлеб, которые заключались кулаками с беднотой и середняками. Снят единый сельскохозяйственный налог с бедняцких и батрацких слоев деревни, снижен налог с многосемейных и маломощных середняцких хозяйств. Так, сельскохозяйственный налог для Ардатовского уезда, предназначенный в количестве 981187 пудов, Советским правительством был уменьшен на 114878 пудов, для Корсунского уезда налог, предназначенный в количестве 1583236 пудов, был уменьшен на 142979 пудов[4]. Кроме того, Симбирский губисполком, изучив экономическое положение крестьянства губернии, своим постановлением от 29 сентября 1923 года дополнительно снизил продналог по Ардатовскому уезду на 20000 пудов, по Корсунскому — на 46000 пудов[5]. Скидка продналога только по двум уездам — Ардатовскому и Корсунскому — составила 323857 пудов. Это только часть той огромной помощи Советского правительства, которая оказана крестьянству Мордовии.

Независимо от того, что 1923 год был весьма засушливым и неурожайным годом, но вследствие того, что более организованно были проведены посевные и уборочные работы с применением некоторыми хозяйствами агрокультурных мероприятий, был получен такой урожай, который дал возможность середняцкой и более состоятельной части крестьянства уже обеспечить себя семенами, продовольствием и часть хлеба продать, чтобы купить необходимые орудия труда и одежду. Но многие

[1] ЦГА МАССР, ф. 37, д. 64, л. 406.
[2] ЦГА МАССР, ф.37, оп. д. 964, л. 438.
[3] ЦГАОР, ф. 130, оп. 86, д. 144, л. 2.
[4] Газета «Пролетарский путь», 19 января 1924 года.
[5] Газета «Пролетарский путь» № 178 от 4 октября 1923 года.

хозяйства, особенно бедняцкие и батрацкие, по-прежнему нуждались в государственной и общественной помощи.

В период уборки урожая развернулась работа по сбору единого натурального сельскохозяйственного налога. До 1923 года сельское население уплачивало четыре прямых государственных налога (единый натуральный налог, единовременный общегражданский налог, денежный налог и денежный трудгужналог). Кроме того, крестьянство платило часть и косвенных налогов. Оно также вносило всевозможные губернские, уездные, волостные и сельские многочисленные сборы. Это множество разнообразных налогов и сборов явилось в известной мере тормозом дальнейшего развития хозяйственной смычки между городом и деревней, сковывало инициативу крестьянства в развитии товарности своего хозяйства. Учитывая все эти явления в экономической жизни страны, ВЦИК и СНК в соответствии с решениями XII съезда РКП(б) в разгар весеннего сева 10 мая 1923 года приняли декрет «О едином сельскохозяйственном налоге». Вместо множества взимаемых налогов был установлен единый налог. Декретом запрещалось введение каких-либо других прямых или косвенных налогов. Налогоплательщикам было дано право вносить налог часть натурой, а часть деньгами. Это положение сыграло определенную роль в заинтересованности крестьян в увеличении товарности своего хозяйства, способствовало расширению рыночных связей.

Введение единого сельскохозяйственного налога дало возможность дифференцированно подходить к вопросу обложения крестьянских хозяйств, создало лучшие условия для восстановительных работ. Для лучшей организации налоговой работы, проведения озимого сева губкомами, укомами и волостными комитетами партии и исполкомами Советов на помощь сельским Советам и партийным ячейкам были посланы уполномоченные из партийно-советского актива. Так, по решению XI Ардатовской уездной партийной конференции по селам уезда было послано 49 коммунистов. Благодаря большой работе сельских партийных организаций, сельских Советов, уполномоченных и организаторской работе волостных, уездных и губернских партийных организаций и исполкомов Советов налоговая кампания была проведена организованнее, чем в предыдущий год.

Поставка натурального налога в переводе на ржаные единицы была выполнена по Темниковскому уезду на 69% (сдал 416332 пуда)[1], Спасскому уезду — на 52% (вывез 325477 пудов)[2], Ардатовскому уезду план сбора единого сельскохозяйственного налога выполнен на 88%[3], Корсунскому — на 76%[4].

[1] Партархив МАССР, ф. 1, д. 34, л. 33.
[2] «Тамбовская правда».
[3] Партархив МАССР, ф. 1, оп. 1, д. 34, л. 3.
[4] Газета «Пролетарский путь» от 14 января 1924 г.

Успешно шла работа по реализации хлебного займа. «Тяга крестьянства к приобретению хлебного займа большая, облигации берут нарасхват»,— писала газета «Нижегородская коммуна» в октябре 1923 года в корреспонденции по Сергачскому уезду[1].

Работа по сбору натурального налога не прекращалась и в зимних условиях. Основные массы крестьянства с сознанием долга перед страной несли налог, считая налог настолько уменьшенным, что выполнение его не обременяло крестьянское хозяйство.

«Нижегородская коммуна» от 4 октября 1923 года о выгодности сельскохозяйственного налога писала: «Крестьяне Сергачского уезда говорят: «Ведь если, говорит крестьянин с. Ильинского Байковской волости, я платил при царском правительстве 5 руб. с едока, то с 6-ти едоков с меня сходило 30 рублей. Взамен денег (по 80 коп. пуд) я платил бы хлеба 38½ пуда, а теперь плачу около 2-х пудов 15 фунтов с едока, а с 6 едоков 14 пудов 10 фунтов, в деньгах, по рублю золотом за пуд, 14½ руб. Значит при настоящем налоге я экономлю 15¾ руб. Вот какая разница при обложении единым сельскохозяйственным налогом против царских налогов»[2].

Но были отдельные граждане, особенно из зажиточной и кулацкой части или подговоренные ими из середняцкой части, которые под разным видом отказывались от уплаты натурального налога. Они зарывали хлеб в землю или в навозную кучу, прятали везде, а потом говорили, что у них хлеба нет. К таким людям применялись законы Советского государства. Посредством административных воздействий они вынуждены были спрятанный хлеб разрыть и доставить в распоряжение государства. В этом важном деле партийным организациям и местным Советам неоценимую помощь оказывали комсомольцы, рабселькоры и батрацко-бедняцкий актив села.

Благодаря огромной помощи государства, мобилизации своих внутренних сил крестьянство Мордовии под руководством местных партийных органов, советских учреждений и общественных организаций, успешно справилось с посевом озимого клина 1923 года, что видно из таблицы на 111 стр.

Энергичная работа местных партийных, советских организаций, комитетов крестьянской взаимопомощи, которые были образованы как органы общественной самодеятельности масс, помощь государства семенной ссудой, льготами по налогам, отпуск долгосрочных денежных кредитов на улучшение хозяйственной деятельности, усиленная работа самих крестьян дали возможность почти всем уездам Мордовии полностью ликвидировать недосев в 1923 году и перевыполнить план посева озимых культур под урожай 1924 года. Восстановлению сельского хозяйства способствовало и то, что Советское государство из года в год усиливало снабжение деревни простейшими и сложными сельскохозяйственными машинами. В 1923 году заметно увеличилось количество плугов, конных сеялок, уборочных машин, молотилок и другого инвентаря. Но нужно будет отметить, что большинство мелких единоличных крестьянских хозяйств в силу ограниченности своих экономических возможностей не могло пользоваться машинной техникой. Эта техника под силу была только зажиточной и кулацкой прослойке деревни. Поэтому в целях помощи батрацким, бедняцким и маломощно-середняцким крестьянским хозяйствам усовершенствованной техникой были организованы прокатные станции или пункты, оснащенные сельскохозяйственными машинами. Наряду с полеводством, значительных успехов крестьянство Мордовии достигло и в животноводстве, особенно в увеличении поголовья продуктивного скота. Для улучшения породистости скота были организованы племенные конюшни, племрассадники. Из конезаводов, опытных совхозов и отдельных коммун завозились племенные производители, отдельными хозяйствами закупались племенные матки. Все это способствовало улучшению животноводства у крестьян.

Советское правительство на приобретение лошадей, коров и мелкого скота ежегодно отпускало крестьянству долгосрочные кредиты через сельскохозяйственный банк и низовые кредитные товарищества. Но вся эта колоссальная материальная помощь государства в условиях единоличного мелкотоварного крестьянского хозяйства, расслаивающейся деревни не могла дать своего ожидаемого эффекта. Основные массы деревни — бедняки, батраки, значительная часть середняков — ощущали непрочность своего хозяйственного положения. Несмотря на некоторые ограничения, зажиточная и кулацкая прослойка деревни все больше и больше забирала в свои руки землю, концентрировала в своем хозяйстве больше лошадей и продуктивного скота,

Уезды[1]	План (в десятинах)	Посеяно (в десят.)	% выполнения плана
Инсарский	26350	35309	134
Краснослободский	44572	66669	135,8
Наровчатский	42191	30805	73
Рузаевский	24016	26103	104,8
Саранский	47046	50980	113
Ардатовский[2]	—	71735	—
Темниковский	—	26045	

[1] Газета «Нижегородская коммуна» от 16 октября 1923 г.
[2] Газета «Нижегородская коммуна» от 4 октября 1923 года.

[1] Пензенский облархив, ф. р-2, д. 1352, лл. 302—311.
[2] Партархив МАССР, ф. 1, оп. 1, д. 16, л. 63.

который предназначался не столько для своих продовольственных нужд, сколько на продажу.

Организацией сельскохозяйственного кредита был нанесен удар по ростовщическим и эксплуататорским тенденциям кулачества. Сельскохозяйственный кредит постепенно освобождал беднейшее крестьянство от влияния кулака.

Несмотря на огромную помощь со стороны государства, значительная часть крестьянства Мордовии не имела лошадей. В 1923 году по Пензенской губернии 30% крестьянских хозяйств не имели рабочих лошадей[1]. По отдельным уездам процент безлошадных хозяйств был выше, чем в целом по губернии. Например, по Краснослободскому уезду числилось 35% безлошадных хозяйств[2].

Увеличению числа безлошадных хозяйств способствовали не только неурожай и голод 1921 года и расслоение деревни, но и дальнейшее дробление больших патриархальных семей на отдельные самостоятельные семьи.

Чтобы завести самостоятельное хозяйство, некоторые взрослые семейные мужчины делились от своего отцовского дома. Раньше, до Октябрьской революции, в этом деле создавался ряд препятствий. Теперь, в условиях Советской власти, в отпочковании новых семей препятствий не было. Это способствовало образованию новых хозяйств. Например, в 1923 году только в Краснослободском уезде вновь образовалось 1821 хозяйство[3]. В своем большинстве новые хозяйства были безлошадными, бескоровными. Они нуждались в помощи государства и сельских общественных организаций. Это обстоятельство несколько занизило процент обеспеченности крестьянских хозяйств рабочим и продовольственным скотом. Но общее количество продуктивного скота по некоторым уездам за 1923 год по сравнению с 1911 годом несколько увеличилось. Если в 1911 году в Ардатовском уезде насчитывалось рогатого скота 29866 голов, то в 1923 году было 31678 голов[4], в Краснослободском уезде по сравнению с 1920 годом общее поголовье скота увеличилось с 171541 головы до 199824 голов. Поголовье лошадей всех возрастов увеличилось с 26645 до 28523 голов. Увеличение поголовья всего скота до некоторой степени поправило хлебный дефицит, создавшийся в отдельных семьях, продуктами животноводства.

Благодаря успехам восстановительных работ 1922—1923 годов, несколько поднялась доходность полеводства, животноводства и других отраслей народного хозяйства, что дало возможность уездам Мордовии увеличить на 1923 год расходную часть бюджета. По Наровчатскому уезду она составила 276650 руб.,

[1] Хозяйство и бюджет Пензенской губернии в 1924—25 гг. Пенза 1925, стр. 9—10.
[2] АМОК КПСС, ф. 16, оп. 1, д. 132, л. 54.
[3] АМОК МАССР, ф. 16, оп. 1, д. 132, л. 53.
[4] Ульяновский партархив, ф. 1, оп. 1, д. 1364, лл. 4—5.

Инсарскому — 126806 руб., Рузаевскому — 206608 руб., Краснослободскому — 175623 руб., Саранскому — 432670 руб. и Ардатовскому — 449000 руб.

Вследствие развертывания восстановительных работ во всех сферах хозяйственной жизни и подъема культуры, особенно мордовских сел, губисполкомами Пензенской, Симбирской, Нижегородской и Тамбовской губерний по уездам, впоследствии вошедшим в состав Мордовии, были значительно увеличены расходы над доходной частью бюджета. По вышеуказанным 5 уездам расходы были предусмотрены: по Наровчатскому уезду в сумме 505561 руб., Инсарскому — 611596 руб., Саранскому — 1365300 руб., Рузаевскому — 307967 руб., Краснослободскому — 413128 руб.[1], Ардатовскому — 473000 руб.[2]. Дефицит по вышеперечисленным уездам в сумме 2072000 рублей погашался за счет отпуска губернских и союзно-республиканских средств.

Эти данные со всей убедительностью говорят о том, что Советское государство оказывало трудящимся Мордовии значительную помощь в деле восстановления всех отраслей народного хозяйства, подъема народного образования, здравоохранения и культуры села.

Учитывая возросший спрос крестьянства на усовершенствованный сельскохозяйственный инвентарь, Советское правительство предприняло ряд мер к быстрейшему восстановлению и расширению предприятий по изготовлению сельскохозяйственных машин и орудий. Был расширен ввоз сложных и усовершенствованных сельскохозяйственных машин и орудий из-за границы. Была также увеличена сеть учреждений сельскохозяйственного кредита.

В 1923 году Совет Труда и Обороны принял постановление о производстве тракторов на отечественных заводах. На заводе «Красный путиловец» (ныне завод имени С. М. Кирова в Ленинграде) началось производство первых советских тракторов. Отечественные тракторы были первыми ласточками грядущей технической реконструкции всего сельского хозяйства нашей страны, в том числе и Мордовии.

В период успешного восстановления сельского хозяйства на территории тех губерний, куда входила территория Мордовии, в 1922—1923 годах были проведены значительные землеустроительные работы. Только в селах и деревнях Пензенской губернии землеустроительные работы проведены на площади более чем 399 тыс. га, из них внутриселенных — на площади 298 тыс.

[1] Данные по Наровчатскому, Инсарскому, Рузаевскому, Саранскому и Краснослободскому уездам взяты из архива ЦГАОР СССР, ф. 393, оп. 46, д. 185, лл. 258—272.
[2] Партархив Ульяновского обкома КПСС, ф. 1, оп. 1, д. 739, л. 42 (тетрадь № 3).

га[1]. Проводилась работа по равномерному количественному и качественному распределению земли и сенокосов между отдельными населенными пунктами. По отдельным селам были определены правильные севообороты и осуществлен переход на многопольное ведение полеводства.

В первую очередь землеустраивались коммуны, совхозы и товарищества по совместной обработке земли. В связи с развертыванием землеустроительных работ среди населения была усилена агитмассовая работа с тем, чтобы разъяснить крестьянству, почему советское государство землеустраивает в первую очередь социалистический сектор сельского хозяйства.

В течение 1922 и 1923 годов по Пензенской губернии для социалистического сектора деревни было выделено около 4100 га земли[2]. Более широким фронтом развернулись мелиоративные работы по осушке болот, увеличению луговых и пастбищных угодий в долинах рек Мокши, Суры, Алатыря и других рек.

Чтобы более равномерно обеспечить крестьянское население землей и ликвидировать дальнополье больших сел, приблизить обрабатываемые земли к крестьянскому хозяйству, Советское правительство проводило значительные мероприятия по образованию новых населенных пунктов-поселков на землях общин и госфонда.

В деле восстановления сельского хозяйства поселковые формы землепользования создавали некоторые условия для более интенсивного развития полеводства и животноводства. Поэтому они сыграли определенно положительную роль в восстановлении сельскохозяйственного производства, в подъеме жизненного уровня трудящихся. Новые населенные пункты создавались с учетом пахотных, сенокосных, лесных и других угодий.

Переселенцы отдельных поселков с первых же дней жизни на новом месте образовывали коммуны и коллективные хозяйства, вводили многопольные севообороты. Отдельные коммуны были весьма деятельными, и они успешно работали до периода сплошной коллективизации. Другие же коммуны, где была слабой организаторско-хозяйственная деятельность и неопытны руководители, существовали недолго.

Выделившимся крестьянам в поселки, особенно бедняцкой части населения, Советское государство оказывало большую помощь отпуском бесплатно или на льготных условиях семян, тягловой силы, сельскохозяйственного инвентаря, продуктивного скота, леса и т. д. Большие льготы переселенцам предоставлялись по налогу. Все это оказывало благотворное влияние на восстановление крестьянского хозяйства, оживляло экономические связи между городом и деревней.

[1] Сборник статистических сведений по Пензенской губернии. 1920—1923 гг., Пенза, 1927 г., стр. 396.
[2] Там же.

Наряду с увеличением посевных площадей, улучшением приемов землепользования, урегулированием поземельных отношений между селами, поселками, колхозами и товариществами по совместной обработке земли местные партийные организации и советские учреждения развертывали борьбу за повышение урожайности полей и продуктивности животноводства.

Неоценимую роль в деле восстановления и дальнейшего развития всех отраслей сельского хозяйства сыграла первая Всесоюзная сельскохозяйственная и кустарно-промысловая выставка, которая была открыта в Москве по решению Советского правительства. На выставке были продемонстрированы все достижения в области сельского хозяйства, производства новейших видов сельскохозяйственных машин и кустарных промыслов. Выставка явилась школой пропаганды достижений науки и передового опыта в ведении сельского хозяйства, рассадником новых, социалистических производственных отношений в деревне.

Еще в летнюю страдную пору на территории Мордовии развернулась работа по подготовке к выставке. Уездными и волостными партийными организациями и исполкомами Советов были определены хозяйства (совхозы, колхозы, тозы и индивидуальные хозяйства, промысловые предприятия), которые должны были представить экспонаты на выставку. На выставке экспонировались достижения по полеводству, животноводству и кустарной промышленности из всех уездов, впоследствии вошедших в состав Мордовии. Особое место на этой выставке заняла мордовская вышивка, образцы которой были любовно, со знанием дела собраны М. Е. Евсевьевым.

На выставку периодически с каждой волости от совхозов, коммун, колхозов, тозов и кустпромсоюзов посылались экскурсанты, которые знакомились с передовыми методами организации сельскохозяйственного производства. На выставке читались лекции по вопросам научной организации хозяйства, велись беседы о том, как поднять урожайность и продуктивность скота в условиях коллективных и индивидуальных хозяйств. Многие экскурсанты, посетившие сельскохозяйственную и кустарно-промысловую выставку, становились помощниками агрономов, пионерами внедрения новых, прогрессивных методов в сельскохозяйственном производстве, запевалами внедрения агротехники в коллективных и индивидуальных хозяйствах.

Выставка, являясь школой научной организации сельскохозяйственного производства, сыграла значительную роль в восстановлении полеводства, животноводства и в развитии кустарных промыслов. Экспонирование кустарно-промысловых изделий на выставке способствовало не только восстановлению, но и дальнейшему развитию ремесленной и промысловой деятельности крестьянства и кустарей, особенно в восстановительный период, когда промышленность не в состоянии была обеспечить

крестьянские хозяйства предметами хозяйственного и бытового назначения. Крестьянскому хозяйству нужны были сани, телеги, хомуты, колеса, разная посуда, домашняя утварь, простейшие орудия сельскохозяйственного производства: прялки, ткацкие станы и многие другие изделия, которые не изготовлялись или изготовлялись в недостаточном количестве фабриками и заводами.

Советское государство всячески поощряло деятельность тех кустарей, которые продажей своих изделий без эксплуатации наемной силы выходили из нужды. Оно отпускало им необходимое сырье, облагало таким размером промыслового налога, который не ослаблял материальную заинтересованность кустаря.

Государство уделяло большое внимание вопросу кооперирования кустарей и ремесленников. Оно всячески поощряло создание производственных артелей и кустарно-промысловых союзов. Промысловые артели, которые на территории Мордовии возникли еще в годы гражданской войны, создавали не только мелкие, но и по тому времени крупные предприятия по производству ряда товаров хозяйственного и бытового назначения. Они сыграли важную роль в подъеме экономики Мордовии, в обеспечении безработного городского и сельского населения работой. Но независимо от того, что в 1923 году произошло некоторое оживление промышленной деятельности Мордовии, тем не менее в ее уездах были еще безработные. В ноябре 1923 года в Инсарском уезде насчитывалось безработных мужчин — 66, женщин — 37, в Саранском — мужчин — 254, женщин — 160, в Наровчатском — мужчин — 23, женщин — 23[1].

Важным фактором в деле восстановления сельского хозяйства было соотношение цен на продукты сельского хозяйства и промышленные товары. От политики цен зависело определение интереса крестьянства в расширении производства сельскохозяйственных продуктов и сырья для легкой и пищевой промышленности. Разрешение этого вопроса в сторону усиления экономической смычки между городом и деревней зависело от темпов восстановительных работ в промышленности. А промышленность во многом отставала от темпов восстановительных работ в сельском хозяйстве. Промышленность нуждалась в значительных капиталовложениях, которыми Советское государство располагало весьма ограниченно. Отставание промышленности от темпов восстановительных работ в сельском хозяйстве явилось одной из причин образования несоответствия рыночных цен на промышленные и сельскохозяйственные товары. Государственные цены на хлеб в уездах Мордовии настолько были низкими, что крестьянин за один пуд ржи мог купить только аршин ситца. Некоторая часть крестьянства на общих сельских сходах, беспартийных конференциях выражала недовольство политикой цен. Это недовольство усугублялось антисоветской агитацией со стороны контрреволюционной поповщины, свергнутой буржуазии,

помещиков, старого офицерства и кулачества. Среди отсталой части населения Мордовии, особенно среди женщин-мордовок, распространяли нелепый слух, что «где-то горит уже земля и вот-вот будет светопреставление»[2].

Партийная ячейка мордовского села Перхляй Рузаевского уезда на своем заседании от 10 декабря 1923 года констатировала, «что в с. Перхляй в лице церковного совета организовалось кулачество и ведет открытую борьбу с беднотой и ячейкой»[2].

Были нередки случаи, когда классово-чуждым элементам деревни удавалось разложить налог между гражданами поровну, чем вызывали недовольство среди бедняцко-середняцкой части населения, подрывали их хозяйственную деятельность. Например, Михайловский сельский Совет Козловской волости Ардатовского уезда подворный налог разложил поровну. «Всю землю получают поровну»,—говорит секретарь (сельсовета — С. К.) Семен Кулачев, сын кулака. Приехал в деревню коммунист и сделал по-иному. Благо он тамошний житель. Все остались довольны, за исключением тех, у кого сорвалась кулацкая политика»[3].

Несоответствие уровня цен промышленных и сельскохозяйственных товаров обуславливалось и тем, что в промышленности низка была производительность труда, большие были накладные расходы, торговые работники еще не имели достаточного опыта в ведении торговли, не было еще определенной гармоничности в восстановительных работах, в промышленности не хватало топлива, электроэнергии, сырья, машин, квалифицированных рабочих.

Все эти трудности, создавшиеся в ходе восстановительных работ, были использованы вражескими элементами, засевшими в торгово-управленческом аппарате государственных и кооперативных учреждений и даже в ВСНХ. Много вреда причинил рыночным связям между городом и деревней троцкист Пятаков, который, занимая пост заместителя председателя ВСНХ, лично давал преступные указания о баснословном повышении цен на промышленные товары. По отдельным районам страны, особенно аграрным, каким тогда являлась Мордовия, соотношение цен равнялось 1 к 3—10 и даже 15. Создавшиеся трудности сбыта были целиком на руку частным торговцам, спекулянтам. Например, на территории Пензенской губернии, куда входила значительная часть территории Мордовии, к осени 1923 года частник занимал 74,09% розничной торговли, государство — 6,7%,

---

[1] Газета «Трудовая правда», орган Ардатовского уисполкома и укома РКП(б), № 31, от 20 мая 1923 г.

[2] Партархив Мордовского обкома КПСС, ф. 327/1, арх. № 462, св. 36, л. 28.

[3] Газета «Трудовая коммуна», орган Ардатовского укома и уисполкома, от 28 февраля 1923 г. № 11.

кооперация — 19,21%. В период крутого подъема цен на промышленные товары, в разгар «ножниц», то есть в расхождении цен, цены на промышленные и сельскохозяйственные товары по отдельным районам, вошедшим впоследствии в состав Мордовии, выглядели так: в Нижегородской губернии, в том числе в Лукояновском, Сергачском, Арзамасском, и др. уездах, в сентябре за пуд ржаной муки можно было купить менее фунта керосина, около ¾ фунта мыла и один аршин ситца[1]. По Ардатовскому уезду Симбирской губернии в октябре 1923 года за пуд ржи можно было купить 9 фунтов соли, полфунта сахару, полторы катушки ниток, три четверти аршина ситца, фунт мыла, 4 фунта керосина, 12 коробок спичек. Для того чтобы купить аршин сукна, нужно было продать крестьянину более 16 пудов ржи, сто пятьдесят пудов картофеля, 12 пудов пшеницы, около 700 яиц. Одна катушка фабричных черных или белых ниток стоила 3 десятка яиц. Для того, чтобы купить топор, нужно было продать 2 пуда пшена, около трех пудов ржи или 25 пудов картофеля[2].

Ввиду дороговизны промышленных товаров и из-за скудности своих доходов крестьяне отказывались их покупать. Промышленные товары залеживались на складах фабрик, заводов, трестов и там портились. Труд, затраченные материалы и деньги на производство тех или других товаров, не вступали в круговорот рынка. Изо дня в день падал спрос на промышленные товары. Из-за отсутствия оборотных средств некоторые промышленные предприятия стали перед фактом сокращения производства или закрытия. Задерживалась выдача заработной платы рабочим и интеллигенции, работавшей в промышленности. Особенно тяжелое положение создалось в той части промышленности, которая была поставлена на хозрасчет.

Некоторые квалифицированные рабочие, инженеры и техники вместо того, чтобы объявить борьбу с создавшимися трудностями, покидали фабрики и заводы и уходили в деревню, где устраивались кузнецами в мастерские по ремонту сельскохозяйственного инвентаря или занимались изготовлением разных мелких кустарных изделий для домашних и хозяйственных нужд крестьян. Вследствие расхождения цен произошло значительное снижение товарно-денежных отношений. Снова началась натурализация крестьянского хозяйства. Вместо фабричных и заводских изделий крестьяне стали пользоваться изделиями сельских кустарей или сами изготавливали нужные для хозяйства простейшие орудия труда.

Хозяйственные трудности, вызванные расхождением цен, были использованы внутренней и международной контрреволюцией, которая начала пророчить, что Советская власть вот-вот рухнет. Но эти расчеты и надежды враждебных элементов не оправдались, так как Центральный Комитет Коммунистической партии и правительство вовремя обратили внимание на создавшееся ненормальное положение в экономических связях города с деревней.

[1] Газета «Нижегородская коммуна», орган Нижегородского губкома РКП(б) и губисполкома, от 19 октября 1923 г.

[2] Газета «Трудовая правда», орган Ардатовского укома РКП(б) и уисполкома, от 14 октября 1923 г. № 47.

Коммунистическая партия и ее ленинский Центральный Комитет, опираясь на знание объективных законов развития Советского государства, вскрыли причины, породившие расхождения цен на промышленные и сельскохозяйственные товары и предприняли ряд кардинальных мер по их устранению; была увеличена нагрузка фабрикам и заводам, поднята производительность труда, налажено планомерное снабжение предприятий сырьем, топливом и финансовыми средствами, сокращены накладные расходы, что значительно снизило себестоимость продукции, была улучшена работа госторговли и расширена деловая связь с кооперацией. Все это способствовало улучшению жизненного уровня трудящихся города и деревни.

Наряду с принятыми мерами экономического характера Центральным Комитетом партии были даны указания губкомам и укомам партии об усилении агитмассовой работы. Чтобы скорее урегулировать среди трудящихся экономические связи между городом и деревней, сомкнуть «ножницы» и оживить экономическую жизнь в стране, по всем городам и селам были проведены вечера, праздники смычки, где делались доклады на хозяйственные и политические темы.

Газета «Нижегородская коммуна» от 18 сентября 1923 года писала: «Завтра в Нижнем маленький праздник смычки...

Праздник смычки — лишь напоминание о тех громадных трудностях, которые лежат на пути правильной смычки хозяйства города с хозяйством деревни. «Ножницы» все еще не сходятся, наоборот, местами проявляют тенденцию к дальнейшему расхождению.

Смычка — величайшая задача переживаемого периода. Во имя смычки:

более разумная, более планомерная, одновременно и осторожная концентрация промышленности;

по-настоящему беспощадная борьба с бесхозяйственностью, с дурацким или преступным швырянием денег на ветер (или хуже — в карманы частного капитала);

жесточайшее сокращение накладных расходов. Научить всех понимать, что всякая лишняя копейка накладных расходов на продукты города — удар по смычке.

Вытравить из кооперации все, что в ее работе есть от грубого, вульгарного делячества;

продвинуть продукты города в деревню, но не через спекулянтов, а через кооперацию и госторговлю.

Смычка — это то, над чем упорно, до седьмого пота надо работать»[1].

Международная империалистическая буржуазия, свергнутые эксплуататорские классы, нэпманы, кулачество и контрреволюционная поповщина в период хозяйственных трудностей, вызванных расхождением цен, всеми силами добивались перерождения Советского государства в обычное буржуазное демократическое государство. Империалисты Англии, Японии и других стран во главе с США хотели превратить Советский Союз в сырьевую базу для своих монополий, а народы Советского Союза превратить в рабов хищнических монополий с тем, чтобы безудержной эксплуатацией его нажить баснословные прибыли. Эти хищнические аппетиты международной буржуазии находили прямую поддержку со стороны внутренних врагов Советского государства — троцкистов, децистов, сторонников «рабочей оппозиции» и «левых коммунистов», которые, воспользовавшись затруднениями в области сбыта, неустойчивостью валюты, некоторым проявлением со стороны отсталых элементов недовольства, а также болезнью В. И. Ленина, снова возобновили свои атаки на Коммунистическую партию и ее ленинский Центральный Комитет.

В период, когда промышленность переживала затруднения сбыта, Троцкий и троцкисты вместо того, чтобы помочь стране выйти с победой из этих трудностей, пошли в атаку против партии, ее Центрального Комитета. На имя ЦК РКП(б) троцкисты написали клеветническое письмо, где голословно утверждали, что партийный аппарат подменил партию. Они сеяли вражду между коммунистами и партийными работниками, требовали свободы фракций и группировок внутри партии. Они снова навязали партии дискуссию, чем нанесли большой вред успешным работам по восстановлению народного хозяйства и ликвидации «ножниц».

Своими клеветническими выпадами против Коммунистической партии троцкисты способствовали усилению враждебных действий нэпманской буржуазии и играли на руку международной реакции, которая вынашивала планы военной интервенции против СССР.

Навязав дискуссию партии, враги народа — троцкисты рассчитывали на поддержку низовых партийных организаций, но низовые партийные организации были единодушны с ленинским Центральным Комитетом. Они полностью поддерживали решения объединенного пленума ЦК и ЦКК РКП(б), состоявшегося в конце октября 1923 года, осудившие антипартийные действия троцкистов. Все партийные организации (губернские, уездные, волостные, сельские) единодушно осудили антипартийные происки троцкистов и заявили о недопустимости фракций и

[1] Газета «Нижегородская коммуна», № 213 от 18 сентября 1923 года.

группировок, высказались за сохранение ленинского единства в рядах партии и потребовали от ЦК принятия строгих и решительных мер против Троцкого и его сторонников.

Нижегородская партийная организация на своем пленуме от 14 декабря 1923 года по докладу о работе бюро губкома и о решении Политбюро ЦК и Президиума ЦКК по вопросу о партстроительстве приняла следующую резолюцию:

«Считать, что ЦК вполне своевременно выдвинул и правильно определил мероприятия по укреплению внутреннего единства партии и связи партии с широкими массами. Мероприятия по проведению внутрипартийной демократии должны быть осуществлены в полной мере при поддержке всех членов партии и под твердым руководством ЦК. Пленум констатирует, что внутри партии нет явлений, указывающих на ненормальное положение целых групп членов партии, отличающихся по партийному стажу и возрасту, и осуждает стремление отдельных членов партии заострить существующие здесь якобы противоречия. Лишь при наличии крепкого партаппарата партия может совершить переход к рабочей демократии, сохранить единство своих рядов и поставить на должную высоту воспитательную работу. Пленум уверен, что ЦК, деятельность которого вполне соответствовала политическому и внутрипартийному положению и задачам сохранения единства партии, будет и впредь бороться со всякой фракционностью, грозящей ослаблением единства партии. Пленум указывает на необходимость еще большей чуткости и большого оживления в работе партийного аппарата сверху донизу, путем систематической отчетности вышестоящих органов перед низшими организациями и своевременной постановки вопросов партийной жизни на обсуждение всей организации. Работа по выдвижению кадров новых работников должна быть усилена.

Пленум поручает бюро приступить к систематической работе по проведению в жизнь решений ЦК»[1].

17-ая Краснослободская уездная партийная конференция, проходившая с 28 февраля по 1 марта 1924 года, приняла следующую резолюцию:

«Благодаря выдержанной линии укома, организация стала на правильный путь, присоединившись к решению главного нашего штаба — ЦК партии.

Заветы Ленина должны быть священны среди нашей организации. Партия еще раз должна быть единой, стальной, интернационалистичной, самую беспощадную борьбу с группировками и различными уклонами в партии»[2].

В резолюции по партийному строительству конференция постановила: «Признать одной из важнейших задач постановку на должную высоту изучения истории РКП(б), программы и

[1] «Нижегородская коммуна», 15 декабря 1923 г., № 288.
[2] Партархив Мордовского обкома КПСС, ф. 16, д. 131, л. 47.

тактики ее, а также роль и значение в ней В. И. Ленина, через ленинские кружки и школы. Каждому члену и кандидату нашей организации в обязательном порядке изучить принципы ленинизма во всем строительстве социалистического общества»[1].

Тамбовская партийная организация решительно осудила троцкистскую оппозицию и единодушно высказалась за поддержку линии Центрального Комитета партии.

В дискуссии, охватившей всю партию, троцкисты потерпели полный провал.

Разгром опозиции был завершён на XIII партийной конференции, состоявшейся в середине января 1924 года. Подводя итоги дискуссии, конференция РКП(б) квалифицировала троцкизм как попытку ревизии ленинизма, как ярко выраженный мелкобуржуазный уклон.

XIII партконференция, окончательно разгромив все антипартийные атаки и враждебные действия троцкистов, повела ленинскую партию по пути осуществления задач, направленных на ликвидацию хозяйственных трудностей и создание фундамента социалистической экономики.

Наряду с руководством всей деятельностью партии по разгрому троцкистской оппозиции ЦК РКП(б) принял ряд неотложных мер для ликвидации «ножниц» и создания нормального соотношения цен на промышленные товары и сельскохозяйственные продукты.

По вопросам налаживания соотношения цен был проведен ряд заседаний политбюро, пленумов ЦК и совещаний. Были созданы специальные комиссии по вопросам урегулирования цен и изучения причин, породивших «ножницы».

Изучив условия, породившие несоответствие цен, Центральный Комитет партии и правительство провели в жизнь ряд неотложных мероприятий, которые способствовали расширению товарооборота между городом и деревней, изжитию хозяйственных трудностей, было укреплено руководство ВСНХ, во главе которого был назначен Ф. Э. Дзержинский. Сокращен аппарат Центросоюза и других торговых и сбытовых организаций. В начале 1924 года Совет Труда и Обороны Комиссариату внутренней торговли дал право устанавливать цены для оптовой и розничной продажи и покупки товаров.

Губернским и уездным комитетам партии и губисполкомам и уисполкомам были даны указания о том, чтобы они приняли непосредственное участие в ликвидации «ножниц». По всей стране, в том числе и Мордовии, было проведено снижение цен на промышленные товары и повышение закупочных цен на продукты полеводства и животноводства.

На основе решения пленума Тамбовского губкома партии, состоявшегося в марте 1924 года, были снижены цены на промышленные товары от 27 до 49 процентов, а цены на продукты сельского хозяйства повышены на 133 и больше процентов. В розничной торговле были введены этикетные цены, которые являлись едиными для всех торгующих организаций и частных лиц.

[1] Партархив Мордовского обкома КПСС, ф. 16, д. 131, л. 51.

По Ардатовскому уезду Симбирской губернии уже на 1-е февраля 1924 года цены на промышленные товары значительно снижены, а на хлеб повышены. Если на 1 октября 1923 года пуд ржи стоил 45 коп., то в феврале 1924 года уже 83 коп. За это же время стоимость ситца с 62 снизилась до 48 1/2 коп., керосина с 7 1/2 до 6 коп., сахара с 70 до 48 коп., соли с 1 руб. 50 коп. до 92 копеек (расчет в червонцах).

В материалах XII Ардатовской уездной партийной конференции, состоявшейся в феврале 1924 года, указывается, что «смыкание ножниц» успокоило крестьянство. Теперь уже не раздаются возгласы о том, что товары им недоступны, ибо цены на промтовары снизились, а на хлеб увеличились более чем в два раза»[2].

Чтобы облегчить крестьянству возможность приобретения сельскохозяйственных орудий, ЦИК и СНК от 11 января 1924 года приняли декрет «О мерах к облегчению для крестьянства покупки сельскохозяйственных орудий». Этот декрет сыграл важную роль в расширении смычки между городом и деревней, в усилении союза рабочего класса с крестьянством, помощи промышленных предприятий в усилении темпов восстановительных работ в сельском хозяйстве.

Исключительно важное значение в деле ликвидации хозяйственных трудностей и в повышении покупательной способности крестьянства имело установление твердой и полноценной валюты, завершение денежной реформы, начатой еще в 1922 году.

Переход страны на твердую червонную валюту (денежные знаки в 10 рублей золотом) и выпуск устойчивой разменной валюты в купюрах меньше червонца и мелкой серебряной монеты создал условия для восстановления промышленности и сельского хозяйства. Каждый хлебороб теперь был заинтересован в подъеме товарности своего хозяйства с тем, чтобы получить от реализации продуктов сельского хозяйства больше денег. Деньги нужны были для приобретения одежды, домашней утвари, орудий для обработки земли, уборки урожая, уплаты единого сельскохозяйственного налога и других нужд.

В деле укрепления хозяйственной смычки между городом и деревней, улучшения материального положения трудящихся важную роль сыграла массово-политическая и организационно-хозяйственная работа партийных организаций. Партийные организации промышленных предприятий, сел, совхозов и колхозов

[1] Государственный архив Тамбовской области, ф. 1, оп. 9, св. 155, д. 81, л. 62.

[2] Партархив Мордовского обкома КПСС, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 34, л. 3.

поднимали энтузиазм трудового народа на выполнение планов восстановительных работ.

В период, когда трудящиеся нашей страны, в том числе и Мордовии, шаг за шагом восстанавливали все отрасли народного хозяйства, когда троцкисты потерпели полный провал в дискуссии, когда партия, весь трудовой народ еще теснее сплотились вокруг Центрального Комитета РКП(б), нашу страну, весь мировой пролетариат, все прогрессивное человечество постигло большое горе: 21 января 1924 года умер Владимир Ильич Ленин.

Весть о смерти В. И. Ленина молниеносно прошла по всей стране. Трудящиеся Мордовии о смерти дорогого Ильича узнали 22 января 1924 года. 22—23 января во всех городах и селах Мордовии состоялись траурные собрания городских и сельских партийных организаций. Повсеместно были проведены траурные митинги. На траурных митингах рабочие, крестьяне Мордовии в своих резолюциях единодушно заявляли, что они будут бороться, не щадя своих сил, за дело В. И. Ленина. И действительно, трудящиеся Мордовии, как и всего Советского Союза, под руководством Коммунистической партии, ее Центрального Комитета героически трудились на всех фронтах социалистического строительства, мужественно защищали честь и независимость своей Родины в годы Великой Отечественной войны, своим славным трудом вносят посильный вклад в строительство коммунизма в нашей стране.

И. А. Ефимов

К ВОПРОСУ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЕЗДНЫХ ВОЕННЫХ КОМИССАРИАТОВ МОРДОВИИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1918—1920 гг.)

Начальный этап строительства Вооруженных Сил первого в мире социалистического государства всегда привлекал к себе внимание советских историков, потому что впервые в истории была создана армия нового типа, которая явилась вооруженной защитницей республики рабочих и крестьян.

«Мы брались за дело,— указывал В. И. Ленин,— за которое никто в мире в такой широте еще не брался»[1].

Начало создания Красной Армии представляет чрезвычайно большой научный интерес еще и потому, что оно проходило в условиях ожесточенной вооруженной и политической борьбы против контрреволюционных сил, поддерживаемых империалистическими государствами. Поэтому, разрабатывая основные теоретические и практические положения строительства Вооруженных Сил, Коммунистическая партия и Советское правительство тут же проверяли их на практике. В таких условиях партия и правительство создавали Центральный и местный военный аппарат, осуществляли мобилизации, обучали рабочих и трудящихся крестьян военному искусству, решали проблему создания командных кадров, организовывали работу промышленности и сельского хозяйства на оборону республики.

Во всей этой работе немаловажную роль выполняли уездные военные комиссариаты. На их долю выпала основная тяжесть мобилизационных работ и всеобщего военного обучения (всевобуча). Анализ их военно-мобилизационной, снабженческой, культурно-просветительной и т. д. работы дает весьма яркий материал соотношения сил революции и контрреволюции на разных этапах периода гражданской войны в Мордовии, ярко прослеживается переход среднего крестьянства в сторону Советской власти.

В настоящей статье, на основе изучения военно-мобилизационных материалов Ардатовского, Саранского, Рузаевского,

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 132.

Инсарского, Краснослободского, Спасского и Темниковского уездных военных комиссариатов, делается попытка осветить отдельные стороны их деятельности за 1918—1920 годы.

Источниковедческой основой предлагаемой статьи служат документы и материалы, извлеченные автором из Центрального государственного архива Советской Армии, из государственного и партийного архивов Ульяновска, Пензы и Тамбова. Основная часть источников, использованных в статье, хранится в Центральном государственном архиве Мордовской АССР. Особенно богаты фонды Ардатовского и Темниковского уездных военных комиссариатов. В общей сложности фонды уездных военных комиссариатов имеют более 400 единиц хранения, до которых исследователи истории Мордовской АССР еще почти не касались. Таким образом, мы располагаем мало изученными архивными материалами, позволяющими раскрыть достаточно полно военно-мобилизационную работу на местах.

Окружные, губернские, уездные, волостные военные комиссариаты были введены согласно декрету совнаркома РСФСР от 8 апреля 1918 года вместо военных отделов при соответствующих исполнительных комитетах. Они учреждались «для проведения в жизнь мероприятий по учету годного к военной службе населения, его призыву, формированию вооруженной силы Российской Советской Республики, обучению поголовно всех рабочих и не эксплуатирующих чужого труда крестьян военному делу, управлению войсками, предназначенными для обслуживания местных нужд и удовлетворению материальных потребностей военного снабжения»[1].

22 апреля 1918 года ВЦИК принял декреты «Об обязательном военном обучении трудящихся» и взятии их на воинский учет», «О порядке замещения должностей в РККА», заменившем принцип выборности командного состава принципом назначения. Декрет «О сроке службы в Красной Армии», согласно которому каждый гражданин, добровольно вступающий в ряды Красной Армии, обязуется служить в ней не менее 6 месяцев. Была утверждена и «Формула торжественного обещания»[2]. В этот же день Народным комиссариатом по военным делам были утверждены штаты уездных военных комиссариатов.

29 мая 1918 года ВЦИК принял постановление о принудительном наборе в рабоче-крестьянскую Красную Армию[3]. Разработка плана проведения принудительного набора предписывалась Народному комиссариату по военным делам «в таких пределах и формах, которые в наименьшей мере нарушали бы ход производственной и общественной жизни.

[1] Декреты Советской власти, т. 2, М., 1959 г., Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, стр. 63.

[2] См. Декреты Советской власти, т. 2, М., 1959 г. Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, стр. 151—153, 154—155, 156.

[3] Там же, стр. 334—335.

Итак, декреты и постановления Советского правительства апреля-мая месяцев 1918 года, обеспечившие переход к всеобщей воинской повинности, помогли образованию резервов, положили конец случайным воинским формированиям и тем самым явились основой для создания массовой регулярной Красной Армии.

Состоявшийся в июле 1918 года V съезд Советов обсудил вопрос о строительстве Красной Армии, закрепив в законодательном порядке организацию местных органов военного управления[1].

Организация уездных военных комиссариатов на территории Мордовии проходила в обстановке острой классовой борьбы, в условиях, когда эсеры имели большое влияние на крестьянские массы. Пробравшиеся в волостные и уездные исполнительные комитеты кулаки и эсеры тормозили создание военных комиссариатов. Большие трудности встречались при комплектовании комиссариатов соответствующими кадрами, имевшими военное образование и опыт работы.

Комиссариат по военным и морским делам республики, возглавляемый Троцким, не принимал действенных мер по созданию военных комиссариатов на местах. При этих условиях создание военных комиссариатов задерживалось. Между тем обстановка в стране (начало открытой военной интервенции и усиление внутренней контрреволюции) настоятельно требовала принятия спешных мер. На заседании ВЦИК 4 мая 1918 года обсуждался доклад Высшего Военного Совета о принятии мер к проведению в жизнь декрета от 8 апреля 1918 года; было поручено секретариату ВЦИК составить соответствующее обращение ко всем Советам. 18 мая 1918 года за подписью В. И. Ленина и председателя ВЦИК Я. М. Свердлова была направлена телеграмма всем губернским Советам рабочих, крестьянских и казачьих депутатов с извещением всех уездных и волостных Советов следующего содержания:

«Центральный Исполнительный Комитет предписал Народному комиссариату по военным делам приложить все силы к созданию крепкой, строго организованной и внутренне сплоченной Красной Армии, способной отстоять Советскую республику от внешних и внутренних врагов. Создание Вооруженных Сил требует в качестве первого условия наличности хорошо налаженного аппарата военного управления на местах. Между тем, до настоящего времени большинство Советов не провело в жизнь указанного декрета. Во многих местах существуют бесформенные военные отделы, до сих пор не введенные в рамки военных комиссариатов. Немало и таких мест, где задачи местного военного управления не выделены из советских органов

[1] «Пятый Всероссийский съезд Советов», стенографический отчет, М., 1918 г., стр. 181—183.

общего управления. При этих условиях работа над формированием Красной Армии по единому плану абсолютно невыполнима. Настоящим распоряжением вменяется в обязанность председателям местных Советов... провести в жизнь в недельный срок, считая с момента получения настоящей телеграммы, декрет 8 апреля... все ежедневные органы печати на территории всей Российской Советской Республики обязуются в трех последовательных, номерах на первой странице напечатать настоящее предписание»[1]. Высшая Военная Инспекция под руководством Н. И. Подвойского вскоре проверила работу местных органов по выполнению декрета от 8 апреля. Этой проверке подвергались и некоторые уезды, вошедшие в состав Мордовской АССР[2]. В своем бюллетене от 29 мая 1918 года Высшая Военная Инспекция указала местным органам власти на неудовлетворительную работу по созданию военных комиссариатов на местах.

Работа по созданию уездных военных комиссариатов в Мордовии началась только во второй половине мая — начале июня 1918 года, за исключением Ардатовского уезда Симбирской губернии, где уже 15 апреля 1918 года на губернском съезде уездных военных комиссариатов обсуждались вопросы формирования частей Красной Армии и структуры уездных и волостных военных комиссариатов[3].

Начавшийся мятеж Чехословацкого корпуса положил конец колебаниям некоторых местных Советов в вопросе создания военных комиссариатов. В Темниковском уезде военный комиссариат был образован в середине июня, а волостные комиссариаты — в августе-сентябре. На медлительность в организации военных комиссариатов в Темниковском уезде неоднократно указывалось со стороны Тамбовского губисполкома и Московского военного округа, куда в то время входил Темниковский уезд[4]. Пензенский губернский комиссариат был создан только 25 мая. Краснослободский увоенкомат окончательно оформился лишь в августе 1918 года[5].

Итак, с созданием губернских, уездных, волостных военных комиссариатов было положено начало созданию регулярной Красной Армии на принципе обязательной воинской повинности трудящихся. «Переход от добровольного принципа формирования Красной Армии к строительству ее на основе воинской обязанности был возможен только после полного расформирования старой Армии и создания на местах советских органов военного управления»[6].

[1] ЦГА МАССР, ф. р-53, д. 18, л. 47.
[2] ЦГА МАССР, ф. 50, оп. 1, д. 212, лл. 23—29.
[3] Там же, ф. 50, оп. 1, д. 6, л. 15.
[4] ЦГА МАССР, ф. 55, оп. 1, д. 18, лл. 10—28.
[5] Там же, ф. 9, оп. 1, д. 9, л. 172.
[6] История гражданской войны, т. III, стр. 209, М., 1959 г., Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

* * *

Одной из причин столь медленного образования уездных и волостных военных комиссариатов было отсутствие четких и ясных инструкций, указаний и наставлений о работе организуемых комиссариатов и их отделов[1]. При этих условиях много инициативы и творчества внесли местные органы власти. 15 апреля 1918 года на съезде уездных военных комиссариатов и представителей волостных и сельских Советов Симбирской губернии ардатовский военный комиссар Баженов познакомил съезд с «техникой конструирования Ардатовского комиссариата»[2]. Военный комиссар, его помощник и секретарь были избраны на крестьянском съезде. Комиссариат состоял из трех отделов: хозяйственного или снабжения, вооружения, организационно-агитационного. Хозяйственный отдел возглавлял помощник военного комиссара, остальные же отделы — кооптированными лицами-специалистами. Было намечено формирование и других отделов, но из-за отсутствия средств их организация откладывалась.

Известный интерес представляет история образования Саранского уездного военного комиссариата. Специальная комиссия, созданная Саранским исполнительным комитетом, по своей инициативе на основе декрета от 8 апреля 1918 года разработала структуру военного комиссариата. Она складывалась из двух основных отделов: общего (управление делами) и хозяйственного. Общему отделу в свою очередь были подчинены отделы формирования и обучения, учетный и боевого снабжения. Хозяйственному — финансовый и продовольственно-вещевого снабжения. Высшим органом для уездного военного комиссариата являлся Совет рабочих и крестьянских депутатов. Военный комиссариат представлял из себя штаб, контролирующий все отделы. Штаб возглавлялся начальником, он же был и военным руководителем, подчиняясь непосредственно военному комиссару. Все важные вопросы (военные, организационные, формирования и т. д.) решали всем комиссариатом. Другие, менее важные, решались самостоятельно по инициативе самих работников, ставя в известность военного руководителя или комиссара.

«Во главе каждого отдела,— говорится в докладе военного комиссара уездному исполкому,— должно встать лицо, заведомо известное своею плодотворною работою, обладающее организаторским талантом, особенно необходимым в теперешнее трудное время создания Красной Армии»[3].

Структура уездных военных комиссариатов и их функции в течение всего периода гражданской войны не оставались неиз-

[1] ЦГА МАССР, ф. 50, д. 212, лл. 23; ф. 53, д. 27, лл. 701—702.
[2] ГАУО, ф. 900, оп. 2, д. 32, лл. 26—27.
[3] ЦГА МАССР, ф. 37, оп. 1, д. 36, лл. 150—152.

менными, они изменялись и усовершенствовались в зависимости от изменения социально-экономических, военных и других условий в уезде[1].

Согласно указаниям и распоряжениям центральных органов республики уездные военные комиссариаты по своей структуре и функциям к октябрю 1918 года представляли следующее: комиссариат возглавлял уездный военный комиссар, утвержденный губернским исполнительным комитетом по представлению уездного Совета. Положение об уездном военном комиссаре было утверждено Революционным Военным Советом республики только 16 января 1919 года. Согласно этому Положению уездный военный комиссар являлся представителем высшей военной власти в уезде. Он был прямым начальником всех находящихся в уезде войск местного назначения и всех военных учреждений и управлений в пределах уезда, по отношению к которым пользовался правами командира бригады. Уездный военный комиссар на месте своего пребывания выполнял и обязанности начальника гарнизона. Большое место в работе комиссариатов отводилось военным руководителям, которые, в подавляющем большинстве, назначались из числа бывших офицеров. Они непосредственно занимались вопросами формирования и всевобуча.

Также из числа бывших офицеров назначались им помощники.

Общий отдел, отдел управления, ведал всеми организационными вопросами общего характера, руководил строевой частью Комиссариата, составлял свидетельства о выполнении воинской повинности, занимался вопросами по передвижению и перемещению военнослужащих, вел регистрацию всех входящих и исходящих бумаг в комиссариате. Количество сотрудников в отделе — 17—18 человек. Учетный отдел ведал всевозможными справками, касающимися солдат старой армии, вел учет всех специалистов и солдат разных родов войск от 18 до 49 лет, составлял мобилизационные списки, вел учет лошадей и упряжи в уезде. Число работников отдела—18—20 человек.

Отдел формирования и обучения вел учет всех воинских частей, имеющихся в уезде, и занимался их формированием. В ведении отдела находились все волостные военные комиссариаты, непосредственно руководил работой инструкторов по всевобучу и его организацией. Число работников отдела совместно с районными инструкторами составляло 35—40 человек.

Агитационно-вербовочный отдел занимался агитационной и вербовочной работой. Согласно приказу народного комиссара по военным делам от 28 октября 1918 года эти отделы были переименованы в агитационно-просветительные отделы и должны были служить целям просвещения красноармейцев местного гарнизона и мобилизованных солдат, вести всю культурно-массовую работу по ликвидации безграмотности среди красноармейцев.

[1] ЦГА МАССР, ф. 53, оп. 1, д. 27, л. 702.

Отдел снабжения занимался всеми видами довольствия всех военнослужащих уезда и вернувшихся из плена солдат и офицеров, снабжал фуражом мобилизованных лошадей. Отдел состоял из 25—30 человек.

Всего сотрудников уездных военных комиссариатов, согласно штатному расписанию, было около 95—100 человек. Состав волостных военных комиссариатов состоял из двух военных комиссаров, военного руководителя и его помощника, одного делопроизводителя по всеобщему обучению, двух переписчиков (по одному на делопроизводство), машиниста-переписчика и технического персонала (сторож, рассыльный). Всего сотрудников в волостных военных комиссариатах было 11—12 человек.

Таким образом, комплектованием Красной Армии в уезде на началах всеобщей воинской повинности и ее обучением стал заниматься довольно большой аппарат работников, составлявший совместно с волостными военными комиссариатами и инструкторско-преподавательским составом по всевобучу около 400 человек.

* * *

Особое значение вопросы создания регулярной Красной Армии приобрели в связи с контрреволюционным выступлением Чехословацкого корпуса и активизацией контрреволюции по всей стране весной и летом 1918 года. Большинство уездов, которые впоследствии вошли в состав Мордовской АССР (Ардатовский, части Алатырского и Карсунского, Саранский, Инсарский, Рузаевский), составляли прифронтовую полосу.

Превращение Поволжья в театр военных действий возложило на советские и партийные организации Среднего Поволжья ответственнейшие военно-политические задачи прифронтового тыла. Важнейшими из этих задач являлись: проведение срочных мобилизаций в ряды Красной Армии и ее снабжение, непосредственное участие в образовании фронта в условиях борьбы с контрреволюцией в самих уездах. Положение усугублялось еще и тем, что по вине Троцкого районы мятежа Чехословацкого корпуса (Пенза, Симбирск, Сызрань и др.) оказались почти без вооруженных сил, а местные органы недостаточно были подготовлены для военно-мобилизационных работ. Достаточно сказать, что Пензенский губернский военный комиссариат был создан только за 3 дня до открытого мятежа белочехов (25 мая).

При такой обстановке прифронтовые уездные военные комиссариаты под руководством партийных организаций несли величайшую ответственность перед всей партией и народом — необходимо было, не теряя ни минуты, на месте соорганизовать вооруженные силы, прежде чем они будут присланы из центра.

От энергичных действий прифронтовых местных партийных и советских органов зависел успех отражения натиска противника на кратчайших направлениях к Москве.

При помощи добровольно сформированных отрядов Рузаевки, Саранска, Ардатова, Алатыря, Сызрани, Краснослободска и незначительных сил, находившихся в самой Пензе, был отражен первый натиск белочехов в районе Пензы—Рузаевки[1]. Однако для продолжения успешной борьбы со всеми контрреволюционными силами необходимо было ускорить работы по военному строительству. Учитывая создавшееся тяжелое положение на Восточном фронте, 11 июня 1918 года Советское правительство приняло декрет о проведении первой мобилизации в 51 уезде Приволжского, Уральского и Западно-Сибирского военных округов. Мобилизации подлежали рабочие и крестьяне 1893—1897 гг. рождения[2]. 12 июня за подписью В. И. Ленина была отправлена телеграмма Тамбовскому губернскому военному комиссариату об объявлении мобилизации всех рабочих и крестьян 1893—1897 гг. рождения, не эксплуатирующих чужого труда[3]. 17 июня Советское правительство принимает декрет о призыве и приеме на военную службу рабочих рождения 1896—1897 гг., проживающих в г. Москве и его пригородах[4]. 29 июня принимаются декреты о призыве на военную службу рабочих г. Петрограда, родившихся в 1896—1897 гг., и о призыве в г. Москве и его пригородах рабочих, служивших в артиллерии и инженерных войсках, 1893—1895 гг. рождения[5].

Телеграмма В. И. Ленина Тамбовскому губернскому военному комиссариату от 12 июня 1918 года, декреты СНК РСФСР от 16, 17 и 29 июня 1918 года о мобилизации рабочих Москвы и Петрограда явились первым практическим шагом к строительству Красной Армии на основе обязательной воинской повинности. Именно эти документы заложили основу зарождения регулярной Красной Армии молодой Советской республики.

Первые мобилизации в Ардатовском, Карсунском, Алатырском уездах Симбирской губернии, в Саранском, Инсарском, Краснослободском уездах Пензенской губернии проведены в августе 1918 года.

31 июля 1918 года по Пензенской губернии была объявлена мобилизация артиллеристов и кавалеристов четырех возрастов, ранее служивших в старой армии. Мобилизации подлежали 4 уезда Пензенской губернии, три из них впоследствии вошли в

[1] И. М. Корсаков и М. И. Романов. Из истории Мордовии в годы гражданской войны, Морд. кн. изд. Саранск, 1958, стр. 13—17.

[2] См. Декреты Советской власти, т. 2, стр. 428—429.

В монографии И. М. Корсакова и М. И. Романова «Из истории Мордовии в годы гражданской войны» см. стр. 23, ошибочно датируется декрет от 12 июня, также ошибочно указывается о мобилизации двух возрастов.

[3] Декреты Советской власти, т. 2, стр. 615—616.

[4] Там же, стр. 438—440.

[5] Там же, стр. 507—510.

состав Мордовской АССР (Саранский, Рузаевский, Инсарский)[1]. 31 июля 1918 года председатель Симбирского губернского исполнительного комитета М. Гимов обратился в Совет Народных Комиссаров о разрешении произвести мобилизацию 5 возрастов в уездах Симбирской губернии, не занятых противником[2].

Первые мобилизации успешно прошли по некоторым волостям Ардатовского уезда. На пленарном заседании Симбирского губернского исполнительного комитета 12 августа 1918 года разбиралась телеграмма Ардатовского уисполкома, в которой говорилось, что только «из трех волостей явилось более 600 мобилизованных». В связи с этим решили послать от имени губисполкома благодарность Ардатовскому уисполкому и приветствие мобилизованным[3].

Тархановский волостной военный комиссар Паршин телеграфировал в Ардатов, что 12 августа мобилизованные граждане из Тарханова, Селищ, Папуляева, Б. Сыресей требуют вооружить и обмундировать их на месте и из всех призванных создать отдельную боевую единицу, а не «вливать их в другие части». Настроение населения приподнятое[4].

Однако, как видно из анализа первых военно-мобилизационных работ лета 1918 года, политическое настроение отдельных крестьян было колеблющимся. Кулачеству при помощи эсеров и меньшевиков удалось привлечь на свою сторону часть среднего крестьянства и втянуть их в различные контрреволюционные выступления. В. И. Ленин, внимательно следивший за социальными и революционными процессами в деревне, в письме К. Цеткин в июле 1918 года писал, что «мы теперь переживаем здесь, может быть, самые трудные недели за всю революцию... классовая борьба и гражданская война проникли в глубь населения: всюду в деревнях раскол — беднота за нас, кулаки яростно против нас»[5].

О влиянии кулачества в Поволжской деревне в 1918 году В. И. Ленин писал, что за большевиков при голосовании в Учредительное собрание было подано всего лишь 16% голосов.

«Именно в тех районах, где процент большевистских голосов в ноябре 1917 года был наименьшим, мы наблюдаем наибольший успех контрреволюционных движений, восстаний, организации сил контрреволюции... колебания мелкобуржуазного населения обнаружились в этих районах с особенной яркостью»[6].

[1] «Молот», № 93 от 31 июля 1918 г.

[2] ЦГАСА, ф. 730, оп. 2, д. 537, л. 5.

[3] ГАУО, ф. 200, оп. 2, д. 83, л. 63.

[4] ЦГА МАССР, ф. 50, оп. 1, л. 28, л. 10.

[5] В. И. Ленин, Соч., т. 35, стр. 282.

[6] Там же, Соч., т. 30, стр. 244.

Такое соотношение классовых сил при значительном влиянии эсеров и меньшевиков на крестьянские массы и на отсталые слои рабочих определило неблагоприятный исход военно-мобилизационных работ в Мордовии летом 1918 года. На II Пензенском губернском съезде Советов, состоявшемся в конце июня 1918 года, большевикам пришлось выдержать сопротивление эсеров и меньшевиков, выступивших против обязательных мобилизаций. Из среды призванных в Саранском, Темниковском, Ардатовском, Краснослободском и других уездах Мордовии наблюдалось дезертирство. Особенно неблагополучно стали проходить военно-мобилизационные работы в июне, накануне перехода к обязательной воинской повинности. Так, из волостей Темниковского уезда было мобилизовано всего несколько десятков человек. Многие волости дали по 1—5 человек, были и такие, как например, Матызлейская, Веденяпинская, Стрелецкая и др., от которых не поступило ни одного солдата[1]. Некоторые солдаты самовольно уходили из армии, не прослужив 6 месяцев[2].

Большие затруднения встречались при проведении мобилизации по всеобщей воинской повинности в августе-сентябре 1918 года.

Как уже указывалось выше, эсеры и меньшевики активно вели агитацию против обязательных мобилизаций. Они не хотели признавать декреты и постановления партии и правительства о создании регулярной Красной Армии. Влияние их агитации на крестьянские массы очень явно обнаруживается в постановлениях волостных и сельских сходов Большеберезниковского, Марьяновского, Починковского и других волостей Карсунского уезда, в которых крестьяне свой отказ от мобилизаций объясняли тем, что не желают вести «братоубийственную войну», не знают цели мобилизаций, что «война партийная, а мы беспартийные, потому и не дадим солдат»[3]. В агитацию против мобилизационных работ включилось и духовенство. Так, священник села Наборные Сыреси Ардатовского уезда некий Леонид Тарасов под предлогом переписи наличных душ специально ходил по селу с контрреволюционной агитацией. Он прямо заявлял, что если бы был Керенский, то он бы пошел воевать, а вместе с Лениным он не пойдет...»[4].

Чтобы помешать успешной мобилизации в Красную Армию, распространялись различные провокационные слухи. Так, в с. Стандрове Темниковского уезда распространили слух, что в Темников приехали чехи и арестовывают Совет и Красную Армию[5].

[1] ЦГА МАССР, ф. 53, оп. 1, д. 18, справки с мест.
[2] Там же, ф. 50, оп. 1, д. 12, л. 14.
[3] ГАУО, ф. 57, оп. 1, д. 200, л. 102.
[4] ЦГА МАССР, ф. 50, оп. 1, д. 25, л. 486.
[5] ЦГА МАССР, ф. 53, оп. 1, д. 27, л. 113.

На ход первых мобилизаций отрицательно сказалось и то обстоятельство, что они по времени совпали с разгаром полевых уборочных работ. В связи с этим эсеры развернули бешеную антисоветскую агитацию, срывали мобилизацию, призывали крестьян к отказу от регистрации в комиссиях.

Ожесточенная классовая борьба и общая хозяйственная разруха в стране не позволяли в полной мере обеспечить армию в достаточном количестве продовольствием, обмундированием и вооружением, вследствие чего мобилизационные работы затягивались. На II Тамбовской губернской партийной конференции, состоявшейся в начале августа 1918 года, в докладе губернского военного комиссариата указывалось, что мобилизация не производится из-за отсутствия вооружения и снаряжения, а Листратов, делегат от г. Кадома (Темниковский уезд), сообщил, что по причине неподготовки продовольствия мобилизованные были распущены по домам. Подобные случаи при первых мобилизациях имели место и в Инсарском уезде. Поэтому к середине августа 1918 года численность 1 армии Восточного фронта была доведена только до 13,6% штатного состава. Вместо 26972 человек, положенных по штату, Пензенская дивизия 1 Армии в своем составе имела 2848 человек пехоты, из них строевых —2400, пулеметов —52, в артиллерии —362, в кавалерии 159 и один бронированный поезд. Инзенская дивизия: пехоты всего 1160 человек, строевых —1010, пулеметов—40, орудий —6, артиллерии — прислуги —127 человек и один бронированный поезд. В Инзенскую дивизию входил финский батальон, находившийся в Алатыре, в составе которого было 433 человека, из числа которых 400 строевых с 15 пулеметами и 4-мя орудиями. Симбирская дивизия имела в своем составе 3645 человек пехоты, штыков —2300, пулеметов —116, артиллерии — прислуги —458, орудий —11, кавалерии — сабель —332, пулеметов —4. Кроме того, в состав Симбирской дивизии вошла 2-я отдельная сводная бригада: пехоты всего 2439, штыков —2000, артиллерии — прислуги —457, орудий —12, пулеметов —8[1].

Как видно из вышеприведенных данных, лучше по сравнению с другими дивизиями Первой Армии, была укомплектована 1-я Симбирская дивизия —27,2% штатного состава. Она имела в своем составе артиллерийскую бригаду: 14 инструкторов, 424 бойца, 283 лошади, 11 орудий, 1172 снаряда; Первый пехотный полк: 78 инструкторов, 188 пулеметчиков, 758 бойцов, 178 нестроевых, 27 лошадей; 2-й пехотный полк: 66 инструкторов, 989 бойцов, 150 нестроевых, 168 пулеметчиков, 134 лошади; Витебский полк: 47 инструкторов, 723 бойца, 200 нестроевых, 120 пулеметчиков; Сводный симбирский эскадрон: 9 инструкторов, 100 бойцов, 14 нестроевых, 123 лошади[2].

[1] ЦГАСА, ф. 157, оп. 3, д. 14, лл. 29—30.
[2] Там же, ф. 1307, оп. 2, д. 713, л. 43.

При таких условиях особенно большое значение приобретала разъяснительная работа среди армии и населения. Надо было показать трудящимся, что с собой несет установление белогвардейского режима, убедить их, что для защиты октябрьских завоеваний от белогвардейцев необходима могучая армия.

Газета «Молот» — орган Пензенского губкома партии — подчеркивала значение создания регулярной Красной Армии. «Так как рабочие и крестьяне победили впервые в истории, международное положение победившей революции критическое и поэтому она необходима будет до тех пор, пока пролетариат не победит во всем мире»[1].

С августа 1918 года в Саранске начал свою работу мобилизационный отдел 1-й революционной армии Восточного фронта. Председатель этого отдела Ш. Н. Ибрагимов указывал, что мобилизационный отдел ставит своей задачей «развить агитационную работу среди рабочих и крестьян с целью популяризации Красной Армии... Призывать их добровольно вступать в ряды Красной Армии». Для этого были разосланы агитаторы в Карсунский, Рузаевский, Саранский, Алатырский, Ардатовский и в другие уезды[2].

1-я Инсарская уездная партийная конференция постановила направить всю деятельность партийных ячеек на «организацию и вербовку красноармейцев и принять все зависящие меры к разъяснению населению истинного значения Красной Армии»[3].

Широкую агитацию среди населения проводили агитационно-вербовочные отделы уездных военных комиссариатов. В своих листовках, воззваниях и обращениях они призывали трудящихся крестьян, рабочих и интеллигенцию с оружием в руках защищать завоевания Октября. В своей листовке агитационно-вербовочный отдел Ардатовского увоенкомата писал: «Товарищ, твой смертельный враг, лютый и кровожадный зверь — всемирный капитал идет на тебя войной. Он хочет в реках крови, в море горя и слез затопить тебя и кровью добытую свободу твою. Он задался гнусной целью заковать тебя в тяжкие и позорные цепи рабской неволи. Он безжалостно истребляет твоих лучших борцов за свободу и счастье... Проснись, товарищ, пока не поздно. Стань в ряды Красной Армии. Все, как один, мы должны встать на защиту права на человеческую жизнь, с винтовкой в руках мы должны это право защищать. Ни одного колеблющегося, ни одного усталого не должно быть теперь в наших рядах... Сила и правда с нами. Долой позорные цепи рабства! К оружию, товарищи!»[4].

[1] «Молот» от 19 июня 1918 года.
[2] ЦГАСА, ф. 157, оп. 3, д. 1078, лл. 8, 9, 10, 20.
[3] Мордовия в период упрочения Советской власти и гражданской войны, сборник документов, Саранск, 1959, стр. 166.
[4] ЦГА МАССР, ф. 50, оп. 1, д. 12, л. 27.

Летом и осенью 1918 года по Ардатовскому уезду мобилизовано всего 5893 человека, из них: 978 офицеров и унтер-офицеров, 34 медицинских работника, 40 флотских специалистов[1]. Кроме того, с апреля по ноябрь 1918 года добровольно вступили в ряды Красной Армии 896 человек[2]. Из этих добровольцев сформированы две строевые роты, по штату 188 человек каждая, команда конных разведчиков в 20 человек, команда пеших разведчиков в 28 человек, отряд чрезвычайной комиссии в составе 90 человек, 408 человек было направлено на укомплектование 96 полка в Алатырь. 1-я рота и команды разведчиков вскоре были отправлены на фронт[3].

Из осенних 1918 года мобилизаций в Ардатовском уезде крупные группы были направлены в Алатырь на формирование 96 полка —2400 человек (без добровольцев), из которых 9 бывших офицеров, 495 артиллеристов, 83 кавалериста, 9 специалистов инженерных войск. В город Саранск было отправлено 1080 человек[4]. 19-го августа в распоряжение командующего Первой Армией М. Н. Тухачевского на станцию Инза для формирования Ардатовской тяжелой артиллерийской батареи было отправлено 56 артиллеристов. Флотские специалисты в октябре-ноябре были отправлены в Кронштадт[5].

В результате всех мобилизаций по всеобщей воинской повинности с Ардатовского уезда было призвано в ряды Красной Армии свыше 14 тысяч человек[6].

Первая мобилизация в Темниковском уезде прошла в первой половине 1918 года. К мобилизации подлежали крестьяне и рабочие 1898 года рождения[7]. Всего за годы гражданской войны в уезде было проведено более 30 мобилизаций и было призвано в Красную Армию около 13 тысяч человек, из них: 176 офицеров, 28 военных чиновников, 1138 унтер-офицеров[8]. Кроме

[1] ЦГА МАССР, ф. 50, оп. 1, д. 212, лл. 23—29.
[2] В монографии И. М. Корсакова и М. И. Романова «Из истории Мордовии в годы гражданской войны» см. стр. 38, неправильно и без всяких ссылок указывается, что в Ардатовском уезде только в августе 1918 г. в ряды Советской Армии вступило 3 тысячи добровольцев.
[3] ЦГА МАССР, ф. 50, оп. 1, д. 212, л. 25.
[4] ЦГА МАССР, ф. 50, оп. 1, д. 27, л. 26.
[5] Там же.
[6] Подсчитано нами на основании документов.
ЦГА МАССР, ф. 50, оп. 1, д. 29, лист 31; д. 155, лл. 7—85, д. 150, лист 44; д. 160, л. 84; д. 175, л. 42; д. 212, л. 25; д. 27, л. 26; ф. 55, оп. 1; д. 10, л. 358; д. 25, д. 212, лл. 23—29. В указанное число не входят мобилизованные по партийной мобилизации и часть добровольно формированных отрядов до мобилизации по декрету всеобщей воинской повинности.
В монографии «Из истории Мордовии в годы гражданской войны», стр. 36, указывается, что «всего Ардатовский уезд дал в Красную Армию 29840 человек», что не соответствует действительности.
[7] ЦГА МАССР, ф. 53, оп. 1, д. 7. л. 203.
[8] Подсчитано нами на основании документов: ЦГА МАССР, ф. 53, оп. 1, д. 7, л. 203; д. 75, л.1106; д. 89, лл. 388—389; д.27, лл. 189—190; д. 26, лл. 8—9; д. 75, л. 125; д. 27, лл. 256—257, 285—286.

того, до августа 1918 года добровольно вступило в ряды Красной Армии 340 человек, из числа которых часть была отправлена в Тамбов, а 240 человек оставлены при комиссариате[1].

В Саранском уезде первая массовая мобилизация артиллеристов и кавалеристов 1891—1895 гг. рождения, согласно приказу командующего Первой революционной Армией Восточного фронта, была назначена на 19—22 августа 1918 года[2]. Всего за 1918—1920 годы из Саранского уезда было призвано более 12 тысяч человек[3].

Из Инсарского уезда за годы гражданской войны было призвано около 7 тысяч человек[4], из Рузаевского — более 6 тысяч[5], Краснослободского — около 13 тысяч[6], Спасского — около 9 тысяч человек[7].

Всего по семи уездам мобилизовано за 1918—1920 годы более 74 тысяч человек, из числа которых около 1000 офицеров и более 5 тысяч унтер-офицеров, пополнивших командные кадры Красной Армии.

Наряду с мобилизационной работой на местах проходило формирование войсковых частей. Только мобилизационным отделом 1-й революционной Армии Восточного фронта в Саранске с 15 августа по 1 октября 1918 года были сформированы следующие части[8]:

№№ п/п	Наименование частей	Число людей	Число лошадей
1	2	3	4
1	3-й пехотный Пензенский полк	2866	479
2	3-й пехотный Симбирский полк	2866	479
3	Вновь формируемый в Алатыре пех. полк	2866	479
4	1-й Советский кавалерийский полк	872	947
5	2-й Восточный конный полк	872	947
6	3-й Восточный конный полк	872	947
7	Коммунистический кавалерийский дивизион „Победа"	872	947
8	1-й тыловой маршевый эскадрон	218	237

[1] ЦГА МАССР, ф. 53, оп. 1, д. 20, лл. 134—136.
[2] ЦГА МАССР, ф. 326, оп. 2, д. 3, л. 3.
[3] Подсчитано нами на основании документов: ГАПО, ф. 1159, оп. 1, д. 72, лл. 91, 93, 94; д. 71, лл. 190—210, 105, 106.
[4] Подсчитано нами на основании документов: ГАПО, ф. 1159, оп. 1, д. 73, л. 170.
ЦГА МАССР, ф. 364, оп. 1, д. 1, л. 103.
[5] Подсчитано нами на основании документов: ГАПО, ф. 1159, оп. 1, д. 73.
[6] Подсчитано нами на основании документов: ГАПО, ф. 1159, оп. 1, д. 73.
[7] Подсчитано нами на основании документов: ГАПО, ф. 1832, оп. 1, д. 29, л. 175; оп. 10, д. 41, л. 169; д. 7, лл. 189—190; д. 20, лл. 134—136; ф. 1426, лл. 86, 88, 9, 12, 87, 72, 73.
[8] ЦГАСА, ф. 157, оп. 3, д. 1092, л. 8.

1	2	3	4
9	2-й тыловой маршевый эскадрон	218	237
10	2-я рота летучей почты Инзенской дивизии	226	15
11	3-я рота летучей почты Симбирской дивизии	226	15
12	2-й Артиллерийский дивизион	389	20
13	1-й Маршевый дивизион	26	—
14	4-я Минская батарея	170	90
15	Смоленская батарея	185	101
16	2-я Особая батарея	564	9
17	3-я Особая батарея	564	9
18	Управление отдела по формированию и обучению артеллеристов	119	14
19	Лечебные заведения и управление мобилизационного отдела	200	80
20	Тимирязевский склад огнестрельного оружия	70	1
21	Маршевая рота моряков	72	2
	Итого	15194	6046

До 26 сентября 1918 года формирование войсковых частей в пределах Симбирской и Пензенской губерний проходило в основном через мобилизационный отдел 1-й Армии Восточного фронта. Так, согласно распоряжению председателя мобилизационного отдела Ш. Н. Ибрагимова, августовский и сентябрьский призывы Симбирской губернии направлялись: пехотинцы из Карсунского, Сызранского и Сенгилейского уездов в Алатырь в 4-й Пензенский полк, из Буинского, Алатырского, Ардатовского и Курмышского уездов в Саранск. Кавалеристов из Курмышского, Алатырского и Ардатовского уездов направили в распоряжение заведующего формированием тыловых маршевых эскадронов. Всех артиллеристов, призываемых в состав других родов войск, со всех уездов Симбирской губернии направляли также в Саранск в распоряжение мобилизационного отдела[1]. С 26 августа 1918 года, согласно распоряжению начальника административного отдела 1-й Армии, формирование частей в Симбирской губернии возлагалось на губернский военный комиссариат[2].

21 октября 1918 года председатель мобилизационного отдела Ш. Н. Ибрагимов просил начальника административного отдела и политического комиссара армии В. В. Куйбышева о том, что в «Алатыре мобилизационным отделом формируется с 25 октября 4-й Пензенский пехотный полк из мобилизованных, разновременно присланных уездными военкомами Симбирской губернии. В полку имеется уже полный штат штаба и команд-

[1] ЦГАСА, ф. 157, оп. 3, д. 1116, л. 51, об. и 54.
[2] Там же, д. 1039, л. 41.

ного персонала из бывших офицеров. Красноармейцев строевых 1730 и нестроевых —102, все обмундированы... полк может быть через 2 недели доведен до боевого состава, если будет дано еще 1000 красноармейцев. В настоящее время Симбирский губвоенком предъявляет командиру полка требование о переводе всех красноармейцев из Пензенского полка в 96 полк, который им формируется»[1].

При уездных военных комиссариатах формировались маршевые роты и отправлялись в распоряжение губернских и окружных военных комиссариатов. Так, например, Темниковским увоенкоматом путем добровольческой записи за вторую половину 1918 года и начало 1919 года было сформировано 5 рот численностью в 100—150 добровольцев в каждой и отправлено на фронт[2]. 8 октября 1918 года был сформирован кавалерийский взвод и отправлен в распоряжение командира 4-й кавалерийской бригады[3].

Согласно декрету СНК от 20 июля 1918 года мобилизации подверглись и лица нетрудового элемента. В соответствии с этим декретом создавалось тыловое ополчение, которое делилось на роты и батальоны. Оно привлекалось для работ по обслуживанию армии и нужд обороны. Призыву в тыловое ополчение подлежали все граждане в возрасте от 18 до 45 лет, которые не подлежали призыву в Красную Армию. Набор в тыловое ополчение производился одновременно с призывом в Красную Армию по тем же возрастным категориям.

Первые мобилизации в тыловое ополчение в Ардатовском уезде проводились в августе 1918 года. Всего с августа 1918 года по март 1919 год было призвано 198 человек[4].

В Ардатове из лиц нетрудового элемента, набранных со всех уездов Симбирской губернии, был сформирован батальон тылового ополчения[5]. В Темниковском уезде мобилизации в тыловое ополчение были проведены позднее, в январе-феврале 1919 года, в результате чего была сформирована команда двухвзводного состава численностью в 101 человек[6]. Кроме того, в 1919, в 1920 гг. проводились трудовые мобилизации. Так, в Краснослободском уезде в 1920 году были призваны по трудовой мобилизации 1886—1888 гг. рождения всего 1946 человек[7].

В связи с созданием мощных кавалерийских частей республики большое значение имели военно-конские мобилизации. Покупка лошадей для Красной Армии началась в Темниковском и Спасском уездах еще в июне 1918 года[1]. Так, в июне в Темниковском уезде было куплено 90 строевых и 40 артиллерийских лошадей[2], в Спасском —90 строевых и 40 обозных[3].

Первая мобилизация лошадей в Ардатовском, Алатырском и Карсунском уездах Симбирской губернии была проведена на основании приказа Командующего 1-й Армией Восточного фронта М. Н. Тухачевского в августе 1918 года[4]. Мобилизация лошадей, согласно этому приказу, проводилась в порядке разверстки: на каждую крестьянскую или рабочую семью полагалось оставлять две лошади. Если в семье больше 10 человек, тогда на каждые 5 человек сверх 10 полагалось по одной лошади. Остальные же подлежали мобилизации. Притом владельцам лошадей уплачивалось от 1200 до 2500 рублей в зависимости от категории и сортности сдаваемых лошадей[5]. Планомерная работа по укомплектованию частей Красной Армии конским составом началась с 26 июня 1918 года после того, как был принят декрет СНК о введении военно-конской повинности. Всего за июнь 1918 года по июнь 1920 года только с двух уездов, Ардатовского и Темниковского, было мобилизовано более 3500 лошадей[6]. Кроме того, в Ардатовском, Темниковском, Инсарском и других уездах для нужд различных военных и советских ведомственных учреждений проводилась покупка лошадей. Так, например, в Темниковском уезде в феврале 1919 года представителями Сокольнического совдепа города Москвы было куплено 15 лошадей для санитарного транспорта[7]. В этом же уезде 24 лошади были куплены представителями кронштадтского порта[8].

* * *

Второй основной задачей уездных комиссариатов была организация военного обучения населения, создание инструкторских школ, спортивных и стрелковых обществ для допризывной подготовки молодежи.

Всеобщее воинское обучение (всевобуч) в стране было введено на основе декрета ВЦИК от 22 апреля 1918 года[9]. Согласно этому декрету устанавливалась общая воинская повинность для

---

[1] ЦГАСА, ф. 157, оп. 3, д. 1117, л. 386.
[2] ЦГА МАССР, ф. 53, оп. 1, д. 27, л. 701.
[3] Там же, л. 702.
[4] Там же, ф. 50, оп. 1, д. 212, лл. 11—58; ф. 55, оп. 1, д. 10, л. 358.
[5] ЦГА МАССР, ф. 55, оп. 1, д. 10, л. 358, 362; ф. 50, д. 25, л. 73.
[6] Там же, ф. 53, оп. 1, д. 27, лл. 189—190, 702, д. 26, л. 8.
[7] Там же, д. Р-9, оп. 1, д. 48, л. 16.

[1] ГАТО, ф. 1832, д. 232, л. 30.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] «Мордовия в период упрочения Советской власти и гражданской войны». Сб. документов, г. Саранск, 1959 г., стр. 81—82.
[5] Там же.
[6] ЦГА МАССР, ф. 55, оп. 1, д. 10, л. 358; д. 27, л. 50; ф. 53, оп. 1, д. 27, лл. 701—702, 189—190; д. 26, лл. 8—9; ф. 62, оп. 1, д. 116, л. 160; ГАТО, ф. 1832, д. 232, л. 30; оп. 7, д. 19, л. 903. ГАУО, ф. 200, оп. 2, д. 212, л. 76.
[7] ГАТО, ф. 1832, оп. 7, д. 19, л. 533.
[8] Там же, л. 170.
[9] Декреты Советской власти, т. 2, М., 1959, стр. 151.

всех рабочих и трудящихся крестьян в возрасте от 18 до 40 лет, допризывников в возрасте от 16 до 18 лет для обучения военному делу в школах. Обучение допризывного и призывного (18—40 лет) возрастов возлагалось на Народный комиссариат по военным делам, школьников — на Наркомпрос и Народный комиссариат по военным делам. На добровольных началах к всевобучу допускались женщины. Граждане, религиозные убеждения которых не допускали применения оружия, должны были обучаться только тем военным обязанностям, которые не связывались с употреблением оружия.

Декрет возлагал организацию всевобуча на местах на военные комиссариаты (окружные, губернские, уездные и волостные). К обучению привлекались все рабочие и крестьяне, не эксплуатирующие чужого труда. И оно должно было производиться непрерывно в течение 8 недель по 96-часовой программе, то есть не менее 12 часов в неделю.

На первых порах нужно было срочно организовать аппарат всевобуча, провести учет согласно декрету, выявить и собрать кадры специалистов, которые способны нести обязанности инструкторов военного обучения, изыскать оружие и необходимые пособия для теоретической и практической работы по всевобучу. Это была огромной трудности работа для уездных военных комиссариатов, учитывая, что всевобучу подлежали в уездах Мордовии десятки тысяч человек.

Ввиду того, что уездные и волостные военные комиссариаты только начинали создаваться, практическая организация военного обучения зависела прежде всего от того, насколько успешно и быстро будут формироваться сами комиссариаты. Притом развертывание всевобуча совпало с полевыми работами. Учитывая все это, отделы всевобуча не начинали свою деятельность до окончания осенних полевых работ.

При Темниковском уездном военном комиссариате отдел всевобуча образован 1 октября 1918 года[1]. Первым долгом были сформированы в каждой волости бюро всевобуча (всего 28), сделали предварительный учет граждан, подлежащих обучению в возрасте от 16 до 40 лет. Всего оказалось 22550 человек, которые должны были пройти специальные и врачебные комиссии. Все взятые на учет были разбиты на 3 группы: первая группа в возрасте от 16 до 24 лет, вторая — от 25 до 32 лет, третья — от 33 до 40 лет. К обучению граждан первой группы приступили в половине ноября 1918 года, которых насчитывалось около 8000 человек.

1 декабря был созван уездный съезд инструкторов-организаторов. На съезде было отмечено, что «организация и постановка дела обучения удовлетворительная. Отношение населения к

[1] ЦГА МАССР, ф. 53, оп. 1, д. 26, л. 15.

обучению сочувственное[1]. Обучение первой группы закончилось в половине декабря, после чего приступили к обучению второй группы, причем в целях ускорения всевобуча вторая и третья группы были объединены. 4 апреля 1919 года 50 процентов волостных бюро всевобуча закончили свою работу и были закрыты, в остальных обучение закончили несколько позднее.

Таким образом, в Темниковском уезде лица допризывного возраста были объединены с первой группой призывного возраста (18—24-летними), тем самым к моменту призыва их в армию они закончили 96-часовую программу военного обучения.

Приказом по уездному военному комиссариату от 6 декабря 1918 года для более успешной работы по всевобучу было создано 5 сборных участковых пунктов: Темниковский, Кадомский, Ермишинский, Стрельниковский, Теньгушевский[2]. Отделом всевобуча было организовано гимнастическое общество, куда входило 50 человек молодежи.

В октябре 1919 года Темниковский уездвоенком приступил к формированию кадров 8 ротного участка Первого Тамбовского милиционно-территориального полка. В связи с образованием ротного участка в конце октября 1919 года приступили к занятиям по всевобучу с гражданами непризванных возрастов (1885—1887 гг.), которые должны были составить основное ядро роты[3].

Отдел всевобуча при Краснослободском увоенкомате начал свою деятельность в начале октября 1918 года[4]. Один из помощников военного руководителя был назначен на должность уездного инструктора по всевобучу. Совместно с отделом учета произвели учет населения от 18 до 40 лет, в результате которого оказалось 27727 человек, из которых 8271 человек не проходил военную службу. При волостных военных комиссариатах были созданы экзаменационные и врачебные комиссии. Через эти комиссии были пропущены в первую очередь 18—20-летние, то есть первая группа, которых оказалось 5138 человек, а после прохождения комиссии осталось 4360, остальные 778 человек были освобождены от обучения. После прохождения экзаменационной и врачебной комиссии на руки выдавались соответствующие удостоверения.

Комиссия при уездном военном комиссариате проводила испытания кандидатам на должность взводных и отделенных инструкторов. Проверкой определялись не только военные знания, но и их политическая подготовка, классовая принадлежность, в какой партии они состоят или поддерживают и признают ли Советскую власть. Комиссией было принято 34 взводных и 94 отделенных инструктора.

[1] ЦГА МАССР, ф. 53, оп. 1, д. 27, л. 258.
[2] ЦГА МАССР, д. 7, л. 704.
[3] Там же, д. 26, л. 15.
[4] Там же, ф. 9, д. 9, л. 172.

Из числа бывших офицеров были подобраны 23 кандидатуры сотенных инструкторов, которые 23 октября 1918 года были направлены для прохождения комиссии при губернском военном комиссариате.

По всему уезду обучение первой группы началось не одновременно. В городе Краснослободске занятия начались 28 октября, затем, по мере возвращения сотенных инструкторов с экзаменов, занятия начинались и в остальных волостях. Всего в уезде было организовано 22 местных бюро всевобуча. По окончании курса обучения устраивались экзамены. Для более успешной работы по всевобучу 30 января 1919 года в уезде было организовано 8 сборных пунктов. К этому времени закончили учет 16—17-летних, которых оказалось всего 4123 человека, а подлежащих обучению 3701[1].

В феврале 1919 года увоенкомом была получена телеграмма начальника Центрального Управления всевобуча при Всероссийском Главном штабе Л. Е. Марьясина о начале занятий со всеми гражданами 26—30-летнего возраста[2], которых оказалось в уезде более 4-х тысяч человек. Для разъяснения телеграммы и для решения вопросов по подготовке к всевобучу вышеуказанных возрастов в марте 1919 года был созван съезд всех заведующих сборными пунктами и сотенных инструкторов. На съезде было решено ликвидировать сборные пункты и открыть 20 временных отделений, а также были назначены ротный и взводные командиры для 6-й роты Пензенского резервного полка[3]. Всего было избрано 26 сотенных, 50 взводных и 103 отдельных инструктора[4].

Согласно новому положению о формировании резервных частей Краснослободский уезд составлял 6-й ротный участок. В связи с этим уезд был разделен на 3 взводных района, во главе каждого из них был поставлен сотенный инструктор, в обязанности которого входило укомплектование взвода всеми должностными лицами.

Обучение началось в марте 1919 года, но в апреле, в связи с разливом рек и распутицей, занятия во всех отделениях прекратились и были возобновлены только к концу апреля.

Обучением было охвачено 1176 человек. Занимались ими 12 сотенных, 32 взводных и 67 отделенных инструкторов[5]. Согласно указаниям губвоенкомата занятия были прекращены 14 мая 1919 года.

Краснослободский уезд, составлявший шестой ротный участок Пензенского резервного полка, провел значительную работу по всевобучу и укомплектованию командных кадров.

[1] ЦГА МАССР, ф. 9, д. 9, л. 174.
[2] Там же, ф. 9, д. 9, л. 174.
[3] ЦГА МАССР, ф. 9, д. 9, л. 174.
[4] Там же, л. 175.
[5] Там же, л. 175.

Работа по всевобучу включала и спортивно-массовую работу. По инициативе отдела всевобуча было организовано Общество физической культуры, устав которого утвержден был уисполкомом. В президиум Общества физической культуры вошли представители Наробраза, здравоохранения, городского Совета, увоенкомата. Городской Совет для Общества выделил достаточный участок земли в центре города для различных спортивных сооружений. Краснослободское Общество физической культуры проделало большую работу по вовлечению молодежи в военно-спортивную работу, являющуюся составной частью всевобуча. В годовщину всевобуча (25 мая 1919 года) спортивное общество приняло активное участие в проведении праздника с исполнением гимнастических упражнений.

Отдел всевобуча принимает меры в организации спортивных обществ и при волостных военных комиссариатах. В конце апреля 1919 года было организовано Урейское спортивное общество[1].

При Ардатовском военкомате отдел всевобуча был организован 10 ноября 1918 года[2]. После чего приступили к учету мужского населения, подлежащего обучению, и инструкторского состава. Наметили места организации сборных пунктов, были приняты меры для приобретения и изготовления учебных приборов и пособий, приступили к строительству тиров, стрельбищ и других технических сооружений, необходимых для проведения занятий по всевобучу.

Для выбора более опытных и достойных инструкторов 3 февраля 1919 года был проведен съезд бывших подпрапорщиков, фельдфебелей и унтер-офицеров всего уезда, где были проведены с ними проверочные испытания для занятия инструкторских должностей. Участники съезда были ознакомлены с целями, задачами и организацией всевобуча.

Всего на учет было взято 20343 человека 18—40-летнего возраста[3] и более 4 тысяч человек подготовительного возраста (16—18 лет)[4]. Из числа 20343 человек, большинство которых прошли военную службу, многие не подлежали обучению[5]. Если

[1] ЦГА МАССР, ф. 9, оп. 1, д. 9, л. 173.
[2] Там же, ф. 55, оп. 1, д. 10, л. 361.
[3] ЦГА МАССР, ф. 55, оп. 1, д. 10, л. 361.
[4] Там же, ф. 50, оп. 1, д. 212, лл. 23—29.
[5] 1-й учет мужского населения 18—49-летних в Ардатовском уезде был проведен в июне-октябре 1918 года с «подразделением их на проходивших и непроходивших ряды войск по родам оружия» (см. ЦГА МАССР, ф. 53, д. 212, лл. 23—29). 16 ноября было получено новое «Временное руководство по учету военнообязанных», утвержденное РВСР. После подготовительной работы (заказ бланков и ведомостей, инструктирования и т. д.) в конце декабря приступили к учету 18—40-летних, продолжавшемуся до конца января 1919 года. Итак, по первому учету 18—49-летних было взято на учет 29840 человек, из числа которых 16289 проходивших обучение, т. е. служивших ранее в войсках, 8315 — непроходивших обучение, а 5236 человек не подлежали обучению, всего 29840 человек. Авторами книги «Из истории в годы граждан-

судить согласно переписи июня — октября 1918 г., то всевобучу подлежало 8315 человек 18—40-летнего возраста[1] и более 4-х тысяч подготовительного возраста[2], обучение которых было начато весной и летом 1919 года.

Для более полного представления о работе уездных военных комиссариатов по всевобучу в Мордовии в годы гражданской войны взяты три уезда, входящие в разные губернии: Ардатовский уезд Симбирской губернии, Краснослободский уезд Пензенской губернии и Темниковский уезд Тамбовской губернии. Мы видим, что практическое проведение военного обучения на местах, сыгравшее исключительно большое значение в разгроме внешних и внутренних контрреволюционных сил, легло на уездные военные комиссариаты и созданные ими органы всевобуча.

Лучше всего работа по всевобучу была поставлена в Темниковском и Краснослободском уездах. Задержка с организацией всевобуча в Ардатовском уезде, а в целом и в Симбирской губернии, связана с военными событиями, проходившими в это время на Восточном фронте, и крупными военно-мобилизационными работами в Симбирской губернии.

Поскольку создание всевобуча было абсолютно новым делом, военным работникам, работающим в этой области, приходилось часто встречаться с большими трудностями организационного порядка, идти ощупью, используя практический опыт тех, которые имели в этом деле хотя бы незначительные результаты. Всевобуч переживал большие трудности материального и технического снабжения так как в первую очередь необходимо было снабжать действующие войсковые части. Так, например, из-за недостатка оружия и отсутствия патронов стрелковое дело не проводилось на занятиях с первой группой Темниковского уезда[3]. Такое же положение было в Краснослободском и в других уездах Мордовии[4]. Везде ощущался острый недостаток приборов, пособий и даже инструкций. Отсутствие опыта и достаточной материальной базы вынудило работников всевобуча допризывную подготовку с молодежью проводить не повсеместно, а только с теми, которые проживали в городах и в селах, расположенных близко к городу. Но несмотря на большие трудности в результате большой напряженной работы партийных организаций, Советов и военкоматов при поддержке рабочих, бедняков и значительной части среднего крестьянства они были

ской войны» (см. стр. 36) неправильно трактуется число «16289» как обученных в период всевобуча. Эта же ошибка повторяется в «Очерках по истории Мордовской АССР», что с 15 июня 1918 года по 8 февраля 1919 г. в «Ардатове было обучено военному делу 16289 человек» (см. «Очерки истории Мордовской АССР, II, стр. 91), тогда как за это время в системе всевобуча обучение не производилось.

[1] ЦГА МАССР, ф. 50, д. 212, лл. 23—29.
[2] Там же, подсчитано нами.
[3] ЦГА МАССР, ф. 53, оп. 1, д. 7, л. 703.
[4] Там же, ф. 9, оп. 1, д. 9, лл. 172—173.

преодолены и всеобщее военное обучение явилось колоссальным подспорьем в защите и укреплении Советской республики. На передней линии всегда были коммунисты. Еще в июне 1918 года «Правда» писала, что Симбирский губернский комитет РКП(б) решил проводить ежедневно военное обучение со всеми коммунистами губернии. Руководство обучением возлагалось на особые военные комиссии, избранные общим собранием[1]. Летом 1918 года в Ардатовском уезде проводилось «обучение военному искусству со служащими советских учреждений. Всего проходило обучение 138 человек. Была назначена проверочная комиссия для испытания в знании военного искусства[2].

Итак, в строительстве рабоче-крестьянской Красной Армии уездные военные комиссариаты сыграли важную роль. Их деятельность выходила далеко за пределы рассматриваемых в статье вопросов. Они проводили большую агитационно-массовую работу как среди красноармейцев, так и населения, проявляли заботу о семьях красноармейцев, принимали непосредственное участие в борьбе с контрреволюционными выступлениями, активно участвовали во всей политической и хозяйственной жизни уезда.

Трудящиеся Мордовии дали Красной Армии все лучшее, что имелось в его рядах. Призванные из уездов Мордовии храбро сражались на всех фронтах гражданской войны и вместе со всеми другими народами добились справедливой победы над многочисленными врагами Советского государства.

[1] «Правда», ф. 55, оп. 1, д. 25, лл. 4—5.
[2] ЦГА МАССР, ф. 55, оп. 1, д. 25, лл. 4—5.

А. Б. Кузнецов

БОРЬБА РУССКОГО ГОСУДАРСТВА ЗА СМОЛЕНСК И ЕГО ОСВОБОЖДЕНИЕ В 1514 г.

Освобождение русскими Смоленска и смоленских земель от владычества литовских феодалов было одним из важнейших результатов борьбы Русского государства за воссоединение западнорусских земель в начале XVI в.

Но этот вопрос в исторической литературе не получил достаточного освещения.

Нам кажется, что без более широкого рассмотрения вопроса борьбы Русского государства за воссоединение смоленских земель нельзя в полной мере определить всю широту борьбы Русского государства за воссоединение западнорусских земель в начале XVI в.

Настоящая статья представляет собой попытку автора более детально изучить борьбу Русского государства за воссоединение Смоленска и смоленских земель[1].

В конце XV в. Русское государство сумело воссоединить часть ранее захваченных Литвой русских земель и в результате войны 1507—1508 гг. закрепить их за собой. После этой войны перед Русским государством встал вопрос о воссоединении Смоленска и смоленских земель, еще находящихся под властью Литвы.

Необходимость воссоединения Смоленска с Русским государством диктовалась и рядом других причин: находясь на очень важном участке литовской границы с Русским государством, Смоленск, во-первых, прикрывал подступы к жизненно важным центрам Великого княжества Литовского, и обладание им давало Русскому государству возможность развернуть широкое наступление против Литвы.

Кроме того, Смоленск был расположен на очень важных торговых путях. Отсюда шли дороги на запад, к южным русским землям, к Киеву, и берегам Балтики. Западная Двина и

[1] Смоленские земли с городом Смоленском были захвачены Великим княжеством Литовским в начале XV в.

Днепр — эти две водные артерии находились под контролем Смоленска.

Русские давно стремились к воссоединению Смоленска. Еще Иван III во время войны против Литвы сделал попытку возвратить Смоленск, но она закончилась неудачей. Однако это не заставило Русское государство отказаться от продолжения борьбы за воссоединение Смоленска. Во время войны 1507—1508 гг. Русское государство упорно подготавливало плацдарм для борьбы за смоленские земли. Закрепившись в результате этой войны в непосредственной близости от Смоленска, русские считали теперь себя готовыми к борьбе за освобождение города.

К началу похода на Смоленск, к 1512 г., Россия стягивает к границам Литвы значительные воинские соединения.

Закончив подготовку к походу, русские войска 14 ноября 1512 г. начали военные действия для взятия Смоленска. Против Смоленска были направлены войска во главе с кн. Репней-Оболенским, И. Ф. Челядневым[1], которые должны были развернуть операции на подступах к городу, подготовить условия для успешных действий основных сил, которые шли к Смоленску. Для обеспечения наступательных действий русской армии, с тем чтобы отвлечь некоторую часть сил противника из-под Смоленска, Василий III направил в киевские земли войска под командованием В. И. Шемячича, И. Д. Пронского, М. А. Плещеева. Этим рейдом своих сил русские прежде всего обеспечивали себя от флангового удара со стороны польско-литовских войск и сковывали часть сил литовского князя Сигизмунда на защите Киева, не давая ему возможности оказать более эффективную помощь Смоленску.

Одновременно, стремясь также отвлечь силы неприятеля от Смоленска, русские войска наносят ряд ударов по собственно литовским районам. В Литву были посланы отряды под командованием М. С. Воронцова, А. Н. Бутурлина. Из Великих Лук в Литву двинулись отряды С. Ф. Курбского, Д. Бахтеярова, из Новгорода к Холмскому городку совершили поход части новгородской группировки, во главе которой стояли В. В. Шуйский, И. Морозов, И. А. Булгаков[2].

Таким образом, развернулось стремительное наступление русских войск, которое должно было расшатать оборону противника.

После того, как плацдарм для развертывания наступления основных сил русской армии был подготовлен, в Литву направились передовые части главной русской армии под командованием И. А. Челяднева и М. Ю. Захарьина. Эти войска должны были, вместе с находившимися под Смоленском русскими войсками Репни-Оболенского, «у города у Смоленска посады

[1] Древнейшая разрядная книга, М., 1902, стр. 47.
[2] ДРК, стр. 48—49.

отняти, да оставя под городом воевод, самим идти в литовскую землю воевать»[1].

19 декабря 1512 г. из Москвы выступили главные силы русской армии во главе с самим Василием III. С ним были его братья, Дмитрий и Юрий, царевич Петр и большое количество служивых князей. Первоначально русские войска сосредоточились в Можайске, где был произведен генеральный смотр и окончательное закрепление воевод по полкам. В Можайске к войскам Василия III присоединились князья Волоцкие со своими отрядами.

После распределения командования во главе большого полка встал сам Василий III, царевич Петр, Д. В. Шеня, кн. М. Глинский. Полком правой руки командовали брат Василия III Юрий Иванович, кн. А. В. Ростовский, полком левой руки командовали Г. Ф. Давыдов, И. Ф. Ушатый. Во главе передового полка стояли кн. В. С. Стародубский, кн. И. М. Воротынский, сторожевым полком командовали кн. Волоцкий Б. Ф., кн. М. И. Булгаков. Во главе артиллерии стояли М. Нагой и М. Дятлов.

28 декабря 1512 г. русские войска выступили из Можайска на Смоленск. К этому времени авангард русских войск под командованием И. А. Челяднева и М. Ю. Захарьева подошел к Смоленску и начал развертывать военные операции. Они «посады у города отняли» и, оставив под Смоленском войска под командованием Ю. Д. Пронского, совершили рейд по литовским областям[2]. Совершили поход на Оршу, Друцк, Борисово, Минск, чем сковывали в этом районе силы врага, не давая ему возможности оказать помощь Смоленску.

В то же время новгородские отряды В. С. Одоевского также совершили рейд по литовским землям, а затем, соединившись с отрядами И. М. Репнина, продолжали военные действия объединенными силами. Затем присоединились к основным русским силам, пришедшим под Смоленск[3].

В начале января 1513 г. русские войска под командованием великого князя Василия III подошли под Смоленск и окружили его. В военно-инженерном отношении это была довольно сильная крепость. Один из современников так описывает ее: «Крепость смоленская расположена у Днепра. Мощна она благодаря самой реке, болотам, а также благодаря человеческому искусству, благодаря бойницам из дубовых брусьев, уложенных срубом в виде четырехугольников, набитых глиной изнутри и снаружи, и каменной стене, окружена она рвом и столь высоким валом, что едва видны вершины зданий, а сами укрепления не могут быть разбиты ни выстрелами из орудий, ни таранами,

[1] Иоасафовская летопись, М., 1957, стр. 191.
[2] ДРК, стр. 49—50, Иоас. лет., стр. 192.
[3] ДРК, стр. 50.

да и не подрыться под них, не разрушить или сжечь при помощи мин, огня или серы»[1].

Для того чтобы ослабить сопротивление осажденных, Василий III «приказал пушки и пищали изставити и град велел бити пушками и пищали»[2].

Однако артиллерийский обстрел города не привел к падению Смоленска, и осада затянулась на шесть недель. Большая длительность осады привела к тому, что в русских войсках из-за трудности зимних условий начинает проявляться недовольство, происходит выступление псковичей, «которым тот рубеж необычен быть им тяжко велми... и удариша они челом великому князю»[3]. Василию III пришлось удовлетворить их просьбу «о корме». Понимая, что «стояние» под городом в тяжелых зимних условиях может привести к новым выступлениям, великий князь решил начать штурм Смоленска.

1-я псковская летопись, один из самых лучших источников по истории смоленского похода 1512—1513 гг., так рисует ход его. На штурм Смоленска пошли псковские и «иных городов» пищальники, а «посоха понесоша примет а полезоша в полнощь, да и день тои весь маялися из-за Днепра реки и со всех сторон, и ис туров пушками били и много под городом пищальников и посохи прибили псковских пищальников много же побища»[4].

Это описание штурма Псковской летописью позволяет прийти к некоторым выводам. Прежде всего, видимо, штурм был достаточно долгим, если русские штурмовали город в течение дня и ночи. В штурме, вероятно, участвовали в основном пищальники, т. е. наиболее боеспособная часть русского войска. В то же время штурм поддерживает артиллерия и посоха, усиливающие штурмующие части.

Однако штурм был отбит с большими потерями для русских. Особенно значительны они были среди псковских отрядов. «И много псковичь тогда на штурме побиша»,— говорит 3-я Псковская летопись[5].

Русские войска вынуждены были снять осаду Смоленска и отойти от города.

Отступление русских от Смоленска диктовалось рядом трудностей, которые создались для русских в районе Смоленска; нехватка боеприпасов, продовольствия, обмундирования. Войска были усталыми и понесли большие потери.

В это же время Сигизмунд, подготовив 30-тысячное войско, готовился перебросить его на выручку осажденного смоленского гарнизона[6]. Поэтому русское командование, узнав об этом,

[1] Akta Tomiciana, т. I, № 97.
[2] Иоасаф. лет., стр. 193.
[3] Псковские летописи, вып. 1, М., 1940, стр. 97.
[4] Псковские летописи, вып. 1, стр. 97.
[5] Псковские летописи, вып. 2, стр. 259.
[6] ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 3, стр. 612.

считало встречу своих войск с войсками Сигизмунда нежелательной и временно сняло осаду Смоленска.

В марте 1513 г. основные силы русской армии возвратились к своим границам. В Литве остались лишь отдельные русские отряды, которые не прекращали военных действий против Литвы. Так, они методически совершали налеты на Витебск и другие города[1].

Уже в марте 1513 г. после того, как русские войска получили пополнение, Василием III было принято решение о новом походе на Смоленск. Вскоре началась концентрация русских войск для похода на Смоленск. В Туле сосредоточились войска под командованием А. В. Ростовского, М. Ю. Захарьина. На Угре расположились войска М. И. Булгакова, И. Телепнева. Затем часть этих войск была направлена к Стародубу, чтобы быть ближе к предлагаемому театру военных действий.

Продолжая подготовку к войне, русское командование создало две новые группировки. В Вязьме были сосредоточены войска во главе с Д. В. Щеней, И. М. Репней, А. И. Булгаковым, а в Дорогобуже — с В. И. Горбатым, Н. В. Оболенским[2].

Русское командование, стремясь как можно лучше подготовиться к новому походу на Смоленск, создает несколько войсковых групп, которые должны были, во-первых, отвлечь противника от Смоленска, а во-вторых, усилить наступление русских войск на город.

Мероприятия, связанные с подготовкой к новому походу на Смоленск, потребовали дополнительных государственных расходов. Поэтому правительством вводится новый налог, который всей своей тяжестью лег на плечи трудящихся масс.

Первая половина 1513 г. прошла для русских в деятельной подготовке к новому наступлению на Смоленск. Осенью 1513 г., тщательно подготовившись, русские начали военные действия против Смоленска. Русское наступление началось довольно энергично.

Из Дорогобужа двинулись части под командованием Д. Д. Хромова, И. И. Плещеева, а из Великих Лук — В. И. Горбатого, Д. В. Китаева, С. Ф. Курбского[3].

Почти одновременно с этими отрядами против Смоленска были направлены отряды И. М. Репни, А. В. Сабурова, которые довольно быстро подошли к Смоленску[4]. Литовские войска во главе с Юрием Глебовичем и Андреем Цыбулкой попытались отбросить русские войска от города Смоленска, но эта попытка литовцев окончилась неудачей. Разбив литовцев, русские осадили город[5].

[1] W. Woiciechowski Sigmund Stary. War., 1946, стр. 50.
[2] ДРК, стр. 50—52.
[3] ДРК, стр. 53.
[4] Иоасаф. лет., стр. 193—194.
[5] Иоасаф. лет., стр. 194.

На помощь войскам, осаждавшим Смоленск, Василий III направил сначала части под командованием М. Л. Глинского, а затем сюда же подошел Д. В. Щеня со своим войском и артиллерией. Русские войска на этот раз закрепились под стенами Смоленска.

Пока одни русские войска осаждали Смоленск, другие расширяли театр военных действий. Так, В. В. Шуйский и М. В. Горбатый получили приказ великого князя направиться со своими войсками в район Полоцка для действия против литовцев[1].

Русские войска развертывают активные военные действия во многих направлениях. Крупные русские силы, сконцентрированные на севере (по данным некоторых источников, на полоцком направлении их было 24 тыс., а у Витебска —8 тыс.[2]), совершили налет на Полоцк, а другие отряды «взгоном ходили под Оршу, под Кричев, под Витебск»[3].

Развертывая военные действия на разных направлениях, в том числе и смоленском, одновременно русское командование создает крупные резервы, которые должны были обеспечить возможность успешных операций русских под Смоленском.

В Туле располагаются войска А. Д. Курбского, на Угре — отряды С. Р. Мезецкого. Значительные русские войсковые соединения были в Вязьме и Дорогобуже.

Русские походы показали, что Литва совершенно не готова к отражению русского наступления. Это вынужден был признать и сам Сигизмунд, писавший, что «московский враг опустошает и разоряет наши владения. Литовцы же, охваченные страхом, располагают для защиты лишь своими силами, т. к. приглашать на помощь иноземцев уже поздно»[4].

В военных действиях 1513 г. обращает на себя внимание широкий размах военных операций русских армий. Военно-стратегический план русских заключался, видимо, в том, чтобы, нанося удары в различных направлениях, заставить противника рассредоточить свои силы от основного направления удара русских войск — Смоленска. И этот план был осуществлен. Главные силы русских, которые были сосредоточены в Боровске, 5 сентября 1513 г. направлялись к Смоленску и 22 сентября были под городом, где и соединились с находившимися здесь русскими частями. Началась планомерная осада Смоленска. В осаде города большое место отводилось артиллерии, которая своим массированным огнем причинила ряд разрушений городу и нанесла урон противнику. Однако литовцы успевали заделывать пробоины в стенах крепости, пробитых снарядами, и исправлять

[1] Н. Рябинин. «Новое известие о Москве и москвитах», ЧОИДР, кн. 3, 1906, стр. 5.
[2] Утюжский летописный свод. М., 1950, стр. 103.
[3] ПСРЛ, т. 8, стр. 257, ПСРЛ, т. VI, стр. 252.
[4] Akta Tomiciana, т. 2, № 320, стр. 230.

разрушения, нанесенные русской артиллерией. Кроме того, сам Смоленск был хорошо укреплен «имея твердость стремнинами гор и холмов высоких затворено и стенами великими укреплено»[1].

Русская армия вела осаду Смоленска до начала ноября 1513 г. Однако, в отличие от первого похода, русские не производили штурма города, ограничивались лишь осадой его. Видимо, русские не надеялись, помня печальный урок первого штурма, на успех нового. Во-вторых, русское командование, видимо, полагало, что жители города, большинство которых составляли русские, сумеют заставить литовских военных начальников капитулировать. Однако этого не случилось.

Сигизмунд пытался как-то облегчить положение литовцев в Смоленске, направив сюда подкрепление. На помощь смоленскому гарнизону был послан отряд польских войск, но он не сумел прорваться к городу[2]. Положение русских под Смоленском было, пожалуй, не лучше, чем у осажденных литовцев. Наступившая глубокая осень затрудняла положение русских войск и создала дополнительные трудности для их снабжения. Русские летописи отмечают, что «приступи осень и дни студенные и корму конского скудное»[3].

В тяжелых условиях, создавшихся для Литвы под Смоленском, Сигизмунд собрал польско-литовские войска для контрнаступления. В районе Чернигова Сигизмунд создал корпус численностью в 40 тыс. человек, который должен был действовать совместно с крымскими татарами[4], давшими согласие помочь Литве в войне с русскими.

Ожесточенными боями литовцам удалось оттеснить русских от Витебска, а также вынудить их снять осаду Полоцка[5].

Все это вместе взятое заставило русское командование отвести свои силы от Смоленска. Русским войскам и на этот раз не удалось взять город.

Одной из важнейших причин неудач русских под Смоленском был неправильный выбор ими времени наступления на город. Начиная поход в сентябре, русские вынуждены были вести осаду Смоленска глубокой осенью и в начале зимы. Это ставило осаждавших в очень затруднительное положение. Кроме того, отсутствие четкой организации и единого плана осады оказали отрицательное влияние на военные операции. Вместе с тем недостаточность осадной техники ослабляла эффективность действий русских войск. Свое влияние, видимо, оказала и некоторая инертность жителей города, которые на этот раз не

[1] ПСРЛ, т. 13, стр. 16.
[2] Korzon. Dziese wojeni wojskowosci w. Polsce, т. 1, War., 1923, стр. 256.
[3] Иоасаф. лет., стр. 194.
[4] Pilaski. Stosunki z Mendli — Gireem, Kr., 1881, стр. 419.
[5] ЧОИДР, кн. 3, 1906, стр. 5—6.

выступили активно в поддержку русских войск, осаждавших Смоленск.

Однако русское командование не хотело признавать свои неудачи в борьбе за Смоленск и готовилось к новому наступлению.

Польско-Литовское государство, не чувствуя себя полностью готовым к отражению нового наступления русских, пытается зондировать почву для улаживания конфликта с Русским государством мирным путем с тем, чтобы выиграть время для подготовки своих войск к последующим военным действиям.

В декабре 1513 г. Сигизмунд направляет в Москву гонца с просьбой дать разрешение на въезд литовских послов в Русское государство. Но русские отказались вести переговоры с литовцами[1].

В марте 1514 г. Сигизмунд при встрече с представителем папы римского, кардиналом Эрдедом, заявил, что он готов заключить мир с Русским государством на условиях оставления Смоленска в руках Литвы[2].

В то же время Польско-Литовское государство интенсивно собирало силы для продолжения войны с русскими. В апреле 1514 г. для войска Сигизмундом было куплено 2060 коней и нанято 2 тысячи воинов[3]. Кроме того, в апреле — мае 1515 г. Сигизмунд дал свое согласие на наем в Польше 2200 конных воинов и затем еще 1600 кавалеристов[4]. Они должны были направиться к Смоленску. Кроме того, шли переговоры о найме солдат в Германии. Русские летописцы, отмечая широкие приготовления Сигизмунда к войне, пишут, что «Жигимонт, король польский, немалое войско, выправивши, так з Литвы, так и из Польши и вифлянт, послал и оных ку себе заголдовал»[5].

Тем самым, не ограничиваясь наемниками из Польши, Литва нанимает солдат и из других государств.

Для русских конец осени и зима 1513—1514 гг. прошли в подготовке к наступлению на Смоленск. К февралю 1514 г. войска были уже в сборе. В феврале же было решено начать военные действия против Литвы.

Помня, что неудачи первых двух походов на Смоленск во многом обуславливались осенним наступлением на город, русские на этот раз стремились закончить подготовку к наступлению ранней весной с тем, чтобы основные действия против литовцев развернуть в летние месяцы.

Для нового похода на Литву в Туле были сконцентрированы силы во главе с кн. А. В. Ростовским, И. Д. Курбским,

[1] ЦГАДА, ф. Литовской метрики, д. 7, лл. 516—517.
[2] П. Пирлинг, Россия и папский престол, т. 1, М., 1912, стр. 291.
[3] Акты Литовско-Русского государства, т. 1, М., 1901, стр. 155.
[4] Akta Tomicisna, т. 3, № 335, стр. 219.
[5] Сборник летописей, относящихся к истории Южной и Западной России. Киев, 1888, стр. 74—75.

А. Н. Бутурлиным. Это была одна из самых мощных русских войсковых частей, предназначенная для похода на Смоленск.

Русские войска, как и ранее, концентрируются в пунктах, наиболее удобных для наступления на Литву. Таким пунктом, кроме Тулы и других городов, становится Дорогобуж.

В конце 1513 г. сюда прибыли русские полки под командованием Д. В. Щени, М. Л. Глинского, И. А. Челяднева, которые должны были двинуться отсюда к Смоленску[1].

Это были авангардные силы русских войск, которые должны были обеспечить основным силам великого князя свободное действие в районе Смоленска.

Кроме того, в Великих Луках создавалась новая, не менее мощная группировка. Сюда из Новгорода с войсками направились В. В. Шуйский, И. Г. Морозов, которые и объединились здесь с войсками кн. И. Ростовского, И. А. Колычева, А. В. Сабурова.

Большое внимание было обращено на усиление инженерной части русских войск, готовились необходимые средства для осады, был увеличен артиллерийский парк. По сообщению современников, в новой осаде должно было участвовать значительное количество русской артиллерии. Так, Сигизмунд пишет, что в этой осаде участвовало 140 русских пушек, а Стрыйковский говорит о 300 русских орудиях[2].

Эти сообщения подтверждают значительную силу русской артиллерии, которая должна была обеспечить успех действий русских под Смоленском.

Закончив к лету сосредоточение своих войск, русские развернули наступление на Литву. В июле часть русских войск под командованием В. В. Шуйского и И. Ростовского была направлена из Великих Лук к Орше, угрожая Смоленску фланговым ударом. Это должно было отвлечь часть литовских сил от Смоленска и тем облегчить главным силам русских армий развертывание операций под Смоленском.

Пока передовые русские части действовали в Литве, главные силы русских войск 8 июня выступили из Москвы по направлению к литовской границе.

Из состава главных сил выделены отдельные отряды, которые должны были соединиться с войсками, уже ведшими операции на литовских землях, усилить их своими действиями, сковывать силы противника с тем, чтобы дать возможность главным русским армиям развернуть свои действия под Смоленском.

Поэтому еще до подхода к Смоленску главных сил сюда были направлены войска Б. И. Горбатого, которые, подойдя к городу, начали его осаду[3]. Однако для полного окружения города у русских еще не хватало сил, а поэтому на помощь осаждавшим Василий III направляет из состава главных сил крупные отряды под командованием Д. В. Щени, М. Д. Щенятева, М. Л. Глинского. «И те воеводы, пришед к Смоленску и град оступивши», говорят русские летописи[1]. Из этого следует, что осада Смоленска началась еще до похода главных русских сил.

Одновременно с наступлением на Смоленск русские совершают рейды на Оршу и Мстиславль, чем удалось сковать здесь значительные силы короля, которые должны были быть направлены к Смоленску[2].

Около 20 июля 1514 г. главные силы русской армии подошли к Смоленску и начали планомерную осаду города и крепости. Город подвергся мощному артиллерийскому обстрелу. Начальник русской артиллерии Стефан, удачно расположив орудия, нанес удар по противнику. Этот артиллерийский огонь прикрывал атаки русских войск. Великий князь «пушки и пищали около города установивши веле град со всех сторон и приступы великие чините без отдыха»,— говорит Никоновская летопись[3].

Все это дало свои результаты. В конце июля смоленский епископ Варсонафий, видимо, по согласованию с литовским командованием, обратился к Василию III с просьбой прекратить обстрел города. Однако великий князь потребовал сдачи Смоленска, а до тех пор отказался удовлетворить просьбу епископа. Тогда литовцам пришлось начать переговоры о сдаче русским Смоленска.

Переговоры литовцев с Василием III, видимо, связаны с деятельностью смоленских горожан. Являясь в большинстве своем русскими, жители Смоленска были сторонниками воссоединения этого города с Русским государством. Однако в первых русских походах активность горожан в этом направлении была не очень значительной. Но постепенно она увеличивается.

Во время третьего похода русских на Смоленск горожане, видимо, выступили уже гораздо решительнее, чем раньше. Эта позиция сыграла немалую роль в том, что уже вскоре после начала осады Смоленска литовцам приходится вступить в переговоры с Василием III.

Роль горожан также характеризуется одним интересным известием, сообщаемым Иоасафовской летописью. Она говорит, что для переговоров на предмет сдачи города направляется смоленский боярин Михаил Пивов «а с ним мещан и черных людей много»[4]. Вероятно, власти, видя симпатию горожан к русским, вынуждены были согласиться на их участие в переговорах. Может быть и так, что власти вынуждены были

[1] ДРК, стр. 55.
[2] Akta Tomiciana, т. 2, № 218.
[3] Иоасафовская летопись, стр. 195.

[1] Иоасафовская летопись, стр. 195.
[2] Akta Tomiciana, т. 3, № 210, стр. 156.
[3] ПСРЛ, т. 13, стр. 19.
[4] Иоасаф. лет., стр. 195.

включить их представителей в состав посольства, подчиняясь требованиям горожан.

Как видно, роль смоленских горожан в воссоединении Смоленска с Русским государством была велика. Именно они ускорили взятие Смоленска русскими войсками.

Поэтому нельзя не согласиться с мнением советского историка В. Мальцева, который писал: «Очевидно, Москве помогли не столько новые пушки и пушкари, выписанные из-за границы, сколько социальное противоречие среди социальных групп защитников города. Можно догадываться, что в Смоленске настроения мелких бояр, мещан и черных людей должны были складываться в пользу Москвы»[1].

Этот верный вывод В. Мальцева хотелось бы подкрепить одним фактом. Характерно, что среди участников посольства М. Пивова, по словам летописи, нет бояр и других представителей высших властей. Видимо, не желая переходить на сторону русских, они не приняли участия в посольстве.

В ходе переговоров, стремясь укрепить свое влияние на жителей Смоленска, Василий III дал жалованную грамоту, подтверждавшую его старинные привилегии.

Прежде всего она подтверждала привилегии землевладельцев смоленской земли. В ней, в частности, говорилось: «...есми пожаловал околничьих и князей и бояр и всех людей Смоленския земли которые их вотчины за ними и что на прежних государях выслужили, нам в те вотчины не вступатися»[2]. Тем самым, сохраняя у смоленских землевладельцев их вотчины, великий князь стремился привлечь их на свою сторону и добиться поддержки ими русских для продолжения борьбы против Литвы.

Грамота учитывала и интересы купечества Смоленска. В ней указывалось «так же есмя пожаловали смолян, мещан и черных людей весчим с которого товару имали весчего наперед сего, с воску и с меду, и с соли и с иного товару тем есмя их пожаловал мещаном и черным людем то весчее имати на себя»[3].

Тем самым русские проявляли достаточную гибкость в отношении жителей Смоленска. Своей политикой относительно местных землевладельцев они привлекали их на свою сторону, а политикой в отношении торгово-ремесленного населения они настроили его лояльно по отношению к Москве.

В результате переговоров русские добились сдачи Смоленска. 1 августа 1514 г. они вступили в город. Д. В. Щеня, заняв город, привел жителей к присяге на верность Русскому государству. В. В. Шуйский был назначен смоленским наместником. Смоленск вновь вошел в состав Русского государства.

В Западной Европе падение Смоленска вызвало разные суждения, но все они сходились на одном — что Русское государство стало такой силой, что бороться с ним очень тяжело. Взятие Смоленска русскими сильно подняло авторитет Русского государства в Европе.

Взятие Смоленска было большой победой русского оружия.

Русское государство не только воссоединило смоленские земли, но и получило первоклассную крепость, обладание которой давало возможность русским держать в напряжении всю линию литовской границы. Опираясь на Смоленск, русские получили возможность активизировать свои действия против Литвы с тем, чтобы полностью воссоединить русские земли, захваченные Литвой. Кроме того, переход Смоленска в руки Русского государства привел к усилению борьбы русского населения Литвы за воссоединение с Москвой.

Воссоединение Смоленска и смоленских земель имело для Русского государства также и большое экономическое значение. Благодаря этому, к Русскому государству отходил очень важный в экономическом отношении район. Как указывается в «Очерках истории СССР», «воссоединение Смоленска с основными русскими землями в 1514 г. вело к дальнейшему расширению связей Русского государства».

Войдя в состав Русского государства, Смоленск стал одним из важнейших экономических и военных пунктов страны на ее западных границах. Через него Русское государство связывается с Литвой, Украиной, Прибалтикой, что способствовало дальнейшему развитию народного хозяйства России.

В то же время Смоленск стал одной из важнейших крепостей на западной границе Русского государства, прикрывая подступы к Москве. И здесь он вписал ряд славных страниц в историю борьбы русского народа против иноземных захватчиков.

---

[1] В. Мальцев. Борьба за Смоленск (XVI—XVII вв.). Смоленск, 1940, стр. 78.

[2] Собрание государственных грамот и договоров, т. I, М., 1813, № 148, стр. 412.

[3] Там же.

В. А. Балашов

СОВРЕМЕННЫЙ КУЛЬТУРНЫЙ ОБЛИК СЕЛА НОВЫЕ ВЫСЕЛКИ

Вопросы, связанные с культурно-бытовым укладом мордовской колхозной деревни, до сих пор остаются недостаточно изученными. Эта причина побудила нас поставить вопрос о культурном облике современного мордовского села целью данной статьи.

За объект исследования нами взято село Новые Выселки Зубово-Полянского района Мордовской АССР. При написании статьи были использованы полевые материалы, собранные во время неоднократных посещений этого села, результаты бесед с жителями Новых Выселок, с местными партийными и советскими руководителями, а также материалы районной газеты «Свет Октября».

Село Новые Выселки находится в северо-западной части Зубово-Полянского района Мордовской АССР. Живет в данном селе мордва-мокша. Расположено оно в 12-ти км от железной дороги и районного центра Зубово-Поляна. По селу проходит государственная шоссейная автотрасса Москва—Куйбышев, проложенная в годы Великой Отечественной войны. Одна сторона улицы называется «Алда бока» (Нижняя сторона), вторая—«Вярде бока» (Верхняя сторона). Между селами Новые Выселки и Покров. Селищи течет небольшая речка Чиушь, которая впадает в реку Парца.

В селе 520 дворов. Население на 1 января 1965 года составляло 2040 человек.

Новые Выселки—старинное мордовское село. Время возникновения села остается пока невыясненным. Предания связывают его основание с неким Боздуновым Фомой Артамоновичем, жителем Старого села (Сире веле)[1], который во второй половине XVIII века во время правления Елизаветы переселился к грунтовой дороге, соединяющей Москву с Саратовым. Там

[1] В настоящее время оно называется Покров. Селищи. Расположено в 1 км от Новых Выселок через речку Чиушь.

он со своей семьей построил домик, который служил постоялым двором. Позднее к этому двору стали поселяться другие. С тех пор это поселение получило название Боздуновка, по фамилии первого поселенца.

После Октябрьской социалистической революции село было переименовано. Оно стало называться Новые Выселки, т. к. жители были переселенцами из Старого села. Но до сих пор в разговоре местного населения чаще можно слышать старое название Боздуновка или, более смягченно, Бызновка. К сожалению, нам не удалось обнаружить письменных источников о происхождении данного села, поэтому трудно судить насколько достоверно это предание. Но мы сочли нужным отметить его, т. к. жителями этих мест сложена песня об основателе села Ф. А. Боздунове, которая бытует и до сих пор; более того, имеется в селе несколько семей, носящих фамилию Боздунов, что в известной степени подтверждает описанное предание.

В официальных документах Новые Выселки, как нами установлено, упоминаются в сборнике статистических сведений по Тамбовской губернии за 1883 год, где даны материалы подворной переписи 1882 г.

До Великой Октябрьской социалистической революции население Новых Выселок, как и весь мордовский народ, принадлежало к числу наиболее отсталых и забитых. Крестьяне, занимающиеся хлебопашеством, постоянно ощущали недостаток земли, имеющиеся у них земельные наделы в основном были недоброкачественны и состояли из нескольких разрозненных участков, отдаленных от села на 17—20 км. Орудиями обработки почвы у крестьян Новых Выселок были соха и борона. Для уборки хлебов употреблялся серп, иногда коса с граблями. Молотьба производилась ручными деревянными цепами. Появившиеся в конце XIX века в селе сельскохозяйственные машины—молотилки с конным приводом и жатки-самосбросы—были достоянием только кулацких хозяйств.

Материально-бытовые условия трудового населения были очень тяжелыми. Жили впроголодь, ютились в курных, топившихся в основном по-черному избах и полуземлянках. Спали на скамейках, полатях. Постельной принадлежностью служили рогожи, соломенные маты или будничная верхняя одежда. Осветительными приборами были лучины или коптилка. По праздникам некоторые семьи пользовались керосиновыми лампами. В свободное от полевых работ время женщины пряли пряжу, ткали ткань, вышивали, а мужчины занимались домашним ремеслом или уходили на заработки.

Для одурманивания граждан в селе было два питейных дома, 8 кулацких лавок и 1 церковь[1].

[1] Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии, т. 5 («Спасский уезд»), 1883 г., стр. 37.

Число грамотных среди нововыселковцев было очень мало, хотя имелись две небольшие школы: одна церковно-приходская, другая — земская. Это объясняется тем, что родители, живя в плохих материальных условиях, не имели возможности давать своим детям хотя бы начальное образование и, кроме того, преподавание велось на русском, малопонятном для детей языке. О грамотности граждан села Новые Выселки свидетельствует приведенная таблица, которая составлена на основе данных подворной переписи 1882 г.

Название населенного пункта	Численность населения			Число грамотных		Общий % грамотности населения
	мужчин	женщин	всего	среди мужчин	среди женщин	
с. Новые Выселки	1288	1357	2645	117	—	4,5

Основной целью школ являлось привитие детям веры в бога и царя.

Учительница-пенсионерка Бабина Анна Ефремовна, окончившая Нововыселскую церковно-приходскую школу, вспоминает: «В школе грамоте учили нас мало, больше времени проводили в церкви, где хорошо владеющие голосом пели молитвы в хоре певчих, а другие слушали. Учил нас сельский дьячок. Поскольку он работал по совместительству, то в дни многочисленных религиозных праздников занятий в школе не было. Дьячок частенько приходил в класс изрядно подвыпившим. Занятия должны начинаться с 15 октября и продолжаться до 1 мая. Но мы являлись в школу, как правило, первого ноября, да и с этого времени очень часто пропускали занятия по причине домашних работ, зимних холодов. Иногда занятия на долгое время прекращались из-за эпидемических заболеваний: корью, скарлатиной, тифом и т. д.».

Следовательно, обучение и воспитание учащихся в Новых Выселках носило формальный характер. В. И. Ленин, характеризуя в целом дореволюционную систему образования, писал: «Школа была целиком превращена в орудие классового господства буржуазии, она вся была проникнута кастовым буржуазным духом, она имела целью подготовить капиталистам услужливых и толковых рабочих»[1].

Однако, несмотря на исключительно тяжелые экономические условия жизни и бесправное положение, население Новых Выселок обогащало свою самобытную культуру. Об этом свидетельствуют произведения устного народного творчества, со-

[1] В. И. Ленин, ПСС, т. 28, стр. 68.

бранные в 1965 году учительницей Нововыселской средней школы Р. М. Соколовой. Ею записано 43 песни, 10 сказок, 26 заговоров, 150 частушек, 40 примет, 243 пословицы. Тематика собранных фольклорных произведений различна: семейно-бытовая, трудовая, рекрутская, лирическая и т. д. В них, как в зеркале, отражалась тяжелая жизнь мордовского народа в прошлом, при царизме. В одной из песен говорится:

Боздуновка деревушка, бедная деревушка,
Много лет видевшая нужду.
Большие у нее были леса, поля,
Еще больше было нужды и горя.

Колхозный строй окончательно освободил крестьян от кулацкой зависимости и вывел их на широкую дорогу зажиточной и культурной жизни. Бесследно ушли в прошлое нищета, бескультурье и рабская приверженность крестьян к частной собственности, к своему клочку земли.

В ходе социалистического строительства коренным образом изменилось и лицо мордовской деревни. Сейчас в селе имеются: средняя школа, размещенная в двухэтажном кирпичном здании, интернат для учащихся из других сел, книжный и продовольственный магазины, буфет, пекарня, клуб, почтовое отделение, библиотека, медицинский пункт, родильный дом. Село электрифицировано и радиофицировано.

Новые Выселки являются центральной усадьбой колхоза имени М. И. Калинина, объединяющего 10 населенных пунктов: Новые Выселки, Зарубкино, Сбродовка, Красавка, Каргалы, Кельгинино, Покров. Селищи, Аким-Сергеевка, Могиловка, Од веле. Председателем этой сельскохозяйственной артели работает Булкин Данил Федотович, по национальности мордвин, уроженец села Новые Выселки. Его жизненный путь тесно связан со своим селом. На его глазах преобразовалось лицо родного села. Д. Ф. Булкин родился в 1902 году в крестьянской семье. До Октябрьской революции он работает в хозяйстве своего отца. После свершения социалистической революции Д. Ф. Булкин принимает активное участие в упрочении Советской власти. В 1924 году его избирают членом группы по ограничению кулачества. С организацией колхоза Д. Ф. Булкин работает заведующим животноводческой фермой. В 1936 году был избран заместителем председателя колхоза, спустя год его как инициативного и опытного работника переводят бригадиром Зубово-Полянского сортоиспытательного участка. В 1941 году Д. Ф. Булкин уходит на фронт. Получив тяжелое ранение в битве с фашистами под Москвой, лечится в госпитале, а по выздоровлении возвращается в свое родное село, в 1942 году колхозники избирают его председателем колхоза. С 1942 года по настоящее время, почти четверть века,

Д. Ф. Булкин бессменно работает председателем колхоза им. М. И. Калинина. Он неоднократно выступал и выступает в печати — районной и республиканской газетах, в блокноте агитатора по вопросам развития сельского хозяйства. Д. Ф. Булкин является депутатом Верховного Совета МАССР с 3 по 6 созыв, был делегатом XXI съезда КПСС. Советское правительство наградило его орденом Трудового Красного Знамени, медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», «За отвагу», «За оборону Москвы».

Так выходец из мордовской крестьянской семьи стал видным колхозным руководителем.

Коллективное хозяйство, руководимое тов. Д. Ф. Булкиным, из года в год повышает общественные фонды, увеличивает свой машинно-тракторный парк. Рост обеспеченности сельскохозяйственной и транспортной техникой колхоза им. М. И. Калинина характеризуют следующие цифры: если в 1960 году в колхозе было: тракторов — 23, зерноуборочных комбайнов — 11, автомашин — 20, то в 1965 году тракторов — 27, зерноуборочных комбайнов — 12, автомашин — 23.

Основные средства и средства на капиталовложения за 1960—64 гг. также значительно выросли. В 1960 году они выражались в сумме 599480 руб., в 1964 году — 1002552 руб.

Колхоз им. М. И. Калинина имеет многоотраслевое хозяйство, которое оснащено новейшей сельскохозяйственной техникой, имеет достаточное количество квалифицированных кадров, а именно: трактористов-машинистов широкого профиля — 69, комбайнеров — 12, шоферов — 23, механиков — 2, электриков — 3, электромонтеров — 1, кузнецов — 4, слесарей — 1, токарей — 2, электросварщиков — 2, ремонтников — 4. Специалисты сельскохозяйственного производства постоянно повышают свою квалификацию, стремятся, чтобы их знания и опыт стали достоянием других. Примером может служить знатный механизатор села А. П. Коняшкин. Он бессменно, более двадцати пяти лет, работает комбайнером в колхозе имени Калинина. В изданной в 1963 году брошюре «Четверть века за штурвалом» делится своим опытом высокопроизводительного использования комбайнов различных марок. Все это свидетельствует об огромных изменениях в хозяйственной и культурной жизни нововыселковцев, происшедших за годы Советской власти.

С ростом общественных фондов жители всего колхоза, в том числе и нововыселцы, неуклонно повышают свое материальное благосостояние. Так, например, Ширяйкин Тихон Александрович работает в колхозе конюхом, его жена — в полеводческой бригаде. Они на заработанные средства в 1961 году построили трехкомнатный кирпичный дом. Крыша покрыта шифером. Приобрели современную мебель: стол, диван, шифоньер, 6 стульев, 3 никелированные кровати. Полы крашены масляной краской. А в целом по селу по состоянию на 1 декабря 1965

года было радиоприемников — 145, швейных машин — 134, шифоньеров — 68, велосипедов — 205, мотоциклов — 15, легковых машин — 4, стиральных машин — 6, гармоней — 24.

Вместо традиционных однокомнатных изб построены пятистенные дома, в которых имеются кухня, спальня, гостиная. Их число в настоящее время составляет по всему селу 182. Внешнее оформление вновь строящихся домов не имеет ничего общего с оформлением старых мордовских жилищ. Крыши в подавляющем большинстве кроются шифером, железом или тесом, окна большие, двухстворчатые, наличники, как правило, резные и покрашены.

Наряду со строительством новых домов идет перестройка старых, значительно увеличиваются их размеры. К старым домам пристраивают деревянные трехстенки, в результате чего жилая площадь домов увеличивается.

Изменилась и внутренняя обстановка жилья колхозников. Вместо самодельных деревянных кроватей, лавок в домах появились стулья, никелированные кровати, шифоньеры, этажерки, швейные машины и т. д. Полы в домах покрашены масляной краской. Колхозники пользуются бытовыми электроприборами.

Говоря о современном сельском жилище, следует отметить, что здесь происходит процесс постепенного сближения культурных и бытовых условий деревни с городом. Усовершенствования конструкций дома, стремление к многокомнатности, к лучшей внутренней отделке жилых помещений есть свидетельство этого процесса.

Одним из определяющих факторов подъема культурного уровня села является народное образование. В Новых Выселках имеется средняя школа, где в 1964/1965 учебном году обучалось 535 учащихся, из них 438 проживают в селе Н. Выселки. Для сравнения уместно указать, что в 1870 году здесь обучалось 33 учащихся[1], а в 1882 году — 54[2], причем в том и в другом случае только мальчики, девочки не обучались.

В настоящее время школа имеет необходимые учебно-наглядные пособия, кабинеты химии, физики, биологии, спортивный зал, буфет, пионерскую комнату. Преподавательский состав в основном состоит из учителей коренной национальности, из 35 преподавателей школы — 29 мокша, остальные 6 человек по национальности русские, которые, работая долгое время в данной школе, или владеют мордовским языком, или неплохо понимают его. Тринадцать преподавателей имеют высшее образование, семь человек — незаконченное высшее, остальные

---

[1] Тамбовские епархиальные ведомости, № 2, 1870, стр. 25.
[2] Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии. Спасский уезд, 1883, стр. 34—35.

пятнадцать учителей — среднее педагогическое. Из всего педколлектива 12 человек учатся заочно в высших учебных заведениях Москвы, Саранска, Пензы и т. д. Многие педагоги являются бывшими учениками Нововыселской средней школы.

Заслуживает интерес работа школьного интерната, который обслуживает учащихся ряда отдаленных населенных пунктов, обучающихся в Нововыселской школе. Интернат расположен в двухстах метрах от школы в деревянном здании. В комнатах общежития поставлены железные койки, между ними тумбочки для книг, канцелярских принадлежностей и пр. Ежедневно совет интерната назначает дежурного, который подметает пол, носит воду для умывальников, кухни и мытья полов. Для всех живущих здесь детей установлен определенный порядок — расписание, которое приучает их правильно планировать свое время. В субботу после занятий учащиеся разъезжаются по домам.

Много внимания уделяется в школе привитию детям практических трудовых навыков. Уже в 1—4 классах знакомятся с особенностями своего края, с работой колхозных ремонтных мастерских. На пришкольном участке приобретают навыки выращивания плодовых деревьев, полевых и огородных культур. Учащиеся 5—8 классов на уроках по столярному и слесарному делу изготовляют необходимые для школы предметы: табуретки, скамейки, подставки для цветов, ведра и т. д. С 9 класса школьники начинают осваивать специальность полевода-механизатора.

За школой закреплен земельный участок площадью в 8 га, который ежегодно обрабатывается силами ученического коллектива. Насколько тщательно обрабатывается и подкармливается почва, говорят данные об урожае за 1964 год. Урожай проса с двух гектаров получили по 20 ц с га, картофеля с площади 5 га получили по 145 ц с гектара, капусты с одного га получили 265 ц. Приведенные данные являются наглядным примером трудолюбивого отношения учащихся к производственному обучению. Собранный с пришкольного участка урожай дал чистой прибыли школе 5800 рублей. На вырученные деньги в 1964/65 учебном году 25 лучших учеников во время летних каникул ездили на 10 дней в Ленинград на экскурсию; во время зимних каникул большая группа учащихся ездила в Москву, в Лермонтово, на озеро Имарка, в Темниковский заповедник; 80 учащихся в группах продленного дня целый учебный год были обеспечены бесплатным 3-разовым питанием из трех блюд. Из 46 учащихся, живших в школьном интернате, 20 платили за жилье и питание 25% положенной суммы, т. е. вместо 20 рублей — 5 рублей.

Это материальное поощрение учащихся сыграло важную роль в повышении успеваемости и привитии любви к физическому труду.

Другой формой воспитательной работы, оказывающей влияние на подъем культурного уровня молодежи села, является внешкольная работа с учащимися. В продолжение многих лет в школе работают различные кружки: физический, химический, спортивные, литературный, хоровой, драматический, столярный и др. Родители охотно отпускают своих детей на занятия в этих кружках. Например, колхозник Гришанин С. В., посетив выставку экспонатов, изготовленных руками учащихся, отозвался о работе учителей так: «Я благодарен педагогическому коллективу за то, что моему сыну он дает не только теоретические, но и творческие трудовые навыки. Умелые руки у наших ребят!»

Много времени учащиеся уделяют внеклассному чтению. Каждый ученик пользуется школьной и сельской библиотекой. Школьники являются лучшими пропагандистами художественной литературы среди колхозников. Они под руководством учителей организуют читательские конференции, куда приглашают колхозников села. В школе избран совет библиотеки из 5 учителей, а для подготовки юных библиотекарей из среды учащихся организован совет «Юный помощник библиотекаря».

Среди колхозников села большим успехом пользуется детская художественная самодеятельность. У школьников стало уже традицией в дни советских праздников, на общешкольных родительских собраниях, в период уборочной кампании выступать с концертами, и нововыселцы с желанием идут на эти ученические концерты.

Ученический хор состоит из 112 человек, из них 40 мальчиков. Он исполняет мордовские и русские песни. Тепло встречают колхозники исполнение таких песен как «Авкай, моляк мон вирев» (Мама, я иду в лес), «Умарина» (Яблоня), «Луганяса келунясь» (На лугу березка), «Самсон ляляй» (Дядя Самсон), «Мирти — Мир» (Миру — мир) и др. песни. С интересом смотрятся мордовские танцы и пляски в исполнении учащихся.

Школьная художественная самодеятельность развивает у колхозников села художественные вкусы и расширяет эстетический кругозор.

В воскресные дни в школе работает клуб выходного дня, где дети вместе проводят свой отдых: организуют шахматно-шашечные турниры, просматривают детские кинофильмы, отправляются в походы и т. д.

Нововыселская школа ведет большую пропаганду по разъяснению методов воспитания детей. Это делается на классных и общешкольных родительских собраниях, в индивидуальных беседах, что дало возможность абсолютному большинству родителей понять, что такое правильный режим школьника, и стараются по возможности организовать его в семье.

После окончания 8-летней школы подавляющее большинство учащихся продолжают учебу в 9 и 10 классах.

За 1958—64 гг. Нововыселскую среднюю школу окончили 37 юношей и девушек. Из них поступило в разные вузы 15 человек, в техникумы 5 человек, устроились на фабрично-заводскую работу 11 человек, в колхозе осталось 6 человек.

Для молодежи, не имеющей среднего образования, но желающей его получить, при школе организован учебно-консультативный пункт.

Значение заочного обучения в средней школе села Новые Выселки с каждым годом возрастает. Если в 1959/60 уч. году при консультпункте обучалось 4 человека, то в 1964/65 уч. году —23.

Выпускники Нововыселской средней школы продолжают свое образование в очных и заочных высших учебных заведениях Москвы, Ленинграда, Рязани, Пензы, Саранска и др. городов. Некоторые воспитанники этой школы и уроженцы Новых Выселок работают в разных городах нашей страны. Например, Снопов Н. Е. окончил высшее техническое училище им. Баумана и в настоящее время работает на одном крупном заводе г. Москвы, Беляев Е. П. работает председателем районного исполнительного комитета в Краснослободском районе Мордовской АССР.

Характерно в этом отношении отметить семью колхозника Учамбрина С. Е. Его сын Учамбрин М. С. окончил военно-морскую академию и судостроительный институт. В настоящее время работает в городе Николаеве. Второй сын Учамбрин В. С. окончил Мордовский государственный университет. Учамбрин Ф. С. окончил гидромелиоративный техникум. 2 дочери после окончания Зубово-Полянского педагогического училища работают учителями начальных классов.

Говоря о современной культуре села, необходимо привести данные о грамотности населения Новых Выселок по состоянию на 1965 г. (см. таблицу на стр. 169).

Приведенные данные показывают, что процент грамотности населения, начиная со школьного возраста, равен 93,5, следовательно, в 1965 году неграмотных в селе было 6,5, и этот процент, как видно, падает на самое старшее поколение. Все это достигнуто благодаря претворению в жизнь ленинской национальной политики.

Особое место в быту жителей Новых Выселок занимает сельский клуб[2]. Он расположен в центре села. Помещение клуба, хотя небольшое, но оформлено с большой любовью: на стенах висят портреты В. И. Ленина и руководителей нашей

[1] Данные взяты в похозяйственных книгах Нововыселского с/совета по состоянию на 1 января 1965 года и уточнены в школе и в Зубово-Полянском РОНО.

[2] Он в наши дни явно не удовлетворяет население села. Идя навстречу растущим культурным потребностям колхозников, правление колхоза запланировало в 1966 г. строительство клуба на 400 мест.

Возраст	Численность населения			Мужчин			Женщин		
	всего	грамотных	то же в %	всего	грамотных	то же в %	всего	грамотных	то же в %
7—18	535	535	100	270	270	100	265	265	100
19—30	208	208	100	101	101	100	107	107	100
31—40	230	230	100	90	90	100	140	140	100
41—50	169	169	100	52	52	100	117	117	100
51—60	197	186	94,4	32	32	100	165	154	92,7
61—свыше	237	146	61,6	45	35	77,8	192	106	56,2
Итого	1576	1474	93,5	590	580	98,3	986	889	90,1

партии и правительства, красочные политические плакаты, а также различный местный материал (стенная газета, боевой листок, диаграммы, отражающие хозяйственный рост колхоза).

Работа клуба разнообразна по своему содержанию. Здесь проводится основная лекционная работа, демонстрируются кинофильмы, работают кружки художественной самодеятельности, проводятся вечера отдыха, читательские конференции, диспуты и т. д.

Иногда в клубе выступают профессиональные драматические и концертные коллективы из городов Саранска, Рязани, Пензы. Но выступления таких коллективов бывают редко, хотя в них потребность очень высока. Нововыселцы хотят чаще видеть на сцене своего клуба артистов-профессионалов.

Повседневной насущной потребностью населения стало кино, которое является могучим фактором повышения культуры и оказывает все большее влияние на культурное развитие села.

В клубе установлена стационарная киноаппаратура. Ежедневно демонстрируют кинофильмы в два сеанса: детский и взрослый. Зрительный зал всегда бывает полон. В кино идет не только молодежь, но и мужчины и женщины старшего возраста. Большой популярностью, особенно у молодежи, пользуются фильмы о спорте, на бытовые темы и о молодежи.

Последние годы все чаще демонстрируются фильмы об эффективных методах, применяющихся в животноводстве, в зерновом хозяйстве, и о передовиках сельского хозяйства. Не меньше интересуют колхозников и кинокартины, отражающие общественно-политическую и культурную жизнь нашей страны, события за рубежом, достижения науки и техники.

Особым спросом пользуются киножурнальные хроники из жизни Мордовии. Как правило, при демонстрации таких

журналов в зрительном зале начинается оживление. Жители изъявляют все больше желания видеть на экране передовиков сельского хозяйства и промышленности, эпизоды из экономической и культурной жизни Мордовии.

Одним из недостатков в работе клуба является то, что мало еще демонстрируют детские фильмы, хотя спрос на них очень велик.

Определенное место в работе клуба занимает сельская художественная самодеятельность. В ее коллектив входят колхозники от 19 до 30 лет, школьники старшего возраста. В летний период в кружки художественной самодеятельности включаются приехавшие домой на каникулы студенты.

В репертуар концерта входят русские и мордовские народные и современные песни, частушки, интермедии на местные темы, одноактные пьесы. Русские и мордовские народные песни чаще всего поют во время массовых гуляний или на работе во время отдыха. Большой популярностью пользуются песни «Из-за острова на стрежень», «Коробейники», «Степь да степь кругом»; мордовские песни «Авкай, молян мон вирев» (Мама, я иду в лес), «Мес пяк аварди мазы Веранясь» (Почему сильно плачет красавица Вера).

При составлении репертуара концерта проявляется и творчество самих участников, особенно в составлении частушек и интермедий на местные темы. Авторами частушек преимущественно являются девушки. Составляют их больше на русском языке. Хотя частушка и сейчас занимает большое место в репертуаре нововыселского художественного коллектива, но она заметно начинает уступать массовой песне.

Нужно будет отметить, что почти во всех клубах Зубово-Полянского района, в том числе и Нововыселского, заведующие не имеют специального образования, что отрицательно сказывается на работе клубов. Правда, хотя при районном Доме культуры проводятся семинары с заведующими сельских клубов, но этого недостаточно.

Говоря о работе сельского клуба, следует сказать, что помимо организации художественной самодеятельности, демонстрации кинокартин и чтения лекций, он вместе с колхозниками должен решать актуальные общественные и производственные задачи, стоящие перед колхозом.

В этом отношении работа Нововыселского клуба заслуживает одобрения. Несмотря на то, что заведующий клубом П. А. Ацепаев не имеет специального культурно-просветительного образования, он хорошо овладел ведением клубного дела. В этом ему помогают сельская партийная и комсомольская организации, сельский Совет, правление колхоза и учительский коллектив.

Значительное место в культурной жизни Новых Выселок занимает деятельность сельского лектория.

Организацией лекционной пропаганды в селе занимается лекторская группа, куда входят тринадцать учителей, секретарь партийной организации колхоза, фельдшер, агроном и зоотехник. Руководит этой группой директор средней школы Б. К. Тулаев. В 1964 году силами лекторской группы прочитано лекций на общеполитические темы 19, сельскохозяйственные — 23, о жизни и деятельности В. И. Ленина — 12, на антирелигиозную тему — 10, медицинскую — 17, по вопросам эстетики — 13, о достижениях советской науки и техники — 6 и др. За год всего прочитано более 100 лекций. Помимо местных лекторов, с лекциями выступали пропагандисты Зубово-Полянского райкома партии и города Саранска. Во время уборочной кампании большинство лекций проводится непосредственно на рабочих местах.

Колхозники интересуются хозяйственно-политической жизнью своей Родины, Мордовской республики, вопросами международной жизни, развитием отечественной науки и техники, литературы и искусства. Секретарь лекторской группы, преподаватель истории Андронов М. Ф. рассказывает: «Нам, лекторам, сейчас приходится очень тщательно готовиться к лекциям. Слушатели заметно изменились, их кругозор стал гораздо шире. Они интересуются событиями в нашей стране и за рубежом, достижениями сельского хозяйства, науки и техники. После выступления лектору задают вопросы, высказывают свое мнение. Особенно живо и интересно проходят лекции непосредственно на рабочих местах колхозников. У механизаторов, свинарок, телятниц, доярок — у каждого свои интересы, и лектор все это должен учитывать».

Видное место в лекционной пропаганде занимают вопросы коммунистической морали. Воспитать человека, отвечающего требованиям морального кодекса коммунизма — значит наряду с другими задачами необходимо изжить все пережитки, унаследованные от эксплуататорского государства, к которым относятся и религиозные предрассудки. В этом плане в селе проводятся лекции и беседы. Их тематика бывает разнообразна. Например, «В. И. Ленин о религии», «Физические явления в природе», «Религиозные суеверия», «Возникновение религии», «Религия и быт» и др.

Религиозные предрассудки в селе Новые Выселки с каждым годом все более изживаются. Если в двадцатых годах нашего века выход на улицу, в клуб перед большими религиозными праздниками и в субботу категорически запрещался со стороны родителей, то в настоящее время клуб посещают в любое время.

Однако следует указать, что еще до сих пор в селе сохраняются некоторые религиозные верования и обычаи. Имеют еще место крестины новорожденного, в большинстве случаев в домашней обстановке, венчания, некоторые семьи в домах

держат иконы. Правда, им молятся только старухи, а женщины, не говоря уже о мужчинах, примерно в возрасте 50—55 лет, не молятся. Когда мы спросили в одной семье: «Зачем вы держите иконы?», последовал ответ: «А как же, другие держат, и мы держим». Многие иконы держат не как божье лико, а как украшение переднего угла.

Довольно устойчивы традиции у нововыселцев в ритуалах поминания умерших. Многие семьи до сих пор справляют религиозные праздники, особенно такие, как «очижи» (пасха), «роштува» (рождество) и др. В их праздновании принимает участие и некоторая часть молодежи села, устраивает хороводы, гулянки, хотя она и не верит в бога. Беседы со многими молодыми людьми убедили нас в этом.

Так почему же до сих пор в селе, культурный облик которого сильно возрос, держатся религиозные пережитки, многие граждане села, не веруя в бога, отмечают религиозные праздники?

Одной из причин устойчивости этого явления, на наш взгляд, является то, что в селе еще не получили широкого распространения советские обряды и обычаи, которые можно было бы противопоставить религиозным обрядам, тогда как во многих республиках, областях нашей страны им уделяется большое внимание[1]. В отдельных районах и городах организуются комиссии гражданских обрядов, комиссии советских традиций, строятся дома и дворцы для торжественной регистрации гражданских браков и записи новорожденных, устраивают торжественные проводы в Советскую Армию, комсомольские свадьбы и т. п.

Ничем не объясним тот факт, что до сих пор организованно не отмечают в Новых Выселках начало и конец сельскохозяйственных работ.

На расширение кругозора и тем самым культуры жителей села оказывает положительное влияние работа сельской библиотеки. Она занимает просторную комнату площадью 8×7 м. В ней читатели имеют свободный доступ к книгам. Помещение оформлено стендами «Ленин всегда живой», «Читайте книги по сельскому хозяйству», «В помощь животноводам Мордовии», «Уголок атеиста», «Русские писатели и поэты». Имеются аннотации к отдельным книжным новинкам.

В настоящее время книжный фонд библиотеки составляет

[1] Л. Н. Терентьева, Формирование новых обычаев и обрядов в быту колхозников Латвии, «Советская этнография», № 2, 1961. Калитс В., Изучение новых семейных обрядов в Эстонии, «Советская этнография», № 4, 1965.

Л. А. Файнберг, Н. Ф. Мокшин, За новое в быту, «Литературная Мордовия», № 4, 1964 и др.

6356 наименований[1], читателей библиотеки 492[2], среди них колхозники, механизаторы, пенсионеры, учителя, учащиеся. Число читателей не ограничивается числом абонентов библиотеки. Как уже говорилось выше, многие колхозники пользуются книгами школьной библиотеки через своих детей, братьев и сестер. Большинство читателей мужчины. Меньше всего читателей среди женщин в возрасте свыше 40 лет.

Во многих семьях имеются личные библиотечки. Многие книги личных библиотек становятся достоянием читателей села.

Одним из недостатков сельской библиотеки является то, что она не всегда комплектуется с учетом потребностей читателей. Мало книг по отдельным вопросам полеводства и животноводства. Особенно плохо обстоит дело с популяризацией мордовской художественной литературы. Некоторые даже не знают, что есть те или другие художественные произведения, написанные мордовскими писателями. Мало проводится читательских конференций по изданиям писателей Мордовии.

Наглядным показателем роста культуры села Новые Выселки также является распространение периодической печати. Для нововыселцев в настоящее время иметь дома газету или журнал становится необходимой потребностью. В 1965 году в селе Новые Выселки выписывали следующие газеты:

Перечень выписываемых газет в 1965 г.

№№ п/п	Наименование газет	Всего выписано газет	Выписано	
			населением	учреждениями
1	„Правда"	20	17	3
2	„Известия"	11	10	1
3	„Сельская жизнь"	66	64	2
4	„Комсомольская правда"	86	79	7
5	„Учительская газета"	24	23	1
6	„Пионерская правда"	143	138	5
7	„Советская Мордовия"	73	66	7
8	„Мокшень правда"	26	21	5
9	„Молодой ленинец"	86	79	7
10	„Свет Октября"	12	9	3
11	Другие газеты			
	Итого:	497	454	43

[1] На август 1965 года в книжном фонде библиотеки насчитывалось 3624 экз. художественной литературы, 669 — сельскохозяйственной, 650 — научно-популярных брошюр. Кроме этого, библиотека получает большое количество журналов и газет.

[2] Из 492 читателей: школьного возраста 269, от 19 до 30 лет — 128, от 30 до 40 лет — 43, от 40 и свыше — 48, студентов, приехавших на каникулы, — 4.

Перечень выписываемых журналов в 1965 году

№№ п/п	Наименование журналов	Всего выписано журналов	Выписано	
			населением	учреждениями
1	„Крестьянка"	34	31	3
2	„Веселые картинки"	26	26	—
3	„Здоровье"	18	15	3
4	„Крокодил"	17	15	2
5	„Работница"	12	12	—
6	„За рулем"	13	12	1
7	„Мурзилка"	9	8	1
8	„Огонек"	5	4	1
9	„Сельский механизатор"	5	4	1
10	„Роман-газета"	6	5	1
11	Другие журналы	75	47	28
	Итого:	223	186	37

О росте культурного уровня села говорит и то, что в Новых Выселках имеется фельдшерско-акушерский пункт и колхозный родильный дом, оснащенные современным медицинским оборудованием. В них работают фельдшер и акушерка со средним медицинским образованием.

До Великой Октябрьской социалистической революции население села Новые Выселки не могло и мечтать о медицинской помощи, так как ближайшая больница находилась в 17 км от села в уездном городе Спасске. Профилактическая работа среди населения не проводилась, из-за чего частым явлением в селе были эпидемические и социальные заболевания: корь, скарлатина, тиф, трахома и др.

В настоящее время медицинский персонал села проводит большую работу по предупреждению нововыселцев от заболеваний: читаются лекции и беседы, колхозники и колхозницы, связанные с уходом за животными, проходят специальный санитарный минимум. Благодаря такой профилактической работе за последние годы смертность среди населения сведена почти на нет.

Большая работа проводится по наведению санитарно-гигиенического порядка в селе и в домах колхозников. Медицинские работники совместно с председателем или депутатами сельского Совета систематически проводят осмотр санитарного состояния села. Результаты обследования жилищ, дворов, колодцев и т. д. обсуждаются на общих собраниях колхозников или на исполкоме сельского Совета.

Заведующая медпунктом Баскакова В. Ф. говорит: «Буквально лет десять тому назад у нас в селе была следующая картина: зайдешь в дом—в доме чувствуется материальный достаток, а чистоты нет. В комнате грязь, мухи, возле дома кучи мусора, а сейчас совершенно иное: полы покрашены, окна занавешены, на подоконниках цветы. Внутренняя обстановка комнат стала походить на обстановку городских жилищ. Народ наш стал жить гораздо культурнее».

В селе начинает развиваться спорт. В последние два-три года учащаяся молодежь увлеклась футболом. Они сделали футбольное поле, где проводят тренировки и игры. Организовывают встречи футбольных команд между селами. Хотелось, чтобы это новое явление получило должное развитие, чтобы физкультура и спорт прочно вошли в повседневный быт нововыселцев.

С установлением Советской власти коренным образом изменился не только весь уклад жизни мордовского села, но и облик самого колхозника. Крестьянин-колхозник — это новый человек, воспитанный подлинно народной властью. Он вполне сознательно участвует в укреплении и умножении колхозного хозяйства, зная, что этим он вносит свой вклад в благородное дело строительства коммунистического общества в нашей стране.

В. Н. Куклин

К ВОПРОСУ О ТКАЧЕСТВЕ У МОРДВЫ

(подготовка пряжи к тканью)

В XIX — начале XX века для крестьянского населения дореволюционной Мордовии было характерно домашнее изготовление одежды. В то время одежду шили из белого холста, пестряди, грубого сукна, полусукна и других материалов. Эти изделия получали путем обработки сырья в самом хозяйстве. Производство их разделялось на несколько этапов. Начальным моментом был посев конопли и льна, затем шла первичная обработка растительных волокон, прядение ниток, их беление, разматывание, снование и др., где применялись специальные орудия по подготовке пряжи.

В данной работе делаются попытки охватить те стороны домашнего производства, которые в настоящее время уже почти исчезли из быта народа. В основу статьи положены материалы, собранные автором в мордовских селениях: Морд. Поляна, Журавкино, Морд. Юнки, Кажлодка, Дракино, Подлесная Тавла, Напольная Тавла, Сузгарье, Левжа Мордовской АССР — в 1965 году.

Мордва для изготовления холста применяла волокнистые растения: коноплю — «каньф» (м), «кансть» (э) и лен — «иляназ» (м), «лияназ» (э). По экономическому значению в крестьянском хозяйстве первенствующая роль принадлежала конопле, которая и занимала первое место по площади посева. Это можно проследить по материалам бывш. Пензенской губернии:

Годы	В десятинах	
	конопля	лён
1916	23107,20	2930,29
1917	42637,00	1772,80
1918	29710,03	3506,38
1920	28450,94	4640,45
1921	22956,60	4294

До 1914 г. посевная площадь конопли в Пензенской губернии составляла 1/15 часть всей площади конопляных посевов России, как об этом говорят данные сельскохозяйственной статистики (46.000 дес. из 668982 дес.[1]).

Коноплю сеяли большей частью на приусадебном участке, но нередко и на полях. Ранней весной земля тщательно унаваживалась. Вспахивали конопляник за одну-две недели до посева на глубину 25—35 см. После вспашки бороновали. Перед самым посевом производили вторичное боронование. Посев проводили примерно в 20-х числах мая, а в некоторых районах, как например, Инсарском, Саранском, Ардатовском, Ичалковском — в конце мая. Сеяли, как правило вразброс. После посева земля заделывалась сохой и бороной. Все эти работы выполнялись исключительно мужчинами.

Конопля у мордвы была очень древней культурой, на что указывает наличие своих терминов для ее — «каньф» (м),[2] «кансть» (э) и для поскони «пазяй» (м), «пазе» (э). Посконь — это мужское соцветие, она поспевала значительно раньше конопли.

Уборка конопли всегда происходила в два приема. Сначала выдергивали посконь, примерно в конце июля. В сентябре месяце, обычно после уборки картофеля, крестьянки дергали каньф-кансть. Несколько пучков выдернутой конопли составляло горсть «комор» (м), «комоно» (э), которую перевязывали жгутом соломы или мочалой и укладывали на землю. Эрзянки в селе Подлесная Тавла, Напольная Тавла клали в длинный ряд и называли его «боровкой». Мокшанки же села Журавкино клали по четыре горсти венцом, т. е. делали четырехугольник и называли его «кудняксе тиендяма». В такой укладке семя немного подсыхало. После уборки всего участка связывали в снопы, обычно насчитывающие по пять-шесть горстей и ставили их стоймя. Около десяти снопов, а иногда и больше составляли одну копну «копоня» (м), «кансть куця» (э). Таким образом, с момента уборки вели учет количества материала. Выдергивали коноплю в течение 2—3 дней. После того, как подсохнет семя конопли, производили обмолот цепом — «тяляма» (м), «пивсэма» (э). Посконь после выбирания стелили по жнивью или на лугу, где она лежала около 2—3 недель, а в сухую погоду — от 5 до 6 недель. После того, как посконь отлеживалась, ее собирали в охапки, связывали и свозили во двор, где складывали в кучи. Коноплю обмолачивали. Из семени конопли мордва приготовляла масло, а стебли поступали на мочку. Для этой цели служили главным образом реки и

[1] Обзор сельского хозяйства Пензенской губернии и основные направления его восстановления, ч. I, Пенза, 1922, стр. 196.

[2] «М» означает мокша-мордовский, «Э» — эрзя-мордовский языки.

озера. Самый распространенный способ мочки конопли в реке — это плотами. В этом случае на землю клали две-три жерди, а на них несколько слоев конопли. Сверху клали еще столько же жердей и концы их стягивали веревкой или мочалой. Затем «плот» спускали на воду и между жердями вбивали кол, к которому привязывали плот, чтобы не унесло его водой. На плот накладывали комья земли, и под их тяжестью он опускался на дно.

В селениях, где не было поблизости рек, мочили коноплю в озере, пруду, а нередко в этих целях рыли специальные ямы. Здесь в дно забивали колья на расстоянии 5—6 метров один от другого. Между ними ярусами клали снопы конопли, которые покрывали сверху соломой и слоем дерна.

В воде конопля находилась в продолжение 3—4 недель, до тех пор, пока не отделится волокно от стебля. После мочки коноплю сушили в копнах, а в дождливое время года в бане и даже на печке.

Для льна существовал иной способ обработки растений. Его сеяли в поле во второй половине мая на хорошо удобренной и обработанной земле, произведя в большинстве случаев по две вспашки и бороновки. Всходы льна пропалывались. Лен убирался с поля почти одновременно с гречихой: в первых числах августа. Уборка производилась тоже способом дерганья, т. е. «брали» руками. Из четырех горстей связывали маленькие снопики и ставили их в ряд по всему загону. После просушки лен обмолачивали вальком, которым обычно мордовки колотили белье. Отделив семя, стебли расстилали на лугу тонким ровным слоем. В таком виде оставляли на пять-шесть недель, а затем сгребали и сушили в бане.

После мочки и сушки конопля и лен подвергались дальнейшей обработке, в процессе которой применялись специальные орудия и технические приемы.

Для того, чтобы получить волокно, стебли конопли и льна мяли на мялке. В Поволжье и Приуралье имелось три типа мялок: наклонная, горизонтальная и вращающая (терница)[1].

У мордвы, как у эрзи, так и у мокши, в этот период была распространена горизонтальная мялка «пувыдыма» (м), «чалгамо» (э). Мялка такого типа состояла из двух обтесанных стоек (пильгть) (м. и э), высотой 80—85 см. Очень часто такие стойки заменялись естественными корневищами из целого дерева. В верхнюю часть с боков прикреплялись две доски из твердого дерева, так называемые «щеки» длиной 100—110 см. Между «щеками» вставлялось ножевидное било «кяль» (м), «кильк» (э) в дословном переводе — «язык».

[1] Н. И. Лебедева, Прядение и ткачество восточных славян в XIX — начале XX века, Восточнославянский этнографический сборник, М., 1956, стр. 476.

При работе на мялке в левую руку брали сноп конопли и, положив на щеки мялки, несколько раз ударяли билом. Стебли конопли рушились, измельчались, и костра отделялась от волокна, падала на землю. В результате получался пучок волокна — горсть «пуурдавкс» (э).

Чтобы волокно было более мягким, его толкли в ступе «шовар» (м), «човар» (э) пестом «петьколь» (м), «петькель» (э), (Рис. 1). Пучок волокна затем встряхивали, ударяли о ступу или другой рядом стоящий предмет. Специальное «трепало» мордва употребляла редко.

Перед прядением из горсти волокна делали мочки с помощью гребня «лапа» (м), «пакарь» (э), «каба» (каратаи) и небольшой деревянной пребенки «сюрхцемня» (м), «сурсеме» (э).

Гребень был обычно шириной 28—30 см, с зубьями длиной 10—12 см, длина ручки 35—40 см, донце «лапотмакс» (м), «пакарь потмакс» (э), «кабатыд» (каратаи) представляло собой доску длиной 60—70 см, шириной 25—35 см. На одном конце его было возвышение с отверстием для гребня. Процесс расчесывания гребешком повторялся несколько раз, после чего мочку чесали специальной волосяной щеткой «сюрхцем» (м), «сэме» (э), сделанной из свиной щетины. После расчесывания волокна гребенкой и чесания щеткой получалась кудель «мушка» (м), «мушко» (э).

Мордовские женщины пряли кудель с гребня, применяя веретена. Веретено «кштирь» (м), «штере» (э) у мордвы имело уступчик, называемый пяткой или бородкой — «кштирь потмакс» (м). Она оканчивалась тонким концом длиной 3—4 см, куда снизу надевалось пряслице — «кштрялкс» (м), «штерялкс» (э). (Рис. 2.)

Пряслице с древнейших времен применялось у мордвы. Их часто находят при археологических раскопках древнемордовских могильников и селищ[1].

На верхний конец веретена пряслице у мордвы не надевалось[2].

Сам процесс прядения не составлял большой сложности. Он был описан в XVIII веке академиком И. Лепехиным: «Мордва прядет обыкновенную пряжу на пряслице веретеном. Веретена у них несколько от русских отменны в том, что грузку имеют тол-

[1] М. Р. Полесских, В недрах времен, 1956, стр. 27.
П. Д. Степанов, Ещё один памятник древней мордвы в долине р. Суры, Записки НИИЯЛИЭ, № 11, Саранск, 1949, стр. 61.
Е. И. Горюнова, Ефаевский могильник, Археологический сб. 1, Саранск, 1948, стр. 129, 131.
А. Е. Алихова, Кулаковский могильник, Советская археология, М.—Л., 1948, стр. 274—275.

[2] Подробнее о русских веретенах см. Н. И. Лебедева, Прядение и ткачество восточных славян в XIX — начале XX века, Восточнославянский этнографический сборник, М., 1956, стр. 481—483.

стую, которую они, выпряв нитку, прижимают к лядвее и на веретено наверчивают»[1].

Некоторые данные дает Степанов П. Д., который также отметил, что «прядут мордовские женщины почти исключительно на веретенах (штере), отличающихся несколько от русских. Эти веретена большего размера, и пряслице (штерялкс) надевается не на верхний конец, а на нижний конец»[2].

Размеры веретен были различные, но преобладали большой величины: длиною от 35 до 45 см. Бытовали и маленькие, так около 25—30 см.

Прясть мордовки начинали в первых числах ноября и работали в течение всей зимы. Особенно много времени за прядением проводили девушки. Прясть начинали с 4—5 часов утра и сидели за прялкой до 10 часов вечера. Например, в с. Подлесная Тавла Кочкуровского района девушки собирались у своих родственников, как правило, у крестной матери или старшей замужней сестры. Жили там около 4—5 недель. Пряли при свете лучины. Свой утомительный труд скрашивали пением народных песен. Родительский дом навещали только по воскресеньям. Ниток им требовалось очень много, так как девушка ткала большое количество холста, необходимого на приданое и для подарков во время свадьбы.

Для прядения шерсти у мордвы применялись также веретена и специальные прялки называемые «пона лапа» (м), «пона пакарь» (э), пона — дословно: шерсть. Однако мордва-каратаи называли их по-татарски «каба», а мордва-терюхане так же, как и эрзя, «пакарь».

Применяемые мордвой прялки как на территории Мордовской АССР, так и за ее пределами по форме можно разделить на несколько видов: 1) прялка-лопатка, 2) прялка-палка, 3) прялка-рогулька.

1) Прялку лопатообразной формы делали из целого дерева вместе с донцем и лопаткой.

2) Прялка палкообразной формы была цельная и составная. Последняя чаще всего применялась без донца. Корневую прялку делали из целого куска дерева. Корневище служило сиденьем. Длиной оно было 70—80 см, а шириной 10—15 см. Спереди сиденья оставляли ствол высотой 1 м, толщиной 7—8 см, на который сверху привязывалась шерсть.

3) Прялка в виде рогульки имела очень малое распространение.

Широко отразилось на прялках народное искусство — резьба. Они часто украшались кругами и розетами, геометрической резьбой.

[1] И. Лепехин, Полное собрание ученых путешествий по России, том. III, СПб., 1821, стр. 161.

[2] П. Д. Степанов, Ткачество саратовской мордвы, Изд. Саратовской гос. обл. музей, № 19, б. г. и. стр. 1.

В рассматриваемый нами период у мордвы для прядения растительных волокон и шерсти применялась также и самопрялка. Она называлась местным населением «пряха» или «самопряха». Мордве были известны два вида самопрялок: «стояк» и «лежак». Разница между ними состоит в том, что шпулька у самопрялки «лежак» расположена сбоку от большого колеса, а у самопрялки «стояк» — сверху[1].

На самопрялке можно было получить пряжи гораздо больше и быстрее, чем при помощи веретена. Так, например, 58-летняя Устинья Ивановна Разадеева из села Подлесная Тавла Кочкуровского района МАССР рассказывает, что веретено она наполняла нитками за семь часов работы. Тогда как на самопрялке за это же время могла напрясть около пяти веретен.

К мордве самопрялка проникла от ремесленников через базары и ярмарки, как и к другим народам Поволжья. Но распространение она получила только в более зажиточных семьях. Полностью самопрялка не вытеснила веретена ни в одной деревне. Во многих селениях её не было совсем.

Таким образом, мордве не чуждо было применение прогрессивных способов прядения. Однако в виду экономической слабости хозяйства не каждый крестьянин мог приобрести самопрялку, что являлось препятствием для ее широкого применения.

С веретена нитки сматывали на особое орудие, называемое мотовило — «щеке» (м), «чеке» (э) (рис. 3). Оно представляло собой деревянный брус длиной 150—160 см и диаметром около 8—10 см. Через один конец пропускалась палка длиной 30 см. На другом конце вертикально вставлялся колышек длиной 10—12 см, а поперек его прикладывалась небольшая палочка.

При мотании по обеим сторонам бруса образовывалось два слоя нитей: верхний и нижний, а на заднем колышке и поперечной палочке — перекрещение «лув» (э), «лувоц» (м). Концы нити с окончившихся и новых веретен припрядывались один к другому.

В процессе мотания производился счет нитей по пасмам, чтобы знать количество мотушек при снования основы. Местом счета являлся верхний слой ниток на головке. Сначала отсчитывали четыре нитки, называя их чисменкой «сейм» (м), «сазме» (э). Десять чисменок составляло одну пасму — «пула» (м), «пуло» (э), а моток состоял из 4—4,5 пасмы. Отсчитав нужное количество нитей, мотание заканчивали, а место пересечения нитей на колышке перевязывали веревочкой. Нитки с мотовила снимали, перекручивали в жгут — «кесак» (м., э). С одного

[1] Подробнее о самопрялках см. Н. И. Лебедева. Прядение и ткачество восточных славян. Восточнославянский этнографический сборник, М., 1956, стр. 483—486.

А. А. Ходосов, Ткачество деревни, М., 1930, стр. 19.

мотка выходило около 10 аршин (7 м) готового холста при длине мотовила в пять локтей (2 м 25 см)[1].

Чтобы придать ниткам большую белизну и мягкость, их обрабатывали в золе. Для этого в кадушку с водой клали 25—30 мотков ниток, насыпали просеянную через сито золу и заливали водой. В этот же день топили жарко печь, выгребали из нее весь жар, подметали под и смачивали его водой. На него клали смешанные с золой нитки, а сверху покрывали их тряпьем и соломой. Печь плотно закрывали заслонкой, края которой обмазывали глиной. Этот процесс назывался «варить нитки».

Через сутки их вынимали и везли на речку или озеро, где полоскали и били вальком. Нитки «варили» раза два-три, после чего прополаскивали и сушили на жердях. Высохшие нитки снова били вальком. После этого их обливали водой, прокипяченной с какой-либо крупой, предварительно пропустив ее через сито. Это делалось для проклеивания пряжи. Пройдя такую обработку, нитки становились пригодными для тканья.

Льняные нитки выходили гораздо белее и тоньше, чем из поскони и конопли, а вытканный холст ценился мордвой более высоко.

При изготовлении крашенины нитки окрашивались. Большей частью их красили в синий и красный цвет[2].

Беленые и окрашенные нитки разматывали на воробах, «орадомат» (м), «урадомат» (э). Воробы у мордвы имели обычную для народов Среднего Поволжья форму. На подставку высотой 70—75 см положены крестом две планки с отверстиями по концам. В них вставлялись колышки, а на них надевали моток, имевший окружность 5 аршин (3 м 55 см).

Перематывали нитки на «вьюшку». Разматывание на «вьюшку» большей частью производилось у мордвы-эрзи, проживающей в Саратовской и Горьковской областях. Данный способ бытовал у всех народностей, живущих по соседству с мордвой: русских[3], марийцев[4], удмуртов[5], татар[6] и др.

Однако у мордвы имелся и другой способ разматывания. Так, например, мокшанки сел Журавкино, Морд. Поляны, Сузгарье, Перхляй, Левжа, Морд. Маськино, а также эрзянки сел Подлесная Тавла, Напольная Тавла, Кочкурово разматывали

[1] Данный отсчет ниток бытовал в с. Новые Станки Ельниковского района Мордовской АССР.

[2] Из цветного холста шили мужские штаны и детское белье (чаще всего в синюю полоску). Этот же материал шел на женские запоны и рукава праздничной рубахи, имевшей название «путозь ожат», наставные рукава. Браной и закладной техникой тканья из разноцветных ниток украшали концы полотенец, женские передники, а также вставки на плечи и к подолу верхней одежды — «руци» у мордвы-эрзи.

[3] Н. И. Лебедева, Указ. соч., стр. 493.

[4] Т. А. Крюкова, Материальная культура марийцев XIX века, Йошкар-Ола, 1956, стр. 53.

[5] В. Н. Белицер, Народная одежда удмуртов, М., 1951, стр. 21—22.

[6] Н. И. Воробьев, Казанские татары, Казань, 1953, стр. 111.

нитки не на вьюшки, а начало нитки с вороб свертывали в восьмерку. Ее клали на землю или в решето — «сифтем» (м), «суфтеме» (э). И затем нить свободно укладывалась на восьмерку, делая «горку». При разматывании первого мотка намечалась длина будущей ткани. Когда моток кончался, то на планках оставляли шесть ниток. При окружности крыльев воробы в 5 аршин получалась длина около 30 аршин (21 м), мера будущего куска холста. Это место перевязывали тряпочкой или ниточкой, а через каждые 5 аршин делали пометки углем.

Рассмотренный процесс разматывания характерен своей самобытностью. По-видимому, он относится к более раннему периоду, предшествующему вьюшке (рис. 4).

Готовые «горки» шли на снование «основы» — продольных нитей ткани. При сновании устанавливали длину и ширину ткани, а также разделяли нитки на два слоя. Этим делением создавали так называемый «зёв» для пропускания челнока с утком, т. е. поперечной нитки холста. Снование производилось на стене или сновалке. Чаще всего мордва применяла рамочную сновалку «лийма» (м), «лиема стант» (э). Это старинное орудие ткацкого производства состояло из двух продольных жердей длиной от 3 до 3,5 м. По обеим концам их соединяли два бруска длиной 1,0—1,5 м. В каждый брусок вставлялось по 8—10 колышков. Рядом с брусом на одной жерди находилось еще два колышка, так называемые «ценовные зубья» для «зева». Эта сновалка была удобна тем, что ее можно было переносить с места на место.

При сновании участвовали обычно две женщины. Для этого рядом со сновалкой раскладывали 3—4 «горки». Чтобы нитки не путались, на них насыпали песок. Затем оба конца нитей с каждой «горки» продевали в железные кольца, укрепленные на потолке или в стене сарая. Но чаще всего применяли палку с веревочными кольцами, которую подвешивали сверху сновалки. Этот инструмент эрзянки в селе Подлесная Тавла Мордовской АССР называли «тейми желга» (э), а мокшанки села Сузгарье «лийма олгоне» (м). Затем нитки вдевали в дырочки небольшой дощечки ножевидной формы — «грозямка» (э), которая большей частью применялась у эрзянок. Сновальщица «грозямку» держала в правой руке и ходила с ней вдоль сновалки от одного колышка к другому, делая так называемые «стены»[1].

Мокшанки же сел Морд. Маськино, Новые Станки вместо «грозямки» нитки пропускали между пальцами левой руки, а сновали тем же способом. Вторая женщина следила за «горками», чтобы в них не путались нитки и направляла их в кольца.

[1] Подробнее о процессе снования см. Н. И. Лебедева. Прядение и ткачество восточных славян в XIX — начале XX века. Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956, стр. 495—497.

Колышки сновалки, занятые длиной нити, отмеченной на воробах, давали длину ткани около 30 аршин (22 м). На это уходило шесть мотушек пряжи. Для большей длины основы между колышками вбивали добавочно несколько гвоздей и, увеличив количество «стен», удлиняли основу до 40—45 аршин (28—32 м). Если нужна была малая длина, то занимали меньше зубьев. Ширина ткани зависела от количества пасм, которые считались на «ценовном зубе». Как у мокши, так и у эрзи сначала отсчитывали 3 нитки, что составляло одну чисменку, а 10 чисменок одну пасму.

На женскую рубаху основу сновали в 8 пасм, где было 480 нитей, а ширина холста выходила 37 см. Из тонких ниток, обычно бумажных, считали 9 пасм. На портянки сновали в 4—5 пасм. Перекрещение нитей, образуемое между «ценовными зубьями», перевязывали ниткой. Затем основу снимали со сновалки и заплетали в косу «кикаф (м), «коцт пуло» (э). Таков был процесс подготовки ниток к тканью у мордвы из растительных волокон.

Нитки же, спряденные из шерсти для сукна, готовили к тканью другим путем. Их сразу же с веретен сматывали в клубки одинаковой величины. В каждый клубок сматывали три веретена. Чтобы они подсохли, их клали в чугун и ставили в печку.

Перед снованием один клубок разматывали и измеряли длину ниток аршином. Затем снова сматывали в клубок и сновали с клубков таким же способом, какой был описан выше.

Насновав основу, навивали на стан и приступали к тканью. Для тканья нужен был еще уток, т. е. поперечная нить холста. Ее наматывали с мотков на шпульку челнока с помощью скальницы «почкашкодомат» (м), «почконь тапарямка» (э). Данный инструмент был распространен повсеместно у мордвы, а также и у соседних народов: марийцев, чувашей, татар, удмуртов и др. Однако эрзянки сел Подлесная Тавла, Напольная Тавла, Кочкурово и др. для этой цели применяли самопрялку.

Следует сказать, что работа по прядению и ткачеству лежала исключительно на плечах женщины. В течение многих столетий в этих процессах у них выработались некоторые свои технические приемы и навыки, которые передавались из поколения в поколение. О некоторых из них говорится даже в песнях и играх мордовского народа. Так, в селе Подлесная Тавла Кочкуровского района МАССР дети играли в игру, напоминавшую снование и затягивание основы в косу. Во время игры они пели песню:

Котцлий, котцлий,
Кинь котцтондо лийтянок?
Котцлий, котцлий,
Кинь котцтондо килькштятам?
Котцлий, котцлий,
Холст снуем, холст снуем,
Чей холст оснуем?
Холст снуем, холст снуем,
Чей холст свяжем в петлю?
Холст снуем, холст снуем.

Верань котцонь килькштятам.
Котцлий, котцлий,
Верань котцонь кодатам.
Верин холст свяжем в петлю.
Холст снуем, холст снуем,
Верин холст соткем.

Эта живая и веселая игра с песней, по-видимому, создалась в связи с окончанием тяжелого и кропотливого труда по подготовке пряжи к тканью.

Женская одежда у мордвы изготовлялась только из белого холста, но белый цвет типичен также для всех соседних народов: марийцев, чувашей, удмуртов, башкиров и др.

Орудия, применяемые при первичной обработке конопли и льна, а также при прядении ниток, были почти одинаковы у всех народов Среднего Поволжья. Дерево было основным материалом в их изготовлении.

Однако, несмотря на общность территории, каждый народ вносил свою особенность в форму, приемы и способы обработки, которые несколько отличали его от соседей. Если многие народы Среднего Поволжья мяли коноплю и лен на мялке наклонного типа, то мордва — только на мялке горизонтального типа. Различия имеются также в мотовилах, воробах и особенно веретенах. Так, у мордвы бытовала рамочная сновалка с двумя параллельными жердями, тогда как у чувашей[1], марийцев[2], татар[3] с одной жердью. У русских бытовала сновалка из досок, а кроме того, и вертящаяся сновалка[4].

Применение мордвой своеобразных трудовых приемов, начиная от обработки земли под посев конопли и льна и кончая снованием ниток, уходит в очень отдаленные времена, о чем свидетельствуют археологические памятники древней мордвы.

Как видно, многие процессы в подготовительных работах к ткачеству у мордвы шли своим самобытным путем. В процессе этого труда неграмотная мордовка определяла длину и ширину холста, вела счет ниток и т. п. Все это говорит об определенном уровне ее культуры и ставило мордовскую женщину рядом с женщинами многих других народов, населявших Поволжье.

---

[1] Н. В. Никольский, Краткий курс этнографии чуваш, Выпуск 1, Чебоксары, 1928, стр. 148. Рис. 102.

[2] Т. А. Крюкова, Материальная культура марийцев XIX века, Йошкар-Ола, 1956, стр. 55, рис. 34.

[3] Н. И. Воробьев, Казанские татары, Казань, 1953, стр. 111.

[4] Н. И. Лебедева, Указ. соч., стр. 496, рис. 18.

Рис. 1. Обработка волокна в ступе (с. Журавкино).

Рис. 2. Прядение кудели с гребня (с. Журавкино).

Рис. 3. Разматывание ниток на воробах (с. Журавкино).

Рис. 4. Мотание ниток на мотовило (с. Журавкино).

П. Д. Степанов,
кандидат исторических наук

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЭТНОГРАФИИ МОРДВЫ

(к вопросу о мордовских «знаменах»)

Мордва до Великой Октябрьской революции не имела своей письменности. Те несколько богослужебных книг, переведенных церковниками на мордовский язык, не могут идти в счет. Причиной такого положения была руссификаторская политика царского правительства. Мордва была почти поголовно неграмотной.

Однако в быту мордвы, как и многих других народов царской России, также неграмотных, было необходимо иметь какие-то знаки для закрепления за собой различной собственности. Мордва в течение многих веков прибегала к помощи разнообразных и многочисленных знаков собственности, которые раньше охраняли родовую, а позднее семейную собственность.

Объектом изучения будут так называемые «меты», «знамена» («тешкс» по-мордовски). Попытаемся выяснить их историю, каким формам общественных отношений они соответствуют, какова история населения, в быту которого жили эти знаки собственности.

Знаков подобного рода в нашем распоряжении имеется несколько тысяч, причем самые ранние имеют тысячелетнюю давность. Много «знамен» из документов XVII—XVIII вв. Довольно много «мет» более позднего времени — нач. XX в. Часть «мет» бытует и в настоящее время.

В связи с невозможностью опубликовать весь наличный материал, мы ограничиваемся данными о саратовской мордве.

Исследование свое мы поведем от современности, т. е. от тех фактов, которые имели место в ближайшие десятилетия прошлого. Этнографические экспедиции 30-х годов XX в. зафиксировали «меты» на полевых загонах, на бревнах в стенах изб и на ушах домашних животных. Несомненно, что и ряд других бытовых вещей имел «меты», свидетельствующие о

принадлежности вещи определенным владельцам[1]. Широко распространены «меты» на могильных крестах, особенно в пределах Мордовской АССР.

Всего за время экспедиции к «Саратовской мордве»[2] было собрано 162 «меты» на полевых загонах, 164 «меты» на деревьях и небольшое количество «мет» на ушах овец. Собранные материалы являются незначительной долей того, что существовало в быту мордвы. Это скорее образцы того, что было бы можно собрать при систематическом и планомерном обследовании каждого хозяйства, но это не входило в задачи экспедиции. В настоящее время собирание такого материала возможно только путем опроса населения.

Говорить о научной ценности «мет» не приходится. Это отмечалось рядом исследователей еще в прошлом столетии (Н. Харузин, М. Ковалевский, Н. Н. Оглоблин, И. Н. Смирнов и другие). «Меты» часто являются единственным памятником тех общественных отношений, которые существовали у мордвы в далеком прошлом.

Наше исследование будет касаться двух категорий знаков собственности: «мет» на полевых загонах и «мет» на деревьях. Первыми будут рассмотрены «меты» на загонах[3].

---

[1] «Бортных знамен» в нашем распоряжении имеется около 2500 №№, которыми пользовалась мордва XVII и XVIII вв. в Алатырском, Кадомском, Саранском, Пензенском, Темниковском и Козмодемьянском уездах по административному делению того времени. Значительное число мордовских «бортных знамен» получено из «книги письма и меры Дмитрия Юрьевича Пушечникова да подъячего Афанасия Костяева 132-го и 133-го и 134-го годов Алатырского уезда татарским, буртасским и мордовским бортным ухожаям». (Хранится в научной библиотеке Саратовского государственного университета.) См. А. А. Гераклитов — Алатырская мордва, Саранск, 1936, стр. 7. Часть «знамен» получена от Н. П. Руткевича, работающего над документами Мордовского государственного архива.

Среди просмотренных документов, помимо «знамен», немало данных о покупке, аренде, наследовании «бортных ухожаев». Нередки случаи, указывающие на сохранение старой «меты» новым владельцем при покупке «ухожая».

К сожалению, весь перечисленный материал нуждается в тщательном анализе и обширных комментариях, чего нельзя сделать в небольшой работе.

[2] Обследованные селения теперь входят в состав Пензенской, Ульяновской и Саратовской областей. Термин же «Саратовская мордва» мы сохраняем ввиду того, что эта группа мордвы имеет своеобразие в этнографическом облике — в материальной культуре и языке, подобно терюханам и шокше.

[3] «Мет» с именами владельцев имеется 89, а безымянных — 73. Последнее объясняется тем, что зарисовки «мет» производились непосредственно на месте, т. е. в поле, после того как экспедиция уже окончила работу в этом населенном пункте. Таким образом, установить имена владельцев «мет» было невозможно. Только 54 «меты» имеют то или иное наименование, которое удалось записать от местных жителей. Эти записи делались непосредственно от владельцев «мет», от соседей. Часть «мет» принадлежит целым фамилиям, начиная иногда с деда, но чаще всего это «меты» отца, его братьев, а затем «меты» нескольких сыновей. Таких «мет» 51, которые принадлежат 18 фамилиям из разных селений.

По технике выполнения все «меты» однородны — они были выполнены или сохой или плугом. «Мет», сделанных другими орудиями труда — лопатой, топором,— обнаружено не было.

По осмыслению характера начертания «мет» они могут быть разделены на две группы: группу, передающую форму предметов, и группу, имеющую начертания в виде букв русского алфавита. С буквенными «метами» имеется 16 загонов, а с «метами», осмысляемыми как явления природы, животных и бытовых предметов, имеется 143 загона. Буквенные «меты» составляют, таким образом, только 9,8%, что для времени 1926—1928 гг. слишком мало. Мы в этом факте усматриваем достаточно сильную традицию, когда «меты» имели только формы предметов.

При сведении всех «мет» к типологическим рядам оказывается, что основными элементами являются прямая или кривая линии в различных сочетаниях. В этом видна обусловленность форм «мет» от орудий труда, что вообще характерно для всех знаков собственности.

Из общего числа «мет» 70 образцов имеют только прямую линию в разных сочетаниях и 58 образцов имеют только кривую линию также в разных сочетаниях.

Из прямых линий встречаются следующие комбинации: прямая линия — одна или несколько, идущие от одной межи к другой, поперек загона. Затем идет косая линия, также одна или несколько, как бы отсекающая правый или левый угол загона. Далее идет фигура угла, который располагается вершиной в разные стороны. При этом концы сторон угла могут опираться в углы загона при дороге или же опираются в край загона далеко от углов. Есть случай, когда угол вершиной опирается в придорожный край загона. Из других прямолинейных «мет» встречается фигура косого креста, неполной трапеции, неполного треугольника и зигзаг.

Во второй группе криволинейных «мет» основное место занимает дуга, которая располагается на загонах в различных положениях: одна или несколько, концы которых опираются в углы загона или же в придорожную грань. Есть дуги, концы которых упираются в боковые межи загонов.

Значительное место занимает «мета» в виде замкнутого кольца или петли, концы которой пересекаются. Есть «мета» в виде волнистой линии.

Нам кажется, что между «метами» в виде угла и в виде дуги есть много общего, также и между зигзагом и волнистой линией. Можно предполагать, что при осмыслении «мет» они будут обозначаться одним термином.

При осмыслении населением «мет» оказывается, что в ряде случаев «меты», разные по начертанию, осмысляются одинаково. Это обстоятельство мы рассматриваем как свидетельство

умирания «меты». Есть и противоположные случаи, когда «меты» по начертанию одинаковые, а по наименованию—различны[1].

К первой группе относятся №№ 6 и 11 с общим наименованием «Пурьгинэ ёнкс» — радуга. Первая «мета» имеет форму тройного угла вершиной вверх, а вторая — в виде дугообразной борозды из угла в угол загона. Другим примером несоответствия двух форм одного названия могут служить №№ 8 и 131. При одном наименовании «Гуй» — змея, одна «мета» имеет форму зигзага, а другая в виде волнистой линии. Но здесь различие все же меньше, чем в первом случае. Одним наименованием «Балалайка» объединены №№ 33, 46, 86, хотя между ними нет ничего общего.

Ко второй группе относятся: № 10—«Кошма» и № 161 «Угол». Начертания обеих «мет» одинаково, а наименования—разные. Или, например, №№ 2, 22— «Изамо кольця» — кольцо от бороны и № 126— «Хомотень» — хомутина. Со стороны формы все «меты» одинаковы, а наименования разные. То же следует сказать о №№ 18, 34, 144, 154, 147, 54— «Чирьке» — дуга и №№ 148, 149, 150—«Курця»—коромысло.

Рассматривая конкретно «меты» на загонах саратовской мордвы со стороны их происхождения, мы считаем возможным высказать предположение об их позднем происхождении, более позднем, чем «знамена» на деревьях и «меты» на скоте. Поэтому в этих «метах», как нам кажется, отсутствуют элементы, свойственные древним знакам собственности.

Несомненно, что причиной указанного выше обстоятельства является более позднее возникновение собственности на землю, вернее, на пашню, по сравнению с собственностью на продукцию охоты, промысла и промысловые угодья. По сути дела наши «меты» не есть знаки собственности на землю, т. к. земля принадлежала всей крестьянской общине, следовательно, «мета» охраняет только урожай на загоне. Охранять же урожай на загоне стало необходимо в том случае, когда в общине оказались представители разных родовых групп, т. е. не родственники. Однако это не та «соседская община», которая возникла на развалинах патриархально-родовой общины, эта община сложилась в более позднее время, когда мордва была в составе феодального государства. Вопрос о времени возникновения

[1] Наименования «мет» и №№ по табл. I. «Полкольцо»—1, «Изамо кольця» —кольцо от бороны—2; «Клещат»—клещи от хомута—3; «Кудо коня»—конек избы—4, 7, 61, 123, 127, 162; «Пурьгине ёнкс»—радуга—6, 11; «Гуй»—змея —8, 131; «Пандя»—9—«Кошма»—10; «Скосина»—17; «Чирьке»—дуга—18, 34, 144, 154, 147, 54; «Полуциркуль»—21; «Вяхке борозда»—одна борозда—29; «Две борозды»—30, 134; «Обод»—32; «Балалайка»—46, 88, 33; «Кружок»—35; «Зигзаг»—37; «Три черты»—38; «Ферт»—буква ф—60; «Ухват»—84; «Ума тешкс»—119; «Крюка»—крюк—122; «Половник»—125; «Хомутина»—126; буква У—142; «Пиземе чирьке»—радуга—145; «Ведра»—146; «Курця»—коромысло—148, 149, 150; «Сянга»—вилы—157, 158; «Полсундук»—150; «Угол»—161.

«полевых мет» можно удовлетворительно решить тогда, когда будет решен вопрос по истории землепользования у мордвы. Однако очевидно, что саратовская мордва принесла свои «полевые меты» на саратовскую территорию из тех мест, откуда она выселялась.

Наши материалы свидетельствуют, что «полевые меты» саратовской мордвы — фамильные «меты», т. е. принадлежат определенным родственникам от деда до внука. Нигде нам не говорили, что наличие одинаковой «меты» рассматривается как принадлежность к какому-то одному роду. Имеют место случаи, когда даже члены одной разделившейся семьи пользуются разными начертаниями «мет».

В селе Губашеве (Ульяновская область) в семействе крестьянина Дворнина С. Я. были «меты» такие: у самого хозяина «Курця» — коромысло (148), у сына, живущего с ним — аналогичная «мета». Два других сына, живущих отдельно, имеют ту же «мету», но с иными начертаниями (Дворнин Ф. С.— (149), а Дворнин Н. С.—(150).

В семействе Юртаевых у Григория «мета» «Вегть»—ведра, (146), а у Тимофея —«Чирьке»—дуга (147). В семействе Добролюбовых у отца семейства Михея «мета» в виде косого креста (140). Той же метой метят у двух сыновей Петра и Якова. Сын Василий имеет «мету» в виде буквы «у» (142), т. е. тот же крест, но без одного конца. Младший сын оставляет загон без «меты».

В семействе Норошевых Евстигней и Анастасия метили загон одинаково — поперечной бороздой (136, 137), Борис же метит в виде буквы «А» (138). Пивцаев Федор (130) и Яков (131) имеют одинаковую «мету»—«Гуй»—змея, хотя в различных начертаниях, а Даниил и Домна метят по-другому: первый — дугой, а у второй — загон без «меты».

Семья Пивкиных метит так: отец Матвей (129) метит в виде одной поперечной и одной косой борозды в левом углу загона, сын Андрей (128) имеет ту же «мету», но с прибавкой второй косой борозды в правом углу. Пивкин Григорий имеет «мету», как у Андрея, но называет ее «Кудо коня» — конек избы, хотя начертание не имеет ничего общего с предметом, по которому она названа.

В селе Давыдовке[1] в семье Таракановых отец Константин имеет «мету» «Половник» (125), а сын его Еремей имеет «мету» в виде широкой петли (124).

В селе Собакино[2] в семье Гораевых у отца и брата отца Василия и у сына Михаила «мета» одна — «Ума тешкс» (119, 118).

[1] Ульяновская область.
[2] Там же.

В селе Болдасево[1] Качалкин Семен имеет «мету» в виде цифры «4». Сын же его Касьян имеет «мету» в виде буквы «К» (81). Качалкин Пров также имеет «мету» в виде буквы «К» (79). В семье Кочергиных у Ивана «мета» в виде цифры «1» (78), у Федора — в виде буквы «А» (77), а у Василия — в виде широкой петли (76). У Шаровых Семена и Василия «меты» одинаковые (71, 72), а у Шарова Григория — в виде буквы «Т» (73). Братья Пичкины — Сергей (68) и Андрей (69) — метят одинаково: дугой с правой стороны загона. У Земцова Петра (65) «мета» в виде неправильного сегмента, у Евгения (66) — в виде одной поперечной борозды, а у Василия (67) — в виде печатной буквы «Д».

В селе Барановке[2] Ильин Андрей — отец — имеет «мету» (59) в виде поперечной борозды, а сын его Николай метит буквой «Ф» — ферт (60). В семье Графкиных отец (56), первый сын (57) и третий сын (55) метят одинаково — поперечной бороздой. Второй же сын Осип имеет ту же «мету», но с прибавкой трех перпендикулярных бороздок (58). Калганов Иван (53) имеет «мету» «Балалайку», а Калганов Дмитрий — простую дугу (52).

Приведенные примеры показывают, что единство семейной «меты» нарушено в ряде случаев. В то же время есть еще не мало случаев единства «меты» для всех членов семьи. В последнем случае, вероятно, играло роль то обстоятельство, что родственники жили вместе.

Сохранение единства семейных «мет» в ряде случаев говорит за то, что в прошлом семейная «мета» была общим достоянием. При разделах же к родительской «мете» лишь делали какие-либо добавления (семья Графкиных и Пивкиных). О «метах» Графкиных есть следующие данные: «Хотя бы часть «меты» переходила из рода в род. Старая «мета» остается у отца, с которым живет обычно младший сын. Те же сыновья, что выделились, к старой «мете» добавляют новую».

Усиленное дробление мордовской семьи в XIX в., несомненно, сыграло большую роль в забвении старых традиций. Вот как выглядело землепользование в быв. Кузнецком уезде в с. Мамадыш[3] в 1880 гг. «Землю делят ежегодно. Земля разделена на 15 карт, которые называются «мирскими паями». Каждый «пай» разделен на 38 полудесятин, называемых «простыми паями». На каждый такой «пай» определено поступить 14 душам. На «мирской пай» приходится 38 «простых паев» или 526 душ. Все карты или «паи» распределяются на три разряда по качеству: лучшие, средние, худшие. Для каждого качества особая шапка для жеребьев. В каждую шапку кладется

[1] Ульяновская область.
[2] Там же.
[3] Пензенская область.

38 жеребьев. Земля достается как в яровом, так и в озимом поле по 2,5 осьминника на душу»[1].

В селе Кулясове того же уезда поле было разбито на «паи» по 1/2 десятины, хорошие, средние и плохие земли (три шапки). «Паи» были постоянны — делятся же мужики. Каждый «пай» приходится на 10 душ. Каждый десяток слагается из нескольких домохозяев, которые землю потом делят между собой. Из каждой «шапки» вынимают жребий на «пай» 4 раза, т. к. всех «паев» в общине 152, а жеребьев — 38»[2]. Во всех мордовских общинах заметна та общая у всех черта, что у них сумма «паев», приходящаяся на сумму всех душ в общине, называется «мирским паем». Так, в Кулясове «мирской пай» состоит из 38 «паев», в Мамадыше из 38, а Алексеевке из 22, в Дубровке из 24 1/2 и т. д.[3].

Эти примеры показывают исключительную раздробленность земельных участков и необходимость эти участки как-то отмечать их владельцами. Из этих примеров видно также, что земля не является собственностью крестьянина, и «мета» охраняет посевы на загонах. Но было время, когда земельный участок отмечался совершенно иным способом: «... границу отмечают «метой», с лежащим на каждом повороте камнем; под камнем положена зола от очагов обоих соседей и их «меты», вырезанные на кирпичах»[4]. Эта форма «меты» охраняла землю владельца на более или менее продолжительное время. Можно думать, что эта форма «меты» предшествовала тому, что мы описывали выше.

Таким образом, суммируя наблюдения над «метами» на полевых загонах, мы можем утверждать:

1. «Меты» эти сравнительно поздние и принадлежат семьям или фамилиям.

2. Они охраняли право собственности на посев, а не на землю, т. к. земля принадлежала общине.

3. Нашим «метам» предшествовали «меты» на кирпичах или камнях, которыми отмечались границы полевых участков. Эти меты были более постоянными, возможно, они восходили к родовым.

4. К числу более древних следует отнести «меты» с наименованиями явлений природы — «Пурьгине ёнкс» (радуга) или животных — «Гуй» (змея).

[1] Г. Трирогов, Мордовские общины, Русская старина, XXVIII, № 6. 1880. Все сёла теперь Пензенской области.
[2] Он же. Наши общины. Отечественные записки, 1880, январь, стр. 1—33.
[3] Он же. Там же, стр. 29.
[4] В. Майнов, Очерк юридического быта мордвы, СПб., 1885, стр. 197.

* * *

Другой вид «меты» у саратовской мордвы применялся при заготовке леса как для постройки, так и на дрова. Всего таких «мет» в нашем распоряжении имеется 164 образца, собранные в указанных выше селениях. К этой группе примыкают «меты», которыми метятся кресты на кладбищах. Но их мы выделяем в особую группу, т. к. большинство их собраны за пределами Саратовской области. Эта группа «мет» представляет особый интерес, ввиду того что они могут быть связаны со «знаменами» на бортных деревьях, принадлежащих мордве в XVII—XVIII вв.

Техника нанесения «мет» повсеместно одна — при помощи топора (рис. 1). Никаких других инструментов не применялось, что обусловлено, вероятно, тем, что при рубке деревьев топор является главным орудием труда. Все наши «меты» наносились уже на срубленные деревья и читаются на бревнах в горизонтальном положении.

Из общего числа «мет» этой группы 38,9% не имеют наименований, остальные же имеют то или иное имя. Имеются «меты», носящие имя животного или части животного, птицы. Сюда относятся: «Галань лапа» — гусиная лапа; «Мацеень лапа» — тоже гусиная лапа; «Гуй» — змея; «Сараз лапа» — куриная лапа. Всего таких наименований имеется 25. Во второй группе «меты» носят наименования бытовых предметов или частей этих предметов. Наибольшее число образцов носит наименование «Кудо коня» — конек избы. Кроме того, есть: «Бубновка», «Кошма», «Сундук», «Сянго»—вилы, «Балалайка» и «Изамо кольця» — кольцо от бороны. В третью группу мы отнесли все другие наименования: «крест», крест и чап — одна зарубка или несколько. В четвертую группу мы отнесли буквенные и цифровые обозначения.

Проводя сравнение между «метами» на загонах и на деревьях, мы обнаруживаем большее разнообразие «мет» и наименований во втором случае. При этом оказывается большой процент наименований животного происхождения и буквенных. Вероятно, это связано с тем, что «меты» на деревьях сохраняют более древние традиции, а кроме того, вероятно и потому, что здесь легче придавать «мете» форму животного. Но и здесь мы имеем «меты», сделанные исключительно орудиями труда, а не какими-то штампами или печатями.

В рассматриваемой группе «мет» случаев совпадения наименований и форм начертаний значительно больше, чем на загонах. «Колмо чап» — три зарубки (164 и 75) абсолютно совпадают, а 137 и 136, отличаясь несколько от первых, но с тем же наименованием, между собой сходны. «Галань лапа» — гусиная лапа (110, 39, 47, 58) совершенно одинаковые, но отличаются от таковых же — 105 и 111, между собой сходных. «Бубновка» (107, 32, 23) отличается от 43 и 51 только тем, что во-вторых

внутри четырехугольников есть дополнительные линии. «Кудо коня» — конек избы (41, 55) при одинаковом наименовании отличаются от 100 и 94.

Случаев одинакового начертания «меты» при различном наименовании на деревьях значительно меньше, чем на загонах. Например: «Бубновка» (23, 53, 43, 32, 107) и «Кошма» (66, 14) почти не различаются по начертанию. Или «Гуй» — змея (119, 91, 95, 31, 9) и «Веревка» (33).

Среди «мет» на деревьях в большом числе повторяются отдельные элементы — «Чап», «Крест» или же сочетания этих элементов с основной «метой» («Крест» и «Кудо коня», «Крест и «Кавто чап» и т. д.). Это не наблюдалось среди «мет» на загонах. Повторения этих элементов входят в полное наименование «меты» («Кавто чап» и «Кавто крест», «Колмо чап», «Галань лапа» и «Колмо чап»). Объясняется это явление тем, что, по словам населения, каждый хозяин при рубке леса мог брать себе произвольно любую «мету». Следовало только, чтобы она не совпадала с «метами» соседей, принимавших участие в рубке леса.

У нас имеется описание порядка дележа леса в с. Кулясове[1]. Правила, принятые для уравнительного распределения, различны, смотря по качеству леса. Строевой, сосновый, т. н. красный лес делится таким образом: прежде всего домохозяева, как перед дележом пахотной земли, из каждого десятка душ — особый пай. От каждого такого пая отправляется на место, предназначенное к дележу участка, один или два домохозяина по их личному усмотрению. Когда соберутся в условленном месте, то все устремляются считать деревья, сначала лучшего, а потом худшего качества. Для этого от каждого дерева отрубаются щепки, которые складываются в мешок. Когда приведется в известность все количество деревьев, то их делят на цифру, показывающую число паев; частное покажет число деревьев каждого качества, причитающееся на каждый пай.

Вслед за этим староста распоряжается, чтобы пайщики сделали жребий со своей метой и шли к одному боку участка; жребии от паев кладут в шляпу, отделяют от угла число дерев, причитающихся на пай, и тут же перед ними вынимают из шляпы один жребий, владельцы которого и получают отмеченное и отделенное число дерев, таким же точно образом поступают и с остальными деревьями и жребьями.

Если на весь пай придется для раздела между сопайщиками, положим, 40 дерев, то на одну душу достанется 4 дерева и эти 4 дерева во всей дележке называются «лесною душою», на которую устанавливается тут же цена между сопайщиками, т. к. некоторые до дележа или во время его продают свои души[2].

[1] Пензенская область.
[2] Г. Трирогов. Наши общины, стр. 16—17.

Дровяной лес делится по-другому. «Участок чернолесья, дровяного леса, делится первоначально с общего согласия на столько мелких участков, сколько числится паев и жребьев, чтобы обозначить каждую делянку пая, делаются затесы и надламываются ветви. Перед каждою такой делянкой вынимается жребий»[1].

Таким образом, «меты» на деревьях являются временными. Но все же среди них имеются и семейные и фамильные, хотя часто с некоторыми добавлениями[2].

В селе Губашеве у Даниила Пивцаева, его отца и брата «мета» образца 122 — две черты. У Федора Пивцаева, его отца и брата «мета» образца 121. У Степана Пивцаева — образца 120, а у Якова — образца 119. Сопоставление показывает, что перед нами, несомненно, «мета» фамильная, семейная. У Юртаевых же (118, 117) в «метах» нет никакого сходства. То же следует сказать о «метах» Солодовниковых (109, 110), Кутузовых (99, 98).

В селе Барановке у Графкиных — отца (138) и двух сыновей (137, 136) «меты» различны, но у сыновей одинаковые.

В селе Болдасеве у Корчагиных наблюдается сходство и различие «мет» (160, 159, 158). Но здесь различие идет за счет прибавления новых элементов. У Качалкиных (157, 156, 155), у Шаровых (148, 147), у Земцовых (143, 144, 145) сходство «мет» отсутствует. У Зябиных же (141, 142) сходство имеется[3].

В рассматриваемый период традиции даже семейной и фамильной «меты» были нарушены. Только в небольшом числе случаев эта традиция сохранилась (Пивцаевы, Корчагины), что может служить свидетельством широкого распространения этого явления в далеком прошлом. Следов более древних традиционных «мет» мы найдем больше при рассмотрении коллекции «мет» на кладбищенских крестах, которая была собрана в Мордовской АССР.

* * *

«Меты на крестах, как это видно из таблицы III, будучи столь же разнообразными, имеют некоторые особенности, что, вероятно, обусловлено характером ритуальных памятников, на которых они располагаются. Здесь возможно наблюдать более архаические черты как в начертании, так и в осмыслении. Судя

[1] Г. Трирогов, Наши общины, стр. 17.

[2] Всего в нашем распоряжении имеется 69 «мет», принадлежность которых определенным фамилиям известна. Из этих «мет» 35 принадлежат 17 фамилиям. Сюда не входят те «меты», о которых нам говорили, что такие же у отца или брата.

[3] По селу Губашеву общие «меты» у отца и сына в следующих семьях: Антошкина (111), Уткина (106), Сметанкина (104), Добролюбова (103), Дворнина (101). У Козлова Е. Д. «меты» общие с отцом, братьями и дядей (107). Все села Ульяновской области.

по собранным материалам, эта группа «мет» более устойчива и с большим правом может считаться фамильною или семейною[1]. Многие «меты» зарисованы с группы крестов, стоявших на одной могиле, в которой, несомненно, схоронены были родственники. Есть основания предполагать, что среди этих «мет» есть и родовые, хотя население их так уже не осмысляет.

В этой группе «мет» нередки совпадения форм, притом из разных селений (угол вниз — 3, 157, 188; угол вверх — 58, 187, 190, 193; угол влево — 105, 148, 143, 139; угол вправо — 57, 138 и т. д.). Возможно предполагать, что это явление — пережиток отдаленных времен, когда подобного рода «меты» были общими для более широкого круга кровных родственников.

Кроме того, на примере «мет» на крестах мы имеем возможность проследить пути изменения начертаний формы «меты» путем разнообразных добавлений, приставок и т. п. (149, 137, 142, 108, 90, 170, 19, 25, 22, 61, 28, 166 т. д.).

Характерно почти полное отсутствие буквенных начертаний, что, несомненно, обусловлено сохранением традиций далекого прошлого.

К сожалению, мы не располагаем данными о принадлежности всех «мет» определенным семьям и фамилиям. Только о некоторых такие данные имеются[2]. Обращаем внимание на «меты» фамилии Володькиных в с. Н. Дубровке, которыми были помечены кресты на двух разных могилах. При фамильном единстве наблюдается большая разница в формах «мет». Это могло произойти в том случае, когда семья разделилась сравнительно давно и у каждой ветви появилась своя «мета», не сохранившая ничего от исходной формы.

Не располагаем мы также сведениями о наименовании или осмыслении той или иной «меты». Только некоторые «меты» из с. Ст. Дракино имеют наименования в наших материалах (1 — «Скоба»; 27 — «Сюруне», 32 — «Копье», 13 — «Кавалам пуло» — хвост коршуна).

Чрезвычайно интересно то, что «меты» на крестах в с. Ст. Дракино называются «полевыми метами», то есть они, видимо, применялись на «жребьях» при дележе загонов и при отметке самих загонов. Наибольшая близость «мет» на загонах у

[1] В с. Лобаски Ичалковского района МАССР на кладбище мы имеем: форму 152 на двух крестах на одной могиле; то же с формой 155, 165, 185; формы 178—179—на одной могиле; 182—183—на одной могиле, форма 187—на 4-х крестах на одной могиле; форма 193 — на двух крестах — семья Рябовых; 46—47 — семья Володькиных; 48—49 — одна семья; 52—53—54 — одна семья; 51—семья Бутяйкиных; 55—семья Леонтьевых; 60—61—52—одна семья; 73—семья Слугиных; 75—76—77—семья Володькиных; 79—80—81—одна. В с. Н. Дубровке Атяшевского района МАССР наблюдается такое же явление. Форма 82, 83, 84—одна семья; 89 на 4-х крестах на одной могиле; 91, 92—на 4-х крестах на одной могиле Шкаргиных; 93, 94—одна семья; 95—на 3-х крестах на одной могиле; 98—то же; 99—то же; 100—то же, семья Еськиных.

[2] См. сноску на стр. 199.

саратовской мордвы по своим начертаниям «полевых мет» на крестах позволяет считать, что эти «меты» у саратовской мордвы сохранили семейные и фамильные традиции. Некоторые начертания более древние.

Подводя некоторый итог по второй группе «мет», мы можем сказать, что преобладающей формой для большинства и здесь является форма прямолинейная. Эта прямолинейность форм находится в теснейшей зависимости от орудий труда, которыми «меты» делались.

По осмыслению большинство «мет» этой группы связывается с различными хозяйственными предметами, животными, явлениями природы и небольшим числом буквенных и цифровых обозначений. Последнее явление, несомненно, позднейшего времени, когда в деревню стала интенсивно проникать грамотность.

Сохранение наименования «радуга» для простого угла на загоне свидетельствует о живучести старых традиций.

Мы не нашли следов осмысления «мет» как **родовых** знаков собственности. Можно говорить только о семейных или фамильных «метах». При этом наблюдается, что члены одной семьи, живущие отдельно, используют свои собственные «меты». Однако нередки случаи, когда отделившиеся сыновья сохраняют отцовскую «мету», прибавляя к ней дополнительный знак. Часто отцовская «мета» переходит к младшему сыну, а не к старшему, что имело место в прошлом, по словам исследователей, когда сохранялась еще «большая семья». При системе обязательных разделов, которая практиковалась в мордовской деревне в последние сто лет, с отцом, естественно, оставался младший сын.

Следует отметить, что в последнее время «меты» у мордвы имели значение только внутри сельской общины и этим они отличаются от «знамен» на бортных деревьях XVII в., когда «знамя» того или иного владельца было известно далеко за пределами сельской общины. Внутриобщинное значение «мет» сделало их более разнообразными и способствовало нарушению традиций «большой семьи» и тем более рода.

* * *

Для характеристики «мет» более раннего времени можно использовать работу В. Майнова[1], которая позволит подойти к «метам» исторически.

В работе В. Майнова в приложении дана таблица знаков собственности из 33 №№ с наименованиями. Автор говорит: «Всякая семья имеет все непременно один из таких знаков, которыми отмечает свои делянки, свой скот и т. п.»[2]. О «полевых

[1] В. Майнов, Очерк юридического быта мордвы, СПб, 1885.
[2] Там же, стр. 196.

метах» он говорит: «...границу отмечают «метой», с лежащими на каждом повороте камнем, под камнем положена зола от очагов обоих соседей и их «меты», вырезанные на кирпичах»[1]. К сожалению, автор не указал, из каких селений Саратовской губернии у него материалы.

В приведенной таблице у него есть ряд рисунков и наименований, сходных с нашими. Есть зарубки «Тулат», вилы «Сянгт», дуга «Енкс». Сходных рисунков больше, чем наименований. Возможно, что это произошло от того, что наши «меты» собирались на 43 года позднее публикации работы Майнова. Формы «мет», вероятно, устойчивее их наименований. У Майнова — «Нумолонь пильге» — заячья нога, а у нас — «Галань лапа» — гусиная лапа, «Сараз лапа» — куриная нога. У Майнова «Пандо» — гора (отсюда и фамилия Горкины), а у нас «Кудо хоня» — конек избы. Эта распространенная у саратовской мордвы «мета» почему-то отсутствует у Майнова.

В наших материалах нет указаний на употребление кирпичей с «метой» владельца участка земли и золы с очагов. У Майнова оказались, несомненно, более древние «меты», общие для большого коллектива родственников. Зола с очага может быть понята только как символ родовой принадлежности, родовой собственности. Наши же «меты» закрепляли за владельцем только урожай.

Но все же и «меты» Майнова не следует понимать как «родовые» знаки собственности, т. к. в его время даже большая мордовская семья и двор распадались. В б. Вольском уезде по X ревизии (1858 г.) средняя величина мордовской семьи составляла 9,3 чел. в Хвалынском — 10,2, в Кузнецком — 9,48. В 1885—1886 гг. количество членов мордовской семьи сократилось: по Вольскому уезду до 5,9 чел., по Хвалынскому до 6,7, по Кузнецкому — до 6,66[2]. По 72 мордовским общинам в Саратовской губернии было в 1858 г. 6796 домохозяев и в них 70954 души обоего пола, на одно хозяйство — 10,4 души. В 1882—87 гг. было 14992 домохозяйства, а в них 98748 душ обоего пола — на одно домохозяйство 6,5 душ[3].

Майнов приводит интересные случаи зависимости прозвища или фамилии хозяина от наименования «меты». Горкины имели «мету» «Пандо» — гора, Кузнецовы — «Тсиотмар» — молоток, Пятаевы — «Пильге кодь» — пята.

Далее он говорит: «Мордва идет даже дальше и умеет различать, например, второго сына в семье «Вед» или третью дочь в семье «Керсяф», отмечая их знаком, т. е. подставляя цифру под знаком, а девочку отмечая покрышкой; жена крестьянина, имеющего знак «б», отмечается знаком «в». И далее: ...«старший

[1] В. Майнов, Очерк юридического быта мордвы, СПб, 1885, стр. 197.
[2] Сборники стат. сведен. по Саратовской губ. за 1891—92 гг. по Вольскому, Хвалынскому и Кузнецкому уездам.
[3] Свод статист. свед. по Саратовской губ., ч. I, Саратов, 1888, стр. 1466

в роде пользуется отцовской «сьермой» (метой) без перемены, а остальные как-нибудь видоизменяют «мету», как мы видим это на знаке «лисьма» (колодезь), где черта посередине—добавочная: случилось нам видеть и знак «Кафто пандт» (две горы), носящий же его наз. Горкин и происходил из их семьи, имевшей «мету» — гора»[1].

Отдельные примеры Майнова имеют место и среди наших материалов в виде добавочных знаков и «мет» на загонах, на деревьях и на крестах. Однако есть существенные различия. Например, у саратовской мордвы, как нам сообщали, родительская «мета» переходит к младшему сыну, а не к старшему. При разделе сыновья могли брать произвольную «мету», а не обязательно родительскую, хотя бы и с дополнениями.

В свое время было опубликовано чрезвычайно интересное письмо, полученное в Петербурге солдатом Никитою Колесниковым от своих родных из Кузнецкого уезда Саратовской губернии (рис. 2). Это письмо, несомненно, мордовское, хотя автор об этом не говорит. Многие идеографические знаки письма чрезвычайно близки «метам», приводимым Майновым. Совпадают и осмысления этих знаков при прочтении письма. Везде знаки, обозначающие женщину, покрываются маленькой дугой, солнце изображено кружком, также есть изображение лошади и косы[2].

Эта идеограмма интересна тем, что неграмотная мордва прибегала сто лет тому назад к широко известным ей условным знакам — «метам» — для передачи сообщения в письменном виде. Совершенно очевидно, что автор письма был уверен в правильном прочтении его адресатом, настолько примененные знаки являлись общеупотребительными. Не исключено, что в практике мордвы подобного рода переписка не была единичным случаем. Поэтому есть основание говорить о своеобразной письменности у мордвы.

Учитывая широкое распространение «мет», правительство в первой половине XIX в. сочло необходимым вмешаться в об-

[1] О величине мордовской семьи можно судить на примере Петрова Константина из с. Верх. Дубровка Кузнецкого уезда. «Она (семья) заключает в себе 16 мужчин, в том числе 9 работников и 23 женщины, в том числе 13 работниц. Возраст отдельных членов следующий: мужчины — 67, 60, 47, 45, 35, 30, 25, 22, 20, 12, 12, 7, 6, 6, 6; женщины — 60, 50, 45, 40, 40, 30, 25, 25, 20, 20, 19, 19, 18, 17, 15, 15, 14, 10, 5, 4, 2, 2, 1. Семья занимает 4 деревянных, крытых соломой избы, все по 8×8 аршин» (Сборн. стат. свед. по Саратовской губернии, т. X. Кузнецкий уезд, Саратов, 1891 г., стр. 194.)

[2] В. Высоцкий, Несколько слов о следах употребления у нас фигурного письма. Изв. О-ва арх., истор. этногр. при Казан. ун-те, т. VI, в II, стр. 1—15. Содержание письма: «Твой (Никитин) брат Федор, обладающий семейным знаком косы и личным — ручкою (приехал домой) (он, как известно было Никите, раньше ездил в извоз на Эльтон), по прошествии трех дней умер; жена его плачет, а трое детей голодные сидят. Никита (солдат) пришли денег. Племянница твоя Цапля обручилась с Петром Колесниковым».

ласть правовых отношений. П. Ефименко указывает, что «Циркуляром Министерства государственных имуществ от 25.X. 1840 г. разъяснено было палатам, что в IV части 313 ст. 2 п. проекта, учрежден. об управлении государственными имуществами, предоставлено право сборщикам податей означать в семейных таблицах итог сборов, кроме цифр, такими знаками, какие употребляются[1].

* * *

Чрезвычайно интересные выводы получаются при сопоставлении наших «мет» с бортными[2] «знаменами» мордвы XVII—XVIII вв.

Нам посчастливилось обнаружить в документе 1706 г. ряд «знамен» саратовской мордвы. «Эти «знамена» повторяют некоторые формы «мет» первой четверти XX в., приведенные нами выше. Этот факт говорит о многовековой живучести «мет» в мордовской среде.

Оказалось также, что целый ряд «знамен» 1706 г. имеет общие черты со «знаменами» мордвы тех сел, откуда выселилась саратовская мордва. (Документы 1706—1728 гг.) Значит, саратовская мордва на новом месте жительства продолжала пользоваться старыми «знаменами».

Аналогии к «знаменам» саратовской мордвы удалось нам обнаружить и в документе 1624 г. у мордвы тех сел, откуда она выселилась. Конечно, «знамена» саратовской мордвы к XVIII в. претерпели ряд изменений, появились новые черты, но все же некоторые формы прослеживаются до XVII в.

Документ 1624 г. дает нам не только начертания «знамен», но и наименования их и имена владельцев[3].

[1] П. Ефименко, Юридические знаки. Жур. Мин. нар. просв. 1874, № 10—12.

[2] «Бортью» называлось в древней Руси дерево, в дупле которого жили дикие пчелы. «Бортники» отыскивали такие деревья в лесу особым способом и ставили на них свои «знамена», то есть превращали их в свою собственность. «Бортные ухожаи» облагались пошлиной в пользу государства и «жаловались» от лица государя тому или иному лицу, которое обязано было платить «уездный оброк». «Бортничество» прекратилось в XVIII в.

[3] Документ 1624 г. Алатырский уезд, с. Киржеман.
1. Сюлдюк Кечасев «Дуга да пять глазов».
2. Сетян Аткин «Дуга да четыре глаза».
3. Си же «Вилы да пять глазов».
4. Казанчей Симдянов «Дуга да три глаза».
5. Вельмесь Кечедеев «Дуга да три глаза».
6. Сюндюк Кечелсев «Дуга да пять глазов».
7. Пулакш Тетясев «Дуга да три глаза».
8. Пилесь Алексеев «Дуга да четыре глаза».
9. Отя Салтанов «Дуга да шесть глазов».
10. Бичура Ермензин «Дуга да три глаза».
11. Сустат Алков «Дуга да три глаза».

«Знамена» на бортных деревьях, как и прочие «меты», мордва наносила соответствующими инструментами. Здесь, несомненно, применялись топор и долото — главные инструменты бортника. Прилагаемый рисунок (рис. № 4) из писцовой книги XVII в. дает представление о форме «знамен» и о технике. Прямые линии означают «пояс», а кружочки — «рубежи» (наши «чапы»). Очень важно указание на то, как «бьются» «знамена» — «Бьются все знамена вверх и на низ по дереву с отбою и прибою». Последнее выражение означает, что бортник делал зарубки то с левой стороны дерева — «с отбою», то с правой стороны — «с прибою»[1].

В более древние времена мордва также применяла «меты» для обозначения принадлежности того или иного предмета определенному лицу. Знаки собственности мы находим на глиняных сосудах из Мураиского могильника XIV в.[2] (рис. № 3) и на сосудах Лядинского могильника IX—XI вв.[3] (рис. № 3).

Из сравнения «знамен» XVII в. со «знаменами» XVIII в. оказывается, что некоторые из них к XVIII в. вышли из употребления. Ряд «знамен» идет через XVII и XVIII вв., ряд «знамен» сохранился как у саратовской мордвы, так и на их прародине. Наиболее распространенными для XVII—XVIII вв. у саратовской мордвы и на ее прародине являются образцы I, IV (рис. 5).

с. Пермис. 12. Туманин (выморочное).
13. Чеканя Сустатов (выморочное).
14. Кучай Бебишев «Пять глазов».
с. Полдасево. 15. Токташ Гришин «Вилы да три глаза».
16. Чемай Адманов «Три глаза».
17. Ромодан Митин «Вилы да три глаза».
18. Тетяш Кулчемаев «Вилы да четыре глаза».
19. Олемас Кораев «Вилы да четыре глаза».
20. Полат Полдасев «Вилы да четыре глаза».
21. Поропинское (выморочное) «Вилы да четыре глаза».
22. Тереш Ермолов «Вилы да два глаза».
23. Худяк Якушев «Вилы да три глаза».
24. Тетюш Кучумов «Вилы да четыре глаза».
25. Терюшка Ермолов «На обоих концах вилы да два глаза».
26. Чиндяс Казанчеев «По обоим концам вилы да четыре глаза».
27. Яиша Мясов «По концам вилы да три глаза».
с. Сыресево. 28. Нюня Разгильдеев «Лопатка да два глаза».
29. Тепаевское «Мотовило да три глаза».
30. Его же «Лопатка да пояс, да четыре глаза».
31. Четай Якимасов «Бараньи рога, да под исподом прут, да два глаза».
32. Сабай Учеватов «Бараньи рога, да под исподом прут, да три глаза».
33. Сустат Мотясов «Налуч да четыре глаза».
34. Он же «Лопатка да четыре глаза».
35. Мучкамас Вечканин «Лопатка да три глаза».

[1] «В тех ухожаях ходит знамя на Цне на реке два пояса с семью рубежи, другое знамя два пояса с девятью рубежи. Да знамя на реке на Танбове Тремасове сторове шесть рубежей, другое знамя восемь рубежей. Бьются все знамена вверх и на низ по дереву с отбою и прибою».

[2] Гос. Истор. Музей в Москве. Инвент. № 1729 и № 35178.

[3] Древности мордовского народа. Саранск, 1941, стр. 20.

Близость ряда «знамен» саратовской мордвы с мордвой других территорий дает возможность говорить о местах выселения саратовской мордвы. Наши выводы по этому вопросу совпадают полностью с данными А. А. Гераклитова[1].

Подводя общий итог, мы, следовательно, можем сказать, что:

1. Обычай обозначать особыми знаками собственность уходит у мордвы в далекое прошлое и восходит ко временам родового строя.

2. В связи с изменением общественно-экономических отношений менялись и значения знаков собственности — от родовых к семейным, причем в позднейших формах отсутствуют какие бы то ни было связи с родовыми знаками.

3. По характеру знаков собственности есть возможность судить о составе населения мордовских сел в XVII — XVIII вв., то есть являются ли они родственниками или принадлежат к различным семейным группам.

Рис. 1. Образец «меты» — «Кошма» на бревне. с. Найман.

4. Сопоставление мордовских «знамен» XVIII в. саратовской мордвы с аналогичными «знаменами» других территорий позволяет устанавливать места, откуда пришла саратовская мордва в конце XVII в. В основном это будут районы, заселенные в настоящее время мордвой-эрзей, вследствие чего саратовскую мордву, за небольшими исключениями, можно считать эрзей.

---

[1] А. А. Гераклитов, Саратовская мордва. Изв. Краевед. ин-та изучен. Юж.-Волж. обл. при Сарат. у-те, т. 1. Саратов, 1926, стр. 135.

Таблица I. «Меты» на полевых загонах саратовской мордвы в 1926—1928 гг.
1—12, с. Найман. 13—26, с. Холстовка. 27—40, с. Чертовка. 41—51, с. Голодяевка. 52—61, с. Барановка. 62—83, с. Болдасево. 84—120, с. Собакино. 121—126, с. Давыдовка. 127—161, с. Губашево.

Таблица I (продолжение)

Таблица II. «Меты» на деревьях при рубке леса у саратовской мордвы.
1—25. с. Найман. 26—64. с. Чертовка. 65—97. с. Холстовка. 98—123. с. Губашево 124—134. с. Голодяевка. 135—140. с. Барановка. 141—163. с Болдасево.

Таблица II (продолжение).

Рис. 2. Письмо, полученное солдатом Никитой Колесниковым в Петербурге, от своих родных из Кузнецкого уезда Саратовской губернии.

Обозначения: 1—коса с ручкой обозначает родного брата Никиты Федора; 2—привязанная лошадь; 3—дом; 4—три солнца; 5—земля; 6—женщина; 7—вода; 8—трое детей; 9—отсутствие хлеба; 10—деньги на лошадь; 11—женщина семейства Косы-Шапли; 12—два кольца катятся; 13—колесо.

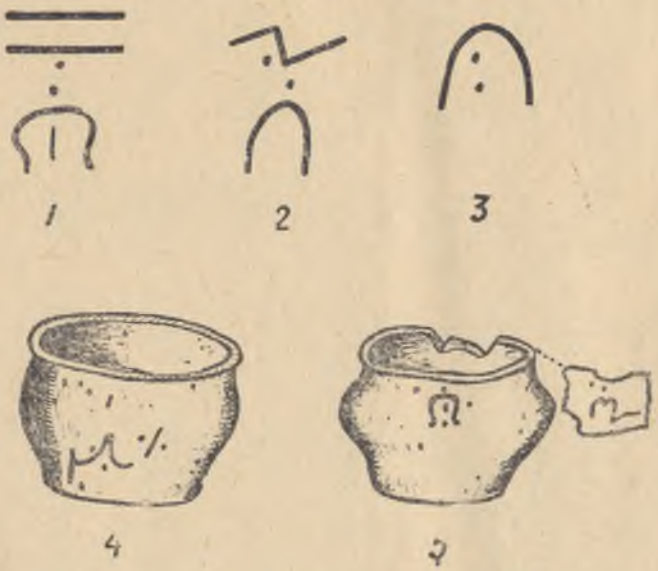


Рис. 3. «Меты» на древних сосудах из мордовских могильников.

1—3—из Муранского могильника XIV в.; 4—5—из Лядинского могильника IX—XI вв.

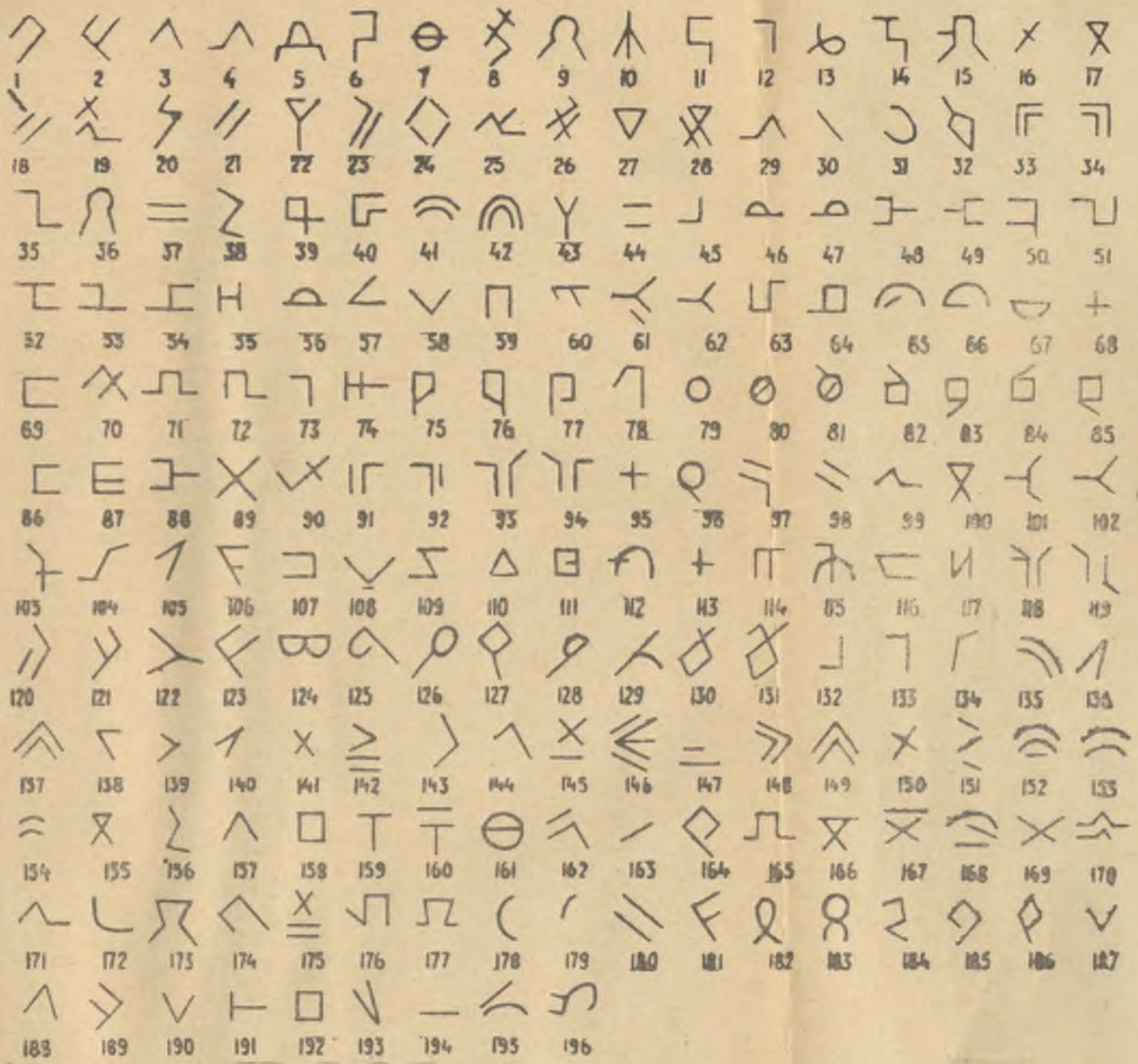


Таблица III. «Меты» на могильных крестах в Мордовской АССР.
1—38. с. Стар. Дракино. 39—104. с. Н. Дубровка. 105—119. с. Стар. Селищи. 120—131. с. Сабаево. 132—137. с. Давыдово. 138—196. с. Лобаски.

Т. А. Крюкова

КОЛЛЕКЦИОННЫЕ СОБРАНИЯ ПО МОРДВЕ В ГОСУДАРСТВЕННОМ МУЗЕЕ ЭТНОГРАФИИ НАРОДОВ СССР

Изучение вещевых коллекционных музейных материалов является необходимым при любом исследовании в области этнографии того или иного народа.

Большое значение при этом приобретает публикация коллекционных собраний наших этнографических музеев. Вещевой музейный материал может стать полноценным этнографическим источником лишь тогда, когда коллекции музея тщательно изучены и введены в научный оборот путем опубликования или составления хотя бы обобщенного их описания.

Автор настоящей статьи ставит перед собой скромную, но, на его взгляд, полезную задачу: дать суммарную характеристику этнографических коллекций по мордве, собранных более чем за полвека существования крупнейшего этнографического музея страны — Государственного музея этнографии народов СССР.

Это краткое описание должно коснуться состава, тематики, локализации коллекций. Будет дана также общая оценка их в научном отношении с выделением уникальных предметов. Вместе с тем должна быть освещена собирательская работа и комплектование коллекций отдельными собирателями в различные периоды жизни музея.

Коллекции по мордве в отделе Поволжья и Приуралья музея являются ценными и интересными в научном отношении. Бо́льшую часть этих коллекций составляют материалы Государственного музея этнографии в Ленинграде, бывшего этнографического отдела Русского музея. Значительно обогатило и дополнило это собрание присоединение к этому музею в 1948 году коллекций Московского музея народов СССР, которые вошли в него органической частью и составляют с ним в настоящее время одно целое.

Общее количество предметов 2494. Мордва в коллекциях музея представлена по всем пяти этнографическим группам — эрзя, мокша, терюхане, каратаи, шокша.

Наиболе интересными и ценными в этом собрании следует считать материалы по одежде, преимущественно женской. В количественном отношении они также являются основными. Отдельные части одежды, представленные с большим количеством вариантов, по которым легко проследить национальные черты и локальные отличия отдельных мелких подгрупп, областей и даже районов. Материал в ряде случаев хорошо аннотирован и датирован. Иногда по аннотациям является возможным проследить процесс изменения тех или иных предметов в историческом развитии.

По сравнению с одеждой другие темы представлены значительно слабее. Имеются в коллекциях предметы домашнего обихода, домашней обстановки, предметы техники, утварь и т. п. Среди утвари представляют интерес: глиняная посуда, деревянные черпаки, блюда, чашки, солонки.

Из домашней обстановки интересны экземпляры свадебных кадок для приданого («парь») и коробов для одежды, заменяющих сундуки.

Что же касается орудий труда, предметов техники, то они в коллекциях по мордве являются единичными.

Комплектование этнографических коллекций, характеризующих национальные особенности быта и культуры мордвы, началось в музее с 1902 года. В дореволюционный период основная собирательская работа протекала в период 1902—14 гг.

Наиболее активным собирателем мордовских коллекций в этот период был виднейший ученый Поволжья, этнограф, один из просветителей мордовского народа — М. Е. Евсевьев. Тесная связь с музеем была установлена им (через академика А. А. Шахматова) в 1908—14 гг. Будучи учителем, М. Е. Евсевьев свободное от работы время, чаще каникулы, использовал для сбора вещевого коллекционного материала по поручению музея. Одновременно им собирались этнографические вещи и для других музеев; в частности, коллекции М. Е. Евсевьева этого периода имеются в Саранском и Казанском музеях.

Коллекции для Государственного музея этнографии народов СССР собраны в пределах бывш. Пензенской, Симбирской, Тамбовской, Саратовской, Самарской и Нижегородской губерний.

Всего М. Е. Евсевьевым, выдающимся знатоком мордовской этнографии, было приобретено 25 коллекций с количеством в них — 374 предметов. В основном они содержат предметы одежды, но имеются отдельные предметы домашнего обихода, в частности — утварь. Встречаются вещи, характеризующие дохристианские верования мордвы.

Коллекции М. Е. Евсевьева по народной мордовской одежде собирались им систематически, с большим этнографическим чутьем; среди них встречаются уникумы. В отношении хронологии они в основном относятся к середине и концу XIX века.

Отдельные предметы датируются более ранним периодом, они синхронны Палласовской коллекции XVIII века. Так, например, среди них имеется старинная верхняя рубаха «покай» (№ 3439—14), надевавшаяся в день совершеннолетия эрзянской девушки[1].

Подобные архаичные образцы мордовской одежды имеют особую ценность подлинных вещевых памятников, бытовавших в период, мало освещенный в этнографической литературе. Поскольку этнография является молодой наукой, получившей развитие лишь в XIX веке, основной вещевой материал различных музеев относится к XIX веку. Тем бо́льший интерес вызывают единичные более ранние этнографические памятники, восходящие к XVIII веку.

Являясь как бы промежуточным звеном между археологическим и более поздним этнографическим материалом, эти вещи интересны как для освещения вопросов истории развития одежды, так и в плане изучения пережиточных явлений, с ней связанных. Полнота собранного М. Е. Евсевьевым материала по одежде дает возможность проследить на большом количестве вариантов отдельные вопросы, интересные и нужные при изучении одежды, касающиеся хронологии, локальных особенностей, возрастных отличий, социальной принадлежности, условий бытования и т. п.

Большой размах собирательской работы позволил Евсевьеву собрать по ряду районов полные комплекты сложных по своему составу костюмов.

Проводимые им одновременно со сбором вещевого материала углубленные исследования в области этнографии снабдили эти коллекции безукоризненными, ценными в научном отношении аннотациями. Весьма интересен добытый М. Е. Евсевьевым терминологический материал. При научном описании коллекций собирателем даются не только названия частей одежды, но нередко — орнамента, материала для изготовления, техники и т. п. Значительный фактический материал, касающийся собранных Евсевьевым коллекций, можно получить и в научном архиве Государственного музея этнографии народов СССР в так называемом «Собирательском деле М. Е. Евсевьева».

Весьма интересные данные, характеризующие национальную одежду тех районов, которые он посетил в связи со сбором коллекций для двух музеев — Государственного музея этнографии народов СССР и музея в гор. Саранске — находятся в Государственном архиве Мордовской АССР, в специальном фонде М. Е. Евсевьева[2].

В Государственном музее этнографии среди коллекций

---

[1] См. статью Т. А. Крюковой «Женская рубаха «покай» и ее связь с праздником «Пиванъ кудо» у мордвы». Записки Научно-исследовательского института. № 19. Саранск, 1958. Стр. 218.

[2] ЦГА МАССР, Фонд № 267, дела №№ 2, 3, 5, 17, 20, 21, 25, 43, 46.

М. Е. Евсевьева можно выделить как особо ценные коллекции №№ 1522, 2090 и 3454.

Коллекция № 1522 была собрана в б. Симбирской губернии, в уездах Буинском и Ардатовском среди мордвы-эрзи. В составе коллекции — головные уборы, плечевая одежда, украшения. Представленные в ней головные уборы (№№ 1522—1, 2, 3, 4, 5) являются особо интересными. В описании имеются указания на хронологию бытования. В аннотациях к обрядовым (свадебным) предметам указывается и на обряд, сопровождающий надевание той или иной части одежды.

Весьма разнообразны головные уборы мордвы-мокши в коллекции № 2090, собранной в б. Тамбовской губернии в 1908 году. Коллекция содержит девичьи, женские, старушечьи, детские головные уборы разной хронологии — середины XIX и нач. XX вв. Коллекция снабжена хорошими аннотациями.

Коллекция № 3454 относится к так называемой «теньгушевской мордве» (шокша) и характеризует с достаточной полнотой одежду этой группы (в коллекции 116 предметов). Дана мужская, женская, детская одежда в комплектах и отдельных предметах. Уникальной можно считать женскую рубаху № 3454—58, чрезвычайно архаичную по покрою, но бытовавшую в начале XX века.

В коллекции № 6787 имеется также уникальный предмет, относящийся к верованиям (№ 6787—91). Это изображение коня (алашат) из сучка дерева. Данный предмет имеет обрядовое назначение, употребляется при весеннем общественном молении. Публикация его дана собирателем в 1914 г.[1]

Не менее интересны коллекции по мордве, доставленные в музей в 1902 году профессором Казанского университета И. Н. Смирновым, который проводил в начале текущего столетия большую собирательскую работу по народам Поволжья для Государственного музея этнографии народов СССР. Для сбора материала по мордве он посетил Казанскую, Самарскую, Симбирскую, Тамбовскую и Нижегородскую губернии. Охваченная его экспедиционным обследованием территория позволила ему собрать значительные по количеству предметов (158 шт.) и разнородные по составу коллекции: №№ 181, 397 и 398. Особый интерес представляет приобретенная им одежда у мордвы-каратаев в бывш. Казанской губернии (свыше двадцати предметов). Некоторые из предметов этой коллекции (№ 181) являются уникальными, поскольку в других музеях они не встречаются; в быту же они давно вышли из употребления. В этой же коллекции значительную ценность имеет интересный экземпляр верхней рубахи «покай» (№ 181—77 ав), приобретенный в бывш. Самарской губ., а также старинный передник (примерно нач. XIX века). Старинные рубахи «покай» имеются и в коллекции № 397. Привезены они из Нижегородской губернии.

[1] М. Е. Евсевьев, «Братчины и другие религиозные обряды мордвы Пензенской губ.» Живая старина, 1914, вып. I и II, стр. 17.

Коллекция № 398 собрана среди мордвы-мокши. Материал в основном относится к середине XIX века. В ней интересны комплекты женских рубах, которые одевались невестой во время свадьбы одна на другую (до 9 шт. каждый комплект).

Представляют большую ценность коллекции, собранные по поручению музея собирательницей В. П. Шнейдер. Она посетила в 1903, 1905, 1906 и 1915 гг. бывш. губернии: Пензенскую, Тамбовскую, Саратовскую, Симбирскую и привезла девять коллекций с большим и разнородным материалом (302 предмета). В основном это — одежда плечевая, головные уборы, вышивки, отчасти утварь (глиняная посуда, деревянные предметы). Среди коллекций сбора В. П. Шнейдер наиболее интересна коллекция № 1065, привезенная из Пензенской губернии, Саранского и Городищенского уездов. Она содержит ряд уникальных предметов в числе образцов женской одежды мордвы.

Ценный этнографический материал собрал для музея также профессор С. И. Руденко в 1907 и 1912 гг. В те годы он был научным сотрудником музея. Материал был им получен в результате поездок в бывш. Самарскую, Оренбургскую и Уфимскую губернии. Привезенные им коллекции №№ 1214, 1215 и 2829 содержат 182 предмета; это — одежда мужская и женская, образцы вышивки, украшения, деревянная утварь, предметы домашнего обихода.

Коллекции С. И. Руденко представляют большой интерес еще и потому, что привезены из тех мест, где мордва проживает не компактной массой, а среди пестрого состава других народов Поволжья и Приуралья. Это позволяет на конкретных вещевых памятниках проследить взаимовлияние отдельных народов между собой.

Все эти перечисленные выше этнографические коллекции, собранные для Государственного музея этнографии разными собирателями в дореволюционное время, были дополнены ценным собранием Московского музея народов СССР, коллекции которого были переданы в Ленинградский этнографический музей в 1948 году.

Помимо образцов старинной мордовской одежды из коллекций бывших музеев Дашковского и Румянцевского (вошедших после Октябрьской революции в Музей народов СССР в Москве), к этому собранию относится также интересная коллекция, собранная в 20-е годы текущего столетия музеем Народоведения. В частности, эта коллекция содержит одежду мордвы-терюхан, а также единичные предметы мордвы-мокши Зубово-Полянского и Ширингушского районов. Сбор этой коллекции был осуществлен членом-корреспондентом АН СССР С. П. Толстовым. До поступления этой коллекции мордва-терюхане в

собраниях Государственного музея этнографии в Ленинграде совсем не была представлена.

В послереволюционные годы (вплоть до 1948 года) поездок в районы проживания мордвы для сбора экспонатов не было. Имели место лишь случайные, неплановые поступления (№№ 5826, 6221, 6242, 6243). Собирательская работа по мордве отделом народов Поволжья и Приуралья была возобновлена лишь в 1948 году. Начиная с этого года, сотрудником музея Т. А. Крюковой были осуществлены 3 экспедиции в Мордовскую АССР (в 1948, 1949 и 1961 гг.), где проведена собирательская работа в пределах Кочкуровского, Краснослободского, Рыбкинского, Рузаевского, Ковылкинского, Теньгушевского и Зубово-Полянского районов.

Коллекционный вещевой материал, полученный в результате экспедиционной работы, разнороден. Помимо одежды (разных хронологических периодов), украшений, собран интересный материал по гончарству, домашнему окрашиванию и по народному изобразительному искусству.

Значительная часть этих материалов относится к современности. Предметов, характеризующих советский период, в мордовских коллекциях имеется 70 №№, из них 48 предметов одежды и 22 предмета относятся к народному изобразительному, в том числе и декоративно-прикладному искусству.

Несомненно, что материал, собранный в послереволюционные годы благодаря планомерной экспедиционной работе, снабжен хорошими аннотациями.

В заключение необходимо отметить, что в результате значительной экспедиционно-собирательской работы за ряд лет музей имеет в своих фондах полноценное собрание предметов, характеризующих этнографию мордовского народа.

Одежда мордвы представлена почти с исчерпывающей полнотой.

В плане комплектования на будущее предполагается усилить планомерное пополнение и по другим категориям этнографических предметов.

АРХЕОЛОГИЯ

А. В. Циркин

ПРОНИКНОВЕНИЕ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В БЫТ И ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД МОРДВЫ (VII—XIII вв.)

Вопрос о проникновении русской культуры в быт и погребальный обряд мордвы относится к числу вопросов, имеющих большой интерес для понимания складывания древней культуры мордвы, а также для выяснения истории первоначальных русско-мордовских отношений.

Уже VII—X вв. предстают перед нами как эпоха оживленных культурных взаимосвязей мордвы со славянами. Объяснение процесса проникновения восточнославянской культуры в быт мордвы хорошо показано в работах П. П. Иванова и А. П. Смирнова[1], где приведен материал, наиболее отчетливо показывающий картину оседания славянских вещей в землях мордвы. Авторы правильно рассматривают указанную проблему, и наша задача сводится лишь к подведению некоторых итогов, дополнив их выводы фактами и наблюдениями, ставшими известными после выхода в свет этих исследований.

Проникновение славянской, а позднее русской культуры в быт и погребальный обряд мордвы выразилось прежде всего в широком наборе украшений, сопровождающих покойника. Оно нашло отражение в керамике с типичным волнообразным славянским орнаментом, в изделиях из эмали, шифера, в витых плетеных браслетах и семилучевых височных кольцах, перстнях и бусах.

Наиболее раннее проникновение славянских вещей из бассейна Днепра и Дона на северо-восток в земли, заселенные древней мордвой, началось примерно в VI—VII вв. н. э. В Моршанском краеведческом музее хранится ажурная привеска, украшенная выемчатой эмалью, найденная на территории древней мордовской стоянки, расположенной близ деревни Тихий Уголок. Эта вещь может датироваться в пределах IV—

---

[1] П. П. Иванов. Материалы по истории мордвы VIII—XI вв. Моршанск, 1952, и А. П. Смирнов. Очерки из древней и средневековой истории народов среднего Поволжья и Прикамья. МИА, 28, 1952.

VI вв.[1] Привеска имела полукруглую форму с небольшим ушком. Ее поверхность разделена на равные по размеру и имеющие геометрическую форму ячейки, заполненные эмалью. Подобные вещи известны среди находок клада, найденного Н. И. Булычевым в валу Мощинского городища недалеко от Киева[2]. Моршанская ажурная привеска с выемчатой эмалью указывает на связь населения района Цны с древними славянами.

На древность славянско-мордовских связей указывают также многочисленные находки грубой посуды баночной формы с несколько выпуклыми плечиками, слегка отогнутыми краями и выступающими наружу днищами. Профиль данной посуды заставляет нас вспомнить керамику древних славянских городищ на Дону[3].

Раннее проникновение древних славянских вещей наблюдается и в могильниках мордвы, расположенных в бассейнах рек Мокши и Суры. Так, например, в Тезиковском могильнике, датируемом IV—V вв., в ряде погребений встречаются бусы биконического типа, а также шиферное пряслице. В 41-м погребении этого могильника была найдена бронзовая, ромбовидная фибула, украшенная вставками из красной эмали[4]. Эта вещь, как мы уже сказали, может датироваться IV—VI вв. Изделия из эмали обнаружены также в ряде погребений Селиксинского могильника, датируемого II—V вв. н. э.[5]

О культурных связях славян с мордвой во второй половине I-го тыс. н. э. достаточно ясно указывают археологические материалы ряда могильников, расположенных по р. Цне. Так, в Томниковском могильнике, датируемом IX—X веками, в вещевом комплексе ряда погребений встречаются вещи славянского производства. Там была обнаружена бронзовая штампованная лунница (рис. 1—24) с поверхностью, покрытой параллельными линиями[6]. Такие лунницы встречались также и в Армеевском могильнике, датируемом более ранним периодом (IV—VII вв.).

Аналогичные типы лунниц были найдены в древностях Чернигова. Там они находились в вещевом комплексе, хронологически относимом к XI в.[7], а также в курганах у села Левинки

[1] А. П. Смирнов, Очерки из древней и средневековой истории народов среднего Поволжья и Прикамья. МИА, 28, 1952, стр. 152.
[2] Там же, стр. 152.
[3] П. Н. Третьяков, Древнеславянские поселения на Дону, МИА, № 8, 1951.
[4] М. Р. Полесских, Отчет об археологических работах в Пензенской области в 1962 году. Колл. Пензенского областного краеведческого музея (в дальнейшем ПОКМ).
[5] М. Р. Полесских, Отчет об археологических исследованиях в Пензенской обл. в 1953 г. Колл. ПОКМ.
[6] К. А. Смирнов, Русский элемент в культуре мордвы. Ульяновск, 1957, стр. 8.
[7] Б. А. Рыбаков, Древности Чернигова, МИА, 11, М., 1949, стр. 21, рис. 4.

б. Стародубовского уезда Черниговской губернии, раскопанных Д. Я. Самоквасовым[1].

Изучая лунницы Государственного исторического музея, В. В. Гольмстен в свое время отмечала, что «первое появление лунниц относится к X в. Самое позднее время бытования лунниц — XIII в.[2] Случаи находок лунниц в мордовских могильниках, по мнению исследовательницы, явление исключительное и там они могли появиться несомненно под славянским влиянием.

В этом же могильнике был встречен бронзовый перстень в виде перекрученного дрота (рис. 1—7). По способу украшения и изготовления он напоминает такой же перстень, найденный в Московской области[3] и Д. Я. Самоквасовым в Северянских древностях[4]. Здесь же была встречена бронзовая подвеска в виде гребня (рис. 2—3), в основании которой помещены стилизованные изображения двух птичьих головок. Подвеска в виде язычка была найдена в 507 погребении Крюковско-Кужновского могильника. Аналогичный тип подвесок встречен в Радимических курганах в Улацовичах[5]. Эти вещи могут быть датированы в пределах VIII—X вв. (рис. 1—28).

В инвентаре Лядинского могильника также имеется комплекс вещей, свидетельствующий о проникновении славянских вещей в земли мордвы. К числу славянских вещей в указанном могильнике следует отнести серебряную лунницу (рис. 1—23). Лунницы нередко встречаются в славянских памятниках. Золотые привески в виде полумесяца, отделанные зернью, находили в древностях Ольвии, в курганах Смоленской области[6], а также в древностях Чернигова[7].

В Лядинском могильнике среди женских украшений были обнаружены перстни (рис. 1—7, 8). Эти широкосерединные перстни, или, по терминологии А. В. Арциховского, так называемые «усатые», встречаются у соседнего с мордвой славянского племени вятичей[8].

Возможно, что некоторые широкосерединные перстни могли быть мордовскими изделиями, попавшими в вятические курга-

[1] Д. Я. Самоквасов. Могильные древности Северянской Черниговщины. М., 1916, стр. 88, рис. 93.
[2] В. В. Гольмстен, Лунницы Исторического Российского музея, М., 1914, стр. 17.
[3] А. В. Арциховский, Курганы вятичей, М., 1930, стр. 73.
[4] Д. Я. Самоквасов, Указ. соч., стр. 91, рис. 102, стр. 92, р. 105.
[5] А. С. Уваров, Сборник карт и рисунков. К исследованиям о древностях южной России, вып. 1, таб. XIV, рис. 6.
[6] А. Е. Шмидт, Курганы XI—XIII вв. в Смоленском Поднепровье. Материалы по изучению Смоленской области, № 2. Смоленск, 1957, табл. VI, рис. 22—23.
[7] Б. А. Рыбаков, Древности Чернигова. МИА, 11, 1949, стр. 24.
[8] А. В. Арциховский, Курганы вятичей. М., 1939, стр. 88, см. также А. А. Спицина. Владимирские курганы. ИАК. № 15, СПб., 1905, рис. 299, 311, 313.

ны в результате торгового обмена. Однако исследователь вятических курганов А. В. Арциховский считает эти украшения продукцией вятического ремесла.

В Лядинском могильнике в мужских захоронениях среди предметов украшений и остатков одежды были обнаружены лировидные пряжки (рис. 1—10), варианты которых встречаются в славянских древностях Приднепровья.

В хозяйственно-бытовом инвентаре Лядинского могильника были найдены вещи, которые заставляют думать о местном производстве данных изделий, но с использованием приемов изготовления и орнаментальных мотивов, навеянных пришлым славянским населением. Интерес в этом отношении представляет глиняная посуда с типичным волнистым орнаментом. В этом же могильнике было обнаружено пряслице, изготовленное из розового шифера, относящееся к числу привозных, славянских вещей (рис. 1—5).

Заслуживает внимания вещевой комплекс Елизавет-Михайловского могильника. В указанном памятнике славянских вещей, к сожалению, найдено мало. И тем не менее для иллюстрации отметим в погребениях №№ 50, 96, 99 шиферные пряслица, местом изготовления которых был Овруч-камнерезный центр на Волыни. Этот материал, несомненно, свидетельствует о проникновении славянской культуры в земли мордвы.

Наибольший наплыв славянских вещей и где ярко проявляется их влияние, наблюдается в хорошо исследованном Крюковско-Кужновском могильнике. Наиболее показательным в этом отношении служит славянский горшок, у которого на лицевой стороне хорошо виден орнамент в виде волнообразных линий со слегка выпуклыми плечиками (рис. 2—8). По-видимому, горшок сделан на ручном гончарном круге из хорошо промешанного глиняного теста.

В Крюковско-Кужновском могильнике в 241 и 507 захоронениях найдены и широкосерединные перстни. Выше отмечалось, что такие вещи встречаются у кривичей[1], в Гочевских древностях[2], в вятической земле и в других областях, непосредственно примыкающих к древнемордовской территории.

Мордовские памятники VII—X вв., расположенные по среднему течению Оки, также оказались в сфере культурного воздействия славян. Археологическими исследованиями установлено, что в VII—X вв. в могильниках нередко находили разнообразные славянские вещи, которые свидетельствуют о довольно широких культурных связях.

Из числа славянских вещей прежде всего отметим медную подковообразную с выемчатой эмалью пряжку из Кузьминского

[1] А. А. Спицын, Владимирские курганы, ИАК—15, Спб. 1915, рис. 299, 311, 313.

[2] Атлас Гочевских древностей под ред. Д. Я. Самоквасова, М., 1915, табл. 41, 42.

могильника[1]. Кузьминская подковообразная пряжка имела гнезда для эмали. Обломок такой же подковообразной, украшенной эмалью пряжки был найден в валу Мощинского городища близ Киева. Не исключено, что данная пряжка прошла тот же путь, что и ажурная привеска их Тихого Уголка на Тамбовщине.

Значительно большой интерес представляет группа вещей из Борковского могильника, датируемого П. П. Ефименко VII веком, а А. А. Спициным — VIII—X вв. В 1874 году на территории данного могильника была обнаружена крестообразная фибула[2] (рис. 2—1) с широким хвостом и две ажурные антропоморфные фибулы (рис. 1—2—3), близкие к фибулам из Спасского городища на реке Угре, содержащем в верхнем слое славянские вещи. Подобный тип фибул встречается и у славян Приднепровья[3].

Особое место принадлежит погребению 83 Борковского могильника, в котором найден комплекс русских вещей: трехбусинные серьги (рис. 1—1), сердоликовые бусы (рис. 1), медный витой браслет с петлями на концах (рис. 2—6), пять семилопастных височных колец, медный перстень с рубчатой передней частью и другие. Все эти вещи принадлежат к изделиям ремесла русского населения, которое осело рядом с среднеокской мордвой[4]. Обращают на себя внимание трехбусинные серьги, отлитые способом «навыплеск». Ювелирным центром изготовления такого типа украшений была ремесленная часть города Киева, откуда они распространялись в другие области северо-восточных земель[5]. Эти вещи Н. В. Рындина датирует IX—X вв.

Семилопастные височные кольца изготавливались у соседей мордвы — вятичей (рис. 1—11—13). Эти изделия оказались в Борковском могильнике не случайно, ибо этот памятник расположен в непосредственной близости от древнего вятического городища Старая Рязань, основанного в 1095 году.

Известный интерес представляют находки славянских вещей И. П. Милоновым в 1963 году в Борках на территории могильника[6]. В числе найденных вещей были две семилопастные височные привески, одна семилучевая радимическая височная привеска и височное кольцо, представляющее собой переходную форму от радимической к вятической (рис. 1—13).

[1] А. П. Смирнов, Очерки древней и средневековой истории народов среднего Поволжья и Прикамья, МИА. 28, М., 1952, стр. 139.

[2] Древности мордовского народа, Саранск, 1941, таб. XIV, рис. 9, 13, 15, 17.

[3] Б. А. Рыбаков, Ремесло древней Руси, М., 1948, стр. 462, рис. 123.

[4] Древности мордовского народа, Саранск, 1941, таб. XXIII, рис. 7, 8, 13, таб. XXI, рис. 6.

[5] Н. В. Рындина, О древнерусском литье «навыплеск», «Советская Археология», № 3, М., 1963, стр. 98.

[6] Сведения о материале с Борковской дюны любезно представил А. П. Смирнов, за что автор выражает свою искреннюю признательность.

Эти интересные находки относятся к изделиям вятического ремесла. Они характеризуют проникновение славянских культурных элементов в земли древней мордвы.

В среднеокских мордовских могильниках нередко встречаются бусы, сделанные из сердолика и цветного стекла. Считалось, что сердоликовые бипирамидальные, битрапециевидные и так называемые «зонные» бусы из стекла являются изделиями вятического производства и их этническим признаком[1] (рис. 1).

Однако необходимо отметить, что совсем недавно по этому вопросу было высказано иное мнение, подчеркивающее импортное происхождение сердоликовых бус. Основная масса таких бус, как предполагает исследовательница, вероятно, попала в результате восточной торговли, главным образом из Средней Азии[2]. Таким образом, вопрос о месте производства сердоликовых бус в археологической литературе в известной мере остается пока спорным.

В 1951 году П. Д. Степанов выступил со статьей «О взаимоотношениях мордвы с восточнославянскими племенами по данным археологии»[3]. Автор отметил, что в женских захоронениях Борковского и Кузьминского могильников встречаются славянские вещи, к числу которых он относит украшения для ремня[4].

Можно с известной уверенностью сказать, что эти украшения проникли в Борковский и Кузьминский могильники в силу торговых связей мордвы с племенами верховья Дона и Днепра. Они положили основу многим изделиям местных мордовских мастеров и явились одним из компонентов в формировании материальной культуры древней мордвы.

В конце IX и начале X в. отдельные славянские вещи проникают и в низовье Оки. Вначале встречаются отдельные вещи, а затем, как это видно по Подболотьевскому, Максимовскому, Малышевскому могильникам, наблюдается довольно значительный приток разнообразных славянских изделий.

Наиболее интересными находками следует считать уже отмечавшиеся выше семилучевые височные кольца вятического типа и плетеные браслеты (рис. 1—12).

В Максимовском могильнике было найдено некоторое количество вещей, характеризующих торговую деятельность древних славян с местным муромским населением. Из находок в этом могильнике следует упомянуть оковку ножей меча с изображением головы животного. Композиция рисунка близко напоминает рисунок, изображенный на оковке турьевого рога, найденного в древностях Чернигова[1]. Там же было найдено и несколько трехбусинных височных колец киевского типа (рис. 1—6), литые и плетеные браслеты и другой инвентарь. Весь этот комплекс вещей свидетельствует о проникновении славянских вещей из Приднепровья. В указанном памятнике встречались также и широкосерединные перстни. По-видимому, с X века Ока становится очень удобной торговой артерией, по которой шла торговля вятичей с муромским населением нижней Оки.

Однако необходимо заметить, что торговая магистраль Днепр—Десна, Сейм—Ока с давних времен служила хорошо проторенной дорогой, по которой проникали изделия с древнерусского ремесленного центра — Киева — на среднюю и нижнюю Оку.

Не исключено, конечно, что мордовские торговцы, если можно употреблять этот термин для данного времени, были нередкими гостями в низовьях Оки, Клязьмы и в верховьях Волги, иначе чем можно объяснить наличие типичных мордовских украшений (сюлгамы, пряжки, привески, нагрудные шумящие украшения) в славянских памятниках Волго-Клязьминского междуречья.

Нижневерейский могильник наиболее близкий к эрзянским памятникам. Он находится на левом берегу реки Оки в 3 км от села Нижняя Верея, в вещевом комплексе которого очень много сходных элементов с Старшим Кужендеевским и другими эрзянскими могильниками. Между нижневерейцами и старшекужендеевцами, несомненно, существовал культурный обмен и торговые связи[2].

Особое место во взаимоотношениях древнемордовских племен со славянами занимает предмонгольское время.

Эпоха XI—XIII вв. проходит под знаком дальнейшего проникновения русских культурных элементов в земли мордвы. Несмотря на то, что в начале XIII века на окраинах мордовской земли появились грозные силы татаро-монгольских полчищ, культурные связи двух народов не ослабевают. Наибольший приток русских вещей наблюдается в могильниках, расположенных в западных и северо-западных областях мордовского края. Южные торговые пути в этот период заглохли в связи с агрессивностью печенегов и половцев в южнорусских степях.

В XI—XIII вв. мордва имела два района, где она непосредственно общалась с русскими,— нижнее течение реки Оки в районе Мурома и среднее течение рек Мокши и Парцы.

---

[1] А. В. Арциховский, Курганы вятичей, М., 1930, стр. 79.
[2] М. В. Фехнер, К вопросу об экономических связях древнерусской деревни, Труды ГИМ, № 33, М., 1959, стр. 162—184.
[3] П. Д. Степанов, Указанная статья, Записки МНИИЯЛИЭ, № 13, Саранск, 1951, стр. 150—151.
[4] Древности мордовского народа, Саранск, 1941, таб. XVI, рис. 3—15, таб. XXIII, рис. 7.

[1] Б. А. Рыбаков, Древности Чернигова, МИА, 11, 1949, стр. 50, рис. 18.
[2] В. Ф. Черников, Отчет о раскопках Нижневерейского могильника в 1926 году. Рук. ф. Горьковского архитектурно-исторического музея заповедника (в дальнейшем ГАИМЗ).

На территории могильников, расположенных на северо-западе мордовской земли этого периода, встречаются так называемые зонные или шаровидные бусы (рисунок 1). Такие бусы представляют собой обрезанный с двух сторон шар. Эти бусы сделаны из синего стекла. Бусы такой формы и из такого материала встречены на Кельгининском[1], Паньжинском[2], Куликовском[3] и других могильниках. Наибольшее число бус такого типа встречено в Старосотенском могильнике[4], где они, как правило, входили в состав шейных ожерелий.

Аналогичные бусы часто встречаются в древностях Московской[5], Смоленской[6] и Курской[7] областей. Подобный тип бус А. А. Спицин датирует XI—XIII вв. Хотя, как нам кажется, хронологические рамки слишком велики. А. В. Арциховский аналогичные бусы датирует XII веком.

Значительную группу бус, найденных в мордовских могильниках, составляют посеребренные бусы (рисунок 1). Эта форма бус имела хождение у соседнего с мордвой племени вятичей[8], иногда они встречаются в бывшей Петербургской губернии[9] и проникли от славян в мордовские земли, несомненно, в результате торговых связей.

Наибольшее количество импортных бус падает на Кельгининский, Ефаевский и Паньжинский могильники (рисунок 1). И это не случайно, так как эти памятники расположены на среднем течении р. Мокши, поэтому вполне возможно, что древнерусские украшения проникли сюда вместе с пришельцами, выходцами из Владимиро-Суздальского и Рязанского княжеств.

К числу вещей, найденных в мордовских памятниках этого периода, относятся перстни, витые бронзовые браслеты, керамика и другие изделия славянского ремесла.

Витые браслеты, как уже отмечалось, неоднократно были широко распространены в мордовских могильниках XII—XIII вв. По форме и технике изготовления они почти совершенно совпадали с аналогичными древнерусскими изделиями.

---

[1] Кельгининский могильник, раскопки А. Е. Алиховой. Материалы хранятся в Саранске в Республиканском музее.

[2] П. Д. Степанов, Паньжинский могильник, Арх. сборн., № 2, 1959, таб. 79, рис. 15.

[3] А. Е. Алихова, Куликовский могильник, С. А. X, 1948, стр. 279—280.

[4] А. Е. Алихова, Старосотенский могильник, Арх. сборник, № 1, 1948, таб. 3, рис. 36, 46, 47, 53.

[5] А. В. Арциховский, Курганы вятичей, М., 1930, стр. 29.

[6] Е. А. Шмидт, Курганы XI—XIII вв. в Смоленском Приднепровье, МСО, т. 2, Смоленск, 1957, таб. XIII.

[7] Атлас Гочевских древностей под ред. Д. Я. Самоквасова, М., 1915, таб. 42.

[8] А. В. Арциховский, Курганы вятичей, М., 1930, стр. 31, рис. 23—31.

[9] А. А. Спицин, Курганы Санкт-Петербургской губернии в раскопках А. И. Ивановского, Мар. 20, 1896, стр. 42.

Браслеты из 3-х и 4-х проволок (рис. 2—1) были найдены в раскопе № 2 Кельгининского могильника и представляют собой подобные типы браслетов у вятичей[1].

Точно такие же браслеты оказывались нередкой находкой в древнемордовских памятниках XI—XIII вв., как например, в Ефаевском[2], Куликовском[3], Паньжинском[4], Старосотенском[5], Младшем Кужендеевском[6].

Особый интерес представляют плетеные браслеты на каркасе. Браслеты этого типа очень сложного плетения, образуют снаружи как бы бронзовую сетку с причудливым переплетением (рис. 2—2).

Описываемые браслеты встречены в Кельгининском, в Ефаевском и Пановском могильниках. Эти изящные изделия ремесла проникли в памятники мордвы, несомненно, торговым путем.

Витые браслеты всевозможных разновидностей широко были распространены на территории Московской[7], Владимирской областей[8], а также в бывшей Петербургской губернии[9].

Ореал распространения витых браслетов был настолько широк, что в отдельных случаях они встречаются при раскопках в Венгрии, а на юге нашей страны — в районе города Керчи.

Самым восточным пунктом мордовской территории, где встречаются витые браслеты, является бывший Самарский уезд Самарской губернии.

Всего в памятниках XII—XIII вв. на территории обитания мордвы найдено около 63 витых бронзовых браслетов, которые как по форме, так и по технике изготовления очень близко напоминают древнерусские (таб. 2).

В инвентаре мужских погребений нередко встречаются пряжки различных форм. Из бронзовых пряжек наибольший интерес представляют пряжки лировидной формы. Такой тип пряжек А. А. Спицин датирует XI веком, а известный чешский археолог Любомир Нидерле — XII в. Аналогичные пряжки встречены в Младшем Кужендеевском и в Куликовском могильниках (рис. 1—10).

---

[1] А. В. Арциховский, Курганы вятичей, М., 1930, стр. 11.

[2] Е. И. Горюнова, Ефаевский могильник, Арх. сборник, № 1, таб. XXVI, рис. 5, ГИМ инв. № 34612, коллекция 35/58а, 35/55б, 35/56б.

[3] А. Е. Алихова, Куликовский могильник, С. А. 10, 1948, стр. 280, раск. 1.

[4] П. Д. Степанов, Паньжинский могильник, Арх. сборник, № 2, Саранск, 1959, таб. 80, рис. 14—18.

[5] А. Е. Алихова, Старосотенский могильник, Арх. сб., № 1, Саранск, 1948, таб. 2, рис. 26—31.

[6] М. Ф. Жиганов, Младший Кужендеевский могильник, Арх. сб., № 2, Саранск, 1959, таб. 35, рис. 15.

[7] А. В. Арциховский, Курганы вятичей, М., 1930, стр. 14—15, Гим. инв. № 76119, кол. 125/13а.

[8] ГИМ инв. № 54746. Раскопки Савельева, 1853. А. А. Спицин, Владимирские курганы, ИАК, 15, СПб., 1905, стр. 152, рис. 329.

[9] Курганы С.-Петербургской губ., в раскопках Л. М. Ивановского, Мар. 20, СПб., 1896, таб. II, рис. 8, таб. 14, рис. 2.

Лировидные пряжки были широко распространены в XI—XII вв. среди древностей Московской[1] и Калининской[2] областей.

В связи с этим следует подчеркнуть, что мордовские изделия нельзя рассматривать только через призму русского явления и достоинства, определять лишь степень сходства с русскими вещами. В таком случае мордовские украшения будут выглядеть по меньшей мере провинциальными вариантами древнерусского ремесла. Своеобразие мордовских украшений при таком решении вопроса естественно ускользнет от нашего внимания. Мордовские ремесленники, используя наиболее удобные и приемлемые формы изделий русских ремесленников, сами вносили в них свой племенной, местный традиционный элемент.

В XII—XIII вв. из Руси в огромном количестве проникают шиферные пряслица, сделанные из розового камня. В хозяйственно-бытовом инвентаре мордовских могильников русские розовые шиферные пряслица занимают сравнительно высокий удельный вес (рис. 1—5).

Розовый и красный шифер, из которого древние русские ремесленники-камнерезы делали шиферные пряслица, во всей Восточной Европе, по мнению Б. А. Рыбакова, встречен только на Волыни. Отдельные глыбы розового шифера встречаются близ Родомысля. Производство пряслиц было до известной степени механизировано и связано с широким рынком сбыта.

Шиферные пряслица встречены в наибольшем количестве в памятниках мордвы, расположенных по реке Цне, верховью Мокши, Парцы. И это не случайно, так как путь от Волыни до южных областей мордвы был гораздо короче, чем тот путь, который проходил через верховье Днепра и Волги. В Кельгининском могильнике были найдены ножницы, которые часто встречаются в славянских древностях[3] (рис. 10), являющиеся изделиями русских городских мастеров. Правда, эти вещи относятся к временам, непосредственно предшествующим нашествию монголов.

В кладе близ села Губино б. Сызранского уезда Симбирской губернии крест-энколпион был найден вместе с 124 серебряными и медными золотоордынскими монетами XIV в. В этом же кладе была найдена одна серебряная и одна бронзовая сюлгамы мордовского типа[4].

Интересные находки русских вещей обнаружены А. Е. Алиховой при раскопках русского поселка XIII—XIV вв. у села Березовки на реке Усе. В культурном слое этого памятника найдены кресты-энколпионы, которые свидетельствуют не только

[1] А. А. Спицын, Владимирские курганы, ИАК, вып. 15, 1905, рис. 76—375.

[2] Н. П. Милонов, Древнерусские курганы и селища в бассейне Верхней Волги, МИА, 13, таб. 17, рис. 7.

[3] Б. А. Рыбаков, Ремесло Древней Руси, М., 1948, стр. 19.

[4] М. Ф. Жиганов, Из истории ремесла, домашнего производства и торговых связей мордвы, Арх. сборник, № 2, Саранск, 1959, стр. 160.

о времени возникновения русского поселка, но и указывают на восточную границу распространения русских крестов-энколпионов.

Кроме креста-энколпиона, на Березовском поселении был найден, как отмечает исследовательница, крестик, сделанный из шифера с отверстием, просверленным сбоку. Подобные кресты широко использовались в домонгольской Руси. На территории поселка найдены также фрагмент стеклянного браслета (рис. 2—4), шиферного пряслица и несколько ключей от цилиндрических висячих замков.

Проникновение в районы мордвы ряда древнерусских вещей, исполненных техникой скани и зерни, не могло не оставить заметного следа на изготовлении самих мордовских украшений.

В более поздних мордовских комплексах конца XIII и начала XIV вв. появляются лопастные сюлгамы, украшенные зернью и сканью. Расположение зерни на сюлгамах в виде треугольников почти полностью повторяет расположение зерни на многих славянских украшениях[1].

Весь выше перечисленный материал свидетельствует о довольно широком проникновении древнерусских вещей в культуру и быт мордвы. Решающим этапом в этом процессе явились XI—XII века. В этот период расширился ассортимент русских вещей в мордовских памятниках (см. таб. 1).

На сложение мордовской культуры пришлое русское население оказало свое влияние не только тем, что внесло в быт и хозяйство мордвы различные украшения и хозяйственно-бытовой инвентарь, но также и тем, что принесли с собой новые элементы погребального обряда.

В мордовских могильниках Цны мы имеем дело не только с обычным трупоположением — обрядом, характерным для мордвы, но и трупосожжением, господствовавшем в VII—X веках у славян. Цнинские могильники мордвы дают возможность выяснить степень притока славянского населения в эти земли (см. табл. 2). Так, например, из 58 захоронений Томниковского могильника девять погребений оказались с трупосожжением, в четырех погребениях костяки были ориентированы головой на запад. Общее число погребений, связанных со славянами, составило 15,5%. Возникает вопрос: каким образом у мордовских племен в это время мог появиться обряд трупосожжения?

«Обряд кремации,— замечает по этому поводу А. П. Смирнов,— возникает одновременно с появлением древнеславянских вещей. Такое совпадение не случайно. Эти два факта следует

[1] В 3-м раскопе Кельгининского могильника, в погребении 18-м автором были найдены 18 лопастных сюлгам, украшенных зернью. Орнамент серебряных сюлгам с лопастями в форме прямоугольных треугольников в точности повторяет орнаментальные мотивы древнерусских изделий.

А. Е. Алихова, Р. Ф. Воронина, А. В. Цирюкин, Кельгининский могильник, Труды НИИ, вып. XXVII, 1964, стр. 185—206.

сопоставить и признать в трупосожжениях погребения древних славян, проникших на территорию древней мордвы из соседних областей на Дону»[1].

Некоторые археологи полагают, что трупосожжение, как обряд, нельзя считать специфическим признаком только славянской культуры. Это положение было выдвинуто А. Л. Монгайтом[2]. Автор отмечает, что трупосожжение особенно широко распространилось в римское время и характерно для разных народов. Обряд трупосожжения, как полагают некоторые исследователи, был знаком и славянским и финно-угорским племенам.

Вполне понятно, что совершение кремации покойника связано с определенным религиозным воззрением народа, поэтому если учесть не только самый факт трупосожжения, а проследить детали погребального обряда, устройство могильного сооружения и комплекс вещей, сопровождающих покойника, то станет в известной мере понятной этническая принадлежность того или иного захоронения.

Кроме того, надо иметь в виду следующее обстоятельство. Рассматриваемый период VII—XIII вв.— это эпоха больших этнических смешений и передвижений племен, что, разумеется, сказывалось в появлении в одной и той же культуре разновидностей в обрядах захоронений, различных ориентировок покойника. Но может ли археолог отказаться от попыток определить этническую принадлежность погребенного по деталям захоронения, несмотря на трудности его анализа? Конечно, нет.

В Лядинском могильнике, синхронном Томниковскому, число погребений с трупосожжением оказалось 16, а вместе с погребениями, костяки в которых ориентированы головой на запад,— 20 захоронений, это в процентах составило 14. По сравнению с Томниковским могильником на первый взгляд в данном примере не наблюдается роста. Однако следует заметить, что число захоронений, в которых было трудно определить положение костяка, составило 32 погребения, или 25%.

В Елизавет-Михайловском могильнике вскрыто 130 погребений, из которых 24 были с кремацией трупа, а в 3 случаях ориентировка костяка головой на запад. В процентном отношении это равнялось приблизительно 18,4.

В Крюковско-Кужновском могильнике исследовано 586 погребений, из которых 97 оказалось с трупосожжением, а в 60— ориентированы головой на запад. В процентном отношении это составило —26,6.

Реконструкцию обряда ряда погребений в данном могильнике можно было бы дать в следующем виде: покойник сжигался в стороне от могилы, потом собирался прах и укладывался в

[1] А. П. Смирнов, Очерки древней и средневековой истории народов среднего Поволжья и Прикамья, МИА, 28, 1952, стр. 155.
[2] А. Л. Монгайт, Рязанская земля, Изд. АН СССР, М., 1961, стр. 79.

могилу. Затем в погребение клались вещи в порядке ношения. После этого могила засыпалась до половины. Потом на засыпке разводился костер и вокруг него совершались определенные обряды, связанные с поминанием покойника. При этом, судя по костям, убивались животные. После окончания этих обрядов могила засыпалась уже окончательно. Подобные элементы в совершении погребального обряда были отмечены Б. А. Рыбаковым при исследовании им «Черной могилы» близ Чернигова[1].

Известный интерес в связи с этим имеет анализ захоронений в Борковском и Кузьминском могильниках.

Трупосожжения Борковского и Кузьминского могильников делятся на две группы: в одной из них встречаются вещи славянского производства, другая же содержит исключительно предметы местного производства. Часть могил с трупосожжением несет на себе влияние вещей южного направления совершенно таких же типов, как вещи из Суджанского клада[2]. Вещевой комплекс могил 10, 18, 35 имеет аналогию с вещами из Мощинского городища близ Киева.

Как в Борковском и Кузьминском могильниках, так и в кургане № 15 Гнездовского могильника, сожженные кости складывались в небольшие ямки, а не в горшки[3]. Это обстоятельство дает основание предполагать погребения с трупосожжением вышеуказанных могильников как древнеславянские.

На славянскую принадлежность указывает целый ряд погребений в Пановском могильнике XII—XIII вв. (рис. 2). Количество случаев кремации покойников в данном могильнике составляет приблизительно 5,5%.

Если обратиться к нашей таблице (таб. 2), то оказывается, что обряд трупосожжения, связываемый со славянами, к XI веку изживает себя. Правда, отдельные случаи кремации трупа наблюдаются и в последующую эпоху.

В Муранском было всего два случая сжигания покойника. В начале XI века, как показывают материалы мордовских могильников, трупосожжение почти не встречается.

Интересно при этом отметить, что из восточнославянских племен вятичи позже других переняли общерусский погребальный обряд — курганное трупоположение. У них до конца XIII века еще продолжало существовать в ряде случаев трупосожжение покойников[4]. Приводимая ниже таблица № 2 позволяет отметить еще один немаловажный факт. Из 340 исследованных захоронений в XII—XIII вв. 98, очевидно, славянских погребений, так как в этих захоронениях ориентировка костяков

[1] Б. А. Рыбаков, Древности Чернигова, МИА, 11, М., 1949, стр. 24—25.
[2] Б. А. Рыбаков, Новый Суджанский клад антского времени, КСИИМК, XXVII, 1949, стр. 60.
[3] В. И. Сизов, Курганы Смоленской области, МАР, 28, 1902, стр. 15.
[4] А. В. Арциховский, Курганы вятичей, М., 1930, стр. 160—161. П. Н. Третьяков, Костромские курганы, М., 1932, стр. 36.

на запад, северо-запад. Общее число таких захоронений составило около 17%. Как уже отмечалось выше, число погребений, связываемых со славянами, в могильниках мордвы IX—XI вв. составляло 16—17%. Сравнивая их с числом русских погребений в более поздних мордовских памятниках, само собой напрашивается вывод, что приток русских колонистов в мордовские земли в XII и первой четверти XIII веков не уменьшился.

Все сказанное выше позволяет отметить следующие моменты. Проникновение славянских вещей нашло отражение в керамике, ювелирных изделиях и украшениях, прочно вошедших в обиход мордвы.

По времени наиболее ранние славянские вещи проникли из Приднепровья, со стороны Чернигова, а также с Дона, где до X века обитали вятичи.

Статистический подсчет захоронений из могильников мордвы в X—XI вв. дает следующую картину: из 1221 захоронения 174 оказались с кремацией трупа, в 90 погребениях костяки были ориентированы головой на запад. Все эти 264 погребения связываются с пришлыми славянами, остальные погребения совершены по мордовским обычаям.

Число захоронений с западной ориентировкой в памятниках мордвы в XII—XIII вв. достигло 16,4%. Это означает, что приток русского крестьянского населения в мордовские земли не уменьшился, а усилился.

Одним из условий, способствовавших проникновению славян и их культурных элементов в мордовский быт, было выгодное географическое положение ее территории. При этом надо иметь в виду, что массовый приток славян и их вещей совпал с началом распада у мордовских племен родоплеменных отношений и формированием соседской территориальной общины.

Монгольское нашествие не помешало проникновению древнерусских культурных элементов в земли мордвы. Оно обеднило в какой-то мере мордовские памятники.

С разгромом Казанского ханства Русское государство с большой энергией восстанавливает и налаживает новые экономические и культурные связи с народами Среднего Поволжья, в том числе и с мордвой.

Таблица 1

Славянские вещи в мордовских памятниках (VIII—XIV вв.)

Эпоха	Могильники	Украшения (бусы): биконические сердоликовые	Украшения (бусы): занные и шаровидные	Украшения (бусы): цилиндрические (стекло)	Украшения (бусы): призматические (стекло)	Лунницы	Фибулы	Височные привески	Семилопастные и семилучевые височ. привески	Широко серд. перстни	Витые и плетеные браслеты	Хозяйственно-бытовой инвентарь: кресты—энкалпионич.	Хозяйственно-бытовой инвентарь: лировидные пряжки	Хозяйственно-бытовой инвентарь: шиферн. пряслица	Хозяйственно-бытовой инвентарь: ножницы	Хозяйственно-бытовой инвентарь: керамика
VIII—XI	Крюковско-Кужновский	4	13	15	12	1	—	—	2	3	3	—	—	8	—	1
IX—X	Томниковский	1	2	—	—	1	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—
X	Лядинский	2	—	4	—	1	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—
XI	Елизавет.-Михайловский	1	3	—	1	1	—	—	—	2	3	—	1	3	—	2
VII	У пос. Заря	1	2	1	—	—	—	1	—	2	1	—	—	—	—	—
VII—IX	Кузьминский	1	2	—	1	—	3	2	—	1	—	—	—	—	—	—
VII—IX	Борковский	2	1	—	3	—	3	—	7	—	2	—	—	—	—	—
XI—XIII	Куликовский	2	2	3	2	1	—	1	—	—	3	1	2	6	1	—
XI—XIII	Кельгининский	4	5	—	3	7	—	—	—	12	20	2	2	10	1	2
XI—XII	Пановский	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	1	—	14	—	1
XII—XIII	Ефаевский	3	2	1	5	—	—	1	—	8	14	2	—	1	—	—
XIII—XIV	Старосотенский	4	2	1	9	—	—	2	—	1	2	—	—	1	—	—
XIII—XIV	Паньжинский	1	3	—	1	—	—	4	—	2	—	1	—	1	—	—
XIII—XIV	Мл. Кужендеевский	2	—	—	1	—	—	1	—	3	—	—	1	—	—	1
IX—XII	Нижне-Верейский	1	3	—	2	3	—	1	—	—	4	—	—	—	—	—
XIII—XIV	Гагинский	2	1	3	2	—	—	1	—	—	4	1	—	1	—	1
XII—XIV	Дубровский	1	3	—	1	—	—	—	—	—	2	1	—	—	—	—
	Итого:	31	44	32	43	15	6	14	9	36	63	9	6	45	2	8

СВОДНАЯ ТАБЛИЦА

Таблица 2

Характеристики захоронений в мордовских памятниках IV—XIV вв.

Эпоха	Могильники	Общее число исследованных погребений	Трупосожжений	Ориентировка костяков, связываемая с русским обрядом погребения				Ориентировка костяков, связываемая с мордовским обрядом погребения					Скорченные погребения	Неопределенные погребения	Примечания
				З	С—З	Ю—З	подкурганное	В	С—В	Ю—В	С	Ю			
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
VII—X	У пос. Заря	85	6	3	—	—	—	15	—	12	—	30	—	19	Материалом остальных захоронений, к сожалению, воспользоваться не удалось
IX	Томниковский	58	9	4	1	1	—	1	1	2	3	16	—	20	
IX	Кузьминский	92	7	4	—	5	—	2	17	6	1	—	—	51	
IX	Борковский	113	14	2	6	6	1	4	33	7	1	2	—	32	
X	Лядинский	143	16	4	—	—	—	1	2	4	3	81	—	32	
X—XI	Елизавет-Михайловский	130	24	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
VIII—XI	Крюковско-Кужновский	586	97	60	15	30	—	134	40	31	—	176	—	—	
	Итого:	1221	174	90	22	42	1	157	97	65	8	305	—	154	
XI—XII	Пановский	158	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		Материалом остальных захоронений, к сожалению, воспользоваться не удалось
XI—XII	Куликовский	14	—	1	1	1	—	—	—	—	10	1	—	—	
XI—XIII	Кельгининский	72	—	8	4	19	—	4	—	36	1	—	—	—	
XII—XIII	Ефаевский	29	—	—	—	—	—	—	—	5	—	21	3	—	
XIII—XIV	Старосотенский	58	—	16	1	3	—	1	—	2	—	32	1	2	
XIII—XIV	Мл. Кужендеевский	8	—	—	—	—	—	—	—	—	—	8	—	—	
XIII—XIV	Гагинский	81	—	3	26	—	—	—	2	—	27	—	3	20	
	Итого:	340	4	18	32	23	—	5	2	43	38	63	7	22	

Рис. 1. Славянские вещи в мордовских памятниках VII—XIII вв.
1—3—фибулы, 4—северянское височное кольцо, 5—пряслице из розового шифера, 6—височное кольцо киевского типа, 7, 8, 9, 22— перстни, 10—лировидная пряжка, 11, 12—височные кольца вятичского типа, 13—радимичское височное кольцо, 14—21, 25, 26, 27—бусы, 23, 24—лунницы, 28—язычковое ожерелье, 29—крестик из розового шифера.

Рис. 2. Славянские вещи в мордовских памятниках VII—XIII вв.
1—витой браслет вятического типа, 2—плетеный браслет, 3—подвеска, 4—обломок стеклянного браслета, 5—витой браслет, 6—толстоконечный браслет, 7—пластинчатый браслет, 8—сосуд из 507 погребения Крюковско-кужновского могильника, 9—фрагмент сосуда из Кельгининского могильника, 10—ножницы.

Г. А. Федоров-Давыдов
и А. В. Циркин

НОВЫЕ ДАННЫЕ ОБ ИТЯКОВСКОМ ГОРОДИЩЕ В ТЕМНИКОВСКОМ РАЙОНЕ МАССР

Итяковское городище, расположенное в Темниковском районе Мордовской АССР близ деревни Итяково, впервые исследовалось П. Д. Степановым в 1951 г.[1] Это городище расположено на высоком мысу над поймой реки Мокши. Оно окружено оврагами, создающими хорошие естественные преграды на подступах к городищу с востока, севера и запада. Лишь с юга к городищу имеется подступ. Но здесь находится глубокий ров и высокий вал. По своему расположению памятник является типичным мысовым городищем, характерным для городецкой культуры.

Раскопки 1951 г. показали, что история городища была значительно сложнее. Вскрывший до материка 189 м² культурного слоя П. Д. Степанов обнаружил на городище 2 культурных слоя, которые он определил: первый как городецкий, а второй как позднесредневековый XIV—XV в. н. э. К первому периоду жизни на городище относилась найденная исследователем сетчатая керамика, ко второму большое число предметов быта и производства, а также гончарная и лепная керамика.

Во время раскопок 1965 г. на городище было заложено 3 раскопа общей площадью 310 м². Раскопы I и III были разбиты непосредственно к югу от раскопов 1951 г. П. Д. Степанова. Между этими раскопками и валом раскопы I и III показали, что стратиграфия памятника и его история были еще более сложными, чем это представлялось П. Д. Степанову.

Стратиграфия культурных напластований I и III раскопов следующая: верхний слой — темный, рыхлый, близкий по структуре к чернозему, залегал на глубину в среднем 40—60 см, увеличиваясь по мощности к югу. Он содержал большое число

[1] П. Д. Степанов, Итяковское городище. Труды НИИЯЛИЭ при Совете Министров МАССР, вып. XXIV, Саранск, 1963, стр. 116—130. Впервые оно было зарегистрировано А. Норцовым. См. Историко-археологическая карта Тамбовской губ. «Сборник-календарь Тамбовской губ. на 1903 г.». Тамбов, 1903.

находок культурных остатков и множество включений глины, обожженных обмазок и угля. Почти все ямы, открытые на раскопках, судя по их дневной поверхности (а она совпадала с нижней границей этого слоя), относились именно к верхнему культурному слою. Всего ям, вырытых в этот период, на двух раскопах насчитывалось 18. В большинстве своем это были не очень глубокие чашевидные в разрезе ямы, заполненные грунтом с большим количеством костей и керамики. Самые большие из них имели слоистые заполнения. Чередование прослоек заполнения этих ям повторялось: на глубине, равной примерно половине глубины ямы, часто прослеживалась прослойка сгнившего, давшего коричневый тлен дерева или слой горелого дерева. В некоторых ямах этому слою соответствовали прослойки, содержавшие фрагменты обгорелых досок, лежавших в два слоя: верхние доски лежали на нижних, перпендикулярно им. Выше прослеживались слои глины и обожженных обмазок. Последние образовывали обычно компактный массив, расположенный у одного из краев ямы, над заполнением ямы или на ее борту.

Эта особенность некоторых ям верхнего культурного слоя была отмечена еще П. Д. Степановым. Он высказал предположение, что ямы эти являются подпольями. После раскопок 1965 г. мы можем признать эту гипотезу. Действительно, рассматривая на профилях разрезы заполнения ям, приходится признать, что это подполья домов, перекрытые деревянным настилом пола, обвалившегося в яму, сгоревшего или перегнившего. Над полом у ям стояли глинобитные печи, обрушившиеся в яму и образовавшие указанные выше массивы обожженных комков глины с включениями углей[1].

На раскопе I несколько таких ям образовали целую систему углублений (ямы №№ 5, 8, 10, 11, 12). Эти ямы при зачистке основания верхнего культурного слоя давали единое пятно неправильных очертаний, по краю которого шла полоска древесного тлена и углей. Это, очевидно, остатки пола, перекрывавшего все указанные ямы и рухнувшего в них. В яме № 5 было обнаружено над этим слоем сгоревшего пола массив обгорелых обмазок — остатки печи, стоявшей у края ямы или над ней. При дальнейшей расчистке эти ямы расчленились на самостоятельные углубления. Можно предполагать, что все указанные ямы образовывали подполье большого дома, имевшего на своем дне ряд самостоятельных углублений для хранения продуктов, установки кадушек и сосудов, с отделениями для разных целей.

[1] Подпольные ямы с рухнувшими в них массивами развалов печей и просевшим полом часто обнаруживаются при раскопах средневековых памятников. При этом чередование слоев наблюдается примерно такое же, как и на нашем городище. Ср. подполья Бородинского городища (В. В. Седов. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли). МИА № 92, 1960, стр. 98.

Распределены ямы верхнего культурного слоя на площади двух раскопов неравномерно. Ямы концентрируются на I раскопе и в восточной части III раскопа, т. е. в районе большого описанного выше подполья. К западу от него на ЮЗ участках III раскопа остается пространство, занятое одной только ямой № 11. В этой части раскопка в основании верхнего культурного слоя прослеживаются прослойки навоза и коры, которые в юго-западном углу раскопа достигают значительной мощности (≈40 см.). Можно предполагать, что здесь был загон для скота или скотный двор.

К верхнему культурному слою относятся и сохранившийся ныне вал городища, и, очевидно, ров. Это установлено по профилю траншеи, идущей от юго-восточного угла раскопа I к югу и прорезающей части вала. Насыпь вала из смешанного рыхлого грунта с остатками каких-то деревянных сгоревших конструкций лежала на том же подстилающем слое (слой II), что и верхний культурный слой.

Второй культурный слой мощностью 20—40 см. лежал под верхним слоем и был зарегистрирован почти на всей площади обеих раскопов. Он представлял собой слой темной одноцветной супеси с малым количеством находок культурных остатков. С ним удалось связать только одну яму (яма № 10), III раскопа. Этот слой почти не содержал прослоек угля, золы и обожженной глины. Он был равномерно окрашен и четко отделялся от верхнего культурного слоя.

На участках 29 и 30 траншеи раскопа I на профилях хорошо видно, как этот слой подстилает насыпь вала, относящуюся к верхнему культурному слою. На южных участках I и III раскопа этот слой перекрывает глубокий ров, относящийся к более древнему времени. Слои глины, расположенные на материке, спускаются в ров. Очевидно, это древний вал, сброшенный в этот древнейший ров. Таким образом, никаких укреплений городища в период отложения второго культурного слоя не зарегистрировано.

Третий культурный слой сохранился только на дне рва, открытого на южных участках раскопов I и III. Это — черные затеки, образовавшиеся в тот древнейший период жизни городища, когда этот ров функционировал. На остальной части I и III раскопов этот слой, видимо, очень тонкий, не сохранился. Ров (не известный ранее до исследований 1965 г.) имел в ширину 8 м и был глубиной примерно 3,5 м. К северу от него, видимо, был вал, от которого сохранились слои глины, лежавшие на его северном крае и сброшенные в ров, где они образовали слоистое заполнение, чередующееся с прослойками песка. Дневная поверхность рва совпадает с верхней поверхностью песчаного (местами глинистого) материка, а прослойки песка и глины — остатки предполагаемой насыпи древнейшего вала — лежат над этим заполнением. Таким образом, первоначально

городище было укреплено не тем рвом и валом, которые сохранились до сего времени, а другим рвом и, видимо, валом, расположенным несколько к северу. Территория древнейшего городища была, следовательно, немного меньшей, чем территория его в поздний период жизни, соответствовавший верхнему культурному слою.

Раскоп II, заложенный непосредственно к югу от раскопов П. Д. Степанова 1951 г., в основном дает ту же систему чередования слоев. Верхний слой, совершенно аналогичный верхнему слою на раскопах I и III, на II раскопе имел мощность 30 см в среднем и несколько увеличивался по мощности к западу, т. е. ближе к краю площадки городища. С этим слоем связано несколько ям-подполий с характерным для них чередованием слоев угля, обожженной глины и обмазок. В числе этих ям на II раскопе были обнаружены две системы ям (ямы № 3 и № 5), являвшиеся большими подпольями, аналогичными подполью, открытому на I раскопе.

Второй слой на раскопе II прослеживался только в западных участках, где он имел мощность до 25 см. Этот слой был здесь по цвету и структуре совершенно аналогичным второму слою на раскопах I и III, а также содержал немного меньше находок, чем верхний слой. Нижнего культурного слоя аналогичного нижнему культурному слою, сохранившемуся во рву на I и III раскопах, на раскопе II не зарегистрировано.

Таким образом на Итяковском городище устанавливаются три периода жизни.

I. Древнейшее городище со рвом и валом, с очень тонким культурным слоем, почти не сохранилось.

II. Открытое поселение с засыпанным древним рвом и срытым валом, с культурным слоем, отложившимся в виде серой аморфной супеси.

III. Городище с новым валом и рвом, несколько к югу от древнего рва. Культурный слой отложился в виде черного рыхлого грунта. В этот период на городище было вырыто множество ям хозяйственного назначения и для подполий, стояли деревянные дома с глинобитными печами.

Обратимся к найденным на городище вещам. Большое количество керамики представлено, главным образом, лепными черепками с примесью крупного шамота. Реже встречаются черепки с примесями мелкого шамота, песка, дресвы, белого толченого известняка. Значительно реже лепной керамики встречаются фрагменты гончарной: красной и желтой с лощением, без лощений и с светлым ангобом и с росписью серой, белой и черной, с лощением и без лощения.

Для верхних штыков культурного слоя, соответствующих III периоду, характерна главным образом грубая лепная посуда с крупным шамотом. Форма этих сосудов близка к горшкам с округлым туловом и слегка отогнутым венчиком. На этой

керамике орнаменты встречаются редко. Это главным образом волнистые, грубонанесенные резные прямые линии по горлу сосуда или зигзагообразные резные линии. Встречается насечка по верху венчика. В этих же штыках встречается белая тонкостанная керамика с линейными узорами по горлу. Желтая керамика обычно не имеет орнамента.

В штыках, лежащих ниже, в серой супеси (II период) заметно уменьшается процент гончарной керамики, в ряде мест (раскоп I ниже 4 штыка) заметно увеличивается лепная керамика с песком за счет сокращения доли лепной керамики с шамотом. Крупный шамот в тесте черепков встречается реже, чем мелкий. На тех участках I и III раскопа, где удалось точно отделить слой серой супеси (II период) от верхнего слоя (III период), в слое серой супеси (II период) почти не было гончарной керамики (табл. 1).

Таким образом, переход от II периода к III ознаменовался в жизни городища увеличением числа посуды с грубым шамотом и появлением гончарной посуды.

Таблица 1[1]

I раскоп

Наименование группы керамики	Штыки								
	1	2	3	4	5	6	7	8—12	ямы
Лепная									
с примесью шамота	72,9	74,8	70,2	81,3	59,3	59,3	30,0	37,8	82,4
с примесью песка	6,1	9,4	3,9	17,5	28,8	28,8	60,0	29,5	1,5
с примесью песка и шамота	2,1	0,6	0,8	0,2	1,7	6,6	5,0	29,5	4,7
с примесью дресвы и известняка	0,9	2,1	0,8	—	—	1,7	—	1,6	1,1
с примесью шамота и известняка	0,3	—	0,8	—	—	—	—	—	—
с примесью песка и известняка	0,3	—	—	—	—	—	—	—	—
с лощением	—	—	0,4	—	—	—	—	—	—
Гончарная									
белая	11,8	8,5	13,7	0,4	8,5	—	—	1,6	8,5
серая	—	1,2	0,8	0,1	—	—	—	—	0,5
серая с ангобом	0,6	0,3	—	—	—	—	—	—	—
желтая с лощением	1,2	—	—	—	—	—	—	—	—
желтая без лощения	1,8	0,9	4,3	—	—	3,6	—	—	0,5
желтая с белой росписью или ангобом	0,3	1,2	0,8	—	1,7	—	—	—	0,8
черная без лощения	0,9	—	1,2	0,2	—	—	—	—	—

[1] Доли групп керамики выражены в процентах.

Наименование группы керамики	Штыки								
	1	2	3	4	5	6	7	8–12	ямы
с зеленой поливой	0,8	0,7	1,6	0,3	—	—	—	—	—
черная с лощением	—	0,3	0,7	—	—	—	—	—	—
Городецкая с сетчатым орнаментом	—	—	—	—	—	—	5,0	—	—
Всего фрагментов	329	329	255	108	59	59	20	61	188

II раскоп

Наименование группы керамики	Штыки								
	1	2	3	4	5	6	7	8—12	ямы
Лепная									
с примесью шамота	82,5	80,6	85,5	—	—	—	—	—	89,0
с примесью песка	1,5	4,5	1,6	—	—	—	—	—	0,8
с примесью песка и шамота	1,2	—	—	—	—	—	—	—	2,7
с примесью дресвы и известняка	0,8	3,8	6,4	—	—	—	—	—	0,7
с примесью шамота и известняка	1,0	—	—	—	—	—	—	—	—
с примесью песка и известняка	—	—	—	—	—	—	—	—	—
с лощением	0,2	0,7	—	—	—	—	—	—	—
Гончарная									
белая	9,0	3,3	3,2	—	—	—	—	—	5,8
серая	1,5	3,3	—	—	—	—	—	—	0,1
серая с ангобом	—	—	—	—	—	—	—	—	—
желтая с лощением	0,4	1,2	—	—	—	—	—	—	—
желтая без лощения	0,6	1,6	3,3	—	—	—	—	—	0,6
желтая с белым ангобом	0,5	0,2	—	—	—	—	—	—	—
черная без лощения	0,2	0,2	—	—	—	—	—	—	—
с зеленой поливой	0,2	0,2	—	—	—	—	—	—	—
черная с лощением	0,4	—	—	—	—	—	—	—	0,1
Городецкая с сетчатым орнаментом	—	0,6	—	—	—	—	—	—	0,2
Всего фрагментов	465	577	62	—	—	—	—	—	611

III раскоп

Наименование группы керамики	Штыки											
	1	2	3	4	5	6	7—12	13—14	15—18	ямы	1	2—3
Лепная с примесью:												
шамота	67,4	72,4	76,0	89,5	81,8	79,4	77,1	82,9	81,6	84,8	11,1	41,5
песка	8,1	5,3	1,8	—	0,8	10,4	14,7	14,5	18,4	0,4	38,8	39,0
песка и шамота	0,8	1,0	0,8	—	8,8	3,4	4,9	2,6	—	4,4	0,6	—
дресвы и известн.	0,8	—	—	1,2	—	—	—	—	—	—	—	—
шамота и известняка	0,4	—	—	—	—	1,7	—	—	—	—	—	—
песка и известняка	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
с лощением	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Гончарная												
белая	16,9	16,5	13,6	3,9	7,8	3,4	—	—	—	8,0	—	—
серая	1,2	—	—	0,4	—	—	—	—	—	—	—	—
серая с ангобом	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
желтая с лощением	1,6	—	0,8	—	—	—	—	—	—	—	—	—
без лощения	2,0	0,7	5,8	2,5	—	—	—	—	—	2,4	—	—
с ангобом	—	0,2	0,4	0,4	—	—	—	—	—	—	—	—
черная без лощения	0,8	3,7	0,4	2,1	—	—	—	—	—	—	—	—
с зеленой поливой	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
черная с лощением	—	—	0,4	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Городецкая с сетчатым орнамент.	—	0,2	—	—	0,8	1,7	3,3	—	—	—	49,5	16,5
Всего фрагм.	167	377	255	237	126	58	61	41	38	194	18	41

Мы можем по этой гончарной керамике датировать верхний слой (III период) XV—XVI вв.— время, когда была в ходу белая керамика и появилась черная лощеная посуда. Этим временем датирует по своим материалам конец жизни на городище и П. Д. Степанов[1]. Дата XV—XVI вв. подтверждается находкой монеты XV в. в раскопках П. Д. Степанова 1951 г., а также находкой в наших раскопках весьма поздней красноглиняной детской игрушки с белым ангобом и красной росписью по ангобу.

Верхний слой дал много предметов, характеризующих быт и культуру мордовского населения этого времени. Найдено множество керамических пряслиц, главным образом, биконической формы, керамические и пастовые бусы, костяные кочедыки, браслеты, фигурка из шашечного набора, удила, множество

[1] П. Д. Степанов. Указ. соч., стр. 118.

ножей, железный молоточек для ювелирных работ, железное тесло, несколько калачевидных кресал поздних типов, керамические колечки (вероятно, игрушки), астрагал с гравированным знаком и несколько астрагалов с просверленными отверстиями, черешковые стрелы (двухлопастные и одна трехлопастная), железная коса, железный ключ. Найдено несколько десятков крич и несколько льячек. Найдено несколько фрагментов глиняных толстостенных полых шаров с отверстием, вероятно, метательных ядер.

Слой серой супеси (II период) можно датировать XIII—XIV вв. по следующим вещам:

— находка двух мордовских сюльгам с лопостями формы, хорошо известной в мордовских могильниках XIV века[1].

— находка мордовской сюльгамы с закрученными концами — предмет, также характерный для мордовских могильников XIII—XIV вв.[2]

— находка бронзового литого зеркала с крестовидным орнаментом и выпуклостью в центре. Такие зеркала часто встречаются в памятниках XIV в., в частности в поздних половецких курганах, в аланских памятниках XI—XII вв[3], в золотоордынских городищах[4].

— находка пластинчатого билонового браслета, характерного для инвентарей мордовских могильников XIV в.[5]

В 1951 г. на городище была найдена бронзовая сердцевидная бляха с надписью «Султан Токтамыш» (слово «султан» было написано по-арабски, имя «Токтамыш» уйгурскими буквами)[6]. Эта бляха конца XIV в. также подтверждает существование поселения в XIV в.

Наиболее древний, I период, можно связать с эпохой городецкой культуры (I тыс. до н. э.). В некоторых участках в нижних слоях заполнения рва найдена одна только городецкая керамика с отпечатками сетки. Во вторичном залегании городецкая керамика найдена и в слоях II и III периодов, причем черепки этой керамики в нижних слоях встречаются чаще. Встречаются фрагменты с валиком и защипами по нему, а также ямочным и тычковым орнаментом. Других предметов этого периода на городище не обнаружено.

[1] А. Е. Алихова. Из истории мордвы конца I — начала II тыс. н. э. Сб. «Из древней и средневековой истории мордовского народа». Саранск, 1959, табл. 1, 56.

[2] Там же, табл. 1, 63, 64.

[3] В. А. Кузнецов. Исследования Змейского катакомбного могильника в 1958 г. МИА № 114, 1964, стр. 42, табл. IV, рис. 5.

[4] Гос. Эрмитаж. Сер.— 742. Из раскопок А. Терещенко на Царевском городище (Новый Сарай).

[5] А. Е. Алихова. Ук. соч., табл. 1, 61.

[6] Совершенно такая же бляха была опубликована П. С. Савельевым. См. П. С. Савельев. Монеты Джутидов, Джагатаидов, Джелаирдов. СПб., 1857, стр. 61.

Во вторичном залегании, в нижних слоях культурного слоя, в глубине древнего рва, в слое городецкого периода найдены два фрагмента толстостенной желтой керамики с примесью песка с валиком и резным орнаментом. По орнаменту и валику эти фрагменты очень близки к керамике поздняковской культуры, распространенной на соседних территориях в эпоху бронзового века.

К югу от городища в молодых сосновых посадках нами было открыто селище. Культурный слой селища представляет собой слабо гумированный песок мощностью 40—45 см. Слой насыщен керамикой, главным образом, с примесью песка. Гончарной керамики здесь нет. Сравнительно много здесь фрагментов городецкой сетчатой керамики. Однако встречается и позднемордовская керамика с крупным шамотом. Культурный слой прорезан был в 3-х местах прямоугольными ямами, ориентированными длинными осями примерно по линии З—В (всего на селище было вскрыто 18 м². Ямы в длину примерно 1 м, в ширину —60—80 см. В одной из ям (яма № 1) были найдены детские зубы. Это, очевидно, были детские могилы. Костяки в них не сохранились. Местное население при запашке этого места находило человеческие кости. Таким образом, нам кажется, что здесь было селище городецкой культуры, связанное с городищем, а в средневековье — могильник. При рытье ям в культурный слой древнего селища были занесены фрагменты позднемордовской керамики с крупным шамотом.

Обращает на себя внимание то, что селище дает больше находок городецкой керамики, чем городище. Очевидно, люди жили на селище, а городище было лишь общинным убежищем.

П. Д. Степанов высказал предположение, что на Итяковском городище в позднесредневековую эпоху обитали татары-мишари. Никаких аргументов в подкрепление этой теории им не приведено. Известно, что татары действительно обитали в этих местах. В родословной татарских князей, относящейся к XVIII в., приписывается основание села Итяково и ряда других сел Темниковского района сыновьям и внукам Бехана, золотоордынского князя XIV в.[1]. Исследователь этих источников М. Г. Сафаргалиев сомневается в достоверности этих свидетельств. Более существенным нам представляется находка в слое Итяковского городища бляхи с именем Токтамыша. Ее можно, с определенной долей вероятности, считать каким-то знаком власти. Возможно, что в XIV веке здесь сидел золотоордынский князь, какой-нибудь темник. Прельстившись труднодоступным местом древнего городища, он занял его. По каким-то причинам он сам разрушил сохранившиеся от I тыс. до

[1] М. Г. Сафаргалиев. К истории татарского населения Мордовской АССР (о мишарях). Тр. НИИЛИЭ при Сов. Министров МАССР, т. XXIV, Саранск, 1963, стр. 69.

н. э. ров и вал. Возможно, его заставила это сделать золотоордынская ханская администрация. Известно, что у монголов имело место требование центральной власти держать города открытыми, не обносить их стенами[1].

[1] Известно, что Сарай был без стен (см. сообщение об этом Ал-Омари. В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды, т. I, СПб., 1884, стр. 241). Новый Сарай, как показали раскопки 1959—1962 гг., также долгое время не имел оборонительной системы (Г. А. Федоров-Давыдов. Раскопки Нового Сарая в 1959—1962 гг. СА, 1964, № 1, стр. 250. Интересно наблюдение Л. Р. Кызласова о том, что в Туве в эпоху монгольского завоевания известные нам города были без стен (см. Л. Р. Кызласов. Городище Ден-Терек. Древнемонгольские города. М., 1965, стр. 61. Он же в связи с этим обратил внимание на следующие слова Марко Поло: «Во всех областях Китая и Манги и в остальных его (Хубилая) владениях есть довольно предателей и неверных, готовых возмутиться, а потому необходимо во всякой области, где есть большие города и много народа, содержать войска; их располагают вне города, в четырех или пяти милях, а городам не позволено иметь стены и ворота, дабы не могли препятствовать вступлению войск». (Книга Марко Поло. М., 1956, стр. 280). Видимо, требование оставлять поселения открытыми касалось и монгольских феодалов, обосновавшихся в завоеванных землях. Центральная ханская власть стремилась не допустить усиления этих феодалов на местах. Но подвластное золотоордынскому феодалу население было, вероятно, мордовское. Об этом говорят типично мордовские украшения (сульгамы, браслеты).

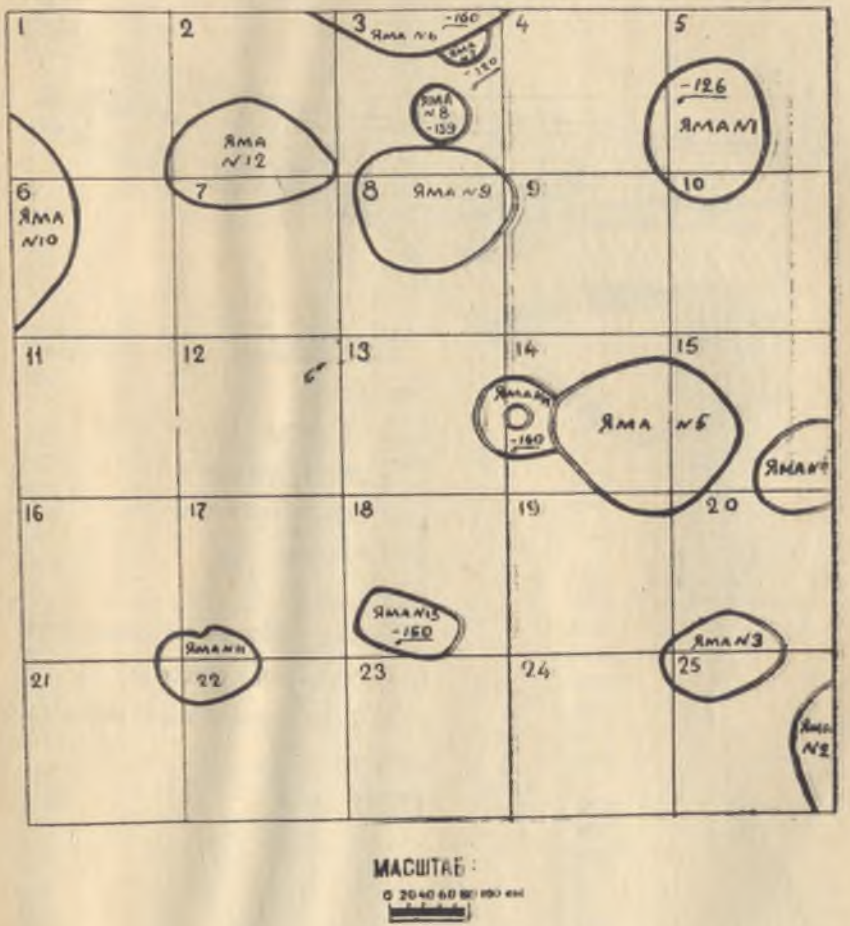
В более позднее время здесь возникло укрепленное поселение. Возведение валов, очевидно, связано было с ростом сепаратизма феодалов в Золотой орде. Открытое поселение XIV в. превращается в XV—XVI вв. в феодальный замок с мощным по сравнению с его малой территорией фортификационной системой. Но население продолжало оставаться, очевидно, мордовским.

Следует отметить, что в XIII—XIV в. поселок жил натуральным хозяйством. Сюда совершенно не проникала гончарная ремесленная керамика, хотя на территории мордовского народа были золотоордынские города (например, Мукши). К XV—XVI вв. население Итяковского городища продолжало еще пользоваться лепной керамикой собственного изготовления, но уже покупало и ремесленную гончарную керамику. Натуральная замкнутость поселка в эту эпоху постепенно исчезает.

МАЗ-65 г.

ИТЯКОВСКОЕ ГОРОДИЩЕ

ОБЩИЙ ПЛАН РАСКОПА №3

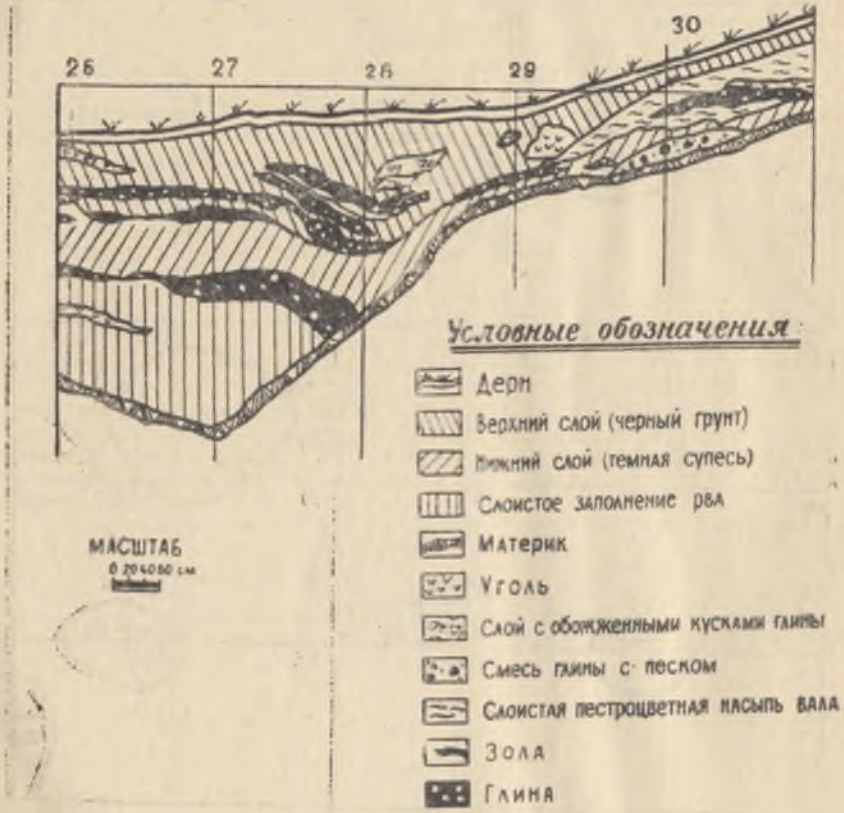


МАСШТАБ:

Итяковское городище

ПРОФИЛЬ ВОСТОЧНОЙ СТЕНКИ (Р-1)

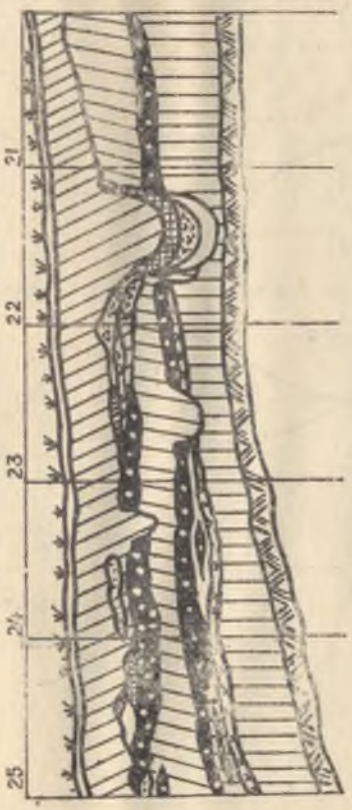
МАЭ-65 г



Итяковское городище

ПРОФИЛЬ ЮЖНОЙ СТЕНКИ (Р-1)

МАЭ-65 г

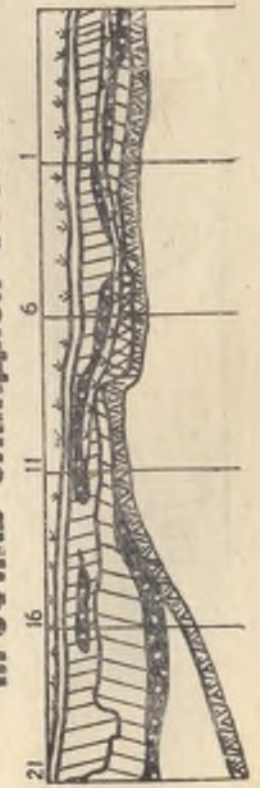


Условные обозначения:

- Дерн
- Верхний слой (черный грунт)
- Нижний слой (серая супесь)
- Слоистое заполнение рва
- Материк
- Слой с обожженными кусками глины
- Песок
- Древесный коричневый тлен
- Угли
- Рыхлая глина с углем
- Серый „дымчатый" песчаный слой с золой
- Смесь черного грунта с глиной и песком
- Глина

МАСШТАБ

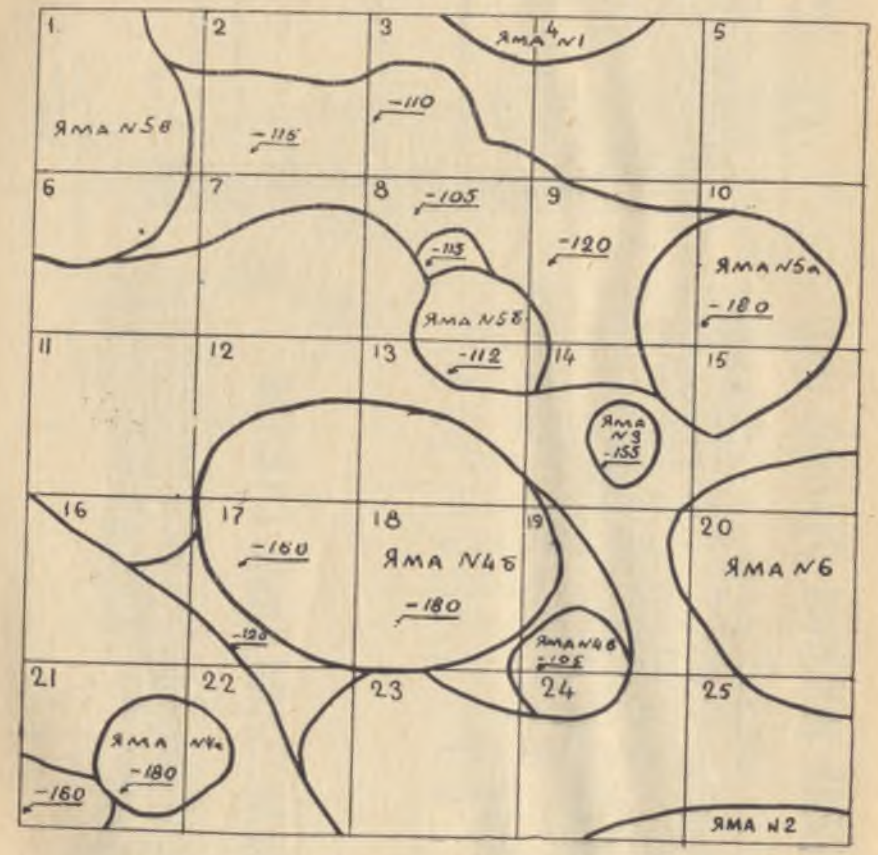
ПРОФИЛЬ ЗАПАДНОЙ СТЕНКИ



МАЭ-65 г

ИТЯКОВСКОЕ ГОРОДИЩЕ

ОБЩИЙ ПЛАН РАСКОПА № 2



МАСШТАБ
0 20 40 см

МАЭ-65 г.

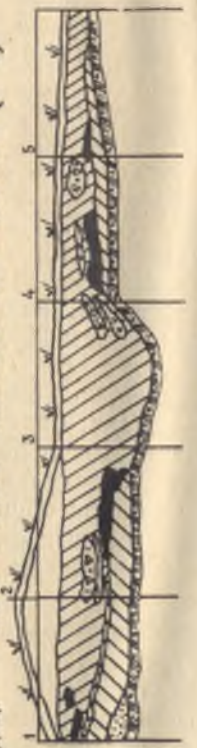
Условные обозначения:

- Дерн
- Верхний слой (черный грунт)
- Нижний слой (серая супесь)
- Слоистое заполнение рва
- Органический тлен (навоз, кора)
- Материк
- Слой с обожженными обмазками
- Уголь
- Рыхлая глина с углем
- Глина
- Песок
- Зола

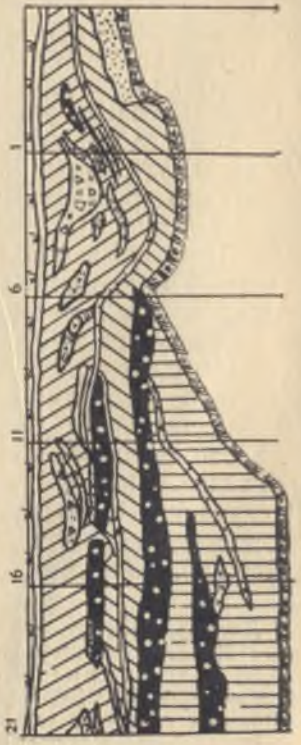
МАСШТАБ 0 20 40 60 см

ИТЯКОВСКОЕ ГОРОДИЩЕ

ПРОФИЛЬ СЕВЕРНОЙ СТЕНКИ (Р-3)



ПРОФИЛЬ ЗАПАДНОЙ СТЕНКИ



П. П. Голышенков, А. П. Мачинский
Т. М. Шеянова, Н. И. Сарычев

ФАУНА ИТЯКОВСКОГО ГОРОДИЩА

Итяковское городище расположено вблизи с. Итяково Темниковского района Мордовской АССР. Раскопки Итяковского городища велись археологическими экспедициями Мордовского научно-исследовательского института дважды: первый раз в 1951 г. под руководством П. Д. Степанова[2], второй — в 1965 г., раскопками руководил Г. А. Федоров-Давыдов[3].

П. Д. Степанов установил, что городище состоит из двух культурных слоев: городецкого и позднесредневекового XIV—XVI вв. н. э. Однако Г. А. Федоров-Давыдов и А. В. Циркин считают его трехслойным: первый слой — городецкий, второй — датируется ими XIII—XIV вв. н. э., третий — XV—XVI вв. н. э.

При раскопках городища, наряду с керамическими и другими остатками материальной культуры, были найдены кости животных. Костный материал Итяковского городища, собранный при раскопке его в 1951 г., нами не изучался. О нем П. Д. Степанов сообщает следующее: «Костный материал в слое (позднесредневековом, примечание наше) был довольно обильный. Преобладали кости домашних животных: лошади, коровы, овцы. Кости свиньи отмечены всего в 16 случаях. Довольно часты были находки костей птицы (87 случаев), лося (52 случая), рыб (94 случая)»[4]. К сожалению, автор не указывает ни общего количества костей, ни к какому числу особей животных они принадлежали, ни соотношений между костями и особями по видам

[1] Доценты кафедры анатомии и физиологии сельскохозяйственных животных Мордовского государственного университета.

[2] П. Д. Степанов. Итяковское городище. Труды НИИЯЛИЭ при Совете Министров МАССР, вып. 24, Саранск, 1963, стр. 116—130.

Впервые указанное городище было зарегистрировано А. Норцовым. См. Историко-археологическую карту Тамбовской губ. «Сборник-календарь Тамбовской губ. на 1903 г.», Тамбов, 1903.

[3] Г. А. Федоров-Давыдов и А. В. Циркин. Новые данные об Итяковском городище в Темниковском районе МАССР. См. настоящий выпуск, стр. 237.

[4] П. Д. Степанов, Указ. соч., стр. 120.

животных, что, безусловно, снижает научную ценность результатов исследования костного материала, проведенного П. Д. Степановым. Их трудно анализировать, и в ходе анализа можно легко допустить ошибки по целому ряду обстоятельств. Укажем на одно из них.

Количество костных остатков, а тем более число случаев обнаружения костей того или иного вида животного недостаточно четко характеризуют состав фауны и соотношение видов, её составляющих, а также роль того или иного вида животного в жизни людей. Большое количество костных фрагментов может принадлежать одному животному, особенно, если оно крупное (лошадь, крупный рогатый скот, лось). И, наоборот, небольшое количество костных остатков может принадлежать большому количеству особей, что, очевидно, больше относится к мелким животным (овца, коза, свинья и т. д.). Следовательно, чтобы иметь более близкое к действительности представление, например, о роли отдельных видов животных в питании людей, более важно определить соотношение между ними не по количеству костей, а по количеству особей. Без учета этих показателей наши представления о роли того или иного вида домашних или диких животных в жизни людей вообще и в их питании, в частности, будут, несомненно, носить много элементов случайности.

В настоящем сообщении излагаются результаты изучения костного материала Итяковского городища, собранного при его раскопке в 1965 г., и любезно представленного нам Мордовским научно-исследовательским институтом. Костный материал сравнительно невелик. Он содержит 1236 костей, что не позволяет исчерпывающе характеризовать фауну городища. Однако наши данные в некоторой степени расширяют и дополняют сведения о фауне этого городища. Дальнейшее же накопление сведений по изучаемому вопросу, без сомнения, поможет достоверно восстановить общую картину состава фауны мордовских городищ на отдельных этапах их истории, а следовательно, и картину развития скотоводства, охоты и рыболовства соответствующего периода истории Мордовии.

Костный материал городища второго и третьего слоев представляет собой кухонные остатки. Большинство костей разрушено искусственно людьми путем перелома, раскола или разрубания в связи с употреблением ими мяса в пищу. Внутренний и наружный углы подвздошных костей таза, дистальные концы большеберцовых костей, проксимальные концы плечевых костей, ребра, лопатки, остистые и поперечно-реберные отростки позвонков крупного и мелкого рогатого скота, свиней и в меньшей степени лошадей отбиты или отгрызены. Плюсневые и пястные кости этих животных часто расколоты в поперечном и продольном направлениях. Некоторые кости обожжены. В некоторых случаях кости разрушены под влиянием неблагоприятных условий длительного нахождения их в грунте. Этим обстоятель-

ством можно объяснить наличие в костном материале из раскопок Итяковского городища большого количества сравнительно крупных и мелких костных фрагментов позвонков и их отростков, ребер, костей черепа, таза, лопатки, диафизов длинных трубчатых костей, видовое определение которых значительно затруднено или просто невозможно.

Нами определено 916 костей, что составляет 74,1% от их общего количества. 320 костных осколков (25,9%) оказались неопределенными. Определенные кости принадлежат, главным образом, млекопитающим животным и сравнительно небольшое количество птицам и рыбам. Соотношение костных остатков по классам животного мира оказалось следующим:

	Количество костей	%
Млекопитающие	911	99,45
Птицы	3	0,33
Рыбы	2	0,22

Среди костей Итяковского городища кости черепа и пальца преобладают над другими костями как у домашних, так и у диких животных. Первые, очевидно, вследствие более сильной их раздробленности, вторые — вследствие лучшей сохранности.

Количество особей определялось путем подсчета одноименных костей, принадлежащих одному виду животных, с учетом возрастных особенностей.

Кости млекопитающих и птицы по видовому составу отнесены к 12 видам, принадлежат они 78 особям. Соотношение их следующее:

	Количество костей	Количество особей
Лошадь	408	27
Крупный рог. скот	425	26
Овца	29	8
Свинья	12	4
Собака	6	3
Домашняя курица	3	1
Лось	6	2
Медведь	9	3
Косуля	11	2
Лиса	2	1
Выдра	1	1
Заяц	2	1

Значительное преобладание костей домашних животных над дикими — одна из особенностей фауны Итяковского городища.

Соотношение костей и особей домашних и диких животных видно из таблицы 1.

Таблица 1

Соотношение костей и особей домашних и диких млекопитающих животных Итяковского городища

Животные	Кости		Особи	
	количество	%	количество	%
Домашние	880	96,6	68	87,2
Дикие	31	3,4	10	12,8
	911	100	78	100

Анализируя данные таблицы 1, можно видеть, что одним из основных занятий жителей Итяковского городища было скотоводство. Более того, в объеме исследованного нами костного материала можно предположить и то, что жители городища больше предпочитали разводить лошадей и крупный рогатый скот, меньше — овец. Это предположение требует в дальнейшем подтверждения путем изучения гораздо большего количества костного материала этого городища.

Жители городища занимались охотой и рыбной ловлей, что, вероятно, имело второстепенное значение в смысле обеспечения их мясом. Доказательством этого предположения служит то, что в костном материале городища, собранного при его раскопке в 1965 г., костей от диких животных содержится в 28 раз меньше, чем от домашних, кости диких птиц не обнаружены, а костей рыб найдено крайне мало.

Однако П. Д. Степанов[1], о чем уже сообщалось выше, нашел в костном материале городища при раскопке в 1951 году кости птиц в 87 случаях, а кости рыб — в 94 случаях. Фауна диких животных городища бедна. В объеме исследованного нами костного материала она представлена 6 видами, число особей которых 10.

Кроме того, П. Д. Степанов[2] в костном материале городища в 52 случаях нашел кости лося.

Отсутствие в костном материале Итяковского городища костей других диких животных, например, кабана, бобра, волка и диких птиц совершенно не означает, что их в фауне городища не было. Во-первых, потому, что изученный костный материал городища невелик. Во-вторых, потому, что, очевидно, далеко не все дикие животные, убитые на охоте, употреблялись людьми

[1] П. Д. Степанов, Указ. соч., стр. 120.
[2] П. Д. Степанов, Указ. соч., стр. 120.

в пищу. Охотники, вероятно, на месте добычи нередко снимали шкурки и бросали тушки. К этому, как предполагает В. И. Бибикова[1], прибегали жители верхневолжского Пекуновского городища, жившие в период между III в. до н. э. и IV—VI вв. н. э. Такое же мнение высказывает и В. И. Цалкин[2], изучавший фауну Старой Рязани X—XIII вв. н. э.

Автор пишет: «Общее значение охоты, как источника питания, в жизни населения Старой Рязани было, видимо, очень ограничено». Достоверность этих данных не вызывает сомнений, так как они являются результатами изучения большого костного материала. Автор определил 9195 костей млекопитающих животных, из которых только 491 (5,3%) принадлежала диким животным.

После общей краткой характеристики костного материала перейдем к более подробному анализу костных находок Итяковского городища по отдельным видам животных.

Лошадь. Наибольшим количеством особей (не менее 27) представлена лошадь, которая, впрочем, лишь незначительно превышает удельный вес крупного рогатого скота в фауне Итяковского городища.

Большинство костей имеет следы искусственного разрушения. Почти все трубчатые кости разбиты на 2—3 куска. Лучше всего сохранились фаланги. Многочисленные костные остатки черепов, к сожалению, представлены мелкими фрагментами, по которым невозможно судить о краниологических особенностях этих лошадей.

В возрастном отношении большинство костей принадлежит взрослым животным. Из 27 определенных нами особей лишь три можно отнести к молодняку до 2 лет. По фрагментам резцовых и нижних челюстных костей с сохранившимися резцовыми зубами нам удалось довольно точно установить возраст 8 особей: 4,5; 5; 5,5; 9; 10; 12; 15—18; и 18—20 лет.

Особый интерес, на наш взгляд, представляет жеребец 18—20-летнего возраста. Это, видимо, было более крупное и ценное животное, которое, очевидно, длительное время использовалось жителями городища в племенных целях.

Из костных остатков черепов лучше всего сохранились фрагменты верхних челюстных костей с коренными зубами. Некоторые измерения, например, длина альвеолярного края настоящих коренных зубов, равная 72, 74, 76, 80, 81 и 82 мм, а также размеры зубов свидетельствуют об относительно небольшой величине черепов лошадей Итяковского городища (табл. 2).

Особый интерес для характеристики типа лошадей представляет анализ измерений метаподий. К сожалению, большинство их представлено обломками. Нам удалось произвести измерения только 12 метакарпальных и 9 метатарсальных костей (табл. 3). Из них лишь 3 пястные и 2 плюсневые кости взрослых животных сохранились полностью, и на них произведены все измерения. Одна пястная кость расколота продольно в сагиттальной плоскости, на ней измерена общая длина и длина снаружи. У остальных костей метаподия не было или верхнего, или нижнего конца.

Разумеется, столь ограниченный материал позволяет нам высказать лишь предположительные суждения о размерах и типе лошадей городища, они требуют дальнейших исследований и уточнений.

Общая длина метаподий колебалась от 207 мм до 241,5 мм. Пользуясь коэффициентами, предложенными Кизельвальтером (6,41 для пястных и 5,33 для плюсневых костей), мы определили высоту в холке этих особей. Лошади с длиной пястных костей 207, 229, 228 и 210 мм (экз. 1, экз. 2, экз. 3, экз. 4) имели соответственно высоту в холке 126, 141, 141 и 134 см, а с длиной плюсневых костей 231 и 241,5 мм (экз. 13 и экз. 14) соответственно — 119 и 126 см.

Итяковских лошадей по классификации А. А. Браунера[1] можно отнести к двум группам: лошадям малого роста (до 137 см) — 4 лошади и нижесреднего роста (от 138 до 142 см) — 2 лошади. По более поздней и совершенной классификации

Таблица 2

Измерения коренных зубов верхней челюсти лошадей (в мм)

Название признака	№ 1	№ 2	№ 3	№ 4	№ 5	№ 6	№ 7
Длина альвеолярного ряда настоящих коренных зубов	74	82	76	80	74	—	81
Длина альвеолярного края ложных коренных зубов	—	—	—	—	—	86	93
Длина альвеолярного края коренных зубов	—	—	—	—	—	—	173
Дл. и шир. 2 премол.	—	—	—	—	—	37—21	38—24
" " 3 "	—	—	30—26	—	—	24,5—25	29—27
" " 4 "	—		29—28	25—25	29—29	24—26	26—28
" " 1 молярa	25—27	26—27	25—23	25—27	22—24	23—25	25—27
" " 2 "	24—26	27—27	26—22	25—26,5	23—24,5	—	25—27
" " 3 "	24—23	25—24	22—20	31—24	25—20	—	30—24

[1] В. И. Бибикова, Фауна Пекуновского городища. МИА, № 13, 1950, стр. 138.

[2] В. И. Цалкин, Домашние и дикие животные Старой Рязани. В кн. А. Л. Монгайта, «Старая Рязань». МИА, № 49, 1955, стр. 222.

[1] А. А. Браунер, Лошадь курганных погребений Тираспольского уезда Херсонской губ. Зап. Императорск. Общества сельского хозяйства Южной России, т. 86, кн. 1, 1916, стр. 122.

Таблица 3

Измерения метаподий лошади (в мм)

№ п/п.	Общая длина	Длина снаружи	Ширина верхнего конца	Ширина нижнего конца	Ширина середины диафиза	Отношение середины диафиза к общей длине (в %)	Отношение середины диафиза к длине снаружи (в %)
Пястные (метакарпальная III)							
1	207	199	55	48	33	15,9	16,5
2	229	220	54	52	35	15,2	15,9
3	228	220	—	—	—	—	—
4	210	202	48	47	33	15,7	16,3
5	—	—	51	—	—	—	—
6	—	—	43	—	29	—	—
7	—	—	—	50	33	—	—
8	—	—	—	51	35,5	—	—
9	—	—	—	51	33	—	—
10	—	—	—	48	31,5	—	—
11	—	—	—	46	34	—	—
12	—	—	51	—	35,5	—	—
Плюсневые (метатарсальная III)							
13	231	226	43	41	28	12,1	12,4
14	241,5	237	46	45	27	11,1	11,4
15	—	—	50,5	—	27	—	—
16	—	—	51	—	32	—	—
17	—	—	48	—	32	—	—
18	—	—	—	47	31	—	—
19	—	—	—	49	32	—	—
20	—	—	—	43	31	—	—
21	—	—	—	45,5	29	—	—

В. О. Витта[1] — к трем группам: мелким (от 120 до 128 см) — 1 лошадь, малорослым (от 128 до 136 см) — 3 лошади и средним (от 136 до 144 см) — 2 лошади.

Анализ отношений ширины пястных костей в середине диафиза к их наибольшей длине нами сделан в соответствии со схемой А. А. Браунера[2]. Им предложены следующие градации толщины передних ног в зависимости от величины этого отношения:

1. Более 17,5% — толстоногость.
2. От 16,5 до 17,5 — полутонконогость.
3. От 15,5 до 16,5 — средненогость.
4. От 14,5 до 15,5 — полутонконогость.

[1] В. О. Витта, Лошади Пузырских курганов. Сов. арх., XVI, 1952.
[2] А. А. Браунер, Указ. соч., стр. 106 и 108.

5. От 13,5 до 14,5 — тонконогость.
6. Менее 13,5% — крайняя тонконогость.

Для суждения об относительной тонконогости задних конечностей он, по отношению ширины в середине диафиза плюсневых костей к их длине снаружи, выделяет следующие группы:

1. Свыше 13,5% — толстоногие.
2. От 12,8 до 13,5 — полутолстоногие.
3. От 12,0 до 12,7 — полутонконогие.
4. Меньше 12 — тонконогие.

Измерения, приведенные нами на трех целых пястных костях, показали, что отношение ширины в середине диафиза этих костей к наибольшей длине равно 15,4% (экз. 2), 15,7% (экз. 4) и 15,9% (экз. 1).

Следовательно, экз. 2 можно отнести к полутонконогим лошадям, а экз. 1 и экз. 4 — к средненогим.

Отношение ширины в середине диафиза плюсневых костей к их длине снаружи показало, что экз. 14 может быть отнесен к тонконогим, а экз. 13 — к полутонконогим лошадям (величина указанного соотношения у них соответственно равна 11,4% и 12,4%.

Таким образом, из пяти целых метаподий два принадлежало средненогим, два — полутонконогим и один — тонконогим лошадям.

Хорошо сохранились все первые фаланги. Нами произведены измерения 17 передних и 13 задних путовых костей (табл. 4—5). Они имеют довольно большие пределы изменьчивости. Так, общая длина передних путовых костей составляет 73—93 мм, в среднем 81 мм. Варьируют и их индексы (табл. 6). Индекс «соотношение ширины», т. е. отношение ширины в середине диафиза к общей длине, колеблется в пределах от 40,0 до 44,4, в среднем составляет 42,2. Индекс «соотношения верхней ширины», т. е. отношение ширины середины диафиза к ширине проксимального конца этих фаланг составляет 61,0—68,6 и отношение ширины проксимального конца к наибольшей длине фаланги равно 61,2—67,9.

А. А. Браунер[1] делит лошадей по «соотношению верхней ширины» на такие группы:

Широковерхие . . . . . до 60%.
Полушироковерхие . . . . . от 60 до 62,5%
Полуузковерхие . . . . . от 62,5 до 65%.
Узковерхие . . . . . от 65% и ниже.

Более широковерхие фаланги принадлежат лошадям восточного типа, а узковерхие — лошадям западного типа.

Передние путовые фаланги лошадей Итяковского городища по этому индексу распределяются следующим образом:

[1] А. А. Браунер, Указ. соч., стр. 111—112.

Таблица 4

Измерения передних путовых костей лошадей (в мм)

№№ п/п.	Общая длина	Длина снаружи	Ширина верхнего конца	Ширина верхней суставной поверхности	Ширина середины диафиза	Ширина нижнего конца	Ширина нижней суставной поверхности	Отношение ширины диафиза к общей длине (в %)
1	93	81	58	50	39,5	49	43	42,5
2	84	73	54,5	48,5	36	48	47	42,85
3	87	80	55	49	37,5	48	45	40,8
4	83	80	51	46	35	45	41	42,1
5	81	80	55	49,5	34,5	45	40	42,6
6	82	79,5	52,5	44,5	34	46	40	41,9
7	76	68,5	47	43,5	30,5	40,5	—	40,1
8	85	74	52	46	35	—	—	41,2
9	81	73	55	50	35	45	43	43,2
10	81	77	—	—	36	48	42,5	44,4
11	—	—	52	47	—	—	—	—
12	85	79,5	53	48	35	45	43	41,2
13	78	70	52	51	32	43	41	41,0
14	90	82	59	53	36	49,5	47	40,0
15	84,5	79,5	52	49	34	44	42	40,2
16	73	70	45	42	30	40,5	37	41,1
17	—	—	52,5	44,5	32,5	—	—	—

Таблица 5

Измерения задних путовых костей лошадей (в мм)

№№ п/п.	Общая длина	Длина снаружи	Ширина верхнего конца	Ширина верхней суставной поверхности	Ширина середины диафиза	Ширина нижнего конца	Ширина нижней суставной поверхности	Отношение ширины диафиза к общей длине (в %)
1	78	71	51,5	45	32	42	37	41,0
2	82	79,5	60	52	37	44	43,5	45,1
3	75,5	72	50,5	44	32	42	38	42,4
4	78	72	53	47	33	45	40	44,9
5	85	74	56	52	35	47	42,5	41,2
6	81	75	56	48,5	35	42,5	38,5	43,2
7	76	73,5	48,5	42	33	—	—	43,4
8	71	66	49	44	28	36	33	39,4
9	76	69	51	48	31	42	41	40,8
10	87	79	58,5	50	37,5	49	44	43,1
11	77	70	55	50	32,5	44,5	43,5	42,3
12	75	76,5	—	—	32	42,5	41	42,7
13	79,5	73,5	54	46	32	44	40,5	40,3

Таблица 6

Индексы передней фаланги лошадей Итяковского городища

№№ п/п.	Соотношение ширины	Соотношение верхней ширины	Отношение ширины проксимального конца к наибольшей длине
1	42,5	63,1	62,4
2	42,85	66,0	64,9
3	40,8	68,2	63,2
4	42,1	68,6	61,4
5	42,6	62,7	67,9
6	41,9	64,7	64,0
7	40,1	64,9	61,8
8	41,2	67,3	61,2
9	43,2	63,6	67,9
10	44,4	—	—
11	41,2	66,0	62,3
12	41,0	61,5	66,6
13	40,0	61,0	65,5
14	40,2	65,4	61,5
15	41,1	66,6	61,6
16	—	61,9	—

Полушироковерхие 3
Полуузковерхие 4
Узковерхие 8

Значительный интерес для характеристики путовых фаланг представляет анализ индекса «отношение ширины проксимального конца к наибольшей длине». Величина этого индекса выше 70 характерна для лошадей западного типа, ниже 70— для лошадей восточного типа.

По данным измерений, 15 передних путовых костей лошадей Итяковского городища указанный индекс варьирует от 61,2 до 67,9, т. е. не превышает 70.

Анализ индексов фаланг «соотношение ширины», «соотношение верхней ширины» и отношение ширины проксимального конца к наибольшей длине позволяет сделать предположение о наличии у лошадей Итяковского городища признаков как восточного, так и западного типов лошадей с преобладанием признаков восточного типа.

Задние путовые кости несколько короче, чем передние. Общая длина их колеблется от 71 мм до 87 мм и в среднем составляет 77,31 мм. Отношение ширины диафиза к общей длине 40,3—45,1, в среднем —43.

В таблицах 7—10 нами произведено сравнение некоторых размеров и индексов путовых костей итяковских лошадей с

таковыми из Старой Рязани[1]. Анализ данных показывает, что общая длина как передних фаланг (итяковские лошади — 81,0 мм, рязанские 83,25 мм), так и задних (итяковские — 77,31 мм, рязанские — 77,15 мм) сравниваемых групп лошадей очень близка. Также незначительная разница отмечается и при сравнении индекса «относительной ширины диафиза» передних и задних путовых костей. У итяковских лошадей он равен 42,2 для передних конечностей и 43,0 — для задних, а у рязанских — 40,66 и 41,26 соответственно. В обоих случаях разница недостоверна (M. diff 2,8 и 1,8).

Таблица 7

Вариационный ряд общей длины передних путовых костей лошадей

Классы	70	75	80	85	90	95	n	M	±m	σ	C	M.diff
Итяковские	1	2	7	3	2		15	81	1,35	5,22	6,44	1,24
Рязанские	—	3	6	3	1		13	83,25	1,21	4,35	5,2	

Таблица 8

Вариационный ряд относительной ширины диафиза передних путовых костей лошадей

Классы	36	38	39	40	41	42	43	44	45	46	n	M	±m	σ	C	M.diff
Итяковские	—	—	1	4	4	4	1	1	—		15	42,2	0,32	1,26	2,9	1,8
Рязанские	2		4		2		2		2		12	40,66	0,8	2,7	6,6	

Таблица 9

Вариационный ряд общей длины задних путовых костей лошадей

Классы	65	70	75	80	85	90	n	M	±m	σ	C	M.diff.
Итяковские	—	1	7	3	2		13	77,31	1,17	4,21	5,45	0,09
Рязанские	1	5	4	4	1		15	77,15	1,38	5,35	6,9	

[1] В. И. Цалкин, Указ. соч., стр. 217—218.

Таблица 10

Вариационный ряд относительной ширины диафиза задних путовых костей лошадей

Классы	36	38	39	40	41	42	43	44	45	46	n	M	±m	σ	C	M.diff
Итяковские	—	—	1	3	1	3	3	1	1		13	43,0	0,39	1,4	3,25	2,8
Рязанские	1		2		7		4		1		15	41,26	0,50	1,92	4,6	

Таблица 11

Измерения копытных костей лошадей (в мм)

№№ п/п	Название кости	Длина передней поверхн.	Наибольшая ширина кости	Ширина между копытными ветвями	Ширина суставн. поверхн.	Толщина суставн. поверхн.	Высота кости	Отношение наибольшей ширины к длине перед. поверхн. в %	Отношение высоты к наибол. ширине в %
1	Передняя	48	—	—	41	23	36	—	—
2	—"—	42	75	—	44	23	37	178,5	49,3
3	Задняя	52	—	—	49	24	37	—	—
4	—"—	55	72	—	52	26	33	130,9	45,5

Таблица 12

Сравнительные данные измерений костей зейгоподия итяковских и рязанских лошадей

№№ п/п	Наименование измерений	Итяковские		Рязанские	
		кол-во экз.	размеры в мм	кол-во экз.	размеры в мм
1	Ширина верхнего конца лучевых костей	13	69—83	4	76—82
2	Ширина верхней суставной поверхности лучевых костей	13	62—81,5	8	66—75
3	Ширина середины диафиза лучевых костей	10	36—41	7	35—41
4	Ширина нижнего конца лучевых костей	14	66—78	6	67—80
5	Ширина нижней суставной поверхности лучевых костей	14	54—63	6	57—65
6	Ширина нижнего конца берцовых костей	13	64—79	9	60—80
7	Передне-задний диаметр нижнего конца берцовых костей	10	36—44	10	35—48
8	Диаметр диафиза берцовых костей	6	36—42	5	34—43

Хорошо сохранившихся копытных костей было всего 4 — две передних и две задних. Размеры копытных костей невелики (табл. 11).

Кости плечевого и тазового поясов конечностей, а также стилоподия представлены небольшими обломками подвздошных костей, дистальных концов лопаток и плечевых костей, на большинстве которых невозможно было произвести нужных измерений.

Кости зейгоподия сохранились несколько лучше. Они представлены довольно большим количеством лучевых и берцовых костей, не имеющих верхних или нижних концов. К сожалению, в нашем распоряжении не было ни одной целой кости зейгоподия, по длине которых можно было бы судить о росте этих лошадей. Однако произведя ряд измерений костных фрагментов лучевых и берцовых костей, мы сочли возможным сравнить эти измерения с таковыми от лошадей Старой Рязани (табл. 12).

Анализ их свидетельствует о том, что размеры рассматриваемых костей лошадей Итяковского городища приблизительно такие же, как и у лошадей из Старой Рязани.

Подводя итоги анализу костных остатков лошадей Итяковского городища, мы предполагаем, что лошади, разводимые жителями этого городища, во многом сходны с лошадьми Старой Рязани. Они низкорослы и, очевидно, относятся ближе к степным лошадям, чем к лошадям лесной полосы древней Руси.

Крупный рогатый скот. Среди домашних животных крупный рогатый скот по количеству костей занимает первое место, а по числу особей — второе место, лишь чуть уступая лошади.

Всего имеется 425 костей, принадлежащих примерно 26 особям, среди которых имеются молодые и взрослые животные. Например, обнаружены молочные резцы, фрагменты черепов, кости которых еще неполностью срослись. Это указывает на то, что жители городища убивали на мясо не только взрослых животных, но и телят. Костный материал содержит почти все элементы скелета. Однако целых костей очень мало. Совершенно отсутствуют целые черепа, лопатки. Почти нет целых трубчатых костей, исключение составляют 3 экз. пястья, 3 экз. плюсны и 22 кости первой фаланги пальцев.

В связи с тем, что целых трубчатых костей содержалось мало, мы не приводим подробных измерений костного материала, а ограничимся лишь сравнением некоторых отдельных измерений с аналогичными измерениями костных остатков крупного рогатого скота из Старой Рязани, выполненных В. И. Цалкиным (таб. 13), и сообщением некоторых биометрически обобщенных данных по размерам отдельных элементов костей (табл. 14—15).

Из таблицы 13 видно, что 7 из 8 измерений различных костей скота Итяковского городища находятся в пределах колебаний аналогичных измерений костей старорязанского скота. Минимальная величина альвеолярного края ложных коренных зубов нижней челюсти итяковского скота не превышает максимальной величины аналогичного измерения старорязанского скота. И только максимальный размер длины альвеолярного ряда ложных коренных зубов нижней челюсти итяковского скота на 3 мм превышает размер аналогичного измерения у старорязанского скота. Максимальные размеры длины альвеолярного ряда ложных коренных зубов нижней челюсти у 2 экз. (30%) итяковского скота больше максимального размера аналогичного измерения у рязанского скота.

Биометрически обобщенные данные длины первых фаланг и наибольшей длины таранных костей, приведенных в таблицах 14—15, показывают, что они мало отличаются друг от друга.

Таблица 13

Сравнительные данные некоторых измерений костей крупного рогатого скота

№№ п/п	Наименование измерений	Итяковское городище (собственные исследования)		Старая Рязань (по В. И. Цалкину, 1955)	
		количество экземпляров	величина в мм	количество экземпляров	величина в мм
1	Ширина нижнего суставного блока плечевой кости	6	62—73	13	62—73
2	Общая длина пястья	5	180,5—193	18	159—197
3	Ширина нижнего конца пястья	4	49—66	55	46—70
4	Общая длина плюсны	5	196—205	18	175—215
5	Ширина нижнего конца плюсны	4	50—51	62	43—66
6	Ширина нижнего конца берцовой кости	7	48—62	33	48—68
7	Наибольшая длина таранной кости	5	51,5—67	64	62—73
8	Длина альвеолярного края ложных коренных зубов нижней челюсти	11	46—55	11	37—52

Таблица 14

Вариационный ряд общей длины первых фаланг крупного рогатого скота

Классы	45	48	51	54	57	60	63	66	69	72	n	M	±m	σ	C	M.diff
Итяковские	1	2	7	1	5	1	1	3	1		22	58,77	1,43	6,73	11,4	2,37
Рязанские	—	34	64	34	26	20	9	6	1		194	55,35	0,35	4,83	4,2	

Таблица 15

Вариационный ряд наибольшей длины таранной кости крупного рогатого скота

Классы	48	50	52	54	56	58	60	62	64	66	68	70	n	M	±m	σ	C	M.diff.
Итяковские	1	—	—	1	—	1	1	—	—	1	—		5	57,2	2,72	6,08	12,37	2,76
Рязанские	—	1	4	7	14	13	13	5	2	2	3	6	70	59,24	0,50	3,98	6,7	

Не располагая большим количеством костного материала от крупного рогатого скота Итяковского городища, мы можем сделать лишь предположение о том, что крупный рогатый скот Итяковского городища, расположенного, как и Старая Рязань, в лесной полосе европейской части СССР, был сходен со старорязанским, т. е., очевидно, является примитивным аборигенным, имел низкий рост и малый вес.

Овца. Количество костных остатков и особей овец в материале из Итяковского городища сравнительно невелико, всего 29 костных фрагментов от 8 особей.

Наибольшее количество костей составляют таранные кости (8 экз.), обломки черепа (фрагменты верхней и нижней челюстей), обломки таза и плечевых костей, одна путовая кость и фрагмент эпистрофея. Наличие козы в фауне Итяковского городища пока установить не удалось, так как в имевшемся в нашем распоряжении костном материале характерных для козы костей нет.

Незначительное количество костей овец по сравнению с другими видами домашних животных, очевидно, обусловлено отсутствием в районе расположения городища подходящих для овец пастбищ.

Свинья. Четвертое место по количеству костей и особей в Итяковском городище принадлежит домашней свинье. Имеется всего 12 костей от 4 особей. Это обломки нижних и верхних челюстей, отдельные зубы, фрагменты лопатки, атланта, плечевой кости. Кости принадлежат в основном двум молодым особям. П. Д. Степанов[1] также обнаружил в костном материале городища небольшое количество костей свиньи (16 случаев). Он считает (поскольку население городища XIV—XVI вв. было мусульманским), что свиные кости в позднесредневековый слой попали случайно из городецкого. Мы разделяем эту точку зрения и считаем, что 12 свиных костей, обнаруженных нами в костном материале городища, также следует отнести к городецкому периоду жизни городища.

[1] П. Д. Степанов, Указ. соч., стр. 121.

Собака. Костей собак всего 6 от 3 особей. Это почти целый череп, обломки 3 нижних челюстей и 2 ребер. Собаки, по-видимому, в пищу не употреблялись, и кости от них случайно попали в кухонные остатки.

Лось. Костей лося всего 6 от 2 особей. Это пяточная кость, фрагменты нижних и верхних челюстей.

Медведь. Среди диких животных медведь занимает по количеству особей первое место. Найдено 9 костей (преимущественно хорошо сохранившиеся фрагменты нижних и верхних челюстей). Кости принадлежат 3 особям.

Косуля. По количеству костей косуля среди диких животных занимает первое место. Обнаружено 11 костей от 2 особей. В основном это костные обломки 3 нижних челюстей, большеберцовой кости. Исключение составляет один целый экземпляр правой пясти. Общая длина её 101 мм, ширина нижнего конца 26 мм, верхнего — 21,5 мм, ширина диафиза — 16,5 мм, ширина диафиза в передне-заднем направлении 11 мм.

Заяц. Две кости зайца (хорошо сохранившаяся правая нижняя челюсть и довольно большой фрагмент таза) принадлежат одной особи. Заяц, очевидно, являлся промысловым зверем, добывавшимся жителями Итяковского городища ради мяса и меха.

Лиса. Во всем костном материале обнаружено 2 кости (фрагменты нижней челюсти и ребра), принадлежат одной особи.

Выдра. Во всем костном материале обнаружен один сравнительно большой фрагмент черепа с сохранившимися резцами, предкорневыми и корневыми зубами.

Птица. Птица в городище представлена очень бедно. Всего имеется 3 кости (две плечевые кости правая и левая и большой фрагмент бедренной кости), сохранились сравнительно хорошо. Они принадлежат одной домашней курице.

Такое малое количество птичьих костей трудно объяснимо, вероятно, жители Итяковского городища мало занимались разведением домашней птицы и били дичь случайно, а может быть, потому, что птичьи кости плохо сохраняются или в большом количестве они поедались собаками и кошками. П. Д. Степанов при раскопке этого же городища в 1951 г. обнаружил кости птиц в 87 случаях[1].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итоги изучения костного материала из Итяковского городища таковы:

Нами констатировано, как уже отмечалось ранее, 5 видов домашних млекопитающих животных, основными из которых

[1] П. Д. Степанов, Указ. соч., стр. 120.

являются лошади, крупный рогатый скот, овцы. Соотношение между ними по числу костей таково:

	Количество костей	%
Крупный рогатый скот	425	48,63
Лошади	408	46,68
Овцы	29	3,32
Свиньи	12	1,37
	874	100

Основная масса костей принадлежит крупному рогатому скоту и лошадям, третье место принадлежит овцам. Овцы разводились в Итяковском городище, как можно предполагать, в незначительном количестве.

Более близкое к действительности представление о роли отдельных видов животных в питании жителей городища дает не соотношение между ними по количеству костей, а по количеству особей. Соотношение между видами по количеству особей дает следующую картину:

	Количество особей	%
Лошади	27	42,2
Крупный рогатый скот	26	40,62
Овцы	8	12,5
Свиньи	3	4,68
	64	100

Приведенные данные показывают, что основную массу особей в кухонных остатках Итяковского городища составляют лошади и крупный рогатый скот. Третье место принадлежит овцам. Аналогичное заключение сделал и П. Д. Степанов[1], который также зафиксировал преобладание костей лошади, крупного и мелкого рогатого скота. Обилие костей лошадей и крупного рогатого скота в кухонных остатках из Итяковского городища свидетельствует о том, что конина и говядина были, очевидно, для населения городища главными источниками мясной пищи, а баранина — вспомогательным. Количество же костей диких животных из Итяковского городища невелико и составляет всего лишь 3,4%. Нами установлено в фауне городища 6 видов диких животных: лось, медведь, заяц, лиса, косуля, выдра, о чём сообщалось выше. Таким образом, дикая фауна городища в общем итоге представлена пока 6 видами, характерными для лесной зоны Восточной Европы. Три из них: заяц, лиса, лось и сейчас сравнительно часто встречаются на территории Мордовии, а медведь и выдра сохранились лишь в Мордовском государственном заповеднике, расположенном на территории Темниковского района. Косуля на территории Мордовии в настоящее время не встречается.

Сравнительно незначительное количество костного материала из Итяковского городища не позволяет нам сделать более обстоятельный анализ фауны диких животных городища и более детально изучить значение охоты в общей экономике его жителей. Предполагаем, что фауна диких животных городища была гораздо богаче и охота, по-видимому, играла второстепенную роль в обеспечении жителей городища мясной пищей. Так это или нет, покажет дальнейшее исследование Итяковского городища и других памятников лесной полосы Восточной Европы по времени близких к нему.

[1] П. Д. Степанов, Указ. соч., стр. 120.

М. Р. Полесских

ТЕЗИКОВСКИЙ МОГИЛЬНИК IV—V вв.

Памятник расположен на возвышенном участке левого берега р. Мокши, ограниченном с трех сторон жилыми и хозяйственными постройками с. Тезиково-Михайловское Нижне-Ломовского района Пензенской области.

Первые раскопки здесь были проведены автором в 1958 и завершены в 1963 году. Всего вскрыто 55 погребений, в том числе мужских — 18, женских — 21, детских — 9, неопределенных — 7. Кости сохранились очень плохо, удалось взять всего 3 полуразрушенных черепа.

Умершие лежали в грунтовых могильных ямах, имеющих подпрямоугольную с округлыми углами или овально вытянутую, при этом иногда изогнутую в плане форму. Стенки ям прямые и отвесные или суживающиеся ко дну; дно плоское или желобчатое. Размеры могил в некоторых случаях значительно превышают практическую необходимость и при этом не зависят от богатства инвентаря. Так, яма-погр. № 23 размером 3 м × 0,9 м почти не содержала вещей.

Умершие лежали вытянуто на спине, руки — в одном случае — скрещены на груди, в другом — вытянуты вдоль туловища. В одном случае — погр. № 27 — умерший лежал как будто в положении ниц. Ориентировка различна: 26 погребений ориентировано головой на восток, 5 — на северо-восток, 2 — на запад, 1 — на северо-запад, 11 — неопределенно. Могильные ямы в 5 случаях имеют направление по линии В-З, в 4 случаях — по линии СВ-ЮЗ и в 1 — по линии С-Ю (рис. 1).

Хаотическое смешение костных остатков можно отнести за счет деятельности грызунов, но вполне возможно, что некоторые погребения являются вторичными; в данном случае имели место захоронения расчлененных частей скелета. Характерны в этом отношении погребения №№ 32 и 40.

Вещевые комплексы Тезиковского могильника соответствуют комплексам Старшего Селиксенского могильника на втором этапе его существования, т. е. IV, отчасти V вв. н. э.[1].

[1] М. Р. Полесских, Пензенские могильники мордвы IV—V вв. СА. № 4, 1962, стр. 179—188.

Погребения сопровождаются глиняными сосудами, находившимися — по одному, реже по два — преимущественно в головах. Сосуды имеют бурый, черный или коричневый цвет, гладкую поверхность, обжиг средней крепости; в примеси — мелкий песок, дресва, редко — шамот. Стенки сосудов, как правило, равномерно утолщаются ко дну, дно к центру часто утолщается. По форме все сосуды можно подразделить на баночные, горшки, горшки-миски, миски (рис. 2). Горшки обычно не велики, имеют пропорциональные очертания, почти все снабжены по краю косыми рубчиками, а в одном случае — штампованным узором[1]. Некоторые горшки по форме приближаются к банкам: дно их одинаково по величине с горлом, а в одном случае (погр. № 20) даже шире. Горшки-миски отличаются от горшков своей приземистой формой, меньшей емкостью и отсутствием на крае бортика орнамента. Мисками можно назвать два сосуда, из которых один (погр. № 18) большой, имеет широкий прямой край, другой (погр. № 48) — край отогнутый вовнутрь и как бы воспроизводящий остроребериую форму. Баночный сосуд из погр. № 35 с его отогнутым вовнутрь краем, низкими стенками и широким горлом обладает тонким дном (4 м/м), что говорит о его не хозяйственном, а возможно ритуальном назначении (рис. 2). Об этом же как будто говорит и его пережиточная восходящая к сосудам из Старшей Селиксы форма.

Лишь в двух случаях встречены черепки с легкими косыми насечками на шейке (погр. № 5) и «тычковым» орнаментом (погр. № 12). Отмечается постоянство сочетания сосудов в паре — это всегда горшок и миска.

Таблица форм и размеров сосудов

№№ п/п	Форма	Орнамент	Измерения в см		
			высота	для горла	для дна
1	горшок	нет	11	12	8
12	"	нет	12	10	10
12	"	рубчики	11	10	6,5
13	"	то же	15	13,5	9,5
18	"	нет	12	13	10
20	"	рубчики	13	11	12
21	"	то же	13	10,5	13
22	"	то же	13	13	7
27	"	нет	11	9	7
28	"	рубчики	17	17	13,5
30	"	нет	13	15	11
31	"	нет	11,5	10	10
32	"	рубчики	13,5	13	9,5
33	"	"	13,5	13	13
46	"	нет	11	13	9,5

[1] СА, № 4, 1962, рис. 5.

№№ п/п.	Форма	Орнамент	Измерения в см		
			высота	для горла	для дна
48	"	то же	12	13	8
50	"	то же	14	12	10,5
51	"	то же	12	13	8
52	"	нет	15,5	13	10
1	горшок-миска	нет	12	20,5	10
14	то же	нет	12	19	10
19	то же	нет	7	14	9
26	то же	нет	7	13	8,5
33	то же	нет	9	16	11
29	то же	нет	(черепки)	...	—
51	то же	нет	9	15	9,5
47	то же	нет	9,5	15,5	8,5
46	то же	нет	11	13	9,5
18	миска (с прямым краем)	нет	10,7	24	11,5
36	миска с загнутым во внутрь краем	нет	6,5	16	15
48	то же	нет	9	20	11
Случ. нах.	баночный сосуд	нет	8	8	7

Все формы тезиковских сосудов восходят к формам сосудов из Старшего Селиксенского и Ражкинского могильников. Форм, типичных для Кошибеевского могильника, нет. Большой интерес представляют низкие сосуды-миски и горшки-миски из погр. №№ 1, 14, 18, 26 и др. Для пензенских могильников старшего типа эти сосуды более или менее случайны; в переходную эпоху подобные сосуды — уже не редкое явление.

Женские украшения. Из 21 женского погребения 9 содержали височные подвески. В восьми случаях — это подвески с бипирамидальным грузиком ранней формы и спиралькой[1] и в одном (погр. № 22) лопастные подвески типа подвесок из старшей части Кузьминского и Борковского могильников[2], и еще больше напоминающие подвески из Гавердовского могильника[3] (рис. 3, 17). Оригинальным устройством обладает височная подвеска из погреб. № 49 — на нижнюю часть стерженька этой подвески напущена красная бусина (рис. 3, 16).

К украшениям головы относится венчик (погр. № 22), состоящий из тройных бронзовых жгутиков с повешенными на них обоймицами, от которых опускаются плоские орнаментированные насечками кольца. Подобные венчики из жгутиков, соединенных то бляшками, то обоймицами, были широко распространены как в пензенских, так и в рязанских могильниках.

Многочисленны и разнообразны бусы (рис. 3, 1—14). Среди них постоянно присутствует сочетание золоченого звеньевого и голубого бисера и звеньевых, а также отдельных бус, изготовленных из красной стекловидной массы. По-видимому, в период существования Тезиковского и одновременных ему старших Ражкинского и Селиксенского (2-я фаза) могильников привоз стеклянных золоченых бус сократился, в подражание им вошли в употребление звеньевые (четковидные) бусы и бисер из красного непрозрачного стекла (их часто в литературе смешивают с более поздними бусами из красной глиняной пасты). Голубой бисер обычен для могильников позднесарматской эпохи[1].

Одинаковы с селиксенскими и ражкинскими бусами крупные отдельные бусы с инкрустацией в виде звездочки или ромашки, похожие на бусы из Мощинского клада. Особенно напоминает мощинские находки — бусина плоская из красной стекловидной массы (погр. № 14).

Повторились также одиночные экземпляры крупных инкрустированных бус цилиндрической формы с перистым орнаментом — черным по белому или голубоватому полю — погр. № 36 и 45. В комплексе с этими бусами находились круглые бусы из голубого непрозрачного стекла, что вполне аналогично вещевым находкам из погр. № 93 Старшего Селиксенского могильника (вторая фаза). Бусы с перистым орнаментом не редки в могильниках Северного Кавказа[2] и, по-видимому, оттуда экспортировались в Среднее Поволжье. Так же повторились как по материалу, так и по формам бусы из синего, зеленого и шаровидные[3] из светлого непрозрачного стекла[4] — погр. №№ 36, 41, 45, 47, 49, 51; янтарная бусина из погр. № 45.

Новым видом явились бусы стеклянные темно-синего цвета, орнаментированные перекрещивающимися желтыми или зелеными полосками (погр. №№ 45, 47), красная боченковидная буса с поперечным пояском, состоящим из черной волнистой линии по белому полю (погр. № 22), бусы крупные из

[1] Височные подвески-стерженьки с грузиком зародились и широко бытовали у населения, оставившего могильники селиксенского типа (II—IV вв.) (М. Р. Полесских. Ранние могильники древней мордвы в Пензенской области. СА, № 4, 1959, стр. 205, 207). В ту пору грузики подвесок имели только биконическую форму. На следующем этапе существования могильников (ражкинский тип) височные подвески сохраняются в прежнем виде, но грузики получают новую форму — двух сложенных основаниями четырехгранных пирамидок, сперва коротких, а к концу периода удлиненных.

[2] МАР, 25, табл. XIV, 3 и XVII, 6; ГИМ, инв. № 39251.

[3] Государственный Эрмитаж, инв. № 604/29.

[1] И. В. Синицын. Археологические памятники в низовьях реки Иловли. Уч. зап. СГУ, XXXIX, 1954, стр. 225.

[2] ИАК, вып. 56, 1914, стр. 15, 16 и др.

[3] Как указывает В. Б. Деопик, в IV—V вв. продолжают употребляться стеклянные шарообразные бусы диаметром 1,5 см.— Классификация бус Северного Кавказа. СА, № 3, 1959, стр. 50—51.

[4] СА, № 4, 1962, рис. 1, 3.

темно-синего стекла, слитые по три (погр. № 45). Все они аналогичны бусам из северо-кавказских могильников типа Борисовского, Рутхи, Корца[1] и других. Это обстоятельство указывает на исходные пункты поступления бус на берега реки Мокши[2]. Интересны еще две бусины. Одна цветная инкрустированная (осколок) из погр. № 41 воспроизводит шахматный узор (красные и синие клетки по желтому полю (бусины из погр. № 13 Кошибеевского могильника[3] (рис. 3, 6).

Застежки, фибулы, ставшие в армиевское время массовым, а поэтому «стандартным» женским украшением, кольцевые застежки с завернутыми концами в пору существования Старшей Селиксы встречаются в погребениях единично. В Тезиковском могильнике их уже несколько больше, и по орнаментации они разнообразны. Самые простые из них — плоские кольца с насечками по внешнему краю ободка (погр. 22, 48, 51); в других случаях насечки покрывают серединную ребристую поверхность ободка (погр. № 20, 22), (рис. 3, 20) или оба края ободка, при этом середину его занимает пунктирный орнамент (погр. № 2). В двух погребениях — №№ 21 и 41 — кольцевые застежки покрыты нарядным орнаментом в виде одного или двойного ряда треугольничков, заполненных штрихами или точками (рис. 3, 18). Завертки этих застежек четверные, что имеет близкую аналогию в устройстве застежек из могильников Прикамья[4]. Три экземпляра застежек-брошей в виде плоских колец, снабженных, по внешнему краю широкими зубцами-выступами (погр. № 20, 45 и случ. находка), повторяют образцы застежек из Кошибеевского и Кузьминского могильников[5] (рис. 3, 19).

Большой интерес представляют впервые встретившиеся в пензенских могильниках две фибулы из погр. № 41 (рис. 3, 22, 23). Одна — имеет ромбовидную основу — ободок, имеющий на трех углах треугольные лопастные выступы, залитые красной эмалью, четвертый угол оканчивается небольшим выступом ободка. Застежка снабжена иглой и узким ремешком. Другая — обычная для того времени римская провинциальная фибула с узкой душкой. Аналогами ее могут служить фибулы из грунтового могильника в Неаполе скифском (III—IV вв. н. э.)[6] (или — более близкая территориально — фибула из Сергачского могильника, хранящаяся в Государственном Эрмитаже. Украшение с красной эмалью заставляет вспомнить об эмалях из

[1] МАР, вып. VIII, 18.
[2] В. Б. Деопик, Ук. соч., стр. 64.
[3] МАР, вып. 25, табл. VIII.
[4] В. Ф. Генинг, Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа. Труды КФАН, вып. 2, 1959, стр. 207.
[5] МАР, 25, табл. IX, 25 и XV, 12. ГИМ, инв. № 37730.
[6] Б. А. Рыбаков, Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 50, 56. В. А. Ильинская и А. И. Тереножкин, Новая находка блях с эмалями на Киевщине. Киев, 1955, стр. 149.

Мощинского клада, датируемого Б. А. Рыбаковым IV—V вв. и эмалях Среднего Приднепровья (III—IV вв.)[1]. К этому же времени следует отнести застежку с красной эмалью из Кошибеевского могильника, сходную по форме с тезиковской застежкой[2]. Мотив ромбовидного устройства повторился в детали оригинальной кольцевой застежки из погр. 21 Кузьминского могильника[3].

Ажурные бронзовые броши представлены в 2-х экземплярах. Одна из разрушенного хозяйственными работами погребения в виде обвитого проволокой кольца с эс-видными выступами по его внешнему краю. От трех нижних выступов свисают восемь подвижных стерженьков, оканчивающихся бутыльчатыми подвесками (рис. 3, 21). Эта брошь повторяет образец из Кузьминского могильника (погр. № 69)[4] и аналогична броши из Старшего Селиксенского могильника (погр. № 88, второй этап). Другой экземпляр — круглая ажурная брошь, напоминающая кошибеевские и кузьминские образцы и еще больше — брошь из Максимовского, Муромского могильников[5] (рис. 4, 1).

Шейные гривны, бляхи, бляшки. Шейные гривны, по-видимому, только начали входить в моду, при этом за образец были взяты не селиксенские круглопроволочные гривны, а гривны с окских памятников[6]. Эти гривны (погр. № 2, 22, 43, 51) представляют собой согнутый железный дрот с напущенными двускатными бронзовыми бусами и петлевидным запором (рис. 4, 8). Пластинчатые дисковидные бляхи встречены в двух экземплярах. Одна из них, сильно изношенная (погр. 27), сделана по образцу селиксенских блях с порезью и прочерченным концентрическим орнаментом[7]. В период существования Тезиковского и Младшего Ражкинского, а также Сергачского («Святой Ключ»)[8] и Иваньковского могильников производство этого рода блях, по-видимому, пришло в упадок, они уменьшились в размере до 10—11 см и появляются значительно реже.

Вторая бляха (погр. № 22) своим концентрическим прочерченным орнаментом подобна селиксенским бляхам, а фигурной крестовой накладкой — бляхам из ранних погребений Армиевского могильника или бляхам из Кузьминского могильника[9]

[1] В. П. Бабенчиков, Некрополь Неаполя Скифского. История и археология древнего Крыма. Киев, 1957, стр. 123.
[2] В. Н. Глазов, Кошибеевский могильник, погр. № 66, архив ИА АН СССР, № 91/1902.
[3] МАР, 25, табл. XV, 5.
[4] МАР, 25, табл. XV, 7.
[5] МАР, 25, табл. XXIV, 6.
[6] МАР, 25, табл. X.
[7] СА, № 4, 1959, рис. 2, 3.
[8] Примером полной аналогии целого комплекса вещей из Сергачского могильника служит погребение № 3 у «Святого ключа», содержащее бляху с концентрическим орнаментом, гривну с напущенными бусами, бисерные золоченые и красные бусы звеньями и др.
[9] См., напр., погр. № 36, ГИМ, инв. № 39250.

(рис. 3, 24). В целом она очень похожа на нагрудную бляху из могильника у хутора Недвиговки (Танаис)[1]. Оригинальна бронзовая бляшка сердцевидной формы с петелькой на одной стороне, на другой — с остатком какого-то сложного орнамента в виде кружков и черточек — погр. № 41 (рис. 4, 3). Аналогии к ней мне не известны.

В погребениях № 5 и 8 оказались полусферические бляшки. Первая из них относится к пьяноборскому типу, вторая, окаймленная жгутиком, близка типу бляшек из рязанских могильников.

Украшения рук. Браслеты единичны. Один из браслетов — прямоугольный в сечении с уплощенными концами, покрыт пунктирным орнаментом (случайная находка)[2]. Другой (погр. № 41) — тонкий круглопроволочный, с неподражаемым мастерством воспроизводит свернувшуюся змею. Очень похож на тезиковский экземпляр браслет из Гавердовского могильника, по-видимому, тоже изображающий змею[3].

Перстни также немногочисленны. Это простые железные (погр. № 35) или бронзовые кольца (погр. № 51). Есть также спиральные перстни (погр. № 26, 35). Все они обычны для пензенских и окских могильников этого времени.

Среди женских украшений интересны поясные кисти и наконечники. Кисть из погр. № 5 составлена из спиралек на ремешках, полусферических и звездчатых бляшек. Она в общем повторяет поясную кисть из погребения № 10 переходного времени Ражкинского могильника[4].

Другая (парная) кисть пояса (погр. № 8) состоит из шарнирных подвесок-наконечников, напоминающих обувные кисти-подвески из женского погребения № 29 в Старшем Селиксенском могильнике[5], а также кисти-подвески из Суворовского могильника[6], подвески из погребения № 69 Кузьминского могильника[7]. Большое сходство с кузьминскими подвесками имеет одиночная орнаментированная по краям насечками подвеска кисти из детского погреб. № 26 (рис. 4, 6). Наконечник пояса из погр. № 41 представляет собой жгут из трех спиралек на ремешках, охваченных в трех местах парными двускатными бронзовыми бусами и оканчивающийся крупной отдельной бусиной из

[1] ГИМ, инв. № 78607. В комплексе с бляхой — две ажурные броши с шумящими бутыльчатыми подвесками, круглопроволочные гривны и браслет. Все эти вещи вполне аналогичны тезиковским и селиксенским (гривны) находкам.

[2] СА, № 4, 1962, стр. 182. Н. И. Булычов. Журнал раскопок по части водоразделов верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899, табл. XII, 5.

[3] Погреб. № 17. Гос. Эрмитаж, инв. № 604/131.

[4] СА, № 4, 1962, стр. 180.

[5] СА, № 4, 1959, стр. 210.

[6] Тезисы доклада В. Ф. Генинга на Казанской конференции по археологии и этнографии Поволжья в декабре 1956 г.

[7] МАР, 25, табл. XXII.

красной стекловидной массы (рис. 4, 2). Мне известна лишь поздняя аналогия (модификация) — это находки — наконечник пояса из Мерянского могильника на Ветлуге XI—XII вв.[1]

В женском погребении № 21 встретился оригинальный обувной набор. Он состоит из ремней, у которых два конца оформлены круглыми бронзовыми пряжками с круглыми обоймами, а два других конца наконечниками в виде парных подвесок, соединенных шарнирами с парными же обоймицами, прикрепленными к концам ремней. Ремни около пряжек украшены наборными бляшками прямоугольной или полуовальной формы (рис. 4, 9); обоймы пряжек, наконечники и некоторые бляшки орнаментированы насечками по краям или рядами точек по поверхности. Обувные наборы, похожие на тезиковские, известны в рязанских и муромских могильниках.

В двух погребениях встретились звездчатые подвески (одиночные). Эти подвески занимают широкие хронологические рамки и не являются датирующим предметом.

Многочисленны и разнообразны пряжки, изготовленные из бронзы или железа. Ими снабжены едва ли не все мужские погребения. В большинстве случаев это крупные железные поясные пряжки-приемники, имеющие круглую, реже овальную форму (погр. № 32); в одном случае — погр. № 25 — пряжка имела широкую железную обойму и в целом форму, совпадающую с формой железной пряжки из Сергачского могильника[2], в другом — погр. № 37 — форму кольцевой застежки.

Круглые железные пряжки были распространены у разных племен Восточной Европы, начиная от поздних сармат[3], кончая древнейшими мари[4] и др. Много подобных пряжек и в других пензенских могильниках.

Бронзовые пряжки встречаются в разных формах. Чаще всего они имеют приемники круглые или плоские (с насечками)[5], обойму округлую или прямоугольную, часто окаймленную насечками. В качестве близких аналогий можно привести пряжки с прямоугольной обоймой Кошибеевского могильника[6].

В двух экземплярах оказались пряжки медные, круглые, согнутые из толстого круглого в сечении стержня — погр. № 41 и 43 (во втором случае — возможно не пряжка, а кольцо), (рис.

[1] Е. И. Горюнова, Этническая история Волго-Окского междуречья. МИА, № 94, 1961, рис. 97. Жгут из перемежающихся с красными бусами спиралек-ожерелье — имеется в инвентаре Иваньковского могильника (Чебоксарский музей, раскопки П. П. Ефименко).

[2] Горьковский музей, инв. № 4014—73.

[3] Т. М. Минаева, Могильник Байтал-Чапкан. Материалы по изучению Ставропольского края, вып. 2—3, 1950, рис. 14.

[4] А. Х. Халиков, Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа. Труды Марийской археологической экспедиции, т. II, Йошкар-Ола, 1962, стр. 161.

[5] СА, № 4, 1962, стр. 183, рис. 4.

[6] В. Н. Глазов, Ук. соч., погр. № 61 и № 95.

4, 4). Особый интерес представляет фигурная бронзовая пряжка из погр. № 41. Ее приемник имеет вид широкой ромбовидной в сечении душки, концы которой оформлены в виде головок животного. Язычок, может быть, изображает парящую птицу, а широкая бронзовая обойма снабжена четырьмя прорезами в виде больших взаимно противоположных запятых (рис. 4, 5). Некоторым подобием этой находки являются пряжка с птицевидным язычком, найденная в мужском погр. № 4 второй (переходной) стадии Старшего Селиксенского могильника[1] и пряжка в аланском могильнике у Новогригорьевской[2].

Оружие в Тезиковском могильнике представлено тремя наконечниками копий, из них один (погр. № 1)[3] с листовидным пером, другой (погр. № 43) с вильчатым (дротик); от третьего экз. сохранилась лишь втулка. Форма и величина этих копий общи с тем, что известно по другим одновременным памятникам Среднего Поволжья и Окской долины. Боевого оружия нет.

Производственный и бытовой инвентарь количественно невелик и не отличается разнообразием. Топоры встречены в 2 экземплярах (погр. №№ 3, 33)[4]. Это круглообушные топоры длиной 17,5 см каждый, напоминающие по форме топоры из Мощино[5], и топор из Ражкинского могильника[6]; топор из погр. № 33 отличается своей массивностью и относительной длиной обуха — 6,5 см. Однако эта форма в I тыс. н. э. почему-то не получала дальнейшего развития — в пензенских могильниках решительно преобладают втульчатые топоры (в Армиевском могильнике, например, иных топоров нет).

Многие погребения как мужские, так и женские сопровождаются железными ножами общего для того времени типа — и по форме и по величине. Интересен нож из женского погребения № 41., рис. 2, 1. Он находился в кожаном чехле, от которого сохранились лишь мелкие кусочки. Прямая деревянная рукоятка украшена легкой металлической накладкой с фигурными прорезями. Некоторую аналогию можно привлечь из инвентаря Польно-Ялтуновского могильника, где присутствует нож в металлическом футляре[7]. Накладки на деревянных рукоятках встречаются в сарматских и аланских могильниках.

В двух женских погребениях встречены пряслица, при этом в погр. № 20 — пара, в погр. № 22 — один экземпляр. Пряслица имеют битрапециевидную форму, одно из них с углублениями поверхностей и отверстий (рис. 2, 2). Весьма любопытны вещи

[1] СА, № 4, 1962 г., стр. 183, рис. 5.
[2] Архив ЛОИА, «Корочки» А. А. Спицина, № 331, стр. 56.
[3] СА, № 4, 1962, рис. 4.
[4] СА, № 4, 1962, рис. 4.
[5] Н. И. Булычов, Журнал раскопок по части водоразделов Волги и Днепра. 1899, табл. VIII.
[6] СА, № 4, 1959, рис. 5.
[7] ГИМ, инв. № 96190.

из детского погребения 26, а именно: небольшой глиняный сосуд, подвеска поясного набора и 2 глиняные погремушки, лежавшие по бокам костяка. Погремушки имеют сигарообразную форму, одна из них большего размера, снабжена поперечным валиком, делящим трубку пополам, другая — гладкая (рис. 2, 3). Игрушки приготовлены из тонкоотмученной глины серого цвета, обжиг крепкий. Вещи лепились по двум формам, после чего обе половинки соединены с оставлением кругового валика. Внутри большой погремушки находилось 58 шариков, скатанных из хорошо обожженного глиняного теста.

В качестве аналогий здесь можно привести глиняную погремушку из погр. № 21 Кошибеевского могильника, имеющую несколько иную по сравнению с тезиковской форму[1], и погремушку из позднего Дьякова городища[2].

Мужские погребения снабжены наборами для высекания огня. Из предметов, составляющих набор, сохранились в виде неопределенной формы остатки кресал и «кремешки», часто обломки кварцита. Подобные наборы в пензенских и кошибеевском могильниках — явление постоянное; встречаются они только при мужских костяках. В погреб. № 42 оказалась точилка из шиферного сланца с отверстием для подвешивания. Вполне похожие точилки найдены в Младшем Селиксенском могильнике[3] (погр. № 4) и в поздних сарматских могильниках.

Интересны сбруйные тройные и четверные соединенные плоскими кольцами обоймы для расходящихся ремешков и кольцевидная застежка с подвижной обоймой[4]. Эти вещи совершенно аналогичны находкам в Иваньковском[5], Сергачском[6] могильниках, в аланских древностях[7].

В ряде мужских погребений лежали уздечки, от которых сохранились удила простейшей формы с более или менее широкими кольцами, в одном случае (погр. № 32) с сдвоенными стержнями (рис. 2, 4), иногда массивные (погр. № 38), иногда легкие, вполне повторяющие форму удил из Старшего Селиксенского могильника. По уверениям местных жителей, при рытье силосной ямы на месте могильника ими была разрушена могила, в которой при костяке лежали деревянные части седла.

К каким же выводам приводит анализ материала из Тезиковского могильника? Могильник хорошо датируется IV, отчасти V веками н. э. целыми комплексами вещей.

Очень существенным показателем датировки является сочетание бус — красных (отдельных гладких и инкрустированных

[1] В. Н. Глазов, Указ. соч., стр. 16.
[2] Труды IX Археологического съезда, вып. 2, 1897. ГИМ, инв. № 54796.
[3] МАР, 25, стр. 14.
[4] СА, № 4, 1962, рис. 2.
[5] Чувашский республиканский краеведческий музей, инв. № 22, 120.
[6] ГИМ, инв. № 11746.
[7] ИАК, 56, табл. IV, погреб. № 94.

и звеньевых), золоченых (звеньевых или четковидных) и голубого бисера. Еще П. П. Ефименко в своей систематике рязанских могильников считал возможным говорить о «промежуточной эпохе», связываемой им со стадией В и B_1 и датируемой IV веком. Автор указывает на промежуточный, переходный характер Курманского и Шатрищенского могильников[1], к которым с полным основанием можно отнести Гавердовский могильник, а также часть Кошибеевского могильника[2], часть Сергачского («Святой ключ»). В определенном смысле к этой промежуточной эпохе относятся Тезиковский, Младший Ражкинский могильники и часть Старшего Селиксенского могильника[3]. Упомянутое выше сочетание бус не встречается ни в ранних пензенских, ни в более поздних типа армиевского могильниках, равно и в синхронных последнему окских могильниках).

Состав вещей носит как бы двойственный характер. С одной стороны,— это височные подвески с грузиком, вещи исключительно селиксенского типа, с другой — лопастные подвески, ажурные бляхи — вещи кошибеевского типа. Глиняные сосуды напоминают селиксенские формы, но среди них есть элементы явно не местные: это низкие сосуды, горшки, миски, штампованный орнамент по краю бортика. То же можно сказать о пластинчатых бляхах, пряжках и некоторых других вещах. Причиной этого, по нашему убеждению, служит смешанный в этническом отношении состав могильника. Можно предположить, что ядром древнего населения, оставившего тезиковские захоронения, были выходцы с низовий Мокши, оторвавшиеся от массива кошибеевцев, которых мы связываем, с одной стороны, с протоэрзей, с другой (в генетическом смысле) — с племенами рязанских (окских) могильников.

Переселенцы принесли на пензенские земли особенности своего похоронного обряда, некоторые характерные украшения и предметы бытового и производственного инвентаря. Присущая Тезиковскому могильнику восточная и северо-восточная ориентировка, не свойственна пензенским могильникам, где в IV веке западная ориентировка была без изъятия заменена южной. Этот факт подтверждает вывод о прошлом происхождении древнего населения. Но пришельцы оказались в условиях мирного контакта с коренным мокшанским — пензенским населением. Большую роль при этом сыграли: общность культурных традиций, и, по-видимому, браки (отсюда — преобладание в женских погребениях височных подвесок с грузиком). Материальная культура поселенцев в целом получила местную окраску.

[1] П. П. Ефименко, Рязанские могильники. Материалы по этнографии, т. III, вып. 1, ЛГР, 1926, стр. 78, 80.

[2] См., например, женское погр. № 29, по комплексу вещей целиком совпадающие с типичными погребениями Тезиковского могильника. МАР, 25, стр. 60; ГИМ, инв. № 37730.

[3] СА, № 4, 1962, стр. 187, 188.

Немного данных, позволяющих судить о занятиях этих жителей. Вероятно, что основу их хозяйства составляло оседлое скотоводство, в котором важное значение имели конные пастухи и лесные промыслы. О связях с внешним миром свидетельствуют многие привозные вещи, часть которых вполне возможно происходит из ремесленных центров Приднепровья и Северного Причерноморья.

ДНЕВНИК

раскопок Тезиковского могильника

Погребение № 1. Глубина 1,3 м. Могильная яма размером 1,9×0,47 м имеет прямоугольную форму и прямое дно. Кости сохранились плохо, в мелоподобном состоянии. Обнаружены череп в разрушенном виде и остатки трубчатых костей ног. Положение костяка — вытянуто, на спине, головой на восток. Вещи при погребении: два лепных сосуда черного цвета с выраженной шейкой в головах; наконечник копья с листовидным пером — слева от головы и несколько выше — острием вверх; — пряжка железная крупная с округлым приемником и удлиненной обоймой — на левой подвздошной кости; пряжка железная аналогичная предыдущей и несколько выше ее; — нож — у верхнего эпифиза левого бедра, острием книзу; кремешок — рядом с ножом. Погребение мужское.

Погребение № 2. Глубина 1,8 м. От костяка сохранилась одна аморфная косточка. Нечеткие очертания могильной ямы и расположение вещей как будто дают указание на положение погребенного по линии В-З. Часть погребения с северной стороны выпала вследствие обреза силосной ямы. Какой-либо порядок имеющихся вещей не устанавливается. Среди них: две кольцевые крупные застежки с завернутыми концами; стеклянный золоченый бисер; крупные красные инкрустированные бусы; красные звеньевые бусы; мелкие красные бисерные бусы; обломок гривны с медной бусиной. Погребение женское.

Погребение № 3. Глубина 1 м. Костяк не сохранился. Могильная яма обрисовалась с глубины около 60 см, имела подпрямоугольную форму и была вытянута по линии В-З. Судя по расположению вещей, умерший был погребен вытянуто, головой на восток. Вещи при погребении: черепок, венчик бурого сосуда в головах; втулка от наконечника копья лежала, по-видимому, у лица умершего, под левым плечом, острием вверх; остатки кресала (?) у копья; крупные железные пряжки; нож у левого бока, острием вверх; топор у правого бока, лезвием к внутренней стороне, топорищем вниз; удила — ниже топора. Погребение, вероятно, мужское.

Погребение № 4. Глубина 1,5 м. Костяк не сохранился. Могильная яма обозначена очень неясно, имеет незначительные

размеры — 0,75×0,45 м и ориентировку по линии В-З. Вещи при погребении: черепок глиняного сосуда; россыпь красных — отдельных и звеньевых — бус; палочка золоченого стеклянного бисера; пряжка железная. Погребение, вероятно, детское.

Погребение № 5. Глубина 1,26 м. Костяк не сохранился, встречено лишь несколько зубов и часть эпифиза. Могильное пятно значительной величины имеет подпрямоугольную форму и вытянуто по линии В-З с уклоном к С и Ю. По-видимому, костяк лежал головой к востоку. Вещи при погребении: грузик гранчатый от височной подвески — условно — на месте головы; несколько палочек золоченого стеклянного бисера; бусы красные стекловидные очень тщательного изготовления, в том числе бисер; кисть пояса, состоящая из медных плотных спиралек, на концах которых звездчатые подвески, а в середине кисти — бляшки пьяноборского типа с петелькой на обратной стороне; под кистью куски луба; бляшка пьяноборского типа с двумя отверстиями по краям разрушена; глиняный сосуд не целый и сломаный (очевидно, в ритуальных целях) в ногах (условно). Судя по вещам, погребение женское.

Погребение № 6. Глубина 1,2 м. Могильное пятно имеет довольно четкие контуры и прямоугольную форму, оно вытянуто по линии В-З с уклоном к С и Ю. От костяка ничего не сохранилось. Вещи — горшок значительного размера с косыми зарубками по краю, нож. Погребение детское.

Погребение № 7. Глубина 1,2 м. Могильное пятно имеет четкие контуры и прямоугольную форму, оно втыянуто с востока на запад с уклоном к С и Ю. Кости не сохранились, за исключением нескольких молочных зубов. В месте, где предположительно находились ноги, пролегает тонкая полоска угля. Вещи при погребении: горшок (в головах?), застежка медная, разрушенная. Погребение детское.

Погребение № 8. Глубина 1,5 м. Могильная яма имеет четкие контуры и подпрямоугольную форму. Вытянута по линии СВ-ЮЗ; размер её — 3×0,8 м. Костяк не сохранился, остались лишь мелоподобные кусочки черепа и одна фаланга пальца руки. Костяк лежал вытянуто, по-видимому, на спине, голова на СВ. Вещи при погребении: спиральное медное кольцо — на пальце левой руки, по-видимому, согнутой в локте, так что кисть ее находилась у лица; часть железного кольца, возможно, перстень — у спирального кольца; нагрудные украшения, напоминающие по форме кисть, в основе которой заложена медная спиралька, затем широкая железная пластина (в бесформенном состоянии), на ней сохранились мелкие лоскутки ткани; бляшка медная, с фигурным ободком — приблизительно внизу груди — на подстилке луба; кисть пояса, состоящая из пятеричных составных фигурных подвесок на шарнирах,— на куске луба; в числе этих подвесок два наконечника, продолговатый и конический; россыпи бус и бисера — на месте правого плеча, на

месте груди, на месте живота и таза. Бусы красные, в том числе отдельные, звеньевые мелкие, и более крупные, цветные — голубые — звеньевые, стеклянный золоченый бисер — звеньями. Одна крупная стеклянная буса голубого цвета (разрушенная). Погребение женское.

Погребение № 9. Глубина 1,8 м. От костяка сохранилось только несколько зубов. Могильная яма имеет четкие контуры в форме прямоугольника. Яма вытянута по линии В-З, что, очевидно, сответствует положению погребенного (головой на восток). Зубы принадлежат подростку. Вещи при погребении: крупный горшок с легкой шейкой и косыми насечками по бортику — в головах; черепок глиняного сосуда — от второго горшка — в центре погребения; железная крупная полуразрушенная пряжка в ногах погребения. Погребение детское.

Погребение № 10. Глубина 1,54 м. От костяка сохранилась одна трубчатая кость. Могильное пятно имеет неясные очертания и вытянутость по линии СВ-ЮЗ. Предположительно — погребенный был положен головой на СВ с уклоном к северу. Вещи при погребении: кисть (возможно, поясная) из трех спиралек, выделанных из медиой ленточной проволоки — у кости; остатки дерева. Погребение, вероятно, женское.

Погребение № 11. Глубина 2,2 м. Могильная яма имеет прямоугольную форму и вертикальные стенки. Яма вытянута по линии В-З с легким отклонением в стороны. Костяк не сохранился. На дне могилы лежал сырой слой коры дерева (дуба?), представляющий, по-видимому, подстилку погребения. Судя по направлению ямы и расположению вещей, умерший был положен головой на восток с уклоном к северу. Вещи при погребении: черепки глиняного сосуда; кончик острия ножа или кинжала (предположительно — в головах); шило железное — у ножа; удила — в ногах — очень плохой сохранности; кусочки дерева. Погребение мужское.

Погребение № 12. Глубина 1,52 м. Могильная яма имеет четкие контуры и округло-вытянутые концы. Размеры могильного пятна на глубине 1,4 — 1,68×0,46 м. От костяка остались кусочки двух трубчатых костей ног. Погребенный лежал вытянуто, на спине, головой на восток с уклоном к северу. На дне могилы лежал слой (толщины около 5 мм) мелкого серого песка, резко отличного по цвету от грунтового желтого песка. Этот слой, по-видимому, представлял собой подстилку погребения. Вещи при погребении: горшок небольшой величины, несколько вытянутый, с выраженной шейкой и штампованным орнаментом на срезе бортика — в головах; нож острием вниз — на месте таза; «кремешок» — рядом с ножом; остатки кошелька, в том числе кусок ткани с прикипевшим к нему куском железа, возможно кресалом, и приставшим к железу трутом у кремня. Здесь же встречена небольшая медная спиралька; круглая железная пряжка — у другого бока таза. Погребение мужское.

Погребение № 13. Глубина 1,05 м. Могильная яма имеет четкие контуры и прямоугольную форму, вытянута по линии СВ-ЮЗ; ее размеры — 1,8×0,6 м. Костяк, от которого не сохранилось даже следа, по-видимому, лежал головой к СВ. Вещи при погребении: несколько черепков от горшка, в том числе краешек, украшенный по бортику косыми зарубками, медная сохранившаяся наполовину круглая пряжка. Пол погребенного не установлен.

Погребение № 14. Глубина 1 м. Могильная яма имеет четкие контуры и подпрямоугольную форму; ее размеры 2,35×0,60 м. Яма вытянута по линии СВ-ЮЗ. Костяк не сохранился, встречен лишь один зуб — приблизительно на месте груди. Ориентировка погребенного была в направлении головой на СВ. Вещи при погребении: глиняный сосуд, широкогорлый горлом вверх; глиняный сосуд узкогорлый горлом вниз, оба — в головах; следы и мелкие кусочки железного ножа; зеленая стеклянная гранчатая бусина; красная выделанная из стекловидной массы уплощенная бусина; бусина круглая красная крупная. Все бусы примерно в центре погребения; в разных местах разбросаны отдельные красные бусы; палочки стеклянного золоченого бисера, несколько палочек красных звеньевых бус. Погребение предположительно женское. Отдельная находка. В месте, отмеченном на плане раскопа, на глубине 90 см найдена медная пряжка с круглым приемником и украшенной насечками удлиненной обоймой. На уровне этого горизонта встречаются осколки костей животных, керамика. Не являлся ли этот горизонт дневной поверхностью древнего кладбища? Однородный слой почвы указаний на этот счет не дает.

Погребение № 15. Глубина 1,26 м. Могильная яма имеет ясные очертания и округлые концы, вытянута по линии В-З с уклоном в стороны. Размер ямы: 1,8×0,65 м. Костяк не сохранился, лишь в одном месте встречено пятно, вероятно, от трубчатой кости. По-видимому, погребенный лежал головой на восток с уклоном к северу. Вещи при погребении: одна бусина крупная инкрустированная и другая — отдельная красная, здесь же находился черепок сосуда; глубина 1,15 м; черепки от одного горшка розоватого цвета с выраженной шейкой, в т. ч. бортик, орнаментированный глубокими косыми зарубками,— рассеяны в разных местах дна могильной ямы; нож железный с частично сохранившимся черенком, от клинка остался только кончик, условно — у правого бедра; две медные пряжки, одна с крупной обоймой, другая — с продолговатой — на месте ног; кусок луба — обкладка одной из пряжек. Погребение, судя по вещам, женское.

Погребение № 16. Глубина 1,3 м. Черное пятно могильной ямы проявилось на глубине около 60 см. Яма имеет подпрямоугольную форму неровные как будто прямые края, дно прямое; направление ямы — восток — запад. Западный конец ямы обрезан силосной ямой. Умерший, по-видимому, лежал головой на восток. В восточном конце могилы находятся остатки очень рыхлых (без эпифизов) трубчатых костей и фрагменты черепа. Положение костяка, а также пол погребенного установить невозможно. Вещи при погребении: небольшая овальная железная пряжка; осколок железного предмета. Кроме того, было пятно от бронзового предмета.

Погребение № 17. Глубина 1,7 м. Находится на северо-восточном крае могильника. Могильная яма размером 1,8×0,6 м имеет отчетливый контур, овально-вытянутую форму, неровные суживающиеся ко дну стенки; дно — желобчатое во всю длину, ширина желоба 0,35 м. От костяка сохранились очень рыхлые фрагменты черепа и нижней челюсти; последняя находилась условно возле височной кости дугой вверх. Умерший был положен головой на восток с уклоном к северу. Если кости черепа были не потревожены (например, грызунами), то, возможно, здесь имело место вторичное захоронение. Никаких вещей в могиле не оказалось. Рядом с черепом находится круглая глубиной 10—12 см ямка, выполненная черной землей. Возможно, ямка — след опознавательного намогильного столбика.

Погребение № 18. Глубина 1,6 м. Могильная яма имеет четкий подпрямоугольный контур, округлые концы, дно слегка желобчатое, стенки слегка суживаются к дну. Длина ямы около 3 м, ширина 0,6 м. Умерший был положен головой на запад с уклоном к югу. От костяка сохранились череп в полуразрушенном состоянии, на правом виске, бедренные кости (диафизы) одна под другой, остатки берцовой кости. Кости находятся в несколько диагональном направлении в отношении могильной ямы. Вещи при погребении: остатки железного предмета, возможно, ножа — у черепа; глиняные сосуды, один на месте груди, имеет вид большой миски и лежит вверх дном, другой горшок — в ногах; железный кинжал с рукояткой и клинком, под ним два ножа разной величины, все рукоятками к голове; удила — на месте колен; железная круглая пряжка в разрушенном виде; железная овальная пряжка — под головой. Погребение мужское.

Погребение № 19. Глубина 1,35 м. Могильное пятно на глубине около метра имело отчетливые очертания прямоугольника, вытянутого с востока на запад, размером 1,75×0,6 м. Затем пятно расплылось и по пестроцветной почве наметились слабо различимые границы овального пятна размером 1,4×0,85 м, имеющего прежнее направление. Также неясными оказались по форме стенки ямы и ее дно (как будто прямое). В засыпке ямы на глубине 1,2 м встретилась керамика и мелкие угольки. Костяк не сохранился. Из вещей встречен один глиняный сосуд относительно хорошей сохранности.

Погребение № 20. Глубина 1,2 м. Могильное пятно появилось отчетливо с глубины около 60 см. Яма имеет прямоугольную

форму, прямые стенки, прямое дно. Направление ямы — восток-запад. Умерший был положен как будто вытянуто, головой на восток. От костей сохранились незначительные остатки трубчатых костей. На дне встречены два комплекса вещей: в восточном конце могилы — пряслица, в центре — бусы и украшения. Вещи при погребении: бусы красные, отдельные и овальные, золоченые звеньевые, голубые стеклянные звеньевые — в центре — II; обломки железного предмета, возможно, ножа — 1; пряслица разного размера — 1; следы от разложившегося железного предмета; остатки железного предмета — II; крупная кольцевая застежка — II; застежка с фигурными концами — II; остатки луба; бронзовые спиральки. Погребение женское.

Погребение № 21. Глубина 1,55 м. Могильное пятно имеет четкие контуры, вытянуто по линии восток-запад. Края ямы неровные, концы овальные, дно слегка желобчатое. Восточный конец ямы несколько шире западного. Судя по распределению вещей, умерший был положен головой на восток. Костяк не сохранился. Вещи при погребении: керамика от сломанного сосуда — в головах; кольцевая круглопроволочная застежка — рядом с сосудом; бусы — россыпь — красные отдельные, стеклянные звеньевые золоченые — условно на месте головы; бронзовое колечко круглопроволочное на месте таза; обувной набор, состоящий из двух пряжек с круглым приемником и обоймами, парных подвесок на шарнирах и остатков кожаного ремня. Погребение женское.

Погребение № 22. Глубина 1,65 м. Могильное пятно проявилось на глубине около 80 см, имело четкие контуры. Могильная яма вытянута в направлении восток-запад, ее размеры: ширина в восточной части — 80 см, в западной — 60 см, длина — 2,9 м. Края ямы неровные, стенки слегка суживаются ко дну; дно желобчатое. Умерший был положен головой на восток, по-видимому, вытянуто. От скелета сохранились только фрагментами кости черепа, зубы, пяточные кости. Около глиняного сосуда (в головах) встречены два пятна древесного угля. Вещи при погребении: глиняный сосуд — горшок несколько вытянутый в высоту; пряслице битрапециевидной правильной формы (у горшка); две лопастные височные подвески типа подвесок из окских могильников — около черепа; венчик головной окского типа, состоящий из тройных спиралек на кожаных ремешках со свисающими вниз плоскими колечками — на черепе и около него; шейная гривна, состоящая из железного дрота с обвитой вокруг него проволокой и нанизанными двускатными бусами (бронза) и замком как будто в виде круглой коробочки — на месте шеи; бусы: красные — крупные отдельные и звеньевые разного калибра, стеклянные — золоченые звеньевые и звеньевые голубые, красная инкрустированная буса — россыпь на месте шеи и груди; кольцевая застежка плоско-выпуклая, разрушенная — на месте поясницы; грузик височной подвески — на месте левого

бедра; грузик гранчатый и остатки спиральки от височной подвески — под черепом; медный перстень; пластинчатая круглая бляха с фигурными накладками — на месте груди. Погребение женское.

Погребение № 23. Глубина 1,7 м. Могильная яма имеет четкий контур, овально-вытянутую, слегка изогнутую форму, направление — по линии север—юг, размер — 3×0,9 м. Стенки ямы прямые, дно желобчатое. Костяк не сохранился, встречен лишь незначительный фрагмент трубчатой кости. В засыпке могильной ямы найден шлаковидный комок железа, в южном конце ямы — осколок железного изделия. Пол погребенного не установлен.

Погребение № 24. Глубина 1,5 м. Могильная яма размером 2,5×0,8 и 0,55 м имеет четкую овально-вытянутую форму по линии СВ-ЮЗ, при этом один конец ямы шире другого. Стенки ямы неровные как в вертикальной, так и в горизонтальной плоскостях, дно суживающееся, неровное и желобчатое. Умерший был положен головой на северо-запад. От костяка сохранились незначительные и рыхлые части черепа и трубчатых костей, почему-то лежащих под черепом. В углу того же конца могилы находится кучка трубчатых костей как будто животного происхождения, почти разложившихся. Вещи при погребении: две пряжки железные с длинным язычком — выше и ниже черепа; глиняный сосуд высокий — в ногах погребения. Погребение, по-видимому, мужское.

Погребение № 25. Глубина 1,6 м. Могильная яма размером 1,8×0,7 м, имеет четкие контуры, рисующие подпрямоугольную, слегка изогнутую форму, овальные концы. Стенки ямы изогнутые, прямые, дно желобчатое. Направление ямы — по линии восток-запад. Умерший был положен вытянуто, на спине, головой на восток с легким уклоном к северу. От костяка сохранились незначительные остатки крышки черепа, части бедренных костей. На глубине 1,4 метра прослеживается тонкий слой древесной трухи, возможно остатки деревянного покрытия могилы. Вещи при погребении: овальная железная пряжка — пониже головы; пряжка железная с широкой железной обоймой — на месте поясницы и глубже, чем кости ног, поэтому, возможно, пряжка находилась под умершим; черепок глиняного сосуда — около левого бедра; удила — в западном конце могилы. Погребение, по-видимому, мужское.

Погребение № 26. Глубина 90 см. Могильная яма размером 1,95×0,65 м, имеет четкие контуры, овально-вытянутую довольно правильную форму, направление — по линии В-З. Стенки ямы прямые, дно слегка желобчатое. Умерший был положен вытянуто, головой на восток, череп лежал на левом виске. От скелета сохранились: череп почти целый с зубами, но очень рыхлый, часть фалангов пальцев руки и незначительный фрагмент бедренной кости. Вещи при погребении: пластинчатая

фигурная подвеска поясного набора — у нижней челюсти; глиняный сосуд — половина (сломан при захоронении) — несколько ниже черепа; два оригинальных изделия из глины — сигаровидные погремушки, одна в длину 16 см, другая 9,5 см — на месте локтей по линии длины могилы; спиральный бронзовый перстень — около поясницы и такой же перстень на сохранившейся фаланге, под черепом. Погребение детское (подростка).

Погребение № 27. Глубина на восточном конце 1,35 м, на западном — 1,2 м. Могильная яма имеет четкие очертания, овально-вытянутую форму, прямые, довольно ровные стенки, желобчатое дно. Дно ямы покатое — с запада на восток. Длина могилы 2,7 м, ширина 0,65 м. Погребенный лежал головой на восток. От костяка сохранились череп без челюстей и зубов, бедренные кости с полуразрушенными эпифизами и диафизы больших берцовых костей. Погребение, очевидно, вторичное по следующим признакам: череп лежит на темени, лишен челюстей, бедра скрещены, голени лежат параллельно, но над бедрами, будучи заломленными или загнутыми, необычное местоположение сосуда у таза и на разном уровне. Возможно, труп был положен в положении ниц. Вещи при погребении: небольшая россыпь красных отдельных и звеньевых бус и две палочки звеньевых золоченых бус — на месте шеи и пара красных бус — на месте локтя, справа; височная подвеска с грузиком армиевского типа — на месте шеи; бляха круглая пластинчатая с кольцевой застежкой в центре, при помощи чего бляха удерживалась на одежде. Снизу бляха обложена лубом. Положение бляхи — пониже черепа, орнаментом вниз. Последнее подтверждает предположение о погребении ниц. Нож железный целый, острием в сторону — у пояса, справа; небольшой глиняный сосуд, не целый — у пояса, слева. Около него, в засыпке могилы, на глубине около 1,1 м — несколько черепков, возможно, от того же сосуда; небольшой округлый деформированный коррозией железный предмет — на месте колен. В западном конце ямы, на дне лежал обколотый кварцитовый камень. Связан ли он с погребением, трудно сказать. Погребение женское.

Погребение № 28. Глубина 1,3 м. Могила своим восточным концом налегает на конец могилы № 25. Яма длинная (2,5 м), шириной около 0,7 м, края неровные, неровное прямое дно, вытянута по линии В-З. Один конец ямы овальный, другой — несколько сужен. Умерший был ориентирован головой на восток. От костяка сохранились фрагменты черепа и часть зубов. Вещи при погребении: глиняный довольно большой сосуд в форме горшка с косыми рубчиками по краю венчика — ниже черепа; остатки (пятна) железного предмета, по-видимому, ножа. Погребение как будто мужское.

Погребение № 29. Глубина около 1 м. Могильная яма имеет четкий контур, овально вытянутую форму, размеры 1,55×0,55 м,

дно прямое, ровное, стенки как будто прямые. Направление ямы — по линии В-З. Костяк не сохранился, но, судя по вещам, погребенный был положен головой на восток. Вещи при погребении: глиняный низкий и широкогорлый сосуд — условно в головах; несколько бус из рыхлой массы, две из них инкрустированы узором в виде звездочек — пониже горшка. Погребение детское, по-видимому, девочки.

Погребение № 30. Глубина 1 м. Могильная яма размером 2×0,6 м имеет четкие очертания, овально-вытянутую, слегка изогнутую форму, направление по линии В-З. Дно ямы прямое; направление стенок по вертикали не распознается. От скелета сохранились лишь фрагменты трубчатых костей ног и зубов. Умерший был положен вытянуто, головой на восток с легким уклоном к северу. В могиле, около черепа слева, находился не целый глиняный сосуд. Погребение, по-видимому, детское (подростка).

Погребение № 31. Глубина 1,1 м. Могильная яма размером 1,1×0,5 м имеет четкие очертания, овально-вытянутую форму, прямые стенки и прямое дно, направление — по линии В-З. Костяк полностью исчез. Погребенный как будто лежал головой на восток с уклоном к северу. Вещи при погребении: глиняный сосуд (в обломках) — условно около головы, слева; 3 бусины из красного непрозрачного стекла — на месте груди. Погребение детское (девочки-подростка).

Погребение № 32. Глубина 1,4 м. Могильная яма на глубине около одного метра имела четкие очертания, подпрямоугольную форму с расширением по середине и размером 3×0,8 м. Ко дну яма сузилась до ширины 0,4—0,6 м, длина осталась прежняя. Стенки ямы неровные, наклонные, дно желобчатое, направление В-З. От костяка сохранились череп без нижней челюсти, трубчатые кости ног и рук (неполностью), очень рыхлые и неполностью — кости плечевого пояса. Череп находится приблизительно по средине ямы, челюстью примыкает к северной стенке, лежит на правом виске. Черепные кости находятся в очень плохой сохранности, как и другие кости скелета. Расположение всех костей хаотическое, они занимают западную половину ямы. Так, бедренные кости лежат поблизости от черепа и поперек могилы; все другие кости тоже не имеют правильного анатомического расположения. Таким образом, погребение является вторичным, и кости его в расчлененном виде разбросаны по дну могилы. Во всяком случае сурчин в этом месте не отмечено. Вещи при погребении: две небольшие овальной формы железные пряжки, вероятно, уздечные; удила небольшого размера; кремень и кресало — все эти вещи в западном конце могилы; крупная железная пряжка круглая, без обоймы — у черепа; здесь же — два пятна от железных изделий (одно из них обрисовывает форму небольшого ножа); глиняный сосуд с высоким туловом и орнаментированным рубчиками краем —

в восточном конце ямы; уголь и керамика в засыпке могилы (на глубине около 1 м). Погребение мужское.

Погребение № 33. Глубина 1,3 м. Могильная яма имеет четкий контур, размер 2,3×0,55—0,56 м. Края ямы прямые, неровные, форма овально-вытянутая в направлении В-З, дно слегка желобчатое и несколько приподнятое к западному концу. От скелета сохранились череп без нижней челюсти (лежит лицевой стороной к югу), пятно от правой бедренной кости. Умерший был положен вытянуто, головой на восток. Вещи при погребении: два глиняных сосуда с широким и узким горлом, целые — в головах; пряжка железная округлая и нож острием к низу, со следами черенка — то и другое справа у пояса; топор проушной острием к краю ямы; железная пряжечка; кусок кварцитового камня — кремешок; мелкие угольки — в ногах. Погребение мужское.

Погребение № 34. Глубина 1,55 м. Могильная яма имела четкий контур, очень неровные извилистые стенки, неровное прямое дно. Размер ямы 1,8×0,6—0,5 м, форма — овально-вытянутая, направление—В-З. Костяк не сохранился, если не считать одного незначительного фрагмента трубчатой кости, возможно, животного происхождения. Положение умершего не выяснено. Вещи при погребении: черепок глиняного сосуда; осколок гальки—кремешок; нож лезвием к краю могилы; пряжка бронзовая с овальным приемником и круглой обоймой, с пряжкой остатки кожаного ремня; куски грубой прямого плетения ткани. Все вещи сосредоточены приблизительно в центре дна ямы. Погребение предположительно мужское.

Погребение № 35. Глубина 1,28 м. Могильная яма имеет четкий контур, овально-вытянутую в направлении В-З форму, неровные прямые стенки, неровное прямое дно. Один конец ямы — 0,6 м, другой — 0,5 м; длина — 1,6 м. От костяка сохранились нижняя челюсть с зубами и фрагмент трубчатой кости ноги. Умерший, по-видимому, был положен головой на восток с легким уклоном к северу. Вещи при погребении: глиняный сосуд, крупный, не целый — в головах; неопределенный (в результате коррозии) железный предмет; бусы — красные — отдельные и звеньевые, золоченые звеньевые — все эти предметы приблизительно в центре ямы; спираль от височной подвески; перстень железный плоский, не целый и обломок ножа — в ногах. Погребение женское.

Погребение № 36. Глубина 1 м. Могильная яма имеет четкий контур, размеры 1,9×0,7—0,6 м. Стенки ямы очень неровные, суживающиеся ко дну (при появлении пятна ширина ямы составляла 1 м), дно прямое, слегка покатое, форма — овально-вытянутая по линии В-З. Костяк не сохранился. Но умерший, по-видимому, был положен головой на восток. Вещи при погребении: глиняный сосуд, целый — в головах; бусы — цилиндрическая с перистым орнаментом, стеклянная голубая бочковидная, две красные бусы. Приблизительно в центре дна ямы расположена круглая ямка около 20 см в диаметре и 5—6 см глубиной. На дне этой ямки находился какой-то круглый ржавый предмет, в нем красная буса. Погребение, по-видимому женское.

Погребение № 37. Глубина 1,3 м. Могильная яма имеет четкие очертания, размер — 3×0,8 м, направление по линии В-З, форма овально-вытянутая. Стенки ямы прямые (по вертикали), неровные, дно прямое, неровное. От костяка сохранились череп, почти все большие трубчатые кости, кости таза (частями). Череп находится в окружении разных костей теменем кверху. Все кости хаотически разбросаны по дну могилы, но большая их часть (с черепом) сосредоточена в восточном конце ямы. Бедренные кости лежат параллельно, но не на месте, а у черепа. Умерший в данной могиле был похоронен вторично, костяк его находился в расчлененном виде. При этом соблюден весь традиционный ритуал погребения, даже сделана попытка придать покойнику положение — головой на восток. Вещи при погребении: крупная кольцевая застежка, прикрытая лубом — в головах; пряжка бронзовая с длинной обоймой — на месте груди; следы железного изделия; кремешок — кусок камня — справа у пояса; остатки железной пряжки, удила. Погребение мужское.

Погребение № 38. Глубина 1,25 м. Могильная яма имеет четкий контур, ориентирована по линии В-З; форма овально-вытянутая; размеры 3×0,6 м. Края ямы неровные, прямые, дно прямое, относительно ровное. От костяка сохранились осколки зубов, диафизы трубчатых костей ног, фрагмент таза. Умерший был положен головой на восток с уклоном к северу. Левая бедренная кость сверпута с места, возможно, в результате сползания выполняющей яму земли. Вещи при погребении: кремешок — в центре ямы; медная спиралька; нож — лезвием к низу, железное шило — у таза справа; пряжечка железная и удила с крупными кольцами — в ногах. В засыпке ямы была мелкая керамика. Погребение, по-видимому, мужское.

Погребение № 39. Глубина 1,3 м. Могильная яма имеет четкий контур, овально-вытянутую по линии В-З форму, размер — 1,7×0,55 м; края ямы прямые, неровные, дно слегка желобчатое, неровное. От костяка сохранились некоторые очень рыхлые (мелоподобные) кости, в т. ч. череп с зубами, фрагменты трубчатых костей конечностей, частицы тазовой кости. Умерший был похоронен на спине, вытянуто, головой на восток, руки были вытянуты по бокам туловища. Вещи при погребении: скипевший бесформенный кусок какого-то железного изделия — на месте левого локтя; нож — у пояса, справа; бесформенные остатки железных изделий — у левого бедра. Погребение, по-видимому, мужское.

Погребение № 40. Глубина 2 метра. Могильное пятно имело не четкие, но определенные очертания, вытянуто по линии В-З.

Размер ямы 3×0,8—0,9. Форма стенок ямы не прослеживается, дно прямое, неровное, концы округлы, восточный конец шире западного. От костяка сохранились некоторые трубчатые кости ног без эпифизарных частей и нижняя челюсть. Эти кости разбросаны по дну могилы в беспорядке. Возможно, здесь имело место вторичное погребение; нор грызунов не замечено. Вещи при погребении: два бесформенных кусочка железа и небольшой слабой сохранности нож — все в западной части могилы. Погребение мужское.

Погребение № 41. Глубина 1,2 м. Могильная яма находится на западном краю раскопа. Она имеет четкие контуры, форму овально-вытянутую, слегка суженную по середине. Размеры ямы — длина 2,7 м, ширина восточного конца 0,6 м, средины 0,5 м, западного конца 0,7 м. Стенки ямы прямые, неровные, дно слегка желобчатое, особенно на восточном конце, и неровное, есть ямки. Западный конец ямы несколько возвышается, образуя легкую покатость дна. От костяка сохранились (плохо) фрагменты черепной коробки и два позвонка как будто поясничных, фрагмент бедра. Умерший лежал вытянуто, головой на восток. Вещи при погребении: бутыльчатая бронзовая подвеска — выше черепа; два черепка глиняного сосуда — около черепа; две височные подвески с гранчатыми грузиками — пониже черепа; бусы — красные отдельные и звеньевые, золоченый звеньевой бисер, красные инкрустированные звездочкой, темно-синие бочонковидные стеклянные бусы — на месте шеи; кольцевая застежка плоская орнаментированная с иглой; бляшка округлая с петелькой на обратной стороне, орнаментированная, фибула бронзовая ромбовидная с вставками из красной эмали на округлых выступах трех углов; римская провинциальная фибула — не целая, нож с частью сохранившейся деревянной рукояткой и кожаного футляра, на рукоятке сохранились (плохо) две тонкие фигурные накладки из бронзы; нож лежал острием книзу. Весь этот комплекс находится на месте пояса; кисть поясная, состоящая из тройных бронзовых спиралек, соединенных бронзовыми бусинами. Выше кисти лежала бронзовая кольцевая круглопроволочная пряжка и красная буса с «заплаткой» из смолы. Погребение женское.

Погребение № 42. Глубина 1 м. Могильная яма имеет четкий контур, овально-вытянутую форму, с расширением по середине. Размер ямы 2,1×0,6—0,7 м. Стенки ямы неровные, дно бугристое, восточная половина его ниже западной на 10—15 см. От костяка сохранились в рыхлом состоянии череп (целый, с носовой костью); нижняя челюсть разрушена, фрагменты трубчатых костей ног. Умерший лежал головой на запад, при этом череп повернут лицевой частью к северу, ноги как будто слегка согнуты в коленях, обращенных к югу. Возможно, здесь имела место деятельность грызунов или вторичное погребение, при котором отсутствует анатомически правильное расположение костей. Вещи при погребении: точилка из шиферного сланца, прямоугольная с дырочкой; нож, острием к краю могилы — в центре ямы. Погребение мужское.

Погребение № 43. Находится на западном крае раскопа. Глубина 2,2 м. Могильная яма имеет довольно правильную овально-вытянутую форму, размер 2,25×0,7 м. Стенки ямы прямые, относительно ровные, такое же дно. Умерший был положен вытянуто на спине, верхней частью туловища — на восток. Костяк в своей значительной части сохранился. Составляющие его кости анатомически разобщены. Так, череп смещен к левой стороне таза, части черепа как будто разбиты и лежат беспорядочной кучей, но зубы обращены к ногам. Положение рук — правая согнута в локте и предплечье лежит на месте груди; локоть левой лежит на месте левого плеча, при этом рука согнута в локте. Часть правой лучевой кости лежит на правом плече; ключичные кости — приблизительно на месте. Ноги на месте, вытянуты. Данное погребение является вторичным. Вещи при погребении: кольцо литое бронзовое, обложенное лубом — в восточном конце могилы; части шейной гривны с нанизанными бусами — на месте шеи и в стороне; пряжка бронзовая широкая с фигурным приемником и фигурными прорезами на прямоугольной обойме — на месте шеи; браслет тонкий круглопроволочный с завязанными концами — на правом предплечии; пластинка железная — выше шеи. Погребение женское.

Погребение № 44. Глубина 1 м. Могильное пятно имеет четкий контур. Размеры ямы 1,2×0,7 м, направление восток-запад. Края ямы прямые, неровные, восточный конец шире западного; дно прямое бугристое. В северо-восточном углу ямы, точнее за углом,— зольное пятно. Костяк не сохранился. Осталась только аморфная косточка от черепа. Умерший был положен вытянуто, головой на восток. Вещи при погребении: височная подвеска армиевского типа; звено золоченого четковидного бисера — на месте головы; черепок глиняного сосуда — в ногах. Погребение женское.

Погребение № 45. Глубина 1 м. Могильное пятно имело четкие очертания, направление В-З. Размеры могильной ямы 2,2×0,8 м. Стенки ямы прямые, неровные, такое же дно. Костяк не сохранился. Есть фрагмент черепной кости (?) и коренной зуб, лежащий в западном конце могилы. Возможно, этот зуб находился в засыпке и к погребению не относился. Умерший лежал, по-видимому, головой на восток. Вещи при погребении: пластиночка железная — возможно, часть пряжки; бусы — россыпь зеленых стеклянных округлой формы, бусы инкрустированные белой и желтой полосками, буса голубоватая четырехгранная со скошенными углами, буса цилиндрическая с перистым орнаментом; бусы крупные черного стекла — три штуки слитые в звено; бляха бронзовая ажурная окского типа. Погребение женское.

Погребение № 46. Глубина 90 см. Могильное пятно имеет нечеткие расплывчатые очертания. Условные размеры могильной ямы 1,80×1 м. Дно прямое, неровное. Умерший лежал вытянуто головой на восток. От скелета сохранились в рыхлом виде череп, обращенный лицевой частью к северной стороне ямы, фрагменты трубчатых костей. Вещи при погребении: наконечник дротика вильчатый; глиняный сосуд-горшок; залощеная косточка неопределенного назначения — все повыше черепа. Погребение мужское.

Погребение № 47. Глубина 1 м. Могильная яма имеет четкие очертания, направление — по линии В-З. Западная половина ямы утрачена обрезом силосной ямы. Размер оставшейся части — 1×0,7 м. Костяк не сохранился, есть лишь один зуб. Умерший как будто лежал головой на восток. Вещи при погребении: глиняный широкогорлый сосуд; бусы, в т. ч. одна из светлого стекла, шаровидная, другая — темная стеклянная с инкрустацией перекрещивающимися полосками; спиралька. Все вещи, а также зуб находятся в головах. Погребение женское.

Погребение № 48. Глубина 1,5 м. Могильное пятно имеет четкий контур, яма очень правильной овально-вытянутой формы с небольшим сужением с восточного конца. Стенки ямы ровные, слегка наклонные. Дно желобчатое (слегка), особенно на северо-восточном конце. Размеры ямы 2,85×0,7 м. Костяк не сохранился. В могиле лежала лишь одна как будто бедренная кость. Умерший лежал вытянуто, ориентировка не выяснена. Вещи при погребении: часть глиняной миски; кольцевая плоская застежка — в центре ямы; венчик сосуда со штампованным орнаментом по закрайке; горшок имеет такой же орнамент. Пол погребенного не установлен.

Погребение № 49. Глубина 1,15 м. Могильное пятно имеет четкие очертания, направление В-З с уклоном к северу. Края ямы сужаются ко дну, стенки неровные, дно желобчатое, особенно в восточном конце. Размеры ямы 2,1×0,55 м. Костяк не сохранился. Встречены лишь фрагменты нижней челюсти и зубы пожилого человека. Умерший лежал головой на северо-восток. Вещи при погребении: звездчатая подвеска со спиралькой; височная подвеска с грузиком армиевского типа и напущенной на стерженек красной бусиной; бусы красные — отдельные и звеньевые разного калибра, золоченый четковидный бисер, буса круглая из голубоватого стекла; черепок глиняного сосуда. Все эти вещи — на месте головы и шеи; пятна какого-то железного предмета — на месте пояса. Погребение женское.

Погребение № 50. Глубина 1,2 м. Могильная яма имеет слабо различимый контур и как будто овально-вытянутую форму. Её условный размер 2,2×0,7 м. Дно ямы прямое, неровное. От костяка сохранились фрагменты трубчатых костей ног, несколько зубов и части эпифизов. Умерший, по-видимому, лежал головой на восток. Вещи при погребении: груда сломанных одного или двух сосудов — в ногах. Погребение, возможно, мужское.

Погребение № 51. Глубина 1,1 м. Могильное пятно имело четкий контур. Яма овально-вытянутой формы — узкая и длинная, ее размеры 2,7×0,65 м. Стенки относительно ровные, сужающиеся ко дну до 40 см, при этом дно неровное, сильно желобчатое. Умерший был положен головой на восток (судя по расположению вещей). От костяка остались лишь рыхлые косточки пальцев рук — в середине могилы.

Вещи при погребении: два глиняных сосуда — горшок и миска — в головах; бусы — отдельные красные и звеньевые, золоченый и голубой бисер; фрагменты железной обвитой медной проволокой гривны — выше остальных вещей на 7—8 см — у левого бока; железный перстень; бронзовый перстень; кольцевая полуовальная в сечении покрытая рубчиками застежка — все эти вещи в центральной части могилы, три железные пластинки, в т. ч. дужка — неясного назначения — в ногах. Погребение женское.

Погребение № 52. Глубина 1,1 м. Могильное пятно, вытянутое по линии СВ-ЮЗ, имеет отчетливый изогнутый контур, напоминающий подметку. Стенки ямы наклонные, концы округлы, дно слегка желобчатое. Размеры ее 2,2×40—40 см. Костяк полностью исчез, положение в яме умершего не выяснено. Вещи при погребении: глиняный сосуд-горшок — в северо-восточной части ямы; две бронзовые пряжечки с обоймицами — в разных местах ямы. Пол погребенного не установлен.

Погребение № 53. Глубина 1,1 м. Могильная яма имеет четкие очертания, овально-вытянутую по линии В-З форму. Стенки ямы наклонные, довольно ровные. Размеры 1,9×0,55. Ко дну яма сузилась в длину до 0,35 м, таким образом, в поперечном разрезе яма имеет форму полуовала. Костяк не сохранился, остались лишь рыхлые коричневые косточки на месте черепа. Умерший лежал головой на восток с уклоном к северу. Около головы слева заметна округлая ямка глубиной около 10 см, возможно, след намогильного столбика. Вещи при погребении: бусы красные, отдельные и звеньевые, четковидный золоченый бисер; кольцевая круглопроволочная застежка малого размера — на месте головы или шеи. Погребение детское, возможно, девочки-подростка.

Погребение № 54. Находится на краю раскопа, с севера. Глубина 1,4 м. Могильная яма размером 2,4×0,6 м имеет нечеткий контур, овально-вытянутую по линии В-З форму. Стенки ямы не просматриваются, дно прямое, бугристое. Костяк полностью исчез. Предположительно умерший лежал головой на восток. Из вещей встречены: бусы красные — отдельные и звеньевые, бисер золоченый и голубой — четковидный; бляшка бронзовая полусферная, плохой сохранности. Погребение, по-видимому, женское.

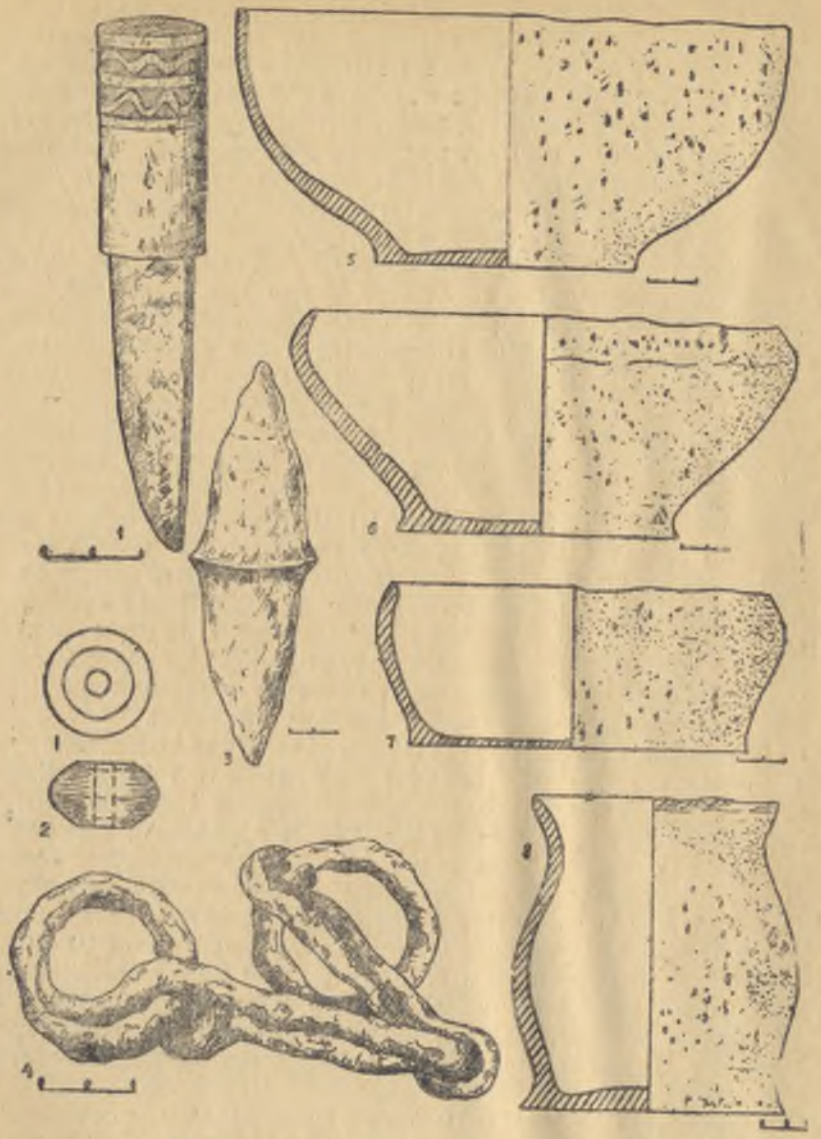


Рис. 2. 1—нож с накладкой на черенке, погр. 1—2—пряслице, погр. 20; 3 — погремушка, погр. 26; удила, погр. 32; 5—8 — глиняные сосуды из погребений 18, 48, 36, 24.

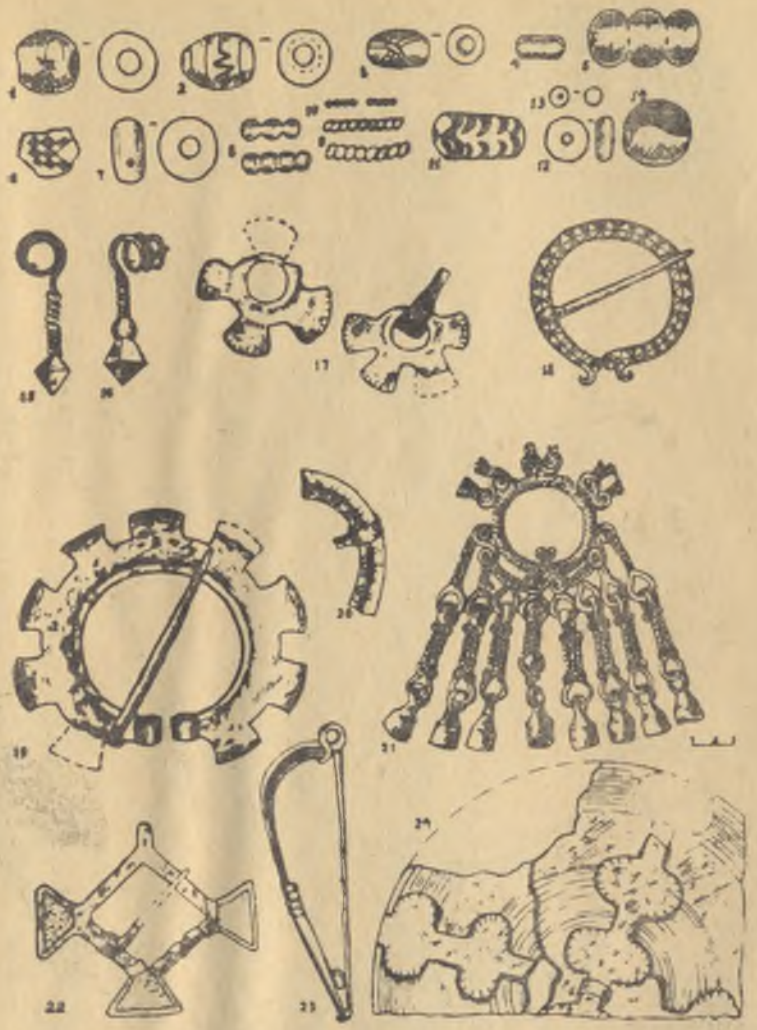


Рис. 3. Бусы из стекловидной массы, инкрустированные:
1 — погр. 41, 2 — погр. 22, 3 — погр. 45, 6 — погр. 41, 11 — погр. 45; бусы стеклянные цветные: 4, 5, 13 — погр. 45; бусы стеклянные золоченые — 9 — погр. 22, 41; 10 — голубой бисер, погр. 22; 12 — буса янтарная, погр. 45; бусы красные из стекловидной массы: 8 — погр. 22, 41; 14 — погр. 41. Височные подвески с грузиком: 15 — погр. 41, 16 — погр. 49. 17 — лопастные височные подвески, погр. 22. Кольцевые застежки: 18 — погр. 21, 19 — погр. 20, 20 — погр. 22. 21 — ажурная брошь из разрушенного погребения. 22 — застежка с красной эмалью, погр. 41. 23 — фибула, погр. 41. 24 — фрагмент пластинчатой бляхи с фигурной крестовидной накладкой, погр. 22.

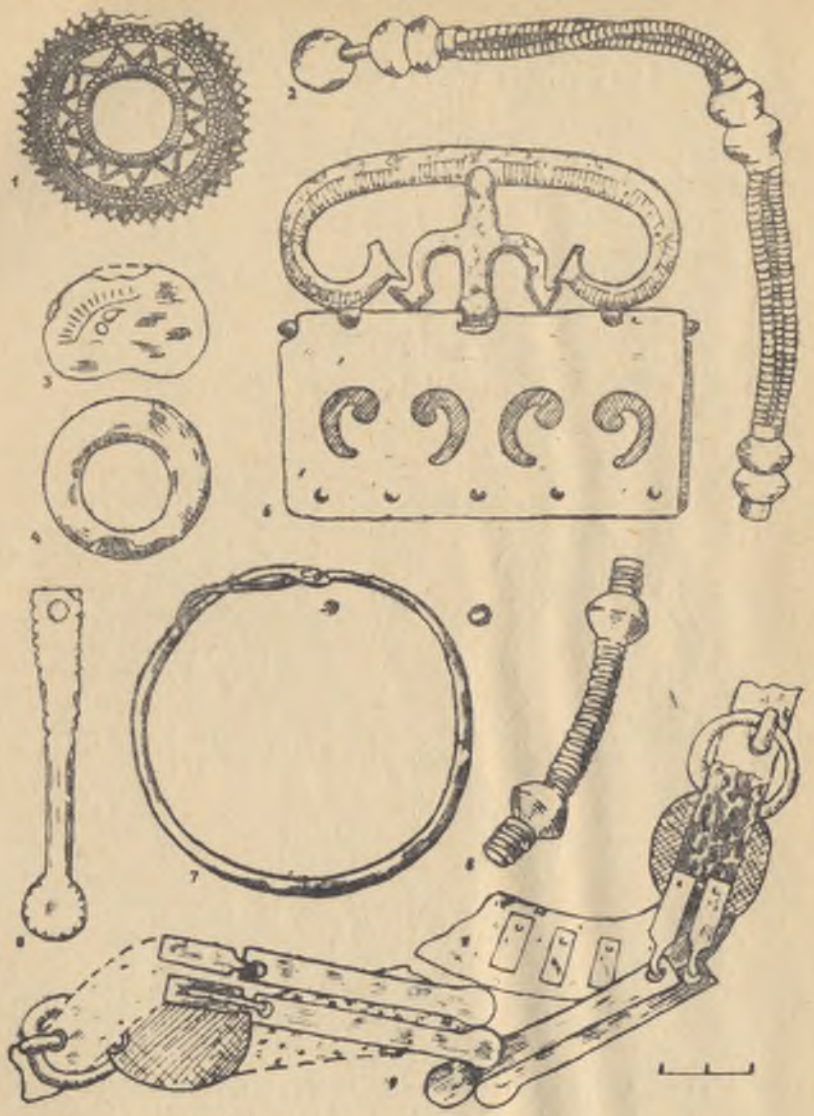


Рис. 4. 1 — ажурная брошь, погр. 45; 2 — наконечник пояса с бусой, погр. 41; 3 — бляшка, погр. 41; 4 — кольцо бронзовое, 5 — пряжка, 7 — браслет — погр. 43; 6 — подвеска поясная или наконечник, погр. 26; 8 — фрагмент шейной гривны, погр. 22; 9 — обувной набор, погр. 21.

ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ

8—10 декабря 1964 года в г. Саранске состоялась научная сессия по этногенезу мордовского народа. Она была проведена Мордовским научно-исследовательским институтом совместно с Институтами археологии, этнографии и языкознания АН СССР. Сессия явилась важным и крупным событием в культурной и общественно-политической жизни трудящихся Мордовии. В работе сессии приняли участие все научные работники НИИ языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР, большинство профессорско-преподавательских работников по гуманитарным наукам Мордовского государственного университета и пединститута, большая группа преподавателей истории средних школ и творческой интеллигенции республики.

С докладами и сообщениями перед участниками сессии выступили такие видные ученые, как члены-корреспонденты Академии наук СССР П. Н. Третьяков, Б. А. Серебренников, доктора наук А. П. Смирнов, В. Н. Белицер, В. Я. Евсеев, В. И. Лыткин, М. Н. Коляденков, М. Г. Сафаргалиев, кандидаты наук П. Д. Степанов, К. Ю. Марк, А. Е. Алихова, А. Х. Халиков и другие.

Сессия подвела некоторые итоги проделанной работы по истории мордовского народа и наметила основные направления научных исследований на ближайший отрезок времени. Участники сессии приняли рекомендации по дальнейшему развитию научно-исследовательской работы в области истории, археологии, этнографии и мордовского языкознания.

Материалы сессии обобщены и изданы отдельной книгой. Этот ценный научный труд сопровождается предисловием действительного члена Академии наук СССР академика Б. А. Рыбакова.

Ниже приводится программа научной сессии по этногенезу мордовского народа.

ПРОГРАММА

НАУЧНОЙ СЕССИИ ПО ЭТНОГЕНЕЗУ МОРДОВСКОГО НАРОДА

8 декабря

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

(нач. 12 час. Зал заседаний Верховного Совета МАССР)

Открытие сессии — директор Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР **С. О. Циркин.**

ДОКЛАДЫ

1. Некоторые вопросы этногенеза финно-угорских народов Поволжья по данным археологии (до первого тысячелетия н. э.).
Член-корреспондент АН СССР **П. Н. Третьяков.**
2. Этногенез мордовского народа по данным археологии (первое тысячелетие н. э. до XV в.).
Доктор исторических наук **А. П. Смирнов.**
3. История мордовского народа по данным языка.
Член-корреспондент АН СССР **Б. А. Серебренников.**
4. Историческая общность мокша и эрзя по данным языка.
Доктор филологических наук **М. Н. Коляденков.**
5. Связи фольклора мордвы и других финно-угорских народов в свете их истории.
Доктор филологических наук **В. Я. Евсеев.**
6. Этногенез мордовского народа по данным антропологии.
Кандидат биологических наук **К. Ю. Марк.**
7. Андреевский курган — памятник начала первого тысячелетия н. э. на территории Мордовии.
Кандидат исторических наук **П. Д. Степанов.**

9 декабря

УТРЕННЕЕ ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

(нач. 9 час. Зал заседаний Верховного Совета МАССР)

1. Этногенез мордовского народа по данным этнографии.
Доктор исторических наук **В. Н. Белицер.**
2. Этногенез мордовского народа и топонимика.
Председатель Всероссийского общества топонимистов **В. Н. Никонов.**

3. К вопросу об этнической принадлежности археологических памятников первого тысячелетия до н. э. в районе Среднего Дона.
Кандидат исторических наук **П. Д. Либеров.**
4. Распад первобытно-общинных и становление феодальных отношений у мордвы.
Кандидат исторических наук **А. Е. Алихова.**
5. Вхождение мордовского народа в состав централизованного русского государства.
Кандидат исторических наук **Г. Я. Меркушкин.**
6. Формирование мордовской народности.
Кандидат исторических наук **Л. Г. Филатов.**
7. Великая Октябрьская социалистическая революция и начало формирования мордовской социалистической нации.
Кандидат исторических наук **М. В. Дорожкин.**
8. Мордовская социалистическая нация на новом этапе.
Кандидат исторических наук **И. А. Яшкин.**
9. О некоторых задачах дальнейшего изучения этногенеза мордовского народа.
Кандидат исторических наук **К. А. Котков.**

ВЕЧЕРНИЕ СЕКЦИОННЫЕ ЗАСЕДАНИЯ

(нач. 16 час.)

Секция историческая

Руководитель секции доктор исторических наук **А. П. Смирнов,** заместители руководителя доктор исторических наук **М. Г. Сафаргалиев,** кандидаты исторических наук **Н. Н. Молин** и **К. А. Котков.**

1. Расселение мордовского народа по данным археологии.
Кандидат исторических наук **А. Е. Алихова.**
2. Мордовско-татарские отношения по данным материальной и духовной культуры.
Доктор исторических наук **М. Г. Сафаргалиев.**
3. К вопросу о мордовско-марийских этнических связях (по материалам религиозных верований).
Кандидат исторических наук **Н. Ф. Мокшин.**
4. Мордовско-марийские отношения по данным материальной и духовной культуры.
Старший научный сотрудник этнографического музея СССР **Т. А. Крюкова.**
5. Мордовско-чувашские отношения по данным материальной и духовной культуры.
Кандидат исторических наук **В. Ф. Каховский.**
6. Буртасы и мордва.
Кандидат исторических наук **П. Д. Степанов.**
7. К вопросу об этническом развитии бесермян.

Старший научный сотрудник Удмуртского НИИ **Г. Н. Трефилов.**

8. Культурные взаимосвязи мордовского и татарского народов по данным этнографии.

Научный сотрудник Казанского института языка, литературы и истории АН СССР **Р. Г. Мухамедова.**

9. Мордовско-булгарские отношения по данным материальной и духовной культуры.

Кандидат исторических наук **А. Х. Халиков.**

10. Ранние памятники материальной культуры мордвы-мокши.

Научный сотрудник Пензенского музея **Р. М. Полесских.**

11. Древние памятники материальной культуры на территории Коми ССР.

Научный сотрудник Коми института Академии наук СССР **З. А. Соловьева.**

Обсуждение сообщений.

Секция филологическая

Руководитель секции член-корреспондент Академии наук СССР **Б. А. Серебренников,** заместители руководителя доктор филологических наук **М. Н. Коляденков,** кандидаты филологических наук **Д. В. Цыганкин** и **А. И. Маскаев.**

1. Славяно-мордовские связи по материалам эпической песни.

Кандидат филологических наук **А. И. Маскаев.**

2. К вопросу об общности песенного фольклора мордвы, карелов и финнов.

Кандидат филологических наук **Л. С. Кавтаськин.**

3. О связях мордвы с другими народами по материалам обрядного фольклора.

Кандидат филологических наук **К. Т. Самородов.**

4. Об этнониме «мордва».

Кандидат филологических наук **Н. Ф. Цыганов.**

5. К вопросу о происхождении «аканья» в русском языке.

Доктор филологических наук **В. И. Лыткин.**

6. Мордовско-татарские отношения по данным языка.

Кандидат филологических наук **А. П. Феоктистов.**

7. Термины родства как явление генетической связи мордвы с другими финно-угорскими народами.

Научный сотрудник НИИ **Р. В. Бабушкина.**

8. Способы связи слов как показатели отношений мордовских языков к другим финно-угорским.

Научный сотрудник НИИ **Р. С. Ширманкина.**

Обсуждение сообщений.

10 декабря

УТРЕННИЕ СЕКЦИОННЫЕ ЗАСЕДАНИЯ

(нач. 9 час.)

Секция историческая

1. Этнографические особенности коми народа.

Научный сотрудник Коми Института Академии наук СССР **Л. Н. Жеребцов.**

2. Об этногенезе древнеудмуртских племен по археологическим данным.

Преподаватель Удмуртского пединститута **Г. Т. Кондратьева.**

3. Материалы к археологической карте южных районов Горьковской области.

Научный сотрудник Горьковского музея **В. Ф. Черников.**

4. Экономические и культурные связи мордвы с русским народом.

Кандидат исторических наук **А. В. Циркин.**

5. К вопросу о формировании социалистических наций Поволжья и Приуралья.

Кандидат исторических наук **А. А. Тронин.**

Обсуждение сообщений.

Секция филологическая

1. К вопросу о хозяйственной топонимике мордвы и других народов Поволжья.

Кандидат филологических наук **И. Д. Воронин.**

2. Диалектология как источник познания истории мордовского народа.

Кандидат филологических наук **Д. В. Цыганкин.**

3. Мордовско-удмуртские лексические отношения.

Кандидат филологических наук **В. И. Алатырев.**

4. Мордовская свадьба как историко-этнографический источник.

Преподаватель Мордовского пединститута **А. Г. Борисов.**

5. Мордовские и татарские названия населенных пунктов Тамбовской области.

Преподаватель Тамбовского пединститута **Т. И. Зимин.**

6. Некоторые данные о легенде об Абрамовом городке и Нижнем Новгороде.

Научный сотрудник Горьковского музея **И. А. Кирьянов.**

Обсуждение сообщений.

ВЕЧЕРНЕЕ ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

(нач. 16 час. Зал заседаний Верховного Совета МАССР).

Обсуждение докладов и сообщений.
Сообщения руководителей секций.
Ответы на вопросы. Справки.
Закрытие сессии (директор НИИЯЛИЭ при Совмине МАССР **С. О. Циркин).**

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

АМОК КПСС — архив Мордовского областного комитета КПСС.
Архив ЛОИА — архив Ленинградского отделения института археологии.
ГАИЗМ — Горьковский архитектурно-исторический музей-заповедник.
ГАКО — Государственный архив Куйбышевской области.
ГАПО — Государственный архив Пензенской области.
ГАТО — Государственный архив Тамбовской области.
ГАУО — Государственный архив Ульяновской области.
ГИМ — Государственный исторический музей.
ЧОИДР — чтения в обществе истории и древностей Российских.
ДРК — древнейшая разрядная книга.
ИА АН СССР — Институт археологии Академии наук СССР.
ИАК — известия археологической комиссии.
КСИИМК — краткие сообщения института истории материальной культуры.
КФАН — Казанский филиал Академии наук СССР.
МАР — материалы по археологии России.
МНИИЯЛИЭ — Мордовский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики.
ОК КПСС — областного комитета КПСС.
ПОКМ — Пензенский областной краеведческий музей.
ПСРЛ — полное собрание Русских Летописей.
СА — советская археология.
СГУ — Саратовский государственный университет им. Чернышевского.
СЗ — собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР.
СУ РСФСР — сборник узаконений РСФСР.
УК. СОЧ.— указанное сочинение.
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов.
ЦГА МАССР — Центральный государственный архив Мордовской АССР.
ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской революции.
ЦГАСА — Центральный государственный архив Советской Армии.

46216
БИБЛИОТЕ...

ОГЛАВЛЕНИЕ

История

И. Е. Автайкин. Печать Мордовии в период борьбы за завершение социалистической реконструкции народного хозяйства и победу социализма в СССР (1933—1937 гг.) 3
В. С. Ивашкин. Подготовка кадров интеллигенции Мордовии в годы реконструкции народного хозяйства и победы социализма в СССР 27
В. С. Тягушев. Борьба за укрепление местных Советов Мордовии в период подготовки массовой коллективизации 65
С. К. Котков. Трудящиеся Мордовии в борьбе за восстановление сельского хозяйства в 1923 г. 91
И. А. Ефимов. К вопросу возникновения и деятельности уездных военных комиссариатов Мордовии в годы гражданской войны (1918—1920) 125
А. Б. Кузнецов. Борьба Русского государства за Смоленск и его освобождение в 1514 г. 148

Этнография

В. А. Балашов. Современный культурный облик села Новые Выселки 160
В. Н. Куклин. К вопросу о ткачестве у мордвы (подготовка пряжи к тканью) 176
П. Д. Степанов. Некоторые вопросы этнографии мордвы (к вопросу о мордовских „знаменах“) 189
Т. А. Крюкова. Коллекционные собрания по мордве в государственном музее этнографии народов СССР 211

Археология

А. В. Циркин. Проникновение славянской культуры в быт и погребальный обряд мордвы (VII—XIII вв.) 217
Г. А. Федоров-Давыдов и А. В. Циркин. Новые данные об Итяковском городище в Темниковском районе МАССР 235
П. П. Голышенков, А. П. Мачинский, Г. М. Шеянова, Н. И. Сарычев. Фауна Итяковского городища 250
М. Р. Полесских. Тезиковский могильник IV—V вв. 268
Информационное сообщение 297

Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Морд. АССР

(„Труды“, выпуск XXX)

Мордовское книжное издательство. 1966. 304 стр.

Редактор изд. **П. Коровин.** Художественный редактор **К. Марыжихина.** Технический редактор **В. Чижикова.** Корректоры: **В. Видманова, В. Ионова, Н. Николаева.**

Сдано в набор 21/III 1966 г. Подписано к печати 23/VII 1966 г. Ю01345. Бумага 60X90¹/₁₆. № 2. Сорт 1. Печ. листов 19. Уч.-изд. листов 18,7. Тираж 600 экз. Заказ № 1160. Цена с переплетом 1 руб. 22 коп.

Книжное отделение типографии „Красный Октябрь“ Управления по печати при Совете Министров Мордовской АССР, г. Саранск, Московская, 115.